ISSN 0131-5706

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научно-публицистический журнал

4/2007

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-публицистический журнал

Учредители:

Министерство образования и науки Российской Федерации

Правительство Республики Мордовия

НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»

Журнал издается с октября 1992 г.

Выходит 1 раз в квартал

4/2007
(№ 61)

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические проблемы регионологии

5 **Г. Дэвис, С. А. Ерофеев.** Региональное и глобальное в контексте меняющегося культурного производства

15 **Р. В. Тихонов.** Философско-антропологическое измерение социокультурных моделей человека в контексте региональности и периферийности

24 **А. Ю. Завалишин.** Территориальный интерес как фактор территориального поведения

Политическое пространство региона и территориальное управление

31 **С. В. Елизаров.** Исторический компонент механизма формирования имиджа региона

37 **Л. В. Гуляева.** Роль политической рекламы в избирательном процессе региона

43 **М. И. Загидуллин.** Управление избирательным процессом в ФРГ

52 **А. В. Бликанов.** Проблемы правового регулирования бюджетного контроля в регионе

60 **В. М. Пашин.** Некоторые особенности управления региональными правоохранительными органами в условиях воздействия внерегиональных и внутрирегиональных факторов

65 **Л. Ф. Петрожицкая.** Межрегиональные связи субъектов Российской Федерации со странами СНГ

Экономика региона

71 **Е. В. Сибирская, О. А. Старцева, Н. В. Пьянова.** Системное управление региональной экономикой

78 **С. Б. Бадмаев, В. М. Эрднеева.** Приоритеты формирования региональной промышленной политики

84 **С. А. Гаврюшин.** Маркетинговые стратегии региональных коммерческих банков

91 **О. А. Семенова.** Управление обновлением активной части основных производственных фондов машиностроительных производств

98 **М. М. Гераськин.** Организация территории экспериментальных сельскохозяйственных предприятий в регионе на основе агроландшафтного микрозонирования

105 **Н. Н. Мелькина, И. Н. Журавлев.** Состояние и перспективы развития сельхозмашиностроения региона

113 **Е. А. Ечмаев.** Состояние рынка молочной продукции региона

120 **Ю. А. Шукшина.** Структура потребления алкогольной продукции в регионе

125 **Г. И. Гумерова, Э. Ш. Шаймиева.** Технологическая конкурентоспособность химического и нефтехимического комплекса России на пороге вступления в ВТО

Региональные проблемы науки и образования

129 **С. Ф. Остапюк.** Особенности и механизм разработки программ развития в научно-технической и инновационной сфере

140 **В. Т. Волов.** Управление развитием высшего профессионального образования и информационно-коммуникационные технологии обучения в регионе

148 **Л. З. Байгузина.** Инновационно-инвестиционная привлекательность вузов региона в рыночных условиях

157 **А. Л. Кузеванова.** Региональный аспект современного бизнес-образования

163 **Т. В. Кириллова.** Социально-психологический климат вуза как фактор формирования корпоративной культуры

169 **О. И. Ключко.** Гендерная интеграция в систему высшего педагогического образования региона

177 **М. С. Гришина.** Проблема кадрового обеспечения системы дополнительного образования детей

182 **Е. В. Секотова.** Становление музыкального образования в Мордовии

Социология региона

190 **Д. Ю. Матвеев.** Социально-психологические ресурсы региона

197 **А. А. Сычев, Л. В. Стародубцева, К. В. Фофанова.** Коммуникационные практики репрезентации и конструирование статуса учителя в регионе

207 **Н. Х. Мутинова.** Быт как фактор качества трудовой деятельности городского учителя

211 **М. Н. Реут.** Социальные ориентации молодых людей с ограниченными возможностями

217 **Г. Б. Моисеева.** Социологический аспект развития туризма в регионе

222 **О. В. Ижбулатова.** Кадровый потенциал промышленного предприятия региона

229 **С. М. Кулешов.** Профессиональная карьера офицеров российских военно-воздушных сил

Социальное развитие региона

233 **А. П. Цыбусов, О. А. Зуева, Ю. А. Бородкина.** Проблема необходимости формирования у россиян здоровьесохраняющего поведения

238 **Е. Г. Кудаева.** Структура и динамика инвалидности в регионе

246 **В. К. Сусин, А. В. Сусина.** Правовые аспекты программ накопительного страхования жизни

254 **Н. Г. Бельтюкова.** Закрепляемость молодых специалистов на селе

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
Т. И. ГОЛУБЧИК
(ответственный секретарь)
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
М. Н. ПОНАМАРЕВ
В. А. ЮРЧЕНКОВ

© «Регионология», 2007

Информационное пространство региона

259 **Е. А. Петрова.** Комплексная методика мониторинга и оценки информационного пространства региона

Народы России: возрождение и развитие

269 **В. Н. Мотькин.** Социально-этническое партнерство как парадигма развития полиэтнических регионов России

277 **М. С. Уланов.** Социально-философские аспекты распространения и становления буддизма в Калмыкии

286 **Е. Н. Моисеева.** Социально-ориентированная деятельность Русской Православной Церкви в регионе

Региональная история и историография

295 **А. Б. Танасейчук.** Региональный фактор в становлении и развитии североамериканской цивилизации

Провинциальная культура

305 **В. П. Сальникова.** Психокультурологический ракурс исследования региональной ментальности

310 **Л. В. Калачина.** Феномен «женской маски» в региональной культуре

317 **А. В. Мартыненко.** Этнонациональная ориентация фэнтези-литературы

326 **Е. Б. Нешина.** Влияние провинциальной культуры и национального костюма на моду

331 **М. Г. Хрущева.** Эстетика природы в песенной поэзии удмуртов

340 **Конференции, встречи, дискуссии**

Г. ДЭВИС

С. А. ЕРОФЕЕВ

РЕГИОНАЛЬНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ В КОНТЕКСТЕ МЕНЯЮЩЕГОСЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Говоря о наиболее значимых аспектах глобальных изменений современного мира, ученые и политики, журналисты и представители творческих профессий отмечают особую роль «культуры», подразумевая под этим сферу чрезвычайно разнообразных социальных практик, направленных на создание идей и ценностей — всего того, что в традиции позднего советского исторического материализма связывалось с духовной жизнью общества. Хотя наличие морального прогресса в сегодняшнем постиндустриальном, высокотехнологичном мире часто ставится под вопрос, мало у кого вызывает сомнение то, что расширение возможностей культурного обмена, рост терпимости и культурного плюрализма имеют в целом прогрессивное значение. Общественная наука XX в. достигла новых высот как в теории культурных систем (будь то социология П. Сорокина или антропология Б. Малиновского), так и в концептуализации культуры как символической практики на основе качественного подхода к ее исследованию (ярким примером строящейся на таком

ДЭВИС Говард, профессор социальной теории и институтов Университета Уэльса (Бангор, Великобритания).

ЕРОФЕЕВ Сергей Арсеньевич, доцент кафедры социологии Казанского государственного университета, кандидат социологических наук.

подходе символической концепции культуры является концепция К. Гирца[1]). Вместе с тем не только отечественная, но и международная социальная наука испытывает некоторые трудности в осмыслении места и роли культурных процессов и институтов в рамках глобализации — в первую очередь в том, что касается конкретики взаимодействия глобализующих тенденций и стратегий культурных институтов на уровне регионов.

Собственно проблематика регионов и регионализации также является одной из характерных особенностей ра́звития повестки дня современных социальных и гуманитарных дисциплин. И это не случайно, потому что в условиях того, что Э. Гидденс называет поздней современностью[2], сложные социально-политические и социально-экономические связи более не укладываются в логику деятельности классических модерных национально-государственных делений и взаимодействий.

Говоря о диалектике основных тенденций в современном мировом развитии, разные ученые отмечают взаимодействие глобального и локального или процессов глобализации и индивидуализации. В связи с первым большую популярность в академической среде получила концепция *«глокализации»* Р Робертсона[3], который с помощью такого неологизма стремится подчеркнуть постоянное наличие и практическую активность локальных, в том числе региональных, стратегий ответа на вызовы глобализации. Не менее убедительной представляется концепция Н. Аберкромби, который стремится представить «индивидуализацию» в качестве парной категории по отношению к категории «глобализация», поскольку именно посредством индивидуализации решаются проблемы осуществимости социокультурного разнообразия и вариативности групповых и индивидуальных траекторий развития в противовес глобальной логике унификации[4]

Стремясь понять основные механизмы мировых социокультурных изменений применительно к продолжающемуся трансформироваться российскому обществу, в частности соотношение региональной традиции и инновации, мы отдаем себе отчет в особой значимости, во-первых, проблематики регионального по отношению к общенациональному и глобальному, во-вторых, проблематики культурного по отношению к политическому и экономическому. Чтобы достичь более

эффективной российской «контекстуализации» этой проблематики, попытаемся представить несколько принципиальных моментов в развитии анализа культурных систем, структур, институтов и процессов. Отметим, что данные категории в социологическом плане ассоциируются с производством идей и ценностей, или того, что в западной социологии последних десятилетий концептуализируется как анализ производства смыслов, иными словами, символических форм[5]

В качестве принципиального вводного замечания следует указать на наличие в рамках социологического дискурса трех различных значений понятия «культура», что впервые обозначено Р. Уильямсом[6]. Во-первых, культуру можно понимать как «высокую культуру», или некую нормативную шкалу совершенства, относительно которой общество или исследователь могли бы выстраивать иерархии культурных продуктов и явлений. Во-вторых, культура, благодаря стараниям социальных антропологов, все чаще воспринимается не только специалистами, но и широкими слоями общества как «образ жизни» определенной социальной группы в конкретной пространственно-временной среде. В-третьих, культуру, согласно Уильямсу, можно представить в качестве совокупности определенных социальных институтов, таких как наука, искусство, религия, образование и коммуникация, т. е. институтов, направленных на создание и распространение, говоря более социологическим языком, производство и распределение продуктов, связанных с идеями, знаниями и ценностями. В контексте глобальных изменений в рамках информационного постиндустриального общества, когда как никогда большую роль начинает играть производство и распределение нематериальных символических продуктов, социологов в первую очередь должна интересовать продуктивность анализа именно эмпирической институциональной составляющей культуры как абстрактного целого. Несмотря на ограниченность «старого институционального подхода» в социологии культуры, когда последняя представляется не как символический, смысловой аспект всей социальной жизни, включая политику и экономику, а как всего лишь отдельная «сфера культуры» с вытекающими из этого задачами социологического изучения отдельно СМИ, искусства и т. д., идея культуры как институциональной системы сохраняет первоочередное значение. Именно институциональные,

ролевые, организационные процессы занимают сегодня умы исследователей, пытающихся понять механизмы перехода от жестких взаимодействий и иерархий в экономике и политике к непрямым, гибким и вариативным. В этом смысле нам хотелось бы выступить в качестве защитников «неоинституционального подхода» в социологии культуры, когда при всем признании культурного как одного из принципиальных измерений социального во всей его полноте приоритет отдается изучению культуры как сферы производства смысла, причем подчас понимаемого в плоскости экономической социологии и социологии организаций.

Второй важной оговоркой является необходимость различения между двумя исторически сложившимися социологическими традициями теоретизации культуры: теорией воспроизводства культуры П. Бурдье и концепцией производства культуры, получившей распространение среди американских и в последнее время среди европейских социологов. Что касается теории культурного воспроизводства, то она в первую очередь связана с попыткой объяснить природу возобновления социального неравенства в развитых обществах, не сводящуюся к действию экономического капитала, а основанную во многом на роли капитала культурного, на различиях не в доходах, а в знании, вкусах и, соответственно, символических ресурсах, используемых для достижения успеха в жизни развитых обществ[7]

В отношении значимости второй социологической традиции следует отметить, что в исследовательской деятельности Центра социологии культуры Казанского государственного университета в последнее время обращалось внимание на особую роль, которую с середины 70-х гг. XX в. в американской, а позднее не только в американской социологии, играла «перспектива производства культуры», основоположником которой можно назвать Р. Питерсона. В одной из наших недавних публикаций эта концепция впервые представляется российскому читателю как результат и предпосылка изучения культуры современного общества в качестве комплексного социального процесса создания, распространения и потребления особых символических продуктов, которые должны восприниматься не как результаты «таинства творчества», а как элемент конкретного социального процесса[8] Мы полагаем, что при всей значимости теории Бурдье,

исследование взаимодействия глобальных и региональных тенденций и соответствующих стратегий политиков в области культуры, разнообразных социокультурных агентов и производителей символической продукции особенно нуждается в осмыслении современного международного опыта социологов с позиций концепции производства культуры.

Здесь мы подходим к важной предварительной характеристике того, что многие современные социологи ассоциируют с понятием «культурные индустрии». В первую очередь следует особо подчеркнуть, что негативный смысл, который был заложен в свое время Т. Адорно и М. Хоркхаймером в понятие «культурная индустрия», не находит в современной социологии операционального применения относительно анализа функционирования разнообразных институтов, связанных с производством и распределением ценностей или символических форм. Вместо обобщающих, абстрактных рассуждений о противоречиях капитализма середины XX в. в духе классической «критической теории» Франкфуртской школы, вместо сетований по поводу дегуманизирующей функции культурной индустрии как неотвратимого извращения сути европейского просвещения[9], современные авторы все чаще говорят о культурных индустриях в нейтральном ключе, имея в виду наличие определенного множества устоявшихся экономических институтов, различных отраслей производственной деятельности, связанной с созданием, распространением и потреблением символической продукции. В данном случае речь идет не о «системе духовной жизни», на изучение природы которой претендовал советский исторический материализм, а о практике отраслей, видов коммуникации, компаний и фирм различного рода, что говорит в первую очередь об экономическом характере культурного производства.

Д. Хесмондал отмечает единодушие ученых относительно того, что культурные индустрии с начала 80-х гг. XX в. подверглись поразительной трансформации[10]. В первую очередь обращает на себя внимание то, что культурные индустрии «переместились ближе к центру экономической жизни» развитых обществ. Социальные институты, малые и большие компании и фирмы, связанные с культурой, более не занимают столь очевидного вторичного положения по отношению к прочим, *не*-культурным индустриям. При

этом принципы организации и характер собственности в области культурного производства радикально изменились. Речь идет не столько о специализации крупных компаний на каком-либо одном типе производства информации и коммуникационных услуг; они скорее располагают набором ресурсов и обнаруживают способность оперировать в целом ряде направлений культурного производства. В то же время за последние два десятилетия значительно выросло количество малых фирм и компаний в области популярной культуры и искусства «не для всех».

Культурная продукция стала все чаще пересекать национально-государственные границы, становясь частью более общего процесса глобализации, что одновременно подразумевает также продвижение гибридных продуктов при отстаивании интересов регионального, локального, «аутентичного». Такая возможность становится вполне реальной благодаря небывалому развитию коммуникационных технологий. Очень важно то, что культурные индустрии в лице отдельных институтов и фирм все более заинтересованы в нахождении и использовании новых способов взаимодействия с аудиториями, в исследовании их настроений, вкусов потребителей символических форм, поиске особых рыночных ниш и в применении более эффективных маркетинговых стратегий.

Особо следует выделить изменения в характере регулирования деятельности культурных производителей. Государственное, общественное воздействие на них уже не имеет столь прямолинейного характера и не всегда оказывается столь авторитетным, как регулятивные механизмы международного порядка, связанные с глобализованным рынком. При этом невозможно переоценить роль рекламного сектора как отдельной культурной индустрии и катализатора многих процессов в трансформации культурного производства в целом. О важности рекламы говорит хотя бы то, насколько радикально возросли объемы финансирования этой сферы за последние годы.

Наконец, аудитории, культурные потребители сегодня проявляют как никогда широкое многообразие вкусов и интересов, становясь более сложносоставными, комплексными и в географическом, и в социально-статусном отношениях. Сами культурные продукты, многими современными социологами рассматриваемые в качестве «текстов», подвергаются

разнообразной трансформации. Традиционный культурный авторитет при этом все чаще подвергается сомнению, а циркуляция идей начинает напоминать циркуляцию товаров.

Нами уже было отмечено, что региональная проблематика сегодня по праву занимает одно из центральных мест в международном обществоведческом дискурсе. Также стоит отметить, что в рамках научного общения российских и зарубежных коллег уже давно признанным фактом стало то, что отечественные гуманитарные и социальные науки также уделяют значительное внимание региональной проблематике, причем зачастую здесь не прослеживается прямая связь с развитием этой проблематики на Западе, поскольку в новейшей российской истории, развитии российского федерализма региональные вопросы по-своему заявили о себе. Это касается большинства сфер жизни регионов, на которые направлен интерес экономистов, политологов, историков, культурологов, социологов, юристов и др.

Однако более активный диалог с мировой практикой региональных исследований возможен именно потому, что в их рамках настолько значимую роль играет именно «культурная составляющая». Постсоветская трансформация ставит перед отечественными учеными вопросы более детального изучения социально-экономических структур, институтов и процессов, а также коммуникативных, символических и текстовых систем с учетом усложняющегося взаимодействия между общенациональным, региональным и локальным. Требования рыночной экономики касательно пространственно-временной реорганизации производства и изменений в отношениях между контрагентами в условиях развивающегося общества потребления, усложнение политической культуры российского общества и многоаспектный характер федеративных связей внутри страны, плюрализация культурных ценностей и открытость миру — все это выдвигает требование комплексного подхода к пониманию региональных процессов и их связи с вызовами глобализации. В то же время нами пока уделяется мало внимания культурным особенностям глобализации именно с точки зрения социологии регионов. Несмотря на то, что в широком плане политическое измерение трансформации общества, вопросы социального и экономического порядка, этничности, национализма или регионализма иногда являются предметом определенных

«культурологических» параллелей и умозаключений, общий подход к культурному измерению российской социальной трансформации часто проявляется в довольно спекулятивных рассуждениях о природе российской цивилизации, культурном кризисе или соотношении духовных ценностей и экономики. Регионально направленная конкретизация усилий по исследованию динамики культурных институтов, культурных индустрий должна принести осязаемые результаты в плане понимания механизмов творческих процессов, организации культурного производства, экономической и политико-культурной регуляции.

Следует также отметить два факта, постоянно сопровождающих социокультурную трансформацию постсоветской России, вне зависимости от стратегий отхода от господствующей идеологии или ее поиска и утверждения. Речь идет о том, что отражает мировые тенденции развития культурных систем — о либерализации и диверсификации, т. е. о продолжающемся открытии новых возможностей культурного обмена, терпимости и плюрализма, росте многообразия культурных форм и стилей. Именно в силу непреложности этого факта проблематика культуры в рамках дискурса отечественной социологии становится все более актуальной. В России постепенно складывается ряд успешных культурно-ориентированных направлений в исследованиях молодежи, потребления, гендерных или этнических отношений. Это связано с тем, что изучение постсоветского общества представляется более эффективным с позиций социального реализма, должного внимания материальной стороне создания и циркуляции идей и ценностей, типичным современным институциональным основаниям этих процессов с точки зрения отношений производства и функционирования объектов и субъектов потребления. Не последнюю роль при этом играет все более активное применение качественных методов исследования как наиболее адекватных применительно к изучению смысловых систем и процессов.

Тематическим мостом, объединяющим локальные достижения отечественной социологии за последние 10—15 лет с потенциально весьма продуктивной междисциплинарной деятельностью обществоведов, исследующих проблемы российских регионов, может стать изучение вопроса о культуре как инструменте экономического развития региона. Если в

связи с этим сослаться на новейшую практику европейских, в частности британских ученых, то следует особо отметить их интерес к такому феномену последних лет, как стремление региональных властей к созданию и поддержанию так называемых региональных «творческих кластеров»[11] Еще один круг вопросов, объединяющих проблематику регионального и культурного в российском контексте — это все, что связано с анализом деятельности агентов поля культурного производства в его институциональном измерении (речь при этом должна идти об организациях культуры, органах управления культурной политикой, некоммерческих организациях, культурных индустриях). Каковы функции таких агентов, объединяет ли их что-либо в рамках глобальных, национальных и региональных императивов культурного развития или они разрознены? Какова роль государства в трансформации (в том числе в «капитализации») современной российской культурной сферы, осуществляется ли при этом модернизация старых культурных институтов «сверху»? Как взаимодействуют в таких условиях государство и гражданское общество? Как развивается сфера собственно коммерциализированной культуры в региональном контексте? Наконец, насколько региональный политический дискурс культуры инертен или динамичен в отношении культуры, и имеет ли место, и если да, то насколько, дискуссия о культуре (культурных индустриях), имеющих принципиальную инструментальную функцию относительно сохранения наследия или внедрения инноваций? На уровне политико-культурном или медийном многие из этих вопросов постепенно обретают более практическое звучание. Так, факт коммерциализации «традиционного», представленного, например, предприятиями народных промыслов, и протекающей при активном участии государства, выступающим их постоянным заказчиком, становится частью общественного дискурса. Однако с точки зрения социологии эта область еще ждет своего освоения, хотя основы такой региональной исследовательской деятельности уже имеются, если обратить внимание на работу некоторых аналитических групп, интересующихся символическим производством[12]

Хочется надеяться, что региональные вопросы, поднимаемые в некоторых публикациях последнего времени[13], все чаще будут находить социологическое отражение, причем в

актуальном ключе соотнесения культурного и регионального с точки зрения удивительной динамики развития культурных индустрий сегодня.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Geertz C.* The Interpretation of Cultures: Selected Essays. London, Fontana, 1993.

[2] См.: *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Cambridge Polity Press, 1991.

[3] См.: *Robertson R.* Glocalization: Time-space and Homogeneity-heterogeneity, in M. Featherstone et al. (eds.) Global Modernities, London Sage, (1995). P. 25—44.

[4] *Аберкромби Н.* Предисловие ко 2-му российскому изданию социологического словаря / Пер. с англ.; под ред. С. А. Ерофеева. М., 2004. С. 4.

[5] *Thompson J. B.* Ideology and Modern Culture. Cambridge Polity Press, 1990.

[6] *Williams R.* Keywords: a Vocabulary of Culture and Society, London Fontana Press, 1988. P. 87, 89—91.

[7] См.: *Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London Routledge, 1994.

[8] См.: *Ерофеев С. А., Тихонова А. В.* «Производственная перспектива» в социологии культуры и трансформация современных культурных институтов // Вестн. КГТУ им. А. Н. Туполева. 2007. № 2. С. 105—108.

[9] Надо помнить, что, в отличие от современного социологического словоупотребления, в данном случае термин употребляется с метафизическим посылом (в единственном числе) наподобие терминов «буржуазная идеология» или «одинокая толпа».

[10] *Hesmondhalgh D.* The Cultural Industries. SAGE Publications: London, Thousand Oaks, Delhi, 2002.

[11] В связи с этим интересна дискуссия в рамках «Симпозиума по креативности», проведенная в октябре 2007 г. Университетом Лидса. См.: Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.creativeclusters.com/modules/eventsystem/?fct=eventmenus&action=displaypage&id=36].

[12] См.: Электрон. ресурсы [режимы доступа: http://www.creative.leontief.net/about.html; http://artpragmatica.ru].

[13] См.: Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы, Изд-во Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2007.

Поступила 19.10.07.

Р. В. ТИХОНОВ

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОСТИ И ПЕРИФЕРИЙНОСТИ

Регионализация жизни, динамика периферий — несомненный факт современности. В связи с этим закономерно возрастает исследовательский интерес к истории периферий и становлению региональности, что позволяет глубже рассмотреть взаимоотношения социокультурных центров и регионов с учетом их синхронических и диахронических аспектов и тенденций[1]

Контекст использования понятий «регион» и «региональность» в социально-философских, сравнительно-философских (компаративистских) и социокультурно-антропологических исследованиях достаточно широк. Например, В. В. Ильин в структуре социального бытия выделяет региональность как тип общества на уровне макроареала и определяет регионы как полиэтнические, полидержавные ареалы, жизненные пространства консолидированных в национальные государства народов, обладающие пространственной и культурной характеристиками[2]

В методологии социальной (культурной) антропологии Э. А. Орлова определяет культурно-исторический регион как социокультурную единицу макродинамики культуры, для которой характерны общность черт, паттернов, удерживающихся в историческом масштабе времени на значительной территории проживания нескольких соответствующих этносов. Интегративность региональной общности рассматривается как состояние, вариативно достигаемое в процессе межкультурного обмена[3]

В философской компаративистике наиболее глобальной является метакультурная дихотомия «Восток-Запад», которая носит в большей мере характер критерия социокуль-

ТИХОНОВ Роман Валерьевич, ассистент кафедры гуманитарных дисциплин Рузаевского института машиностроения Мордовского государственного университета.

турной соотнесенности и дифференциации, в том числе по отношению к понятиям «регион» и «периферия»[4] В общем смысле речь идет о причастности к данному делению того или иного мирового региона и разнообразных геосоциокультурных периферий, тяготеющих к определенному структурирующему центру.

Проблема связана с тем, что в социокультурной среде современного мира, который по сути уже мультикультурен, человек находится в сложной ситуации поиска сфер и уровней идентичности. Самоопределение и самосознание как отдельного человека, так и этноса всегда имеют своей основой диалог и сравнение культур, т. е. по выражению К. Д. Кавелина — «сравнение себя с другими»[5]

Идентичность можно определить как «онтологическое убеждение (личности, группы, социосистемы), проявленное в процессе взаимодействия с некоторой инаковостью»[6] Именно идентичность социокультурного субъекта на разных уровнях и процессы, связанные с ее динамикой, представляют основу большинства общественных движений современности.

В сравнительно-цивилизационной парадигме С. Хантингтона проводится тезис о том, что никакие социальные идентичности никогда не смешиваются, хотя, по мнению С. Переслегина, Хантингтон не приводит достаточных доказательств, что может быть, например, связано с тем, что в психологическом плане «цивилизационную идентичность люди рефлектируют и, тем более, проявляют крайне редко»[7]

Социокультурные общности формируют динамическую ситуацию «вызова» по отношению к миру, а варианты даваемых «ответов» зависят от творческих потенциалов периферий цивилизаций. Отмечая подобный закон взаимоотношения культурных систем, П. М. Иванов указывает, что «в поисках периферией ответов на этот вызов универсальных стратегий нет, как нет таких стратегий и в поведении центра»[8] При этом следует заметить, что цивилизационная периферия может проявить уровневость в пределах социокультурной целостности только в форме региона, и именно такая оформленность дает возможность структурированного внутрикультурного диалога в рамках дихотомии «центр — периферия» с выходом на более высокий иерархический уровень межкультурного диалога.

В личностном плане постановка вопроса о сравнении совместимых и несовместимых параметров социокультурных моделей человека различных культур позволяет понять воздействие ценностей других культур на собственную духовную основу. Подобный подход может быть перенесен во «внутреннее» пространство социокультурной целостности и реализован в отношении интегративных оценок взаимодействия центра и регионов.

Реализуя принцип методологического холизма, можно рассматривать каждую культуру как отдельную социокультурную целостность (при этом внутренне структурированную на центральные («центр») и региональные («периферия») составляющие). Интегративно-деятельностный подход к пониманию общества как единства культуры и социальности конкретизирован в использовании категории социокультурного. Понимание культуры как целостности позволяет анализировать диахронные изменения культурно-исторических типов в их эволюционном развитии. Социокультурные общности, предстающие в истории как целостности, порождают типические именно для них социокультурные модели человека.

Характеристика системных основ социокультурной модели человека конкретной исторической эпохи задается синхронным анализом и выявлением матрицы оснований. Конкретное наполнение «ячеек» оснований обеспечивается за счет того, что в основе доминирующих социокультурных моделей любого культурно-исторического типа лежат базисные константы социокультурных целостностей.

По выраженности антиномических несовпадений по отдельным основаниям социокультурных моделей человека можно судить о наличии, характере и степени несовместимости моделей, не только представляющих различные взаимодействующие культуры, но и презентирующих «центр» и «периферию», «центр» и «регионы» в пределах одной социокультурной целостности любой степени общности (семья, группа, социальный институт, организация, локальная культура, этнокультура, страново-региональный, глобальный социальный уровень). Начинается все в любом случае с человека.

Большое значение, особенно в плане философской компаративистики, культурологического сравнения, оценки диалога

Заказ № 6759

культур, имеет представление об определении нормативно-ценностного пространства социокультурной целостности. Дополнительным методологическим аспектом является то, что аксиологический континуум (нормативно-ценностное пространство) также структурирован на «центр» и «периферию», т. е. имеет характерную для данной общности иерархичность базисных констант.

Указывая актуальность подобного структурирования в сравнительно-философских исследованиях, А. С. Колесников выделяет центральную часть нормативно-ценностного пространства (ядро, образованное нравственно-религиозным и эстетико-традиционным компонентами), периферию (политико-правовой и экономико-институциональный аспекты) и наиболее интегративный в поликультурном диалоге научный компонент[9]

Диахронная динамика может быть развернута в применении философской (философско-антропологической) категоризации по отношению к человеку в аспектах всеобщего, общего, конкретно-абстрактного, особенного и уникального (единичного)[10].

Категория всеобщего раскрывает аспект всеобщего в человеке, трактуя человека как существо биосоциокультурное. Как пишет В. В. Ильин, рассматривая составляющие этого понятия: «Биологическая компонента поставляет натуралистические (анатомия, физиология), социально-деятельностные (интеракция, коммуникация, культурная компонента — ценностно-информационные (внебиологическое символическое кодирование, трансляция продуцируемой в обмене деятельностью идеально-смысловой формации), предпосылки возникновения, упрочения Homo sapiens»[11] В философско-антропологическом плане человек выступает как потенциально-всеобщекультурный субъект социальной деятельности. В социокультурном преломлении применение категории всеобщего означает тождество макрокосма социокультуры (культуросферы) и микрокосма человека.

Категория общего реализует всю полноту системных интенций социокультурной целостности, т. е. выступает в каждый исторический период как культурно-типическая утопия (цель), реализуемая в действиях социокультурных субъектов разных уровней. Это то понимание человека, каким он должен и может быть при реализации социо-

культурной традиции в ее основных целях, задачах и тенденциях.

Конкретно-абстрактное отражает консервативно-традиционалистский аспект, т. е. установку на реализацию потенциальной социокультурной значимости консервативного понимания иерархии базисных ценностей культурно-типическими субъектами.

Категория особенного представляет аспект индивидуального человека, потенциально воплощающего полноту культуро-типичности в ограниченности культурно-исторического локуса и собственного психологического типа.

Единичное отражает аспект уникально-личностного в человеке, реализующего сочетание индивидуально-психотипических и уникально-психических детерминант. Использование этой категории проясняет уникальную социокультурную самотождественность человека на уровне социомира повседневности.

Философско-антропологическая категоризация крайне важна в плане прояснения сущностных основ человеческой деятельности, типов связи человека и общественного мира. Применяя философское абстрагирование к целостному взаимодействию человека и социума, выявляя уровни и грани их взаимозависимости, можно глубже понять характер социокультурных взаимосвязей, что способствовало бы разработке методологии сравнительного анализа системно-абстрактных моделей, относящихся к социокультурам различного генезиса и уровня, а также созданию моделей внутренних взаимодействий человека и социокультурной общности.

Сложность направления исследований целостных миров культуры и социума заключается прежде всего в сочетании требования интегративности со сравнительно-аналитическим подходом, поскольку здесь представлено пересечение предметно-методологических полей социальной философии, философской антропологии, философии культуры, культурологии и философской компаративистики.

Контекст философско-антропологического содержания не ограничивается реальностью, единственной данностью общественного мира, социокультурного мира той или иной общности. Сложная социокультурная система, мир социума представляют собой «множество возможных вариантов развития, обладающих разными шансами реализации, это и соотношение явленного и неявленного, сбывшегося и не-

сбывшегося. Иначе говоря, мир общества — это как бы сосуществование двух миров фактуального единственного мира и целого набора параллельных возможных миров, это данности и вариативности, реальности и возможности, реальности и потенциальности, явленности и неявленности, сосуществование сбывшегося и несбывшегося»[12]

Реализованность культурного потенциала социума зависит от множества факторов, прежде всего, особенностей исторического развития конкретной социокультурной системы, тех «вызовов», которые она получает от окружающего мира и социокультурных общностей различного уровня. «Ответ» социокультурной целостности детерминирован, кроме объективно-исторических условий, тем сочетанием потенциальных возможностей доминантных и альтернативных моделей человека, которые до периода попадания социума в переходную область выбора пути дальнейшего развития не имели реального воплощения.

Прогностическое моделирование «ответов», касающихся регионов и периферий, также обладает философско-антропологическим измерением и может сочетать установку на общее (в виде идеальной модели желаемого будущего) и конкретно-абстрактное (в виде традиционалистских тенденций), представленное, например, в идеологии отечественного динамического консерватизма[13].

Принимая во внимание синергетическую парадигму, можно утверждать, что влияние индивида на макросоциальные процессы в определенные периоды развития социокультурных систем значительно возрастает. В философско-антропологическом ключе проблема может быть рассмотрена, по мнению В. С. Барулина, в духе антиномии локальной свершенности и беспредельной потенциальности человека[14]. В силу этого актуальным становится рассмотрение возможностей реализации потенциальных тенденций, заложенных в основаниях социокультурных моделей человека той или иной социокультурной общности и ее иерархических образующих. То, что социокультурные целостности могут быть интерпретированы как динамические неравновесные системы, в их истории находит отражение в том факте, что периоды сильной централизации могут сменяться переходными периодами слабой централизации, оказывающимися для культуры эпохами социального хаоса.

Последствия динамики процессов перехода социокультурной целостности от одного состояния к другому оказывают влияние на доминантные и альтернативные модели в плане социокультурной самоидентификации. Это показано, например, в исследованиях Г. П. Федотова, посвященных историческим типам человека в русской культуре (человек Киевской Руси, человек периода монголо-татарского завоевания, человек новгородской демократии, человек Московской Руси, человек имперской России)[15].

Выделенные Г. П. Федотовым типы поддаются интерпретации как большей частью диахронически проявленные социокультурные модели, характеризуемые базисными константами, определенной внутренней иерархией нормативно-ценностного пространства и реализующие духовный потенциал определенного социума. Направленность духовного потенциала может быть выражена философско-антропологической категорией (всеобщее, общее, конкретно-абстрактное, особенное и единичное), указывающей на тот или иной аспект понимания сущности социокультурной деятельности человека.

Комплексный классификационно-ценностный анализ подобного плана нацелен на рассмотрение социокультурных моделей человека, соотносимых с формируемыми центрами социокультурной общности.

При достаточно стабильном существовании и целостности социокультурные общности, взаимодействуя между собой, вовлекают также в эти взаимодействия и свои иерархических уровни (центры, периферии, оформленные регионы). Возможным последствием этого является «формирование в них единого ядра культуры, вбирающего в себя характерные для них особенности, и которое, независимо от последующего взаимодействия контактировавших между собой периферий, навсегда связывает их между собой, детерминируя образование нового, ранее не существовавшего нормативно-ценностного пространства»[16].

Подобное единое нормативно-ценностное пространство, в свою очередь, является как полем проверки совместимости оснований как социокультурных моделей человека взаимодействующих общностей, так и возможным локусом становления социокультурной целостности нового типа.

При разработке общей методологии сравнения и более детальном рассмотрении сущности региональности целесо-

образно ввести категорию «гена социокультурной идентичности провинции», который бы представлял регион и периферию в историко-культурологической категории провинции как определенную социокультурную общность, обладающую целостно-интегративными характеристиками в пределах социокультурной целостности более высокого порядка. Ген социокультурной идентичности провинции характеризуется интегративной системой основ, представленных образованием (школы и вузы), легитимно-институциональным комплексом (право и структурированная религиозная жизнь), конкретным воплощением социокультурной общности (местная община в широком понимании) и самоактуализацией социокультурного субъекта, его духовно-творческой реализуемостью как в отношении окружающего локального социомира, так и в отношении мировой культуры.

Существенным аспектом задействованности гена социокультурной идентичности провинции является реализация духовного потенциала региональности при сохранении социокультурной идентичности периферии как своеобразной культурной целостности. Несмотря на глобализационные тенденции, разноуровневая социокультурная идентичность является мощным фактором мировой динамики, поэтому так значимо понимание региональной философско-антропологической проблематики в комплексных программах по сохранению, развитию регионов, а также по регионообразованию.

Таким образом, имеется необходимость учета философско-антропологических смыслов при взаимодействиях в рамках парадигматики «периферия-центр». Это важно в плане воздействия центра на периферию и периферии на центр, особенно в интегративно-региональном случае, что часто остается методологически недооцененным и не подвергается сравнительному анализу. В частности, необходима разработка стратегии взаимодополнительности образовательных кластеров, т. е. учет требований конкурентоспособности в социокультурной среде (на самых различных уровнях, начиная с диалога культур, межцивилизационных, межнациональных взаимодействий вплоть до уровня адекватной оценки социомира повседневности). При этом подобные стратегии следует проводить исходя из адаптивных и креативных возможностей, даваемых стандартами систем среднего и

высшего образования, в сочетании с различными вариантами региональных этнопедагогик (с глубоким философско-антропологическим анализом их культурного потенциала).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Зусин А. Э.* Социокультурное развитие Мордовии. Вторая половина 1960-х — середина 1980-х гг. Саранск, 2006. С. 8.

[2] См.: Философия: Университетский курс / Под общ. ред. проф. С. А. Лебедева. М., 2003. С. 311.

[3] См.: *Орлова Э. А.* Культурная (социальная) антропология. М., 2004. С. 467.

[4] См.: *Колесников А. С.* Философская компаративистика: Восток—Запад. СПб., 2004.

[5] См.: *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 255.

[6] См.: *Переслегин С.* Послесловие. О спектроскопии цивилизации, или Россия на геополитической карте мира // Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 588.

[7] См.: Там же, С. 588.

[8] См.: Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энцикл. словарь. М., 2001. С. 476—477.

[9] См.: *Колесников А. С. Философская компаративистика...* С. 367.

[10] *См.: Барулин В. С.* Социально-философская антропология. Человек и общественный мир. М., 2007.; *Гагаев А. А.* Философская и культурно-типическая антропология. Русский космо-психо-логос. Культурно-типическая модель науки. Демографические и эстетические основания космо-психологоса. Система философии. Т. II. Ч. 2. Саранск, 2005.

[11] См.: Философия: Университетский курс... С. 215.

[12] См.: *Барулин В. С.* Социально-философская антропология. Человек и общественный мир. М., 2007. С. 422.

[13] См.: Русская доктрина (Сергиевский проект) / Под. ред. А. Б. Кобякова, В. В. Аверьянова. М., 2007. С. 121.

[14] См.: Философия: Университетский курс... С. 241.

[15] См.: *Федотов Г. П.* Россия и свобода / Русские философы (конец XIX — середина XX века): Антология. Вып. 3. М., 1996. С. 175—196.

[16] См.: *Колесников А. С.* Философская компаративистика... С. 365.

Поступила 03.09.07.

А. Ю. ЗАВАЛИШИН

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС КАК ФАКТОР ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В последние 10—15 лет усилился интерес к проблемам регионов и регионалистике как науке. Связано это с рядом обстоятельств, прежде всего — с явлением регионализации, характерным многим странам, в том числе и России. В 70—80-е гг. XX в. в рамках регионалистики в мировой и российской социологической мысли институционализировалось новое направление, получившее название социология региона. Одной из актуальных проблем, находящихся в центре внимания его создателей и разработчиков, является концептуализация категории и изучение конкретно-исторических проявлений *территориального поведения* социальных субъектов.

В основе территориального поведения, под которым мы понимаем систему социальных (в широком смысле) практик, опосредованных спецификой территории, ее рефлексией, проживающими на ней людьми, и характерных именно для данной территории, лежащих в основе пространственных представлений людей.

В свою очередь, пространственная рефлексия формируется в значительной степени в процессе коммуникаций[1]. Чувство территории (мой дом, моя (наша) земля, мой город (край, страна, Родина) и т. д., будучи социокультурным феноменом и важным атрибутом социализации, присуще каждому человеку. Территориальная рефлексия формирует пространственное сознание, ощущение места *себя* и *других* на данной территории. Изучение того, как возникает пространственная рефлексия, каким образом она влияет на территориальное поведение, позволит пролить свет на многие его особенности. Однако это сложная задача, поскольку, как отмечает А. Ф. Филиппов, большое пространство (регион, страна, мир, все то, что невозможно охватить взглядом в непосредственном

ЗАВАЛИШИН Андрей Юрьевич, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права, кандидат исторических наук.

отражении) «само по себе чаще всего не рефлексируется, не осознается и никак с конкретными механизмами, обусловливающими социальное действие, не сопрягается»[2]

На наш взгляд, есть два пути в разрешении загадки пространственных мотиваций социального субъекта. Первый (социально-психологический) представляет собой «восхождение» от потребностей территориальной общины к ее территориальным интересам, а от них — к территориальному поведению. Второй (социологический) — изучение социальных коммуникаций, порождающих субъективную рефлексию социального пространства.

A priori полагая, что потребности людей, проживающих на планете, имеют антропогенный характер, а потому в целом совпадают (не имеют территориальной привязки) и включают потребности в средствах к существованию (жилище, питание, одежда), безопасности (экологическая, экономическая, криминальная), счастью (моральное удовлетворение), самореализации и т. д., можно утверждать, что территориальное поведение порождается не различиями в потребностях, а *неадекватными возможностями их удовлетворения* на разных территориях. Осознание того, что данная территория (в силу разных причин) не обеспечивает реализацию той или иной насущной потребности, порождает *территориальный интерес*, который, так же как и пространственная рефлексия, опосредует территориальное поведение социального субъекта.

К настоящему времени концептуализация категории *территориальный интерес* предпринята в разных науках. В России в 70—80-е гг. XX в. возникли два подхода к ее пониманию, сложившиеся в экономической социологии (а точнее — социологии города и деревни) и экономической географии. Их основное отличие связано, прежде всего, с отправной точкой анализа. Социологи обнаруживают ее в системе действий социально-территориальной общности, а географы — в особенностях территории как таковой.

Так, в 1970—1980-е гг. в географии категория *территориальный интерес* концептуализировалась как «представления (предпочтения) территории в отношении целей и средств ее социально-экономического развития»[3]. Территория рассматривалась географами как специфическое субъектно-объектное образование, а территориальная общность

как бы «выбрасывалась» за пределы предметной области исследования. В 90-е гг. XX в. в процессе сближения социально-экономической географии и социологии изменяется и исследовательская позиция по отношению к территориальным интересам — они все более предстают (для географов) в единстве с субъектом-носителем, порождаемым интеграцией территории и социума. Д. В. Доленко, например, анализирует уже не территориальные интересы, а *интересы территориальной общности*, которые, по его мнению, сводятся к эффективному экологическому, экономическому, социальному, политическому и культурному развитию; чтобы необходимая часть произведенного ею продукта использовать для своих нужд; необходимости выстраивания своих отношений с другими территориальными общностями на более выгодных для себя условиях; не создавать на своей территории экологически опасных производств[4].

А. А. Ткаченко, анализируя территориальные интересы по комплексу позиций, в частности, по степени общности, содержанию, в дихотомии объективности-субъективности разделяет их на три: интересы к территории — конкретному участку земной поверхности, связанному с владением и/или пользованием; любые интересы, имеющие некоторое пространственное содержание (связанное с размещением, территориальными различиями, пространственными отношениями и связями, территориальной структурой или пространственной морфологией); все интересы, затрагивающие какие-либо аспекты регионального развития (любая проблема, привязанная к определенной территории)[5]

В отличие от географов, социологов интересует, прежде всего, связь интереса как сугубо психологического явления с социальным действием. По образному высказыванию Х. Арендт, интерес «является тем, что interest, лежит между и создает связи, оценивающие людей друг с другом и одновременно отделяющие их друг от друга»[6]. Еще М. Вебер утверждал, что действие может ориентироваться в терминах: обычая (Brauch), интереса (Interessenlage) или законного порядка. Под *интересом* в данном случае он понимал категорию, в которой «единообразие поведенческих актов можно понять в терминах целерациональных ориентаций на сходные ожидания»[7]. Т. Парсонс трактует интерес с позиций аксиологии: это «заинтересованность в достижении

изначальных ценностей, с которыми мы себя идентифицируем»[8]. Для нас особое значение имеют два высказывания ученого: утверждение о том, что «при объяснении поведения людей следует принимать во внимание не только тот факт, что люди стремятся соблюдать свои интересы, но и то, что содержание интересов подвержено изменениям»[9]; и второе, что «релевантной характеристикой для актора, при определении его (или «их») ориентации на объект или категорию объектов, может быть «интерес» к объекту как источнику «консумации» (удовлетворения потребностей)... При этом кроме консуматорной существует инструментальная основа ориентации на мир объектов. Здесь возникает «дилемма» стандартных переменных, ибо фундаментальное утверждение нашей теории гласит, что консуматорные и инструментальные интересы к объекту *не могут* быть максимизированы одновременно. Инструментальная и консуматорная основы ориентации *аналитически* независимы»[10] Из приведенных цитат можно вывести два важных следствия. Во-первых, необходимость учета при анализе территориального поведения социальных субъектов изменения (в диахронии) их базовых территориальных интересов. Во-вторых, выявление инструментальных и консуматорных предпочтений при анализе моделей территориального поведения (в синхронии).

Спецификация категории *интерес* в территориальной экспликации возможна также посредством привлечения «промежуточных» категорий *социальный интерес* и *экономический интерес*. В «Социологической энциклопедии» они трактуются следующим образом: первая — как «реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящих за непосредственными побуждениями (мотивами, помыслами, идеями и т. д.) участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, сообществ»; вторая — как «основная категория для обозначения реальных причин и коренных, наиболее глубоких мотивов экономической деятельности и экономического поведения людей, стоящих за их непосредственными побуждениями — помыслами, идеями и т. д.»[11]

В российской социологии первыми сформулировали понятие и систематически изложили базовые территориальные интересы Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина[12] Позже в дискурс включились и другие российские исследователи, однако принципиально отличных от географического и экономиче-

ского подходов к трактовке категории *территориальный интерес* они так и не представили. В целом, географы, социологи и экономисты проявляют заметное единодушие, артикулируя территориальные интересы, которые, по их мнению, сводятся к требованиям увеличения социально-экономического потенциала территории, расширения разнообразия рабочих мест, возможностей использования ресурсов территории, развития социальной инфраструктуры, повышения внутренней и внешней связности территории, улучшения социально-психологического климата, включая порядок и безопасность, сохранения природной и культурно-исторической среды[13] Территориальные интересы (преобладающая часть которых — социально-экономические), участвуя в формировании мотивов деятельности социальных субъектов, непосредственно формируют и различные типы территориального поведения социальных субъектов.

Не подвергая сомнению высказывания ученых, приведенные выше, полагаем, что для конкретизации категории *территориальный интерес* как фактора и непосредственного источника территориального поведения социальных субъектов, необходима дистинкция территориальных интересов по трем основаниям: во-первых, на интересы, порожденные территорией как атрибутом территориального поведения (это универсальные интересы, общие для любых территорий); во-вторых, интересы, порожденные эксклюзивностью (особостью) каждой территории (региона) и формирующие у ее населения определенное к ней отношение (чувство удовлетворения/депривации от того, что их территория в чем-то выигрывает/уступает соседним территориям); в-третьих, интересы отдельных социальных групп, коллективов, сетей, индивидов, проживающих на данной территории, т. е. уникальные единичные интересы. Если теперь вернуться в наших рассуждениях к содержанию территориальных интересов, сформулированных в процитированных выше работах, то обнаружится, что почти все они характеризуют лишь первую их разновидность — это наиболее общие универсальные интересы, конкретизированные либо в отношении всей России, как особой территории на политико-экономической карте мира, либо к типовым территориям: региону, городу, району города, селу. Однако очевидно, что на территориальное поведение влияют все три указанных разновидности территориальных интересов.

Концептуализируя категорию *территориальные интересы* как систему предпочтений (ожиданий) социальных субъекто́в, основанную на рефлексии территории и связанных с ней проблем их жизненного мира, являющихся непосредственной причиной того или иного типа территориального поведения, мы утверждаем, что в проекции каждой территории (будь то населенный пункт, регион в составе страны, отдельное государство или группа государств) происходит столкновение и взаимодействие территориальных интересов разного уровня, результирующий вектор которых и определяет конкретный тип территориального поведения, доминирующий на данной территории.

При этом территориальное поведение (T_b), по сути, является производной от степени свободы социальных субъектов (SL_b) («социального люфта» территории по отношению к властному центру), которую можно представить в виде функции, прямо пропорционально зависящей от TI_{gov} (территориальных интересов государства), TI_{cor} (корпоративных (или отраслевых) территориальных интересов), TI_{sg} (территориальных интересов общности, объективированных в деятельности органов местного самоуправления и гражданского общества) и обратно пропорционально от L_{au} — уровня авторитарности политического режима в стране:

$$T_b = \overline{\overline{SL}}_b = \overline{f}\ (TI_{gov},\ TI_{cor},\ TI_{sg},\ L_{au}).$$

Если, например, на конкретной территории векторы интересов государства, экономических и политических элит и субэлит, местных органов власти, а также территориальной общности в целом совпадают, это объективно приводит к значительным позитивным социально-экономическим преобразованиям в регионе. Если же имеет место несовпадение векторов территориальных интересов, его следствием будет усиление социально-политической напряженности, кризисные явления, нередко перерастающие в открытые столкновения. В свою очередь, дистинкции в континууме авторитаризм/демократия определяют степень возможности самовыражения и артикулирования посредством территориального поведения территориальных интересов данной территориальной общности.

Таким образом, экстракция и сравнение конкретных территориальных интересов различных социальных групп по отношению к определенным территориям — важный инструмент социологического анализа как моделей территориального поведения, так и причин напряженностей, возникающих в социуме.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Habermas J.* Theorie des kommunikativen handelns. Frankfurt, 1981.

[2] *Филиппов А. Ф.* Большое пространство: возможности социологического изучения // Социологические чтения: Сб. материалов междунар. семинара «Современные социологические теории и подходы. Диалог между Россией и Западом» (19—22 декабря 1995 г., Москва). Вып. 1. М., 1996. С. 194.

[3] *Хузеев Р. Г.* Теория принятия компромиссных решений в географии: Автореф. дис ... д-ра геогр. наук. М., 1990. С. 4.

[4] См.: *Доленко Д. В.* Территориальное устройство общества: социально-политический анализ. Саранск, 1993. С. 39—40.

[5] См.: *Ткаченко А. А.* Территориальный интерес — ускользающий детерминант регионального развития // Территориальные интересы: Сб. науч. тр. / Науч. ред. А. А. Ткаченко. Тверь, 1999.

[6] *Арендт Х.* Vita activia, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина. СПб., 2000. С. 239.

[7] Цит. по: *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2000. С. 167.

[8] Там же. С. 189.

[9] Там же. С. 345.

[10] Там же. С. 646.

[11] Социологическая энциклопедия / Под общ. ред. А. Н. Данилова. Минск, 2003. С. 120, 212.

[12] См.: *Заславская Т. И., Рывкина Р. В.* Социология экономической жизни: Очерк теории. Новосибирск: Наука, 1991.

[13] См.: *Доленко Д. В.* Указ. соч. С. 39—40; *Ткаченко А. А.* Указ. соч. С. 8; *Троцковский А. Я.* Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. Новосибирск, 1997. С. 86.

Поступила 27.04.07.

С. В. ЕЛИЗАРОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РЕГИОНА

После распада унитарной системы управления российские регионы получили значительную самостоятельность и стали полноправными политическими и экономическими субъектами. В рамках рыночной парадигмы, принятой в качестве стратегической основы функционирования современной России, имидж становится действенным инструментом создания положительной репутации региона, что в существенной мере предопределяет успешность его политических, экономических и социальных позиций. Получение конкурентных преимуществ заставляет региональные органы государственной власти обращать особое внимание на формирование положительного имиджа региона.

При рассмотрении проблем создания имиджа региона необходимо учитывать наиболее характерные свойства и признаки имиджа территории: имидж упрощен по сравнению с объектом, публичным портретом которого он является (при этом он подчеркивает специфичность и уникальность объекта); имидж конкретен, но подвижен, он все время корректируется, адаптируется к требованиям текущей ситуации; в определенной степени он идеализирует объект, несколько преувеличивая его выгодные черты, либо наделяя его дополнительными качествами в соответствии с ожиданиями целевой аудитории; имидж находится между реальным и желаемым, восприятием и воображением, искусственно расширяя восприятие объекта общественностью в заданном направлении.

Эффективный имидж региона должен отвечать ряду основных требований: быть синтетическим, идентифициро-

ЕЛИЗАРОВ Станислав Владимирович, аспирант кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского государственного университета.

ваться с конкретным регионом; быть ярким и конкретным (его восприятие улучшается при апелляции к чувствам); формироваться целенаправленно; соответствовать доминирующим социальным ожиданиям, включать ценимые в обществе качества, для чего необходимо знать существующие социальные установки и стереотипы, что позволит выделить важнейшие черты имиджа территории, которые станут достаточными для его позитивного восприятия.

Последнее требование может быть реализовано, если учесть влияние на имидж национально-исторической памяти народа. Имея в своей основе элементы эмоциональной памяти, она более результативна, чем любые логически выстроенные аргументы. Так, Г. Почепцов указывает: «Прошлое обладает способностью восприниматься сквозь мифологический флер безупречности, а через это — способностью временных и пространственных подмен, когда реальное и мифологическое меняются местами»[1] Посредством национальной памяти из истории переносятся в новое время свои ценности, не только оказывая решающее воздействие на конструирование поведенческих моделей в обществе, но и становясь основой стереотипизации имиджа региона в целом.

Привлекательность и действенность регионального имиджа может быть усилена за счет использования *исторического компонента.* Кроме того, исторические предпосылки часто становятся базовым основанием в формировании образа территории. В работах, посвященных региональному маркетингу, среди групп стратегий (маркетинг имиджа, маркетинг инфраструктуры, маркетинг населения) выделяют и маркетинг притягательности, содержанием которого выступает реализация стратегии достопримечательностей, составляющих историческое наследие региона (прежде всего это историко-архитектурные объекты — памятники, музеи и т. д.)[2] Согласно классификации Э. А. Галумова, к числу «условно-статичных» факторов, т. е. неизменных движущих сил, влияющих на характер восприятия имиджа территории, относятся: национальное и культурное наследие общества (цивилизационно-исторический фон); свершившиеся события, повлиявшие на развитие территории; вклад выдающихся личностей, имена которых вошли в историю[3] Другими, сопоставимыми постоянными факторами, являются природно-ресурсный потенциал, нерегулируемые геополи-

тические факторы и форма территориального устройства. Все это — свидетельство значения исторического аспекта в современных разработках по имиджевой тематике.

Имиджевая деятельность российских регионов находится в русле нескольких наиболее общих направлений использования исторического компонента. Так, условно «старорусским» регионам свойственна преимущественная апелляция к культурно-историческому облику региона (Псковская, Владимирская области). Условно «новорусские» регионы сочетают политику модернизации с использованием исторического наследия (Нижегородская, Ярославская области). Национальные республики ориентированы на этнические традиции развития региона (Мордовия, Татарстан). Здесь необходимо отметить некоторые объективные факторы, усиливающие исторический контекст регионального имиджа. Речь идет о наличии у региона культурно-исторических предпосылок. Больше шансов имеют территории, у которых есть многовековой опыт развития в качестве культурно-политических центров России, своя особая история. Таковыми, в частности, являются города — бывшие столицы средневековых русских государств (Новгород, Псков, Владимир, Тверь). Они торжественно отмечают свои исторические юбилеи, восстанавливают или создают новые памятники. Особенно выделяется своим положением Санкт-Петербург. Наличие исторических предпосылок напрямую связано со стабильностью административно-территориального деления, зависит от продолжительности существования тех или иных политико-административных общностей. Почти все края и области России созданы до окончания Великой Отечественной войны, т. е. большинство населения, будучи субъектом имиджа, выросло при современных границах, а потому воспринимает их как естественную основу развития. Известно, что из 55 центров краев и областей 37 являлись столицами губерний и областей до революции. Центры губерний с длительной историей, восходящей к XVIII в., формируют устойчивый исторический имидж, тогда как периферийные регионы, менявшие административную принадлежность, имеют более сложную имиджевую ситуацию.

Механизм формирования регионального имиджа предполагает использование исторического компонента в нескольких формах.

Заказ № 6759

Проведение местных (в некоторых случаях общероссийских, международных) культурно-исторических праздничных мероприятий, юбилеев регионов и городов, торжеств по случаю памятных исторических дат. Эта форма имиджевой деятельности наиболее распространена. Так, празднование Дня народного единства 4 ноября 2005 г. в Нижнем Новгороде стало заметным событием в жизни России. Значимость праздника подчеркивалась открытием памятника Минину и Пожарскому в присутствии Патриарха Алексия II, членов Правительства РФ, только что назначенного губернатора В. П. Шанцева (что было весьма символично, учитывая его прежнюю должность, и подчеркивало роль региона как опоры Центра в Поволжье). Все это дало основание Правительству Нижегородской области объявить Нижний Новгород «всероссийской столицей празднования Дня народного единства», а сам праздник превратить в имиджевый инструмент.

В настоящее время в ряде краев и областей празднуется их 70-летие (2004 г. — Воронежская, Курская, Челябинская области; 2005 г. — 75-летие Мордовии, 85-летие Марий Эл; 2006 г. — Кировская, Волгоградская области; конец сентября 2007 г. — Рязанская, Тамбовская, Ростовская, Новосибирская, Иркутская области, Алтайский край). Эти события используются региональными элитами в целях территориального пиара. С аналогичными задачами и столь же активно отмечаются юбилеи городов. Особым, в этом смысле, стал 2003 г., когда реализовывалась программа «Юбилеи столиц Северо-Запада». 1250-летие основания Старой Ладоги — древней столицы Северной Руси, проводившееся руководством Ленинградской области накануне последних в современной России губернаторских выборов и при личном участии Президента РФ В. В. Путина, 1100-летие Пскова, 300-летие Петрозаводска, 600-летие получения статуса города Выборгом и, наконец, празднование 300-летия Санкт-Петербурга (27—31 мая 2003 г.), ставшее важным международным событием, в котором принимали участие главы более 40 государств и были проведены два крупных форума: саммит СНГ и Россия — ЕС (успешное проведение этого исторического юбилея говорило об уверенной готовности Петербурга стать площадкой для встречи G8, усиливая его имиджевые позиции). Не менее значимы были торжества

по случаю 1000-летия Казани 30 августа 2005 г., в рамках которых помимо очередного саммита СНГ прошли также Дни европейского наследия под эгидой Совета Европы. В общем, праздник призван был способствовать формированию положительной репутации Татарстана. Подобная практика будет продолжена в будущем: в 2009 г. пройдет 1150-летие Великого Новгорода, празднованию которого придан общегосударственный статус, а в 2010 г. Ярославль отметит 1000-летний юбилей, причем оргкомитет может возглавить сам В. В. Путин и, по оценке заместителя главы президентской администрации В. Ю. Суркова, масштаб этого юбилея должен быть сопоставим с 1000-летием Казани[4] Большее внимание этим процессам уделяется в республиках, где преобладает демонстративная ориентация на союз с Россией, выражающаяся в праздновании «круглых дат» вхождения в ее состав. В 2006 г. отмечалось 1000-летие единения мордовского народа с Россией, 250-летие вхождения алтайского народа, летом 2007 г. — 300-летие вхождение Хакасии и 450-летие вхождения Кабарды, в октябре 2007 г. — 450-летие вхождения Башкирии.

Использование исторической личности, образов выдающихся земляков и героев как символа данного региона. Например, Псковская и Нижегородская области в преддверии 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина стали называться «пушкинскими». Таганрог, известный как «город Чехова», готовится в 2010 г. отметить 150-летие писателя. Своеобразной «визитной карточкой» Удмуртии стал М. Т. Калашников, известный конструктор-оружейник. Имиджевым событием Мордовии в августе 2006 г. стало открытие памятников своим великим землякам адмиралу Ф. М. Ушакову и патриарху Никону Президентом РФ В. В. Путиным и Патриархом Алексием II.

Создание историко-религиозных сооружений, храмовое строительство. Одной из первых подобных практик стало открытие 3 мая 1995 г. мемориального комплекса «Прохоровское поле» на третьем ратном поле страны в Белгородской области президентами России, Украины и Белоруссии. Примечательно с символической точки зрения, что там же через 5 лет при освящении звонницы президенты трижды ударили в «Колокол Единения славянских народов», отлитый по инициативе белгородского губернатора, тем самым

была подчеркнута консолидирующая роль региона. Ярким примером имиджевой направленности стало возведение и открытие в Мордовии 5—6 августа 2006 г. первого в России и самого крупного в Приволжском ФО Кафедрального собора во имя святого праведного воина Феодора Ушакова, великого русского флотоводца XVIII в., канонизированного в 2001 г. Появление собора, по оценкам Президента РФ В. В. Путина и Патриарха Алексия II, завершило создание в Поволжье духовного треугольника Саров—Дивеево—Саранск. В итоге этим событием республика не только проявила в своей репутации признак преемственности, но и приобрела статус одного из духовных центров России.

Таким образом, практика российских регионов наглядно показывает, что внедрение исторического компонента в механизм формирования имиджа региона — важнейший фактор имиджевого процесса. Историческая составляющая выступает неотъемлемой частью комплексного облика региона. В этом качестве она содействует решению общей задачи привлечения финансовых ресурсов в социально-экономическую сферу территории. Осуществление имиджевых проектов, имеющих исторический контекст, также позволяет в значительной степени усилить политические позиции региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Почепцов Г. Г.* Паблик рилейшнз и имиджелогия // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.lib.socio.msu.ru/library.html].

[2] См.: *Панкрухин А. П.* Маркетинг региона // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.marketologi.ru/lib/publ.html].

[3] *Галумов Э. А.* Международный имидж России: стратегия формирования. М., 2003. С. 202.

Поступила 05.09.07.

Л. В. ГУЛЯЕВА

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ РЕГИОНА

В условиях современной политической системы России, основанной на принципах демократической организации политических процессов, открытости, свободной конкуренции политических сил, особую актуальность приобретают вопросы информационно-коммуникационного обеспечения деятельности субъектов политической жизни, их воздействия на общество на общероссийском и региональном уровнях.

Политическая реклама, дающая возможность представить сущность различных политических идей, концепций, программ деятельности кандидатов и партий в доступной, запоминающейся форме, оказывает значительное воздействие на восприятие людьми политической реальности, способствуя формированию в общественном сознании ее определенного образа, что делает политическую рекламу значимым фактором политической борьбы. В частности, современные западные исследователи отмечают, что установки избирателей, формируемые посредством политической рекламы, оказывают определенное воздействие на процесс принятия ими политических решений, причем не всегда на рациональном, осознаваемом уровне[1]

Для исследования воздействия рекламы на избирателей в регионе мы использовали метод экспертного опроса. В исследовании участвовало 26 экспертов, из них 7 представителей территориальных избирательных комиссий, 2 представителя областной избирательной комиссии, 10 членов местных региональных отделений партий «Справедливая Россия», «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, 2 журналиста, 3 преподавателя Пензенского государственного университета, 2 преподавателя Пензенского государственного педагогического университета (специалисты в области рекламных коммуникаций).

ГУЛЯЕВА Людмила Владимировна, аспирант кафедры социологии и управления Пензенского государственного университета.

Предложенные экспертам вопросы касались роли политической рекламы в современном политическом процессе, оценки качества рекламной продукции и наиболее эффективных, по их мнению, видов рекламы, основных различий рекламы политических лидеров и партий, кроме того, экспертам предлагалось выяснить специфику региональной политической рекламы и оценить ближайшие перспективы развития политической рекламы в России.

Вопрос о роли современной политической рекламы вызвал расхождение во взглядах экспертов. Часть из них (53,8 %) высоко оценивают значение политической рекламы и агитации, рассматривая их как основной источник получения избирателями информации о кандидатах, предвыборных программах, платформах политических партий. Рекламно-агитационные сообщения, по их мнению, формируют в массовом сознании представление о соперничающих политических силах, характере предлагаемых ими мероприятий по улучшению социально-экономического положения населения, причем делают это в яркой лаконичной форме.

Другая группа экспертов (46,2 %), напротив, полагает, что в современных политических условиях значение рекламных материалов сравнительно невелико. Сложившаяся сегодня ситуация монополии на власть исключает из политической жизни дух состязательности. Следствием этого становится рутинизация процесса создания рекламы, замедляется поиск новых видов и форм рекламной продукции, политическая реклама и агитация перестают оказывать заметное влияние на результаты выборов.

Противоречивость экспертных оценок свидетельствует о сложности изучаемого явления, неоднозначности влияния политической рекламы на сознание избирателей и результаты выборов различных уровней. При этом только 15,3 % экспертов оценивают качество политической рекламы как высокое, а большинство (57,7 %) считают его средним. Мнения экспертов сходятся в том, что политическая реклама — неотъемлемый элемент свободных, конкурентных демократических выборов, служащих средством выражения и политического представительства интересов различных социальных групп.

К числу основных недостатков политической рекламы всех уровней эксперты относят широкое использование

негативной рекламы, основанной на использовании технологий «черного пиара». Эта проблема частично связана с неопределенностью правового статуса политической рекламы. Закон «О рекламе», запрещающий использование недостоверной и заведомо ложной рекламы не распространяется на политическую рекламу, а в действующем законодательстве о выборах политическая реклама упоминается лишь как разновидность предвыборной агитации. Согласно недавним изменениям в законодательстве, запрещается проведение рекламных мероприятий против кого-либо из кандидатов, а также использование анонимной рекламной продукции. Эксперты связывают с этими изменениями надежды на улучшение ситуации с предвыборной рекламой.

Значительная часть экспертов (65,4 %) подчеркивает, что эффективность рекламной кампании зависит не столько от качества отдельных рекламных продуктов, сколько от массовости и регулярности их распространения. В целом отмечается тенденция к повышению качества политической рекламы, затрагивающей процессы изготовления рекламной продукции и совершенствования приемов организации и проведения различных рекламно-пропагандистских мероприятий, акций, встреч с населением.

Наиболее эффективными видами политической рекламы специалисты, работающие в агитационно-пропагандистских отделах политических объединений, признали встречи лидеров и представителей партий с избирателями по месту жительства, месту работы, на митингах (30,8 %). Личные встречи способствуют формированию позитивного отношения к власти, представления о том, что кандидаты проявляют заинтересованность в решении проблем избирателей.

Серьезное внимание уделяется традиционным видам рекламы на телевидении (23 %) и в прессе (15,3 %). Сегодня телевидение — самый мощный и массовый информационный канал, поэтому через него в предвыборный период проходит основной поток политической рекламы. В качестве основных видов телерекламы, используемых в информационно-агитационных целях, эксперты назвали предвыборные дебаты, круглые столы, политические ток-шоу, рекламу в бесплатном и платном эфире. Главными требованиями к телевизионной рекламе стали краткость, разнообразие, эмоциональная насыщенность.

Все большую популярность приобретает Интернет, ежегодно возрастает число его пользователей. Из средства общения относительно ограниченного круга людей он превращается в существенный фактор влияния на общественное мнение. Эксперты отмечают такую особенность Интернет-коммуникаций, как интерактивность: форумы, сайты лидеров и политических партий, конференции в режиме реального времени позволяют привлечь внимание молодежи, представителей аудитории, являющихся лидерами мнений (журналисты, политологи, общественные деятели) и влияют на восприятие в обществе определенных событий и их оценку. Сегодня большинство политических деятелей, партий, объединений имеют в Интернете свои страницы и с развитием электронных технологий эксперты связывают будущее политической рекламы.

Среди категорий населения, на которые политическая реклама оказывает наибольшее влияние, называлась молодежь, только начинающая участвовать в политической жизни, формирующая свои представления часто основываясь на рекламно-агитационных и пропагандистских материалах, а также жители сельской местности, для которых рекламные сообщения — один из основных источников информации.

Основные различия рекламы политических лидеров и политических партий связываются с тем, что реклама лидера носит, как правило, имиджевый характер. Наибольшее внимание уделяется персональным характеристикам (возраст, внешность, опыт работы, индивидуальный стиль принятия решений, лидерские качества, интеллект, известность, позиция лидера по актуальным, социально значимым вопросам). В рекламной кампании акцент делается на публичные выступления, встречи лидера с избирателями, организацию специальных мероприятий (дебатов, круглых столов). В такой ситуации наиболее важными социальными характеристиками политического лидера становятся способность формулировать и провозглашать объединяющие массы идеи, социальные связи лидера, его авторитет и профессиональные качества. Основной в рекламной кампании политического лидера становится тенденция к индивидуализации, созданию образа яркого, деятельного политика, обладающего определенными харизматическими чертами. В условиях социально-политической нестабильности силовой компонент имиджа и фактор активности деятельности становятся, по мнению экспертов

(38,5 %), наиболее значимыми. Их наличие говорит о том, что политик в состоянии управлять вверенной ему территорией, способен навести там порядок, устоять перед коррупцией.

Специфика формирования рекламного имиджа политической партии состоит в представлении аудитории основных компонентов ее образа. Среди основных составляющих эксперты отметили идеологию и программу партии (27 %), имидж лидера (23,0), образ деятельности партии, историю ее становления (15,3), символику партии (11,5), политические, административные и другие ресурсы и возможности (7,7), имидж электората партии (7,7 %).

При этом в качестве одной из особенностей российского общества большинство экспертов (77 %) отметило, что основная часть граждан определяет свое отношение к различным политическим движениям и лидерам эмоционально, на основе сложившихся симпатий или антипатий, мало внимания уделяя программам и целям деятельности. Еще одной особенностью как на федеральном, так и региональном уровне, эксперты признают тот факт, что образы политических партий и движений в сознании избирателей очень персонифицированы, т. е. представление о партии формируется на основе отношения к ее лидеру. Причем в отношении региональных отделений партии эта тенденция усиливается, и профессиональные качества ее руководителей во многом определяются их отношением с лидерами партии на федеральном уровне.

Эта особенность объясняется главным образом тем, что в российском обществе еще не сформирована устойчивая система политических движений и организаций, выражающих интересы определенных социальных групп и слоев населения. Следствием такого положения становится ситуация, когда при отсутствии информации о политических программах и последовательно осуществляющих их партиях большинство избирателей ориентируется на наиболее известных политических деятелей, нередко перенося их личные качества на характер деятельности партии.

В целом эксперты отмечают, что, несмотря на заметное влияние *центральных СМИ*, восприятие гражданами политической информации, в том числе и рекламного характера, *опосредовано региональной спецификой*. Рекламно-коммуникативное воздействие кандидатов и партий на региональном уровне определяется многочисленными факторами, такими как: социально-экономическое положение региона, специ-

фика взаимоотношений региона с федеральным центром, особенности восприятия местной власти жителями региона, уровень агитационно-пропагандистской деятельности региональных партийных организаций, структура региональной политической элиты и ее отношение с местными СМИ, степень удовлетворенности граждан своим положением, уровень доверия политикам, наличие ярких региональных лидеров, характер политической конкуренции партий и лидеров на уровне субъекта федерации.

В целом, по оценке экспертов (80,1 %), политическая реклама становится значимым фактором формирования общественного мнения на региональном уровне, выполняя информационную, коммуникативную, социально-ориентирующую и идеологическую функции. При этом эффективность рекламы на региональном уровне зависит от ряда особенностей, включающих широкий спектр характеристик от социально-экономического положения региона до этнических, демографических и конфессиональных.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] *Kathleen Hall Jamieson* «Packaging the Presidency: A History end Criticism of Presidential Campaign Advertising». Oxford: OXFORD UNIVERSITY PRESS,1996; *Frank Biocca* Television and Political Advertising Volume 2: Signs, Codes, and Images. New Jersey: LAWRENCE ERLBAUM ASSOCIATES, PUBLISHERS, Hillsdale, 1991.

Поступила 19.06.07.

М. И. ЗАГИДУЛЛИН

УПРАВЛЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ В ФРГ

Выборы представляют собой одно из значимых социальных явлений в жизни современного общества. Согласно точке зрения политологов ФРГ, избирательные кампании выполняют четыре задачи. Во-первых, с их помощью выражается принцип народного суверенитета. Во-вторых, выборы играют связующую роль между государственными органами власти и избирателями. В-третьих, они способствуют взаимоотношениям друг с другом законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. В-четвертых, выполняют функцию непосредственного осуществления через депутатский корпус представительной демократии[1] Такая постановка проблемы позволяет представить сущность и значение правового государства, его соучастие в обеспечении интересов граждан. В основе функционирования властных структур, организации общества лежит уважительное отношение к нормам права. В связи с этим И. Кант отмечал: «Наилучший строй тот, где власть принадлежит не людям, а законам»[2]

Политические решения во многом определяют продуманность и своевременность действий власти. В тоже время, избиратели в лице активной части общества обеспечивают демократический контроль за деятельностью властных структур. Проблема эффективности власти в деятельности любого государства является одной из наиболее важных и значимых. На наш взгляд, во многом она определяется умением обеспечить эффективное управление. Вместе с тем общество должно уметь защищать и отстаивать свои интересы. В связи с этим контроль населения, в том числе в лице электората за тем, как властные структуры соучаствуют

ЗАГИДУЛЛИН Марс Ибрагимович, заместитель директора по научной работе Альметьевского филиала Института экономики, управления и права, кандидат исторических наук, доцент (г. Казань).

в поисках более содержательной управленческой модели, приобретает первостепенное значение. В демократической конституционной системе власть должна быть распределена, урегулирована, ограничена, доступна, предсказуема, эффективна и подконтрольна[3]

Качественная характеристика демократии в ФРГ определяет обеспечение внутренней стабильности и социальной справедливости, которые необходимо рассматривать как наиболее значимые достижения в развитии немецкого общества после Второй мировой войны. Такие результаты в значительной степени объяснялись той мерой ответственности, которую правящие круги ФРГ несли и несут за судьбу своего народа. Г. Шмидт — один из крупных политических деятелей Федеративной республики, в одном из своих публичных выступлений ярко выразил свое мнение по отношению к тем, кто занимает государственную должность: «Политик должен быть ответственным за последствия своих действий и последствия своих бездействий. Он отвечает не только за успехи, но и за неудачи»[4]. Такой подход позволяет изучить, как правящие круги ФРГ добивались успешных решений по повышению результативности своих действий в области внутренней и внешней политики.

Качество немецкой демократии проявляется и в том, что выборы обеспечивают активное участие в политическом процессе путем голосования основной части электората. Одна из особенностей ФРГ в том, что в волеизъявлении участвуют значительные слои населения. Активность немецких граждан на парламентских выборах достигает высокого уровня, как правило, показатель участия в голосовании превышает 80 %. Вместе с тем на парламентских выборах 1972 и 1976 гг. число проголосовавших составило 91,1 и 90,7 %. Наименьшее число участников выборов отмечено в 1949 и 2005 гг. (78,5 и 77,7 % соответственно)[5].

В своем развитии ФРГ опиралась на применяемые в ходе государственного строительства основополагающие для немецкого народа ценности многообразия, корпоративности, земельного партикуляризма. Эти ценности, являясь традиционно присущими немцам, оставались в их исторической памяти и использовались в практической деятельности. Многообразие проявилось в организации успешно действующей модели федеративного государства. ФРГ выступила в

качестве центрального федеративного государства, в котором земли представляют собой самостоятельные государственные образования. В связи с этим в политической системе существенно возросла роль не только парламентских, но и земельных выборов. Если в результате общенациональных парламентских выборов происходит избрание нижней палаты ФРГ (бундестага), то земельные выборы определяли партийное соотношение в регионах. Это позволило землям делегировать своих представителей в бундесрат — высший административный федеральный орган власти, представлявший верхнюю палату немецкого парламента. Бундесрат активно соучаствует в осуществлении политики федерального правительства, отстаивая интересы регионов. В корпоративной политической системе тесным образом оказались связаны общество и государство. Роль государства в определении характера и содержания управленческих решений оказалась значительна. Это объясняется тем, что после окончания второй мировой войны ФРГ пришлось преодолевать систему властных отношений нацистского государства. При этом западные демократии во главе с США настояли на том, чтобы немецкая пропорциональная избирательная система выборов периода Веймарской республики в новых исторических условиях была дополнена мажоритарной избирательной системой. Так, в результате компромисса сложилась модель проведения выборов в бундестаг, согласно которой половина депутатов нижней палаты парламента избирается по пропорциональной системе выборов, вторая — по мажоритарной системе. Проявлением германского земельного партикуляризма явилась система, при которой органы центральной власти в значительной мере начали полагаться и на решения земельных правительств. В результате взаимно обеспечиваются интересы федерации и земель.

В управленческих решениях значительная роль отводилась политической конкуренции. При этом следует исходить из неразрывной, устойчивой взаимосвязи качества управления и уровня жизни. Несомненные достижения ФРГ заключаются в решении таких основополагающих для немецкого общества вопросов, как высокие материальная и правовая защита населения, соответствующие западноевропейским показателям и стандартам. Конкуренция на выборах помогала утвердиться у власти лучшим представителям национальной

элиты, которые могли реально обеспечить будущее зарождающейся и развивающейся демократической Германии.

Федеративная республика в экономике, социальных преобразованиях, политической сфере добилась значительных результатов. Немцам в короткие сроки удалось в западной части страны преодолеть нацистскую, затем на востоке Германии — сталинистскую модели организации общества. ФРГ быстро и эффективно интегрировалась в систему экономических и военно-политических союзов Запада, построила демократическое государство. В настоящее время Германия занимает лидирующие позиции в Европейском Союзе, играет конструктивную, стабилизирующую роль в системе международных отношений. Выборы содействовали решению этих вопросов.

Избирательный процесс предполагает использование различных механизмов и действий организации политической конкуренции. Это делается для того, чтобы принимать решения, пользующиеся наибольшей поддержкой избирателей, соответственно повышается и ответственность власти перед обществом. В результате накануне и в ходе избирательных кампаний совершенствуются предвыборные программы политических партий, различные политические силы стремятся добиться конкурентных преимуществ путем получения на выборах существенной поддержки электората. Так, конкуренция влияет на повышение качества управления, поскольку контроль немецкого общества за действиями власти предоставляет дополнительные возможности активно соучаствовать в вопросах государственной политики.

На наш взгляд, в ФРГ следует выделить основные составляющие политической конкуренции на выборах всех уровней, в том числе парламентских. В первую очередь, это свобода выбора избирателя голосовать так, как житель республики предпочитает делать. Исключаются возможности осуществления административного давления, как и за кого голосовать. Решение этого вопроса обеспечивается законодательно и умением немцев защищать и обеспечивать свои права от произвола власти. В этом активно участвуют общество и государство. Первый раздел Основного Закона ФРГ называется «Основные права» и посвящен обеспечению прав человека от произвола власти. В ст. 1 записано: «Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всей государственной власти»[6]

Несомненно, важную роль в развитии политической конкуренции оказывают реальные альтернативы демократического выбора, позволяющие обществу и власти предлагать избирателям различные варианты осуществления курса государства в области внутренней и внешней политики. Основными из них являются консервативная, реформистская и либеральная модели, на базе которых определялась политика в различных областях государственного строительства. Консервативную управленческую модель в стране представляют ХДС и ХСС. Реформистские варианты преобразований предлагает СДПГ. Либеральные ценности отстаивает СвДП. В начале 80-х гг. XX в. в ФРГ сформировалась четвертая значимая политическая сила — Зеленые, получившая представительство в бундестаге. С 1994 г. в высшем законодательном органе страны ее сменила партия Союз 90/Зеленые.

Конкурентная борьба в избирательном процессе способствует решению вопроса минимизации политических рисков. В выборах различного уровня, в том числе парламентских, участвует неонацистская Национал-демократическая партия (НДП). Левый спектр политических сил страны определяет Партия демократического социализма (ПДС). Правящие круги ФРГ не без оснований полагают, что НДП и ПДС лучше допускать к участию в выборах, чем создавать условия для расширения действий внепарламентской оппозиции. Такое может позволить себе только сильное демократическое государство. При этом правящие круги республики исключили возможности элите бывшей ГДР приобретать крупную собственность в Восточной Германии. Согласно оценкам исследователей ФРГ, восточные немцы после воссоединения Германии в полной мере не смогли интегрироваться в общую систему институциональных преобразований. По их мнению, 60,3 % бывшей номенклатуры ГДР нашли себя в политике, 16,5 % — в СМИ, 0,7 % — в экономике[7]. В итоге западногерманская экономическая элита в восточных германских землях после 1990 г. получила преимущества для более активного участия в разгосударствлении и приватизации.

Организация и проведение парламентских выборов позволили властям ФРГ исключить монополию одной политической партии над другими. В результате избирательных кампаний по выборам в бундестаг ни одна партия страны

не сумела получить более 50 % голосов избирателей. Ближе всего к такому показателю в 1972 г. находились социал-демократы, добившиеся поддержки 45,8 % избирателей[8]. В 1957 г. христианские демократы достигли лучшего результата, который составил 39,7 %[9] Такая расстановка политических сил выдвигала на повестку дня идею создания коалиционных правительственных кабинетов. Достижение взаимных уступок и компромиссов, умение договариваться стало важнейшей составной частью системы организации власти и управления в ФРГ. Так, в 1966 г. на правах младшего партнера в правительство ХДС/ХСС была допущена СДПГ. Были проверены возможности социал-демократов нести бремя власти и ответственности за свои решения в вопросах внутренней и внешней политики. В 2005 г. совместную правительственную коалицию составили ХДС, ХСС и СДПГ. Традиционную роль довеска более крупных партий в политической системе страны выполняла и выполняет Свободная демократическая партия, блокирующаяся с более крупными партиями (ХДС или СДПГ). В 1998—2005 гг. на федеральном уровне в коалиции с СДПГ небезуспешно участвовала партия Союз 90/Зеленые.

Еще более широкая партийная основа характерна для правительственных кабинетов на земельном уровне. Так, по состоянию на апрель 1999 г. однопартийные правительства с участием СДПГ имелись в четырех землях — Нижней Саксонии, Бранденбурге, Саксен-Анхальте, Сааре. ХДС утвердил однопартийный кабинет в Саксонии, ХСС — в Баварии. В остальных землях действовали коалиционные правительства. СДПГ и Зеленые создали совместные правительства в Северном Рейне — Вестфалии, Шлезвиг — Гольштейне, Гамбург. СДПГ совместно с ХДС сформировала общее правительство в Бремене, с СвДП в земле Рейнланд — Пфальц. Примечательно, что в земле Мекленбург-Форпоммерн социал-демократы образовали правительственную коалицию с ПДС. ХДС создала коалиционный кабинет с привлечением СДПГ в Берлине и Тюрингии, с участием СвДП в Баден-Вюрттемберге и Гессене[10]

Политическая конкуренция в ФРГ выражалась и в противостоянии модели выборов второго немецкого государства — ГДР. Такой подход позволяет показать реальные преимущества политической системы ФРГ в обеспечении

интересов и прав человека по сравнению с существовавшей прежде Германской Демократической Республикой. Стратегия конкуренции строилась на эффективных видах деятельности. Организация политической конкуренции в избирательном процессе ФРГ решала задачу реализации такой системы выборов, которая не только сумела бы защитить ростки зарождающейся немецкой демократии, но была бы конкурентоспособной по сравнению с другими западными странами.

Уникальность немецкой системы управления политическими процессами состояла в ряде особенностей. Во-первых, западные немцы сумели опередить своих оппонентов, в том числе и другие западные европейские страны в осуществлении важнейших социально-экономических реформ. Народное хозяйство ФРГ развивалось на принципах экономической идеологии неолиберализма, что позволило добиться максимальных результатов в развитии промышленности и сельского хозяйства. Властям Западной Германии не только удалось решить вопрос успешного сочетания интересов и возможностей государственного и частного секторов, но и эффективно использовать экономическую помощь США по плану Маршалла. На первое место были поставлены вопросы жилищного строительства. Масштабы и темпы восстановления народного хозяйства, связанные с опережающим развитием жилья, поражали своим размахом. Так проявлялась экономическая составляющая в преодолении нацистского прошлого.

Во-вторых, ФРГ сумела создать и реализовать успешный вариант социальных преобразований. Соучастие лиц наемного труда в управлении промышленными предприятиями — это то слагаемое успеха, которое было присуще западногерманской демократии. «Благосостояние для всех и для каждого» — так можно определить основную идею демократических преобразований в ФРГ.

В-третьих, эффективной оказалась система организации и проведения выборов, обеспечившая политическую конкуренцию в самом избирательном процессе страны. Политическая конкуренция на выборах в ФРГ осуществлялась в сложных условиях исторического развития немецкого государства. Конкурентная политическая среда сначала в западных зонах оккупации, затем в ФРГ создавалась при одновременном

Заказ № 6759

действии внутриполитического и международного факторов. Основными соперниками в борьбе за власть выступили Христианско-демократический союз и Социал-демократическая партия Германии. В общей сложности за ХДС/ХСС на земельных выборах 1946—1948 гг. проголосовало 35,5 % граждан Западной Германии, христианские партии получили в общей сложности 715 депутатских мест. Социал-демократы добились поддержки 36,8 % избирателей, ее депутатский корпус в ландтаге составил 800 человек[11] Казалось, социал-демократы могли рассчитывать на успех в парламентских выборах 1949 г., однако, получив 31 % голосов избирателей, победу праздновал ХДС/ХСС. СДПГ довольствовалась поддержкой 29,2 % избирателей[12] В последующем каждая из политических сил (ХДС/ХСС или СДПГ) стремилась доминировать на политической арене страны.

Вопросы модернизации выдвинули на повестку два основных варианта преобразований. Первый из них отстаивали демохристиане и социальные христиане. Лидеры ХДС и ХСС выступали за ускоренную интеграцию республики в систему экономических и военно-политических союзов западных стран. Так, в области экономической интеграции ФРГ уже с 1950 г. стала членом Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). На его основе в 1957 г. создано Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). В 1992 г. ЕЭС преобразован в Европейский Союз. В мае 1955 г. ФРГ становится членом НАТО.

Блок ХДС/ХСС в коалиции с СвДП в 1990 г. сыграл решающую роль в национальном объединении. Так, в интеграционные процессы активно была вовлечена Восточная Германия. Парламентские выборы, состоявшиеся в декабре 1990 г., последовавшее за этим формирование общегерманского правительства, юридически закрепили вхождение восточной части Германии в состав ФРГ.

Таким образом, управление избирательным процессом стало важным элементом политического развития ФРГ. Федеративная республика сумела добиться решения вопроса создания качественной и устойчивой власти. Население получило возможность реализовать свои голоса и выбирать такие властные структуры, которым оно оказывало свое доверие. Основой успешно организованной политической деятельности являлась конкуренция. Так, парламентские

выборы в ФРГ, используя механизмы конкурентной борьбы, обеспечивали формирование основных звеньев политической власти. В результате повышалось качество управленческих решений, активизировалось участие граждан в избирательном процессе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Wahlen D. Lebensgründe der Demokratie. Bonn. 1991. S. 11.

[2] *Кант И.* Метафизика нравов // Основы метафизики нравственности. Критика практического разума / Пер. с нем. М., 2005. С. 390.

[3] *Валадес Д.* Контроль над властью / Пер. с исп. М., 2006, С. 20.

[4] *Schmidt H.* Globalisierung Politische, Ökonomische und Kulturelle Herausforderungen, Düsseldörfer Vorlesungen. Stuttgart. 1998. S. 142.

[5] Deutschlandchronik 1945 bis 2000 / Bonn. 2000. S. 65—554; Wirtschaft und Statistik 2005. № 11. S. 1153—1167.

[6] Основной Закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 года (с последующими изменениями и дополнениями от 20 октября 1997 г.). Бонн. 2002. С. 1.

[7] См.: Kölner Zeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie. 1997. Heft 2. S. 540.

[8] *Lehman H. G.* Deutschland Chronik 1945 bis 2000. Bonn. 2000. S. 218.

[9] Ibid., S. 115.

[10] *Gros J., Glaab M.* Faktenlexikon Deutschland. Geschichte. Gesellschaft. Politik. Wirtschaft. Kultur. München. 1999. S. 341.

[11] Parteien in der Bundesrepublik Deutschland. Opladen. 1992. S. 526—527, 530.

[12] Ibid.

Поступила 29.03.07.

А. В. БЛИКАНОВ

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНОГО КОНТРОЛЯ В РЕГИОНЕ

Необходимым условием эффективности правового регулирования финансовых отношений выступает финансовый контроль как составная часть единого механизма государственного контроля. Наличие финансового контроля обусловлено тем, что финансам присущи не только распределительная, но и контрольная функции. Осуществляют финансовый контроль в порядке, установленном законом, органы государственной власти, местного самоуправления, в том числе специальные контрольные органы при участии общественных организаций и граждан.

Финансовый контроль — это система мероприятий по проверке законности, целесообразности и эффективности действий по формированию, распределению и использованию финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении федерального правительства, региональных и местных органов государственной власти. В наиболее концентрированном виде подходы к формированию и функционированию органов финансового контроля сформулированы в Лимской декларации о руководящих принципах финансового контроля, принятой на девятом Конгрессе международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в октябре 1977 г. Декларация закрепляет общепризнанное на Западе мнение, что независимые органы государственного бюджетно-финансового контроля — непременный атрибут демократического общества, обязательный элемент управления общественными финансовыми средствами[1].

Значение финансового контроля существенно возросло с конца 90-х гг. XX в. Именно тогда объектами финансового контроля стали рассматривать бюджетную систему и не-

---

БЛИКАНОВ Андрей Валентинович, ведущий специалист Контрольно-счетной палаты Кабардино-Балкарской Республики.

государственный сектор экономики. Частные предприятия являются плательщиками налогов и сборов, исполнителями государственных заказов, получателями бюджетных средств и налоговых льгот, а потому подлежат государственному контролю.

Задача органов государственного финансового контроля состоит в том, чтобы способствовать надежности и устойчивости бюджетной системы. Требование контрольных органов обеспечить рациональное и эффективное расходование бюджетных средств не означает, что они вправе препятствовать финансово-хозяйственной деятельности организаций, скорее эта работа направлена на содействие ответственному исполнению бюджетными организациями своих смет доходов и расходов. На наш взгляд, органы государственного финансового контроля должны значительно в меньшей степени концентрировать свое внимание на сиюминутной оценке финансового состояния организаций и в значительно большей степени — на оценке качества внутренних процессов, защищающих от будущих потерь, и доводить до проверяемых организаций необходимость оценки дальнейших рисков[2].

Органы государственного финансового контроля не должны ограничиваться рамками государственных финансов в выборе направлений контроля. Это способствует маневренности и эффективности контроля и обеспечивает возможность быстрого реагирования на процессы накопления и перераспределения финансовых ресурсов. Например, Контрольно-счетная палата Кабардино-Балкарской Республики строит свою работу на основе годовых планов, формирующихся из необходимости обеспечения всестороннего контроля за исполнением доходов и расходов республиканского бюджета по всем видам и направлениям. Помимо Контрольно-счетной палаты, финансовый контроль в республике осуществляют Федеральная служба финансово-бюджетного надзора, Контрольное управление Администрации Президента КБР, Министерство финансов КБР, муниципальные контрольные органы, иные ведомства в рамках своей компетенции.

В процессе реализации своих функций органы финансового контроля осуществляют контрольно-ревизионную, экспертно-аналитическую, информационную и иную деятельность, обеспечивая функционирование единой системы контроля исполнения бюджета, а также формирования государственных

внебюджетных фондов, финансовых ресурсов, образование и целевое использование которых регламентировано действующим законодательством. Это предусматривает:

— организацию и проведение оперативного контроля надлежащего исполнения бюджета в текущем финансовом году;

— проведение комплексных и тематических проверок и ревизий по отдельным разделам, подразделам и статьям бюджета и государственных внебюджетных фондов, по средствам государственных (целевых) программ;

— экспертизу проектов бюджета, законов и иных нормативных правовых актов органов государственной власти, государственных (целевых) программ, договоров и соглашений, иных документов, затрагивающих вопросы бюджета и других финансовых ресурсов;

— анализ нарушений и отклонений в бюджетном процессе, подготовку и внесение в вышестоящие органы государственной власти предложений по их устранению, а также совершенствованию бюджетного процесса в целом;

— подготовку и представление заключений в адрес вышестоящих органов власти по исполнению бюджета, формированию и использованию целевых бюджетных фондов и государственных внебюджетных фондов в отчетном году;

— подготовку и представление заключений и ответов на запросы органов государственной власти.

В регионах РФ и в Кабардино-Балкарской Республике более эффективной деятельности органов государственного финансового контроля, на наш взгляд, мешает, во-первых, незавершенность формирования правовой базы государственного финансового контроля. Это приводит к тому, что усилия контролирующих органов направляются, в основном, на удовлетворение ведомственных интересов. Требуют существенного развития и вопросы усиления мер ответственности за нарушения требований законности, эффективности формирования и экономии расходования государственных средств на региональном уровне. Во-вторых, слаба реализация функций предварительного контроля, который носит формальный характер и не подкреплен мерами по устранению выявленных недостатков. Это ведет к сужению диапазона контрольной деятельности за поступлением доходов того или иного бюджета. В-третьих, отсутствие на

региональном уровне отработанных и утвержденных в законодательном порядке механизмов возмещения средств, в использовании которых допущены финансовые нарушения, что в первую очередь сказывается на уровне наполнения бюджета на последующий период. В-четвертых, отсутствие единой методологии, стандартов и методик проведения контрольных мероприятий, в том числе при взаимодействии с другими органами государственного финансового контроля. На практике получается, что контрольные органы никак не координируют свои функции. В-пятых, отсутствие единой информационной системы, позволяющей связать вычислительные ресурсы Счетной палаты РФ, региональных и муниципальных органов государственного финансового контроля в единое информационное пространство. Наличие такой системы решит вопрос оперативного обмена необходимыми в работе материалами, а также более тесного взаимодействия контрольных органов. В-шестых, незавершенность в вопросах формирования муниципальных контрольно-счетных органов. В Кабардино-Балкарской Республике функции таких органов выполняет Контрольно-счетная палата КБР. К сожалению, ни Бюджетный кодекс, ни Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не устанавливают обязательность организации внешнего финансового контроля за средствами местных бюджетов и муниципальным имуществом. Это обстоятельство приводит к негативным последствиям и используется органами власти муниципальных образований, которые не желают установления внешнего контроля за своей деятельностью в финансово-материальной сфере. Анализ показывает, что часто представительные органы местного самоуправления формируются из местных руководителей, связанных между собой корпоративными интересами. Именно в таких муниципальных образованиях при подготовке изменений в уставы обычно игнорируются положения Федерального закона № 131-ФЗ о включении в структуру органов местного самоуправления контрольного органа, не предусматриваются расходы на его содержание.

Имеющиеся проблемы в сфере государственного финансового контроля привели к тому, что он децентрализован и отделен от других форм контроля, например, налогового.

Зачастую налоговые органы просто отказывают региональным контрольно-счетным органам в предоставлении необходимой информации.

Конечно, решение этих проблем — вопрос не одного дня. На наш взгляд, первоочередной задачей на пути их решения должно быть становление региональных контрольно-счетных палат как центральных звеньев системы государственного финансового контроля соответствующих регионов. Так, в настоящее время две трети региональных контрольно-счетных органов самостоятельны, а одна треть входит в состав законодательных органов. В ряде субъектов РФ контрольно-счетные органы не являются полноправными участниками бюджетного процесса, а их роль сводится к подготовке материалов по вопросам исполнения регионального бюджета по поручению законодательного органа.

В Кабардино-Балкарской Республике контрольно-счетная палата — центральное звено системы государственного финансового контроля, успешно осуществляет свою деятельность. В 2003 г. здесь принят республиканский закон «О Контрольно-счетной палате Кабардино-Балкарской Республики», придавший этому органу высокий статус и наделивший его достаточно широкими полномочиями. Контрольно-счетная палата КБР стала постоянно действующим и независимым контрольным органом. По сути, закон направил ее деятельность на реализацию права республики обеспечивать свои финансовые интересы, а также интересы граждан, на приумножение и эффективное использование государственных финансовых средств, средств внебюджетных фондов, имущества, находящегося в республиканской собственности.

Только за 2005 г. Контрольно-счетной палатой КБР проведено 11 контрольно-ревизионных мероприятий, которыми охвачено 20 объектов, проведено 14 экспертно-аналитических исследований. В течение 2005 г. подготовлены и представлены в Парламент КБР экспертные заключения на отчеты Правительства «Об исполнении республиканского бюджета КБР за 2004 год», «Об исполнении республиканского бюджета КБР за 9 месяцев 2005 года», законопроекты «О внесении изменений в закон КБР «О республиканском бюджете КБР на 2005 год», «О межбюджетных отношениях КБР», «О республиканском бюджете КБР на 2006 год».

Совершенствование системы государственного финансового контроля невозможно без принятия Федерального закона «О государственном финансовом контроле», закрепляющего основные принципы создания, деятельности и взаимодействия контрольно-счетных органов субъектов РФ, или необходимых дополнений соответствующими статьями Бюджетный кодекс РФ. Для граждан все контролирующие органы — представители органов власти, которая в их сознании едина. Людям сложно разобраться, что контролеры Минфина и Счетной палаты решают разные задачи. Поэтому необходимо на законодательном уровне разграничить предметы ведения и полномочия трех «вертикалей» контроля: президентского, внешнего и внутреннего, что позволит добиться разумной «специализации» контрольных органов, получить комплексный результат, трехмерное изображение контролируемых процессов.

Закон в случае его принятия должен четко регламентировать механизм прямого воздействия на нарушителей бюджетного законодательства со стороны региональных контрольно-счетных органов. Только таким образом можно повысить эффективность пресечения фактов нецелевого и неэффективного использования бюджетных средств. В связи с этим следует отметить, что уже сегодня в ряде регионов приняты законы об установлении административной ответственности за нарушение бюджетного законодательства, однако эти нормы противоречат федеральному законодательству, так как такая ответственность может быть установлена исключительно на федеральном уровне.

Необходимо наделить контрольно-счетные органы правом законодательной инициативы по вопросам их компетенции (правом внесения в законодательный (представительный) орган разработанных ими законопроектов), что позволит контрольно-счетным органам более активно участвовать в устранении недостатков регионального бюджетного законодательства на основе опыта, накопленного ими в ходе контрольной и экспертно-аналитической работы.

Совершенствование государственного финансового контроля невозможно без усиления комплексности ревизий производственной и финансово-хозяйственной деятельности проверяемых организаций. Такая необходимость обусловлена усложнением финансовой деятельности на проверяемых

объектах. В настоящее время из-за недостаточно высокого уровня постановки бухгалтерского учета на проверяемых объектах контрольные органы не всегда имеют возможность максимально оперативно проанализировать рациональность и эффективность исполнения бюджета.

Необходима модернизации методов проверки, анализа и оценки исполнения бюджета за счет преобладания проверки качества управления, а также разграничения понятий «аудит эффективности» и «эффективность аудита»[3] Применение в практике методов стратегического аудита, который, не ставя перед собой целей обсуждения целесообразности принятых государством решений, позволит оценить ресурсную обеспеченность и реализуемость заявленных планов, сделает процессы наблюдаемыми, значит — контролируемыми. Решению этой задачи может способствовать более тесная работа региональных органов финансового контроля под эгидой Ассоциации контрольно-счетных органов РФ и иными органами, наделенными контрольными функциями. Кроме того, необходимо обеспечить контроль с помощью современных информационных технологий. Для этого требуется завершить работу по созданию единого информационного пространства государственного финансового контроля. Его элементы уже работают в 10 субъектах РФ. Это пилотные модули Государственной информационно-аналитической системы контрольно-счетных органов России. Имеются различные информационные системы органов государственной власти, которые тоже можно использовать. Так, внедрение автоматизированной системы управления бюджетным процессом в Кабардино-Балкарской Республике способствовало построению более четкой и рациональной системы бюджетных трансфертов и санкционирования расходов республиканского бюджета.

Предлагаемое решение позволит довести систему контроля до каждого региона и муниципального образования, обеспечить учет и анализ возрастающего количества данных, высокое качество и соблюдение стандартов государственного финансового аудита[4]

Таким образом, финансовый контроль в регионах должен рассматриваться как важнейший элемент общегосударственного контроля, являющегося сложной системой общественного контроля. Независимость, принципы создания и деятельности

высшего контрольного органа региона должны гарантироваться и регламентироваться федеральным законом. В процессе усовершенствования государственного финансового контроля необходимо его взаимодействие с иными государственными органами власти. Большое значение имеет соблюдение субординации при построении региональных органов финансового контроля в структуре общегосударственных контрольных институтов. Система финансового контроля регионов должна быть быстро адаптирована к изменениям во внешней и внутренней политике государства, что влечет за собой необходимость разработки единой методологии осуществления государственного финансового контроля, предполагающего комплексность проводимых ревизий, а также создание единого информационного пространства контрольно-счетных органов России.

Решение этих задач послужит залогом создания эффективной системы бюджетного финансирования и достижения высокого уровня бюджетной дисциплины и обеспечения сохранности бюджетных средств, предотвращения их нецелевого использования, более оперативного вскрытия отклонения от принятых стандартов, выявления нарушений финансовых принципов, законности, установления фактов неэффективного, неэкономного, нецелесообразного и расточительного расходования бюджетных средств.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Данилевский Ю. А., Овсянников Л. Н.* Государственный финансовый контроль в России // Бухгалтерский учет. 2005. № 16. С. 12.

[2] См.: *Бобкова О. В., Борисов М. С., Гатин А. М., Колпаков Р. В., Никитина О. В., Романова Е. В., Степанова О. Н.* Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации // СПС Консультант плюс. 2007. С. 51—70.

[3] См.: *Пансков В.* Аудит эффективности: проблемы адаптации и внедрения // Финансовый контроль. 2005. № 9. С. 15.

[4] См.: *Степашин С. В.* Государственный финансовый контроль в России: прошлое, настоящее и будущее // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 5. С. 3.

Поступила 28.02.07.

В. М. ПАШИН

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ В УСЛОВИЯХ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ И ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

Региональные системы управления органами внутренних дел (ОВД) являются одним из основных элементов механизма государственного управления в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Выступая при этом как субъект и объект управления, региональные системы ОВД осуществляют свою деятельность в условиях воздействии на них внерегиональных и внутрирегиональных факторов.

Внешние факторы — это условия среды, выступающие доминантой функционирования системы, которая изменить их не может, но должна учитывать при организации своей деятельности. Это типовое положение о министерстве внутренних дел, главном управлении, управлении внутренних дел по субъекту РФ, или типовое положение об отделе (управлении) внутренних дел по району (муниципальному району), городу (городскому округу) и иному муниципальному образованию, в том числе по нескольким муниципальным образованиям.

На внутренние факторы субъект управления имеет возможность воздействовать. Это установление штатного расписания ОВД; изменение подразделений в пределах установленного фонда оплаты труда и лимита численности на основе схемы размещения с учетом примерных моделей и нормативов организационного построения; установление перечня должностей предельных специальных званий и должностных окладов сотрудников (работников) ОВД; установление дополнительной численности ОВД, содержащихся за счет средств соответствующих бюджетов и т. п.

ПАШИН Вадим Михайлович, докторант кафедры теории и социологии управления Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Региональные системы управления ОВД находятся под постоянным воздействием внерегиональных факторов. Особо следует отметить, что правоохранительная система России всех уровней всегда отражала политические аспекты управления государством. Поэтому система региональных правоохранительных органов в основе имеет не только социально-экономические и социально-политические факторы развития региона, но и всего общества.

Каждый из субъектов РФ «включен» в этот процесс, так как является одним из объектов государственного управления. Реализация региональной государственной социально-экономической политики осуществляется на фоне воздействия глобальных геополитических процессов. Таким образом, развитие региональных систем управления ОВД направлено на разработку общего — федерального механизма их управления и регионального. При этом следует иметь в виду, что они тесно взаимосвязаны и функционирование региональных систем управления ОВД должно анализироваться с точки зрения их взаимодействия со всеми уровнями системы управления органами внутренних дел.

К факторам внерегионального воздействия на системы регионального управления ОВД, в первую очередь, следует отнести общепризнанные принципы и нормы международного права, например, Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, Основные принципы обращения с заключенными; Конвенцию СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия. Сегодня по линии МВД РФ действует более 60 соглашений (договоров) рамочного характера о взаимодействии (сотрудничестве), заключенных с соответствующими органами стран-членов СНГ. Например, Соглашение о взаимодействии министерств внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с преступностью; Соглашение о взаимоотношениях министерств внутренних дел в сфере обмена информацией; Соглашение о взаимодействии министерства внутренних дел Российской Федерации и Республики Таджикистан в установлении местонахождения и задержании лиц, находящихся в международном розыске. Следует также отметить, что соглашения (договоры) за-

ключены с США, Великобританией, Израилем, Финляндией, Швецией, Египтом, ФРГ и рядом других стран.

Федеральное законодательство также регламентирует вопросы взаимной помощи в области уголовного правосудия. Это Конституция РФ, федеральные законы от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»; от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»; от 23 декабря 1992 г. № 4202-I ФЗ «О милиции» и др.

Существенной представляется разработка методологических подходов и методик анализа и оценки внешней среды функционирования ОВД России с учетом региональных особенностей. Решение этой проблемы предполагает овладение ОВД понятиями и терминами, характеризующими их внешнюю среду функционирования, например, индекс потребительских цен, индекс промышленного производства, стоимость минимального набора продуктов, безработные, стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, консолидируемый бюджет субъекта РФ и т. д.

Таким образом, к факторам внерегиональной внешней среды воздействия на региональные системы управления ОВД можно отнести прежде всего социально-экономическую и политическую ситуации в стране (инфляция, безработица, разгосударствление собственности, ваучеризация, приватизация и пр.; перераспределение властных полномочий между федеральной и региональной государственной властью в управлении ОВД; общее состояние криминогенной обстановки в стране; региональную государственную политику; функционирование федеральных органов государственной власти и управления в регионах; уровень жизни россиян; отношение общества к деятельности ОВД; миграционную, экологическую политику РФ; эффективность федерального законодательства, регламентирующего деятельность ОВД.

К негативным факторам внерегиональной внешней среды мы относим вакуум в духовно-нравственных основах деятельности ОВД; недостаточную престижность службы в ОВД; слабость государства в сфере обеспечения правопорядка; отсутствие федерального закона о государственной службе в ОВД; непоследовательную политику в сфере борьбы с преступностью; деформацию социальной структуры обще-

ства, сопровождающуюся возникновением маргинальных и слабозащищенных социальных слоев и групп населения, положение которых делает их потенциальным резервом преступности; необъективное освещение федеральными СМИ деятельности ОВД.

Таким образом, анализ регионального уровня управления ОВД с учетом внерегиональных факторов внешней среды позволяет определить основные особенности его функционирования как объекта управления. Отражая федеральные начала государства, внерегиональные факторы внешней среды оказывают воздействие на весь комплекс социальной, правовой и политической жизнедеятельности региона.

Внерегиональные факторы внешней среды определяют федеральное воздействие на региональную правоохранительную систему с целью ее управляемости в масштабе государства. Совершенно очевидно, что комплекс воздействий на регионы включает в себя несколько системообразующих элементов, а именно — региональную социальную и экономическую политику государства, макроэкономическую политику, сферу борьбы с преступностью, структурную и инвестиционную политику государства, состояние реформирования правоохранительных органов, определение основных бюджетных параметров и их характеристик.

Можно предположить, что региональный уровень будет отвечать требованиям объекта управления со всеми элементами функционирования в механизме государственного управления, если от его будет очередное воздействие на субъект управления. В данном случае объект управления воспринимает воздействия субъекта даже при наличии отрицательной обратной связи (при этом управление нарушается или прекращается). Положительная обратная связь указывает на адекватность оказываемых воздействий. Восприятие окажется положительным, если федеральный уровень воздействия, как субъект управления, учитывает особенности региона. В данном случае должны быть определены факторы внутрирегиональной внешней среды воздействия на системы регионального управления ОВД.

Нет сомнения в том, что факторы внерегиональной и внутрирегиональной внешней среды находятся в зависимости. Так, общий уровень преступности в стране определяется исходя из анализа состояния криминальной ситуации во всех

регионах РФ, а региональные особенности криминальной ситуации определяют приоритетные направления деятельности ОВД, направленных на борьбу с ней. К факторам внутрирегиональной внешней среды функционирования региональных систем управления ОВД мы относим природные, географические, демографические, социально-экономические, политические, влияние соседних регионов, «матрешечное» положение региона; производственные связи хозяйствующих субъектов, уровень благосостояния населения региона, миграционные процессы (законные и незаконные), уровень безработицы в регионе, региональное законодательство, уровень рецидива в регионе, наличие исправительных учреждений на территории региона, уровень коррупции в региональных органах государственной власти и управления, проявление национального, расового и религиозного экстремизма.

К факторам, являющимся существенным препятствием эффективного функционирования региональных систем управление ОВД, относятся территориальная отдаленность ОВД от административного центра, большая территория обслуживания, недостаточная социально-экономическая и правовая защищенность сотрудников ОВД и членов их семей, некачественное выполнение концепций, директив, перспективных комплексных планов, программ МВД России, ГУВД, УВД в субъектах РФ, слабая материально-техническая обеспеченность; неукомплектованность кадрами и их неэффективный подбор; выполнение несвойственных функций и многое другое.

Таким образом, особенности региональных систем управления ОВД обусловлены взаимодействием факторов внерегиональной и внутрирегиональной внешней среды. Системообразующие элементы комплексного воздействия на регионы (внерегиональная внешняя среда) дополняются и реализуются в условиях специфики региональных систем. Так, например, миграционные процессы реализуются в определенном субъекте РФ, определяя при этом его региональную особенность в криминальном отношении и направлении деятельности органов внутренних дел.

Поступила 20.07.07.

Л. Ф. ПЕТРОЖИЦКАЯ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАНАМИ СНГ

Межрегиональные связи в условиях постсоветского пространства имеют особое значение, вытекающее, во-первых, из сложившегося в советские годы единого государственного разделения труда; во-вторых, из-за сохраняющегося функционального пространства цивилизационного уровня, объединяющего духовные и культурные ценности, языковой инструментарий международного общения, нетитульные этнические общности на территории большинства стран СНГ; в-третьих, из потребности успешного осуществления рыночных преобразований в государствах СНГ, нуждающихся во взаимных потребительских, трудовых, сырьевых и т. д. ресурсах; в-четвертых, из логики общего направления процесса демократизации российского общества, в котором расширению прав и самостоятельности регионов отводится особая роль.

В отечественной науке отсутствует политологический анализ межрегионального взаимодействия. В отдельных исследованиях этот аспект проблемы рассматривается фрагментарно в контексте других исследовательских направлений[1] Совершенно не разработан вопрос межрегионального взаимодействия Российской Федерации со странами СНГ. Хотя пройденный более чем 15-летний путь суверенного развития бывших союзных республик изобилует позитивным опытом, нерешенными проблемами и деструктивными моментами, требующими осмысления.

Уровень и глубина содержания межрегионального сотрудничества субъектов РФ со странами СНГ во многом обусловлены спецификой регионального развития России, определяемой низкой плотностью населения на большей части территории, его многоэтническим и многоконфессиональным составом, пространственным разрывом между сосредоточе-

---

ПЕТРОЖИЦКАЯ Лариса Федоровна, председатель правления АКБ «Кредитсоюзкомбанк» (г. Москва).

Заказ № 6759

ниями природных ресурсов, населения и производственного капитала.

Особенности российских регионов также связаны с постсоветской пространственной организацией общественного хозяйства. На формировании регионального спектра развития России сказались «экстенсивная эксплуатация природных ресурсов, компенсирующая неэффективность их использования (отсюда — непрерывное движение в новые сырьевые регионы), милитаризация экономики (в том числе создание городов и целых агломераций с преобладанием предприятий ВПК), «остаточный принцип» выделения материальных и финансовых ресурсов на развитие коммуникационной и социальной инфраструктуры, политический экстремизм, выражавшийся в принудительном переселении крестьянства и массовом использовании труда, заключенных в хозяйственном освоении северных и восточных территорий»[2].

Регионы России, также как и регионы стран СНГ, дифференцировались по степени адаптационного потенциала к новым геополитическим и хозяйственным условиям, влияющим на возможности внешней активности, включая постсоветское экономическое и политическое пространство.

Между показателями уровня социально-экономического развития и рейтингом международной экономической активности регионов РФ прослеживается корреляционная зависимость. Как правило, высокий интегральный показатель экономической состоятельности субъектов России соответствует высокому показателю международной активности. И хотя критерии региональной типологии, принятые в экономической науке, соотносятся с активностью межрегиональных связей со странами СНГ, все же эта реалия общественно-политической и хозяйственной жизни регионов имеет свои особенности, не позволяющие адекватно оценить ее, обращаясь исключительно к инструментарию экономистов.

Для оценки уровня межрегиональных связей со странами СНГ была выработана оригинальная методика. На основе анализа международного и российского опыта выделены универсальные показатели межрегионального взаимодействия со странами СНГ: временная протяженность; связь с культурной и социально-экономической жизнью регионов; динамика развития. В свою очередь, каждый из принятых

показателей ранжирован по качественным признакам, имеющим количественную оценку.

Фактический материал для контент-анализа извлекался из периодической печати, официальных бюллетеней и отчетов региональных органов, в ведении которых находятся межрегиональные связи со странами СНГ. Предметом изучения стали все эпизоды межрегионального взаимодействия субъектов РФ со странами СНГ за 2001—2006 годы.

Полученные данные универсальных показателей сводились в одно количественное выражение (рейтинг активности межрегиональных связей со странами СНГ — РАМС) путем простого вычисления среднеарифметического их значения.

Изучение 1 747 эпизодов межрегиональных связей субъектов РФ позволяет сделать ряд выводов.

Субъекты РФ четко подразделяются на четыре группы регионов по степени активности, взаимодействия со странами СНГ: группа с отсутствием такового; с низким рейтингом активности — до 1,5; со стабильными межрегиональными связями со странами СНГ (рейтинг более 1,5, но менее 2,0); с высоким рейтингом активности межрегионального сотрудничества со странами СНГ (РАМС — более 2,0).

В первую группу вошли в основном периферийные и депрессивные регионы. Практически отсутствует взаимодействие со странами СНГ дальневосточных и восточносибирских территорий России. Это положение объясняется, во-первых, особенностью территориального расположения регионов; во-вторых, наличием в непосредственной близости к ним Китая и Монголии, сотрудничество с которыми в условиях демонополизации внешнеэкономической и международной деятельности способно восполнить «вакуум», возникший в связи с распадом СССР; в-третьих, подтверждается опыт европейских стран в межрегиональном сотрудничестве, свидетельствующий, что только развитые в социально-экономическом отношении регионы с наличием современной инфраструктуры и научно-культурного потенциала способны стать полноценными субъектами межрегиональных связей.

При этом заметим, что объективная материальная заинтересованность в межрегиональном взаимодействии со странами СНГ в этих регионах сохраняется. Таковой является их хозяйственная специализация в направлениях экономического роста, отсутствующих в большинстве бывших

союзных республик, не говоря о необходимости взаимного культурного обмена.

Вторая группа (с РАМС до 1,5) объединяет регионы Северо-Западного федерального округа, внешние связи которых сориентированы на сотрудничество с северными соседями: Финляндией, Швецией, Норвегией, странами Балтии. Обладая более высоким культурным и экономическим потенциалом, европейские государства для этих территорий наиболее привлекательны в плане взаимодействия, в том числе и межрегионального. Однако их собственный невысокий уровень развития не является стимулом активности в налаживании сотрудничества для стран СНГ, которые в условиях свободного выбора партнеров предпочитают более привлекательные полюса экономического и культурного взаимодействия. Можно предположить, что в перспективе отрицательная динамика межрегиональных связей со странами СНГ северо-запада России будет увеличиваться.

Во вторую группу регионов вошли также территории Центрального Черноземного района России: Калужская, Орловская, Рязанская, Тульская, Воронежская, Курская, Пензенская области. Их аграрная направленность малопривлекательна для стран СНГ, в большинстве которых сельскохозяйственная отрасль занимает значительное место в экономике. Причем во многих странах СНГ сельское хозяйство находится на более высоком уровне развития, например, в Казахстане. Казахстанский хлеб, составлявший в советские времена важнейший компонент общенациональных продовольственных запасов, сегодня дополняет нехватку продовольственного и фуражного зерна в неземледельческих бывших союзных республиках. Единственным резервом развития межрегиональных связей этих регионов на ближайшее время может стать культурный научный обмен. Российское образование и культура по-прежнему (хотя и в значительно усеченных пределах) конкурентный продукт на постсоветском пространстве.

В состав этой же группы включены Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Кировская область. Наличие в них природных ресурсов (прежде всего лесных) и относительно (по отношению к периферийным регионам) удобное географическое положение создают условия для эпизодических связей со странами СНГ. Создание материальной

основы межрегионального сотрудничества здесь лежит в плоскости, указываемой международным опытом, на пути социально-экономического развития.

Третья группа субъектов РФ объединяет регионы с устойчивыми межрегиональными связями со странами СНГ. В группе прослеживается дифференциация на два типа регионов. Во-первых, регионы, чье географическое положение определяет общность историко-культурного и природного ареала, в который, помимо российских территорий, входят территории соседних стран СНГ; приграничные территории, чья транспортная инфраструктура и микроэкономические хозяйственные связи ориентированы на трансграничное сотрудничество (Псковская, Смоленская, Белгородская области, Алтайский край, Республика Дагестан, Чеченская Республика и т. д.). Во-вторых, регионы, в силу своего культурного и социально-экономического уровня представляющие интерес для стран СНГ. К таким мы относим: Республику Карелия, Ленинградскую, Ивановскую, Ярославскую, Нижегородскую, Липецкую, Ульяновскую, Кемеровскую области и Краснодарский край. Межрегиональные связи здесь носят постоянный характер и имеют положительную динамику развития.

Четвертая группа регионов с наивысшим РАМС также делится на несколько подгрупп. Во-первых, это культурно-политические центры России: Москва, Санкт-Петербург, Казань, Новосибирск, которые, помимо большого экономического и торгового потенциала, аккумулируют значительный культурно-политический ресурс. Во-вторых, приграничные территории: Курганская, Оренбургская, Омская области. Важнейшую роль в активизации их межрегиональных связей со странами СНГ (прежде всего с Казахстаном) сыграла политическая воля центрального руководства государств, поэтому эта подгруппа регионов объединила столь разнородные по уровню социально-экономического развития субъекты РФ.

Особое место в этой подгруппе принадлежит Северной Осетии, в которой межрегиональные связи с Южной Осетией, входящей в состав Грузии, генерируются в острую проблему сохранения национального и культурного единства народа, поэтому субъектом межрегиональных связей фактически является все население республики.

В-третьих, центры промышленного производства России, способные к конкурентообеспеченному партнерству со стра-

нами СНГ. Это Астраханская, Волгоградская, Самарская, Свердловская, Челябинская области. В-четвертых, в группу с наивысшим РАМС вошла Тюменская область. Основным фактором ее межрегиональной активности стал большой природно-ресурсный потенциал и широкий рынок сбыта плодоовощной продукции Казахстана и Узбекистана. Ее приграничное положение в этой связи не носит определяющего значения.

Таким образом, предложенная классификация регионов РФ, на наш взгляд, отражает основные тенденции развития их связей со странами СНГ. Ее учет позволит направить это взаимодействие в более конструктивное русло.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Абдулатипов Р. Г.* Обустройство народов: российская модель. М., 1999; *Атаманчук Г. В.* О целостности государства и государственного управления. Ростов н/Д, 2001; *Аюпов М. А.* Региональные особенности политико-трансформационных процессов в современной России. Уфа, 2003; Асимметричная Федерация: взгляд из центра, республик и областей. М., 1998; *Валентей С. Д.* Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998; *Горбунов Н. В.* Межрегиональное сотрудничество. М., 2002 и др.

[2] Региональное развитие: опыт России и Европейского союза / Под ред. А. Г. Гранберга. М., 2000. С. 19.

Поступила 24.08.07.

Е. В. СИБИРСКАЯ *О. А. СТАРЦЕВА* *Н. В. ПЬЯНОВА*

СИСТЕМНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Перевод экономики страны на рыночные основы требует теоретического переосмысления концепции функционирования региональных социально-экономических систем. В то же время взаимообусловленность воспроизводственных отношений позволяет охарактеризовать региональную экономику как подсистему общей экономической системы федеративного государства. В связи с этим актуальной задачей становится разработка практических и теоретических основ функционирования относительно обособленных экономик регионов при одновременной их интеграции в глобальную систему, а также проблем прогнозирования социально-экономического развития регионов.

Функционирование экономики региона обусловливается действием объективных экономических законов, а также степенью государственного регулирования. В современных

СИБИРСКАЯ Елена Викторовна, заведующая кафедрой коммерции Орловского государственного института экономики и торговли, доктор экономических наук, профессор.

СТАРЦЕВА Олеся Анатольевна, старший преподаватель кафедры коммерции Орловского государственного института экономики и торговли, кандидат экономических наук.

ПЬЯНОВА Наталья Викторовна, ассистент кафедры маркетинга Орловского государственного института экономики и торговли.

условиях решаются проблемы возрождения на региональном уровне хозяйского отношения к экономической жизни. Создание механизма сочетания интересов в рамках региональных экономических систем — важная задача регионального управления.

В современных условиях функции и методы регионального управления основаны на сочетании экономических, социально-психологических, административных и идеологических подходов, гармоничном сочетании рыночных и прогностических показателей и программ. Рыночные методы регулирования исходят из общепризнанной системы государственного регулирования посредством экономических рычагов и стимулов, в том числе системы маркетинга.

Федеральная целевая программа развития региона представляет собой согласованный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс научно-исследовательских, проектных, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, реализуемых при активной поддержке государства и обеспечивающих эффективное решение задач общенационального, межтерриториального или регионального уровня. В связи с работами по Комплексному научному проекту «Методологические и организационно-методические проблемы развития регионов» СОПСиЭС при участии Института микроэкономики провел анализ практики разработки десяти федеральных целевых программ и подготовил проект «Общих методических рекомендаций по разработке федеральных целевых программ развития регионов»[1]

Рассматриваемые программы направлены на решение насущных задач регионального развития. Цели весьма разнообразны и определены социально-экономической обстановкой в регионе. Их достижение должно коренным образом ее улучшить, прежде всего способствуя скорейшему выходу из кризиса и стабилизации экономики. Ряд программ имеет содержательную концепцию, подробно отражающую современное состояние и основные проблемы развития хозяйства, цели, задачи и федеральную значимость программы, инвестиционную стратегию, научное обеспечение и т. д. В большинстве программ выбраны те направления развития (подпрограммы), которые в наибольшей степени отвечают долгосрочным интересам региона и России.

Имеется соответствующая нормативно-правовая база, а разработка специализированных научно-методических рекомендаций по формированию и реализации региональных программ ведется в СОПСиЭС и Институте микроэкономики Минэкономики России[2]

Проблемы прогнозирования эффективности функционирования региональных экономических систем особенно актуальны. При этом главным стало достижение не просто оптимального сочетания общегосударственного и регионального управления, а эффективной саморегулируемости региональных экономических систем при активной роли государственных и региональных органов государственной власти.

Возрастание роли и значения региональной экономики в современных условиях объясняется рядом обстоятельств. Регионы трансформируются в субъекты присвоения и управления. Каждый регион должен обладать оперативно-хозяйственной самостоятельностью, обусловленной определенной региональной замкнутостью, на основе которой происходит формирование регионально-отраслевой кооперации и специализации труда, обеспечивающей создание условий эффективного функционирования предприятий, расположенных на территории региона[3]. Имеет место ярко выраженный противозатратный характер развития региональных экономических систем, четкая целенаправленность, относительная сбалансированность и стабильность социального прогресса. В современных условиях существенно возрастает роль сбалансированно развивающихся региональных экономических систем, к которым следует отнести и региональные промышленно-производственные комплексы.

Региональную экономику следует рассматривать с позиций обеспечения условий наиболее эффективного функционирования всех экономических субъектов, расположенных как на территории региона, так и за его пределами[4] С точки зрения системы целей и задач региональная экономика противоречива по своему содержанию. Прежде всего она развивается в интересах всей страны. В то же время, наряду с общегосударственными, требуется удовлетворение региональных интересов с учетом экономических, социальных, экологических и других особенностей региона[5] В связи с этим региональная экономика должна не только

отстаивать интересы своих экономических субъектов, но и способствовать их оптимальному функционированию, учитывать интересы отдельных регионов и всего российского общества.

Роль отдельных производственных факторов в экономическом развитии со временем изменялась, предпосылки к росту отдельных регионов также не остаются постоянными. Таким образом, на развитие экономики страны существенно влияет пространственная неравномерность. Она связана, с одной стороны, с исходным неравенством в размещении производительных сил страны, с другой — с динамикой роли отдельных факторов в экономическом развитии.

В формировании региональной государственной политики используется совокупность соподчиненных мер. Во-первых, определяются границы региона, требующего поддержки. Во-вторых, вырабатывается концепция специализации данного региона (ориентация на промышленность, сельское хозяйство, сферу услуг, отдых и т. д.). В-третьих, координируется деятельность тех субъектов экономики, которые реализуют региональную политику. В ее основе лежит несколько концептуальных положений. Основным является поддержка развития территорий путем стимулирования роста производственного сектора, который создает наибольшее число новых рабочих мест. Государство помогает созданию и расширению производственных предприятий, а при необходимости — их переориентации и рационализации. В первую очередь это касается так называемых критических точек (зон) территории страны[6].

Не менее важным критерием формирования государственной региональной политики является степень выравнивания экономического развития регионов. Принято считать, что рациональный подход — это сглаживание различий территориальных уровней производительности труда. Если последнее существует длительное время, создаются помехи эффективности распределения ресурсов в национальной экономике, сдерживается ее развитие.

Еще один критерий связан с правовым и социальным аспектами. Дело в том, что длительно сохраняющиеся межрегиональные различия в уровне благосостояния населения противоречат социально-правовым представлениям общества.

Значимую роль играет критерий экономической безопасности и стабильности. Регионы должны иметь определенную экономическую цельность и самообеспеченность. Наблюдается стремление к относительному сближению экономических параметров регионов. Считается, что чрезмерная зависимость региона от других или за границей рынков сбыта повышает вероятность конъюнктурных колебаний в них с вытекающими отсюда нежелательными социальными последствиями.

Региональная политика имеет более стабильную концептуальную основу по сравнению со структурной политикой: степень систематизации принимаемых мер выше, они лучше институционализированы. Реализация региональной политики опирается на общепринятые инструменты, которые используются активнее, чем в рамках структурной политики[7]

К основным проблемам региональной политики следует отнести, во-первых, то, что политика выравнивания пространственных возможностей никогда не ведет к полному совпадению экономических и социальных условий. Государство стремится обеспечить относительное, а не абсолютное равенство. Во-вторых, региональная политика имеет сложную корреляцию со структурной политикой. Они могут дополнять друг друга, но могут находиться и в противостоянии. Если речь идет, например, о разносторонне развитом, многоотраслевой районе, улучшение структуры экономики помогает его развитию.

Основополагающим принципом региональной экономики является положение, согласно которому принимаемые на региональном уровне решения законодательных и исполнительных органов государственной власти должны способствовать осуществлению распределения производственного общественного продукта в соответствии с количеством и качеством затраченного физического и умственного труда[8]

Важный принцип реализации государственной региональной политики — всемерный учет и соблюдение закона пропорционального развития, т. е. пропорционального распределения ограниченных ресурсов между отраслями и регионами. Территориальные пропорции имеют общеэкономический, межотраслевой и внутриотраслевой характер, и учет этого имеет большое значение в процессе принятия решений, связанных с вопросами перспективного развития глобальных экономических систем. Мировой опыт свидетель-

ствует в пользу углубления межрегионального разделения труда.

Объектами региональной политики являются все субъекты экономических взаимоотношений в рамках региональных структур. Ее субъектом должен выступать и субъект правоотношений, носитель которых — население со всем многообразием функций и форм жизнедеятельности. В качестве субъектов экономики, осуществляющих региональную политику, выступают министерства экономики РФ и ее субъектов, при этом участие в развитии регионов принимают промышленно-торговые палаты, объединения предпринимателей, профсоюзы.

Эффективность реализации региональной политики во многом обусловлена функционированием единой налоговой системы, механизмом горизонтального и вертикального перераспределения доходов между регионами[9].

На местном уровне создаются внебюджетные фонды регионального развития, охраны природы и др. Основным условием выделения средств из внебюджетных фондов должно быть их целевое использование. Часть средств этих фондов может выделяться на основе возвратности, платности. Источником их формирования могут быть добровольные взносы предприятий, предпринимательских структур, граждан, а также штрафы за нарушения правил пользования природными ресурсами.

Функционирование российской экономики, обеспечение ее динамичности и сбалансированности немыслимы без развития и совершенствования регионального разделения труда, рационализации и оптимизации региональных пропорций воспроизводственных процессов (труда, капитала, земли и т. д.). При этом особого внимания требуют проблемы экономики отдельных регионов РФ с целью увеличения вклада каждого региона в прирост российского национального богатства.

Экономика региона — это многогранное явление, где в тесной взаимосвязи находятся все экономические субъекты, а также различные факторы общественного производства: природные, трудовые, материальные, интеллектуальные и др. При нарушении их равновесия происходят негативные явления, в частности, отток капиталов или трудовых ресурсов. В связи с этим важной макроэкономической проблемой

стал поиск оптимального соотношения между отраслевыми и региональными аспектами развития и функционирования экономических систем.

В процессе развития глобальных экономических систем возрастает значимость региональных пропорций, а их соблюдение влияет на эффективность функционирования не только экономики региона, но и страны. Это объясняется усложняющимися и развивающимися экономическими связями внутри экономических систем и между ними. От наличия или отсутствия тех или иных предприятий, инфраструктурных отраслей, механизма их взаимодействия зависит эффективность функционирования каждого отдельного региона и страны в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Гришин В. И.* О федеральных целевых программах регионального развития // Финансы. 2002. № 4. С. 13—15.

[2] См.: *Федоров Н. В., Кураков Л. П.* Прогнозирование социально-экономического развития регионов Российской Федерации. М., 1998.

[3] См.: *Матеров И.* Факторы развития «новой экономики» в России // Экономист. 2003. № 2. С. 3—11.

[4] См.: *Кутлалиев А. Х.* Региональные различия и перспективы региональных рынков // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2002. № 5. С. 13—18.

[5] См.: *Маршак В. Д.* Влияние макроэкономических параметров на развитие экономики региона // Регион. 2001. № 2. С. 3—13.

[6] См.: *Суслов В. И., Ершов Ю. С., Ибрагимов Н. М. и др.* Межрегиональные экономические отношения в годы реформ: состояние и перспективы // Регион. 2002. № 1. С. 17—31.

[7] См.: *Паппэ Я. Ш.* Российский крупный бизнес как экономический феномен: особенности становления и современного этапа развития // Проблемы прогнозирования. 2002. № 1. С. 29—46.

[8] См.: *Федоров Н. В., Кураков Л. П.* Прогнозирование социально-экономического развития...

[9] См.: *Маршак В. Д.* Влияние макроэкономических параметров...

Поступила 01.03.07.

С. Б. БАДМАЕВ,
В. М. ЭРДНЕЕВА

ПРИОРИТЕТЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Большинство регионов России формируют промышленную политику в рамках федеральной, что особенно актуально с учетом усиливающейся вертикали государственной власти в стране, определения стратегически важных отраслей, их трансформации, обеспечения благоприятного климата и создания условий для привлечения инвестиций, восстановления и развития инфраструктуры промышленного комплекса.

Государственная промышленная политика — отраслевая форма экономической политики, которая складывается из структурной, инвестиционной, финансово-кредитной, внешнеэкономической, научно-технической, бюджетно-налоговой, ценовой[1].

Для формирования региональной промышленной политики необходим выбор типа промышленной политики, изучение процессов вертикальной интеграции, внутрирыночных товаропотоков, соотношений и связей малого, среднего и крупного бизнеса[2]

Направления и имеющиеся ресурсы региональной реструктуризации промышленного комплекса в большей степени определяются текущим состоянием экономической системы Российской Федерации и Южного федерального округа (ЮФО) в частности. На фоне социально-экономических и политических преобразований экономика претерпела значительные изменения. За время переходного периода в народном хозяйстве значительно сократился инвестиционный потенциал. Так, в 1998 г. по сравнению с 1991 г. объем инвестиций в основной капитал составил 26 %, в машиностроении — 11 %[3]. Структурный кризис — один из важнейших факторов, сдерживающих развитие экономики. Главный его

БАДМАЕВ Санал Батыевич, заведующий кафедрой экономической теории и управления Калмыцкого государственного университета, доктор экономических наук.

ЭРДНЕЕВА Валентина Михайловна, аспирант кафедры экономической теории и управления Калмыцкого государственного университета.

признак — увеличение морального и физического износа основных фондов, что привело к утяжелению структуры народного хозяйства старыми производствами и выпуском продукции низкого качества, не способной конкурировать с импортными аналогами. Сказывается недостаточная загрузка мощностей. Результаты ежеквартальных выборочных обследований деловой активности промышленных предприятий, проводимых Центром экономической конъюнктуры при правительстве РФ совместно с региональными органами статистики, показали, что в 2003 г. средний уровень их загрузки составил 50 %. Среди неиспользуемой техники преобладает оборудование со значительным моральным и физическим износом. Износ основных фондов в отдельных отраслях ЮФО превысил по итогам 2005 г. средний по промышленности уровень 50 % (в химических производствах и производстве резиновых и пластмассовых изделий — 72,2 %, в металлургическом производстве и производстве готовых металлических изделий — 67,4 %, нефтедобыче — 61,5 %, машиностроении — 55,9 % и т. д.). Даже при росте спроса на ту или иную продукцию оно не может быть использовано в полном объеме для наращивания ее выпуска. Таким образом, несмотря на существенную долю простаиваемого оборудования, потенциал его использования или перепрофилирования низок. На балансе предприятий немало устаревшей техники, большая часть которой подлежит утилизации.

Инвестиции в основной капитал направлялись преимущественно на поддержку производства, а не его обновление. Внедрение инноваций остается на низком уровне, устаревает технико-технологическая база предприятий, на многих из них, особенно в машиностроении, немало структурно-депрессивных производств. Однако и в самом процессе спада наблюдается определенный структурный сдвиг. Его специфика в том, что он произошел не в результате разномасштабного, разновеликого роста разных отраслей, а в результате разных темпов спада. Положительный момент тенденции с этой точки зрения заключается в сокращении доли неэффективной обрабатывающей промышленности, а также сохранении относительно более эффективной и конкурентоспособной на внешних рынках добывающей промышленности. Согласно этой идеи, это соответствует возможностям России и в течение достаточно продолжительного периода

может определять производственную ориентацию страны. Мы считаем, что подобная тенденция, не сопровождающаяся заменой низкорентабельных производств на новые, не имеет будущего и приведет к потере для РФ значительной части валового внутреннего продукта.

В целом сформировавшиеся на современном этапе приоритеты обусловили следующие тенденции изменения структуры промышленного производства: гипертрофированный капиталоемкий сырьевой сектор; масштабное, но неоднородное по технической оснащенности машиностроение, в определяющей мере ориентированное на выпуск тяжелого, металлоемкого оборудования для металлургического, топливно-сырьевого и оборонного комплексов; масштабные отрасли легкой и пищевой промышленности, имеющие конкурентные преимущества на внутреннем рынке; слабо развитые социальная и производственная инфраструктуры; относительно высокие объемы производства в нефтяной и газовой промышленности при резком уменьшении обеспеченности запасами сырья; диспропорции в размещении производительных сил, наличие хронически отсталых и депрессивных районов; традиционно низкая эффективность капитальных вложений и высокие металло- и энергоемкость национального продукта[4].

Аналогичные тенденции наблюдаются в экономике ЮФО. Анализ производственной деятельности промышленных предприятий свидетельствует об интенсификации динамики промышленного производства в основном за счет увеличения спроса внутреннего рынка на отечественную продукцию и активизации экспорта. При этом индекс промышленного производства в 2005 г. составил 109,6 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и 135,2 % к 2000 г. Сложившиеся темпы роста продукции по отраслям достаточно позитивны за некоторыми исключениями.

Изучение региональных факторов, сдерживающих развитие потенциально конкурентоспособных предприятий и отраслей, позволило выявить затрудненный доступ к капиталу, связанный с низким страновым и региональными кредитными рейтингами, высокими рисками отечественной финансовой системы, неразвитостью системы защиты прав кредиторов и акционеров; низкие стимулы к инвестициям, связываемые с высокими страновыми рисками и структурой собственности; неравные условия конкуренции, не позволяющие наиболее

эффективным предприятиям использовать эффект экономии от масштаба вследствие искусственной поддержки убыточных предприятий, производящих зачастую отрицательную добавленную стоимость, затрудняющие создание новых производств; низкий уровень качества управления на предприятиях, связанный с небольшим опытом функционирования в условиях рыночной экономики и слабым развитием сектора консалтинговых услуг и образовательной системы подготовки менеджеров; низкий уровень интеграции отечественной экономики в мировую экономическую систему, определяемый не только низкой конкурентоспособностью, но и институциональными факторами (недостаточно активным участием России в деятельности международных экономических организаций, неразвитостью инфраструктуры, в том числе обеспечивающей коммерциализацию и освоение инноваций); недостаточная гибкость рынка труда, связанная с барьерами на пути межрегиональной миграции рабочей силы и недостатками системы профессионального образования и переквалификации.

Эти факторы значительно различаются в рамках отдельных территорий и отраслей промышленности, что обусловливает необходимость их самостоятельного изучения.

Исходя из сложившихся условий, можно сформулировать императивы необходимой России промышленной политики: *преодоление спада общественного производства, осуществление глубокой перестройки его структуры, восстановление единства воспроизводственного процесса и оптимальное использование социально-экономического потенциала регионов.*

Таким образом, целями государственной промышленной политики могут быть на макроуровне: обеспечение национальной безопасности и снижение зависимости от внешних источников; решение социальных проблем, в частности, занятости за счет стимулирования роста трудоемких видов производства. На мезоуровне: обеспечение развития депрессивных регионов и более эффективное использование экономических ресурсов регионов-доноров; реализация потенциальных конкурентных преимуществ отдельных секторов, которые не могут быть реализованы из-за неравных стартовых условий; искусственное повышение инвестиционной привлекательности определенных отраслей (например, связанных с созданием/развитием инфраструктуры или развитие сферы исследований и раз-

работок), имеющих низкую прибыльность и большие сроки окупаемости, но предположительно дающих значительный эффект в смежных отраслях.

В этих условиях первоочередными задачами государственной региональной промышленной политики становятся повышение инновационной активности и опережающее развитие высокотехнологичного сектора экономики; стимулирование экономического роста и повышение эффективности на микроуровне через поддержку формирующихся цепочек импортозамещения, экспортных контрактов и использование других косвенных инструментов; снижение трансакционных издержек деятельности предприятий за счет развития институтов рынков товаров, услуг, труда и капитала, формирования инфраструктуры обеспечения предпринимательской деятельности; прекращение прямого и косвенного субсидирования неэффективных и селекция работоспособных предприятий, повышение действенности института банкротства и т. д.

На начальном этапе усилия могут быть направлены на замещение импорта машиностроительных изделий импортом оборудования и технологий для их производства. В результате инвестиционные отрасли, и в первую очередь машиностроение, смогут удовлетворять рост внутреннего спроса на машины, станки и оборудование.

В структурной политике особую роль занимают сопутствующие цели: свертывание структурно-депрессивных производств и освобождение предприятий от техники, срок эксплуатации которой давно истек; сокращение, а в дальнейшем и прекращение выпуска устаревшей машиностроительной продукции; перегруппировка основных фондов предприятий. Последнее предпочтительно осуществлять в рамках слияния и поглощения производств. Для стимулирования этих процессов важно упростить процедуру банкротства проблемных предприятий и их покупки[5]

Завершающим этапом формирования государственной промышленной политики является оценка эффективности реализуемых мероприятий. На этом этапе основная задача — определение системы показателей, индикаторов, при помощи которых возможен прогноз эффективности реструктуризации промышленного комплекса региона и группы критериев экономической успешности проводимых мероприятий.

На наш взгляд, такими критериями могут быть платежеспособный спрос (внутренний и внешний) на определенные виды продукции и услуг; наличие конкурентных преимуществ того или иного вида производства; запас рентабельности объектов государственной поддержки, которая обеспечивает самофинансирование их расширенного воспроизводства и улучшение качественных параметров производственной базы, применяемых технологий и конечного продукта; мультипликативное воздействие развития избираемого вида производства, «вытягивающее» из кризисных провалов другие его виды; минимизация инфляционных последствий реструктуризации отраслей и отсутствие отрицательных мультипликативных эффектов в сопутствующих отраслях.

Таким образом, государственная промышленная политика представляет собой комплексный процесс изменений и нововведений, вызванный необходимостью повышения прибыльности производства в условиях изменяющихся тенденций экономики, технического прогресса и растущей конкуренции со стороны других государств, регионов и крупных корпораций.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Иншаков О. В.* Сущность и особенности промышленной политики России в современных условиях // Вестн. ВолГУ. Сер. 3 «Экономика. Экология», 1998. С. 6—12.

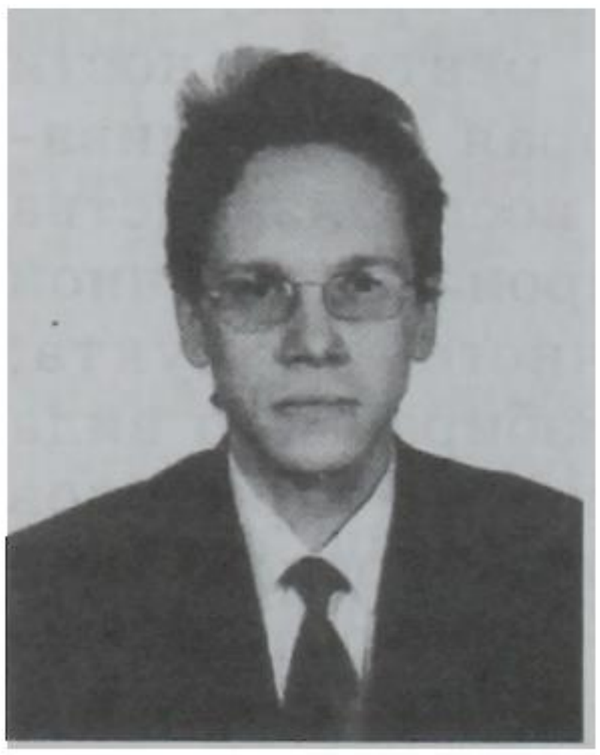
[2] См.: *Авдашева С., Ястребова О.* Государственная поддержка в регионах: составление и проблемы реорганизации // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 113—125; *Анисимов В., Винслав Ю.* Муниципальный уровень промышленной политики: специфика, опыт, принципы совершенствования // Рос. экон. журн. 2001. № 8. С. 13—24; *Брыкин А. В.* Развитие промышленности на основе инноваций и логистики // Промышленная политика в Российской Федерации. 2006. № 2. С. 15—22; *Глазьев С. Ю.* Экономическая политика в контексте эволюционного подхода // Экономическая наука современной России. 2000. С. 23—26.

[3] *Матросова Е.* Структурные преобразования в промышленности — условие экономического роста // ЭКО. 2000. № 5. С. 17—23.

[4] См.: *Логинов В., Курнышова И.* Долговременные тенденции развития промышленности // Экономист. 2004. № 2. С. 3—15.

[5] *Матросова Е.* Структурные преобразования в промышленности...

Поступила 16.08.07.

С. А. ГАВРЮШИН

МАРКЕТИНГОВЫЕ СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

Одной из ярких тенденций развития современной банковской системы России стало проникновение крупных столичных банков на региональные рынки. Опираясь в большей степени на конкурентные преимущества низкого порядка (дешевые ресурсы), эти учреждения стремятся обеспечить свое присутствие на региональных рынках, открывая офисы, предлагая широкий спектр банковских услуг потребительского кредитования. Далее, по мере формирования клиентской базы, спектр банковских продуктов расширяется.

Не является исключением из этого правила и банковский сектор Республики Мордовия. При незначительных изменениях числа самостоятельных кредитных организаций в Мордовии за последние 4 года рост банковской инфраструктуры осуществлялся в основном за счет увеличения числа внутренних подразделений банков, прежде всего иногородних. Их зарегистрировано на территории республики 9, из них 5 — филиалы Мордовского отделения Волго-Вятского банка Сбербанка Российской Федерации[1].

Чтобы быть конкурентоспособными в этих условиях, региональные банки вынуждены разрабатывать собственную маркетинговую стратегию, опираясь на имеющиеся конкурентные преимущества и создавая новые.

Последние делятся на преимущества низкого порядка (возможность привлечения дешевых ресурсов, благоприятные исторические и региональные особенности), а также преимущества высокого порядка (уникальные коммуникационные, кадровые ресурсы, современные банковские технологии обслуживания клиентов и бренд банка).

ГАВРЮШИН Сергей Александрович, советник главного федерального инспектора по Республике Мордовия, кандидат экономических наук, доцент.

В настоящее время в России имеется достаточное количество региональных коммерческих банков, опирающихся на преимущества низкого порядка, что не обеспечивает им устойчивую конкурентоспособность. Уже первые годы создания в России двухуровневой банковской системы показали, что наибольшего успеха в регионе могут добиться банки, опирающиеся на преимущества высокого порядка.

Определяя рекомендации по выработке новых конкурентных стратегий для региональных коммерческих банков, необходимо разграничить два понятия: конкурентоспособность банка и банковская стратегия.

В нашем случае для анализа конкурентоспособности коммерческих банков мы будем исходить из понимания конкурентоспособности банка как «стабильной возможности удовлетворять определенные потребности клиентов путем предоставления банковских продуктов и услуг лучше, чем банки-конкуренты и благодаря этому получать приемлемые финансовые результаты в виде роста доходности и капитализации».

Для определения понятия «банковская стратегия» необходимо проанализировать, какие типы стратегий должна реализовывать кредитная организация, стремящаяся устойчиво и прибыльно функционировать и развиваться на региональном уровне. Выделяют несколько типов стратегий: корпоративные (общебанковские); бизнес-стратегии; функциональные.

О корпоративной (общебанковской) стратегии говорят применительно к крупным финансово-кредитным институтам и универсальным банкам федерального уровня, если кредитная организация представляет собой диверсифицированное образование, т. е. присутствует на различных региональных рынках банковских услуг и предлагает широкий спектр банковских продуктов. В подобных случаях выработать единую конкурентную стратегию практически невозможно, так как на каждом региональном рынке и его сегментах приходится выстраивать отдельную стратегию с учетом его специфики[2]

Для региональных коммерческих банков больший интерес представляют бизнес-стратегии и функциональные стратегии. Бизнес-стратегия или конкурентная — это схема поведения банка на конкретном региональном рынке банковских услуг или его сегменте. Функциональная стратегия представляет собой схему предоставления банком на региональном рынке

банковских услуг или его сегменте, решение задач конкретного типа. К основным типам функциональных стратегий относятся стратегии маркетинга, организации банковского дела, управления персоналом и т. д.

Мировой опыт банковского дела свидетельствует о наличии трех основных подходов к обеспечению конкурентоспособности банков. Во-первых, превращение кредитной организации в банк с высоким уровнем процентной маржи, т. е. стратегия снижения процентных расходов при увеличении процентных доходов. Во-вторых, дифференциация набора банковских услуг, направленная на создание у клиентов представления о существенных отличиях параметров и условиях ваших банковских продуктов и качества банковского обслуживания от услуг банков-конкурентов (стратегия диверсификации). В-третьих, фокусировка на узком сегменте рынка банковских услуг для обслуживания клиентов с четко выраженными особыми видами запросов к обслуживанию, условиям предоставления банковских продуктов (стратегия сфокусированной дифференциации).

Выделяются два типа преимуществ: низкие банковские расходы по пассивным операциям и высокие доходы по активным операциям; дифференциация набора банковских услуг и повышение качества обслуживания.

Под более низкими банковскими расходами и максимизацией процентной маржи понимаются не просто меньшие расходы по привлеченным средствам, минимизация административно-хозяйственных и операционных расходов, а способность банка предлагать и совершенствовать банковские услуги более эффективно, чем конкуренты. Чтобы достичь этого типа конкурентного преимущества, банк должен быть в состоянии организовать и отработать технологию банковского обслуживания с меньшим уровнем процентных и непроцентных расходов и в более короткие сроки.

Для регионального коммерческого банка наиболее оптимально строить свою стратегию с опорой на один из видов конкурентных преимуществ: либо на более низкие расходы и привлекать клиентов низкими процентными ставками по сравнению с аналогичными услугами других банков, либо на дифференциацию банковских услуг и повышение качества банковского обслуживания, вызывая интерес у наиболее взыскательных и требовательных клиентов.

Имея в виду такое толкование видов конкурентных преимуществ, банк может выбрать для себя наиболее приемлемую стратегию обеспечения и поддержания конкурентоспособности. Но прежде чем описать варианты таких стратегий, необходимо представлять «диапазон конкуренции», обозначающий широту спектра банковских услуг, которую банк способен и собирается предлагать клиентам. С учетом этого параметра можно составить схему, объединяющую основные типы стратегий обеспечения конкурентоспособности кредитной организации (рисунок).

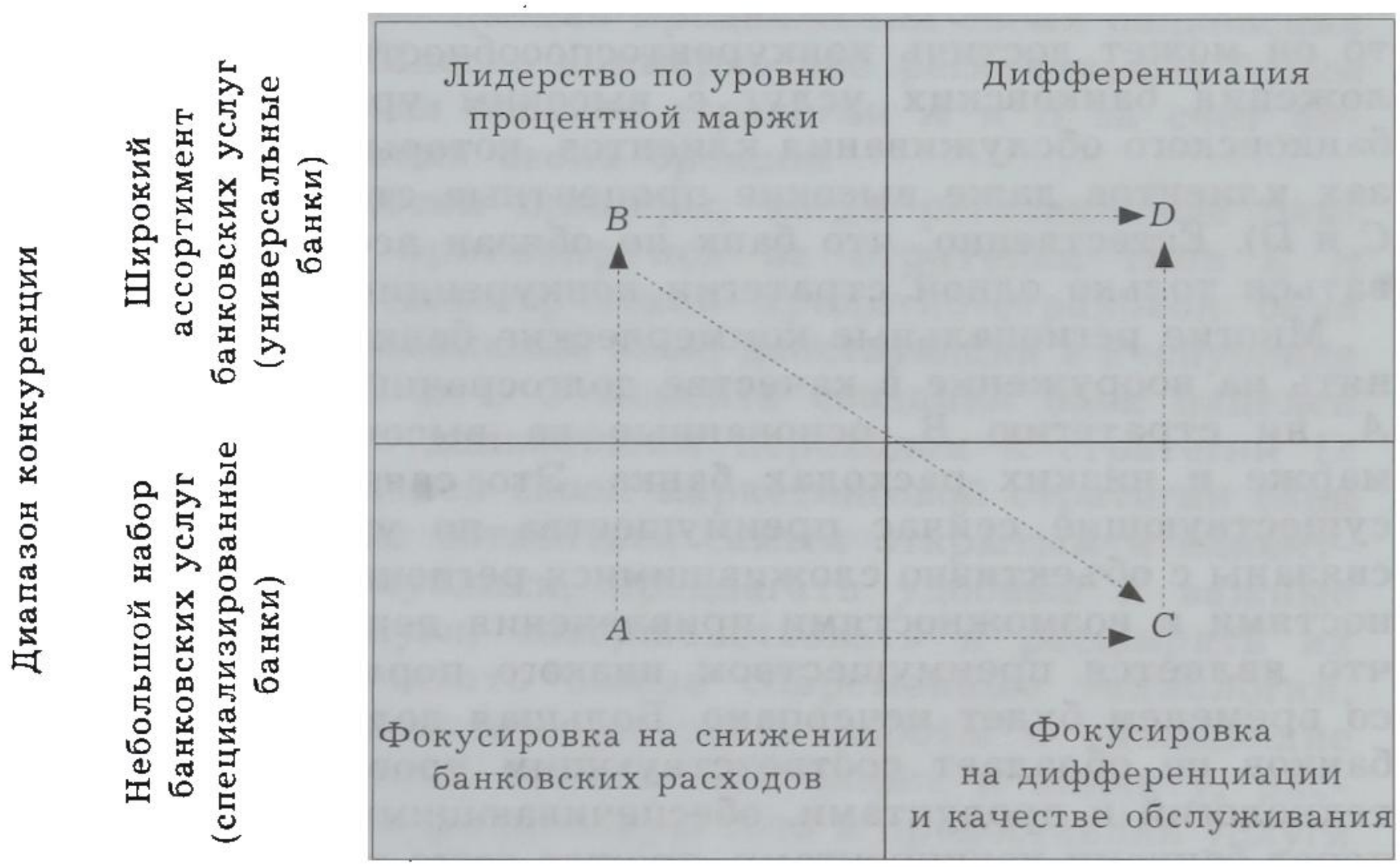

Рисунок. Основные типы конкурентных стратегий

Конечно, престижнее действовать в соответствии со стратегиями *C* и *D*, выступая в роли законодателя условий банковских продуктов. Но успешно конкурировать можно и при стратегии *A* — если на целевом для банка сегменте регионального рынка имеется достаточное количество клиентов, для которых процентная ставка и уровень комиссий — определяющие при выборе банка.

Выбор наиболее подходящей для банка стратегии конкуренции зависит от того, какими ресурсными возможностями он располагает. Так, если кадровый потенциал кредитной организации невысок, если условия предлагаемых банковских продуктов не соответствуют ожиданиям клиентов и спрос на них низок, высоки непроцентные расходы, то он может принять на вооружение стратегии *A* или *B*.

Если привлеченные ресурсы обходятся банку дорого, но зато у него есть хорошая материально-техническая база, собственная филиальная сеть, идеи по совершенствованию предлагаемых услуг, высококвалифицированный персонал, то он может достичь конкурентоспособности за счет предложения банковских услуг с высоким уровнем качества банковского обслуживания клиентов, который окупит в глазах клиентов даже высокие процентные ставки (стратегии *C* и *D*). Естественно, что банк не обязан всегда придерживаться только одной стратегии конкуренции.

Многие региональные коммерческие банки не могут принять на вооружение в качестве долгосрочных ни стратегию *A*, ни стратегию *B*, основанные на высокой процентной марже и низких расходах банка. Это связано с тем, что существующие сейчас преимущества по уровню расходов связаны с объективно сложившимися региональными особенностями и возможностями привлечения дешевых ресурсов, что является преимуществом низкого порядка, а поэтому со временем будет исчерпано. Большая доля региональных банков не обладает соответствующим уровнем банковских технологий и продуктами, обеспечивающими преимущество перед банками-конкурентами, прежде всего иногородними, по уровню расходов и возможностью конкуренции по уровню процентных ставок.

Причины утраты конкурентоспособности многими региональными банками в том, что предоставляя стандартные наборы банковских услуг, региональные банки продолжают придерживаться бизнес-стратегий *C* и *D*, в то время как при ориентации на стандартные и наиболее доступные для клиентов банковские продукты нужно придерживаться бизнес-стратегий *A* или *B* (филиалы иногородних банков при открытии дополнительных офисов в регионах на них и ориентируются). В результате для многих региональных банков переход к банку универсального типа с предоставле-

нием широкого спектра банковских услуг не стал рецептом сохранения позиций на традиционных сегментах рынка.

Шансы на успешное продвижение своих банковских продуктов местные банки будут иметь лишь в том случае, если смогут действовать в соответствии со стратегиями *C* или *D*, т. е. сделают упор на завоевании узких сегментов рынка банковских услуг, существенно отличающемся от услуг иногородних банков-конкурентов. Это потребует от многих региональных банков кардинального изменения модели внутренней финансово-кредитной политики и изобретения нетрадиционных концепций продвижения своих банковских услуг на рынок. Многие коммерческие региональные банки новой волны смогли освоить стратегии *A* и *B* за счет активного продвижения своих брендов.

Имеются в России примеры, когда региональные банки создавались, ориентируясь на стратегии типа *C* и *D*. Акционерный коммерческий кредитно-страховой банк «КС-банк» — региональный банк, действующий в Республике Мордовия уже 15 лет. С момента создания банк нацелен на стратегию *C* с дальнейшим переходом к стратегии *D*. Среди основных целей своей маркетинговой стратегии банк ставил следующие: оставаться самым открытым и клиентским банком республики, предлагать удобные и важные для клиентов услуги, совершенствовать и расширять их перечень; обеспечивать самые современные технологии, повышающие надежность, скорость работы и снижающие затраты для клиента; становиться ближе к клиенту, расширяя собственную филиальную сеть и предоставляя услуги дистанционного обслуживания через Интернет. Набор этих целей свидетельствует о том, что банк изначально стремился развивать конкурентные преимущества высокого порядка, несмотря на существовавшие изначально конкурентные преимущества низкого порядка (акционеры банка — крупные промышленные предприятия республики, и их финансовые потоки проходят через «КС-банк», поддержка руководством республики). Кредитная организация стала активно продвигать свой бренд и сейчас он узнаваем большинством жителей республики. Также изначально была сделана ставка на создание уникальной коммуникационной сети с клиентами, которая реализовывалась в виде открытия новых дополнительных офисов и филиалов. Эта стратегия

принесла положительные результаты. Сегодня «КС-банк» имеет филиал в г. Пенза и 38 отделений в 13 районах республики, из которых 25 — дополнительные офисы. Такая разветвленная филиальная сеть способна составить реальную конкуренцию филиалам Сбербанка и учреждениям других иногородних банков, и открывает новые возможности для развития банковского дела. Число клиентов банка постоянно растет. Количество счетов физических лиц, открытых в банке, возросло до 146 тыс., юридических — около 3,6 тыс. В 2006 г. АККСБ «КС-банк» получил заслуженное признание в банковском профессиональном сообществе и стал лауреатом премии «Банковское дело» в номинации «Лучший региональный банк».

Таким образом, приведенный пример свидетельствует о том, что в данном случае кредитная организация, ориентируясь на стратегию *C* с переходом впоследствии к стратегии *D*, сумела создать у клиентов представление об «уникальном», обладающем высокой надежностью финансово-кредитном учреждении, способном предложить широкий спектр банковских услуг для различных, в том числе и взыскательных групп клиентов, с дифференцированным подходом к процентной и тарифной политике.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Итоги развития банковского сектора и банковского надзора за 2003—2006 гг. // Электрон. ресурс [режим доступа: www. cbr.ru].

[2] См.: Маркетинговые стратегии роста прибыльности и стоимости бизнеса. Практика крупных российских компаний/ Под ред. А. А. Браверманна. М., 2006.

Поступила 16.07.07.

О. А. СЕМЕНОВА

УПРАВЛЕНИЕ ОБНОВЛЕНИЕМ АКТИВНОЙ ЧАСТИ ОСНОВНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ФОНДОВ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Современный этап развития большинства машиностроительных производств в России характеризуется значительным износом основных производственных фондов (ОПФ). Такое состояние не отвечает современным технико-экономическим требованиям и стало фактором снижения эффективности деятельности. Более того, необходимо отметить, что высокая степень износа ОПФ, особенно их активной части, негативно отражается на состоянии технико-технологической безопасности страны.

Для решения задач ускорения социально-экономического развития необходимо изменить подходы к управлению процессами обновления ОПФ. Эта задача сверхактуальна, однако ее решение должно опираться на фундамент, позволяющий выработать главное направление изменений на всех уровнях экономической системы.

Основные производственные фонды функционируют в сфере материального производства, участвуют в процессе производства, постепенно изнашиваются и переносят свою стоимость на создаваемый продукт (выполненную работу, оказанные услуги) по мере изнашивания. Производственные основные средства составляют материально-техническую базу предприятия и основу его уставного капитала.

Новые факторы и причины, тормозящие процессы воспроизводства активной части основных производственных фондов (АЧ ОПФ), глубоко не исследованы. Поэтому используемый предприятиями спектр методов обновления активной части основных фондов сравнительно узок.

СЕМЕНОВА Ольга Анатольевна, аспирант кафедры производственного менеджмента Рузаевского института машиностроения Мордовского государственного университета.

Экономическая самостоятельность предприятий позволяет решать вопросы обновления физически и морально устаревшей техники, способствует осуществлению активной инвестиционной деятельности за счет различных источников. Вместе с тем недостаток финансирования заметно усиливает отставание российских предприятий от аналогичных зарубежных производств и в большинстве случаев не позволяет им производить высококачественную конкурентоспособную продукцию. В связи с этим решение проблемы обновления АЧ ОПФ весьма значима и актуальна для большинства российских промышленных предприятий.

Обновление машин и оборудования — элемент воспроизводства основных фондов, представляющий собой процесс систематического возобновления, возмещения и расширения АЧ ОПФ. Этот процесс развивается во времени и включен в систему расширенного воспроизводства. Обновление, таким образом, интегрирует в себе все стадии кругооборота основных фондов (износ, амортизацию, выбытие и возобновление).

Экономическая сущность потребительских свойств элемента АЧ ОПФ проявляется в процессе производства и отражается во вновь создаваемой продукции. Поэтому потребительскую стоимость машин и оборудования правомерно связывать с увеличением количества и качества выпускаемой продукции. В процессе использования машины создают большую стоимость, переносимую на выпускаемую с их помощью продукцию, чем стоимость, заключенная в самих машинах как результат труда по их созданию. В этой связи правомерно говорить о создании некоторого инвестиционного резерва, который может быть использован как источник обновления ОПФ, особенно его активной части.

Амортизационная политика воздействует на процесс обновления основных производственных фондов. Современный этап экономического развития характеризуется снижением удельного веса амортизационных отчислений как одного из источников финансирования капитальных вложений, что обусловлено нецелевым их использованием. В то же время имеющийся парк машин и оборудования в РФ отличается высокой степенью износа, увеличением удельного веса физически и морально устаревшего оборудования, значительно снизившимися темпами его обновления. Так, по состоянию на

1 января 2006 г., износ основных фондов промышленности составил 52,9 %, а машин и оборудования — 62,1 %. В то же время коэффициент выбытия основных фондов составил в 2005 г. — 1,0 %, а коэффициент обновления — 1,5 %[1]

Из-за сокращения вложений в основные фонды промышленных предприятий значительно возросла степень их износа и ухудшилась возрастная структура. Так, степень износа основных производственных фондов возросла с 46,2 % в 1998 г. до 52,9 % в 2005 г., а машин и оборудования — соответственно с 51,2 до 62,1 %; коэффициент обновления снизился с 1,7 % в 1998 г. до 1,5 % в 2005 г., а коэффициент выбытия — с 1,5 до 1,0 %[2]. Средний возраст производственного оборудования повысился с 14,25 лет в 1998 г. до 20 лет в 2005 г., при этом доля оборудования старше 20 лет увеличилась в промышленности РФ с 23,1 % в 1998 г. до 41,6 % в 2005 году.[3]

Указанные обстоятельства требуют переосмысления экономической сущности амортизации, формирования механизма накопления и рационального использования амортизационных средств как источника воспроизводства основных фондов, усиления роли государства в этих процессах.

Машиностроительный комплекс состоит из 7 укрупненных подотраслей, объединяющих более 1 500 предприятий и организаций, на которых занято свыше 1 900 тыс. человек. В прямом государственном управлении находятся только 123 предприятия и организации или 8 % от общего числа. Это в основном предприятия, обеспечивающие разработку и изготовление продукции для нужд обороны страны, а также крупные научные организации. На начало 2007 г. у 30 % промышленных предприятий и 48 % научных организаций сохранялась доля государственной собственности, функционировали 5 финансово-промышленных групп.

Наиболее распространенными формами хозяйственных структур являются акционерные общества.

Анализируя базовые тенденции в сфере инвестиционной активности Мордовии, можно утверждать, что они в целом аналогичны общероссийским, наблюдается рост расходов на инвестиции (рисунок).

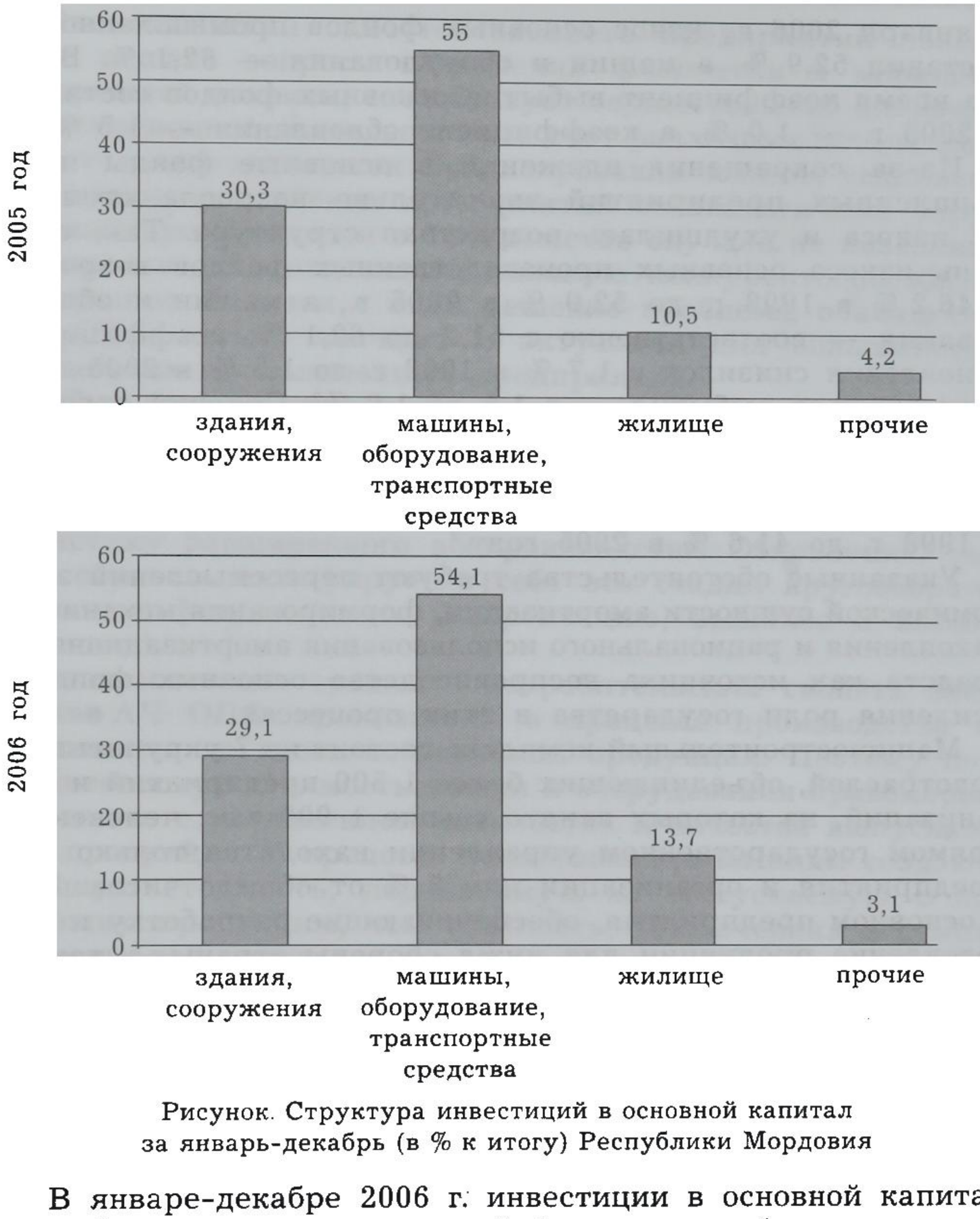

Рисунок. Структура инвестиций в основной капитал за январь-декабрь (в % к итогу) Республики Мордовия

В январе-декабре 2006 г. инвестиции в основной капитал республиканских предприятий (с учетом субъектов малого предпринимательства, индивидуального строительства и неформальной экономики) использованы в объеме 19 523,8 млн руб., что на 18,8 % больше, чем в 2005 году. Из общего объема инвестиций в основой капитал выполнено строительно-монтажных работ на 7 309,6 млн рублей[4]. Инвестиции на

приобретение импортных машин, оборудования, транспортных средств (без субъектов малого предпринимательства) в январе-декабре 2006 г. составили 2 179,4 млн руб., или 26,5 % от общего объема инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства (за аналогичный период 2005 г. — 18,4 %).

Основным источником финансирования инвестиций в основной капитал были привлеченные средства, составившие 58,7 % от общего объема инвестиций в основной капитал (без субъектов малого предпринимательства и параметров неформальной деятельности). На долю бюджетных средств приходилось 31,1 % против 32,2 % в соответствующем периоде прошлого года.

Наибольший объем инвестиций в основной капитал осуществлен предприятиями с хозяйственным видом экономической деятельности «обрабатывающие производства» — 32,3 %. На строительство природоохранных объектов организациями (без субъектов малого предпринимательства) за январь-декабрь 2006 г. использовано 201,0 млн руб., их доля в общем объеме инвестиций в основной капитал составила 1,3 % против 2,6 % в соответствующем периоде 2005 года. Кроме того, за январь-декабрь 2006 г. организациями (без субъектов малого предпринимательства) осуществлены затраты на приобретение основных средств, бывших в употреблении у других организаций, и объектов незавершенного строительства в сумме 790,2 млн рублей[5].

Управление обновлением АЧ ОПФ промышленного предприятия предлагается осуществлять на основе процесса взаимосвязанных организационно-экономических мероприятий, позволяющих выявить потребность предприятия в обновлении, определить направления, формы и очередность обновления, установить технические, организационные и финансовые возможности обновления, оценить затраты на обновление и его технические, экономические и социальные результаты.

Разработка организации обновления активной части основных фондов предполагает определение целей управления; установление зависимости между ними; определение организационной структуры, соответствующей реализации поставленных целей и задач.

Классификация целей управления обновлением активной части основных фондов должна включать в себя: новое строительство, реконструкцию, техническое перевооружение,

текущие мероприятия; использование действующих мощностей, прирост, модернизацию; совершенствование техники и технологии, совершенствование организации управления трудом, индустриализацию ремонтного и технического обслуживания, улучшение условий труда и его мотивацию; развитие общих и специальных функций управления использованием основных фондов, обоснование эффективности инвестиций и характера инновационных процессов; количественные и качественные показатели оценки; выделение обобщающих и частных показателей; обоснование структуры управления основными фондами.

Процесс разработки на первом этапе сопровождается созданием специализированной рабочей группы, включающей в себя работников технических, теплотехнических и экономических служб предприятия, по роду деятельности связанных с приобретением, восстановлением, обслуживанием, контролем и учетом за состоянием основных производственных фондов. Созданная рабочая группа должна детально рассмотреть пути повышения организационно-технического уровня основных производственных фондов, восстановления, обновления и выбытия.

Расширение круга управленческих задач сопровождается появлением новых формальных и неформальных связей, охватывающих различные стороны деятельности предприятия (развитие производства, управление материально-техническим обеспечением, управление кадрами, культуру организации). Наиболее полный охват связей выдвигает необходимость создания такой организации управления основными фондами, которая без увеличения количества управляющих звеньев обеспечит возможность комплексной координации процессов воспроизводства и функционирования основных фондов. Такая задача может быть обеспечена только на основе принятия функционально-матричного управления основными фондами.

Необходимо выделение ведущих подразделений и исполнителей с учетом комплексных значений объектов управления. В качестве таких объектов управления можно рассматривать: стоимость элементов производственных фондов, число единиц оборудования, фонды времени работы, нормы и нормативы расхода; функциональный состав (здания, сооружения, рабочие машины и оборудование), производ-

ственный состав (активная и пассивная часть), технологический состав (по видам производственных фондов внутри определенной группы); техническое состояние (возрастной состав, физический и моральный износ), технологическое состояние (классы точности и надежности); капитальное строительство, реконструкцию и техническое перевооружение; процессы использования производственных фондов; процессы восстановления производственных фондов.

Создание специализированного отдела по управлению обновлением основных фондов создаст условия для повышения эффективности их использования, сокращения простоев оборудования, развития форм и методов планирования материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Объединение всех видов деятельности по управлению воспроизводством и восстановлением основных фондов, планированию и контролю за использованием производственных мощностей при их эксплуатации предполагает необходимость сосредоточения материальных, трудовых и денежных затрат в едином координирующем центре ответственности. Предлагаемая специализированная структура может выступать в форме такого центра. Это позволит осуществлять эффективное управление активной частью основных производственных фондов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Статистический ежегодник России 2006. Стат. сб. М., 2007.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Инвестиционная деятельность в Республике Мордовия за январь-декабрь 2006 года. Стат. бюл. № 405 (4). Саранск, 2007.

[5] Там же.

Поступила 15.05.07.

Заказ № 6759

М. М. ГЕРАСЬКИН

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РЕГИОНЕ НА ОСНОВЕ АГРОЛАНДШАФТНОГО МИКРОЗОНИРОВАНИЯ

В складывающихся рыночных условиях все более актуальным становится проблема рационального использования земельных ресурсов и особенно земель сельскохозяйственного назначения, где наблюдается тенденция ухудшения их качественного состояния, сокращение площадей ценных сельскохозяйственных угодий. Это определяет необходимость комплексного рассмотрения экономических и экологических аспектов повышения эффективности использования природного потенциала территорий. Среди них особое место, на наш взгляд, должно быть отведено вопросам улучшения организации использования и охраны земель сельскохозяйственных предприятий различных форм собственности и хозяйствования, крестьянских (фермерских) хозяйств методами внутрихозяйственного землеустройства на агроландшафтной основе, необходимость решения которых становится все более очевидной и неотложной.

Переход на агроландшафтное землеустройство, главная цель которого — устойчивое воспроизводство земельных ресурсов и природной среды в технологическом цикле получения необходимого количества и качества продукции, вызван необходимостью повышения экономической эффективности и экологической безопасности землепользования с максимально возможным сохранением природных механизмов саморегулирования устойчивых к воздействию неблагоприятных факторов природной и техногенной среды, т. е. рациональное, экологически сбалансированное использование

ГЕРАСЬКИН Михаил Михайлович, ассистент кафедры землеустройства Государственного университета по землеустройству (г. Москва), кандидат экономических наук.

каждого земельного участка под определенный вид угодий, систему севооборотов и культур с учетом ландшафтнообразующих и ресурсовоспроизводящих факторов.

В нашей стране широко известен метод экологической оптимизации аграрных ландшафтов[1], основанный на учении В. В. Докучаева о выработке норм, определяющих относительные площади пашни, лугов, лесов и вод. Такие нормы должны соответствовать местным климатическим, грунтовым и почвенным условиям, а также характеру господствующей сельскохозяйственной культуры[2]. Большое теоретическое и методологическое значение для развития учения имеют научные концепции адаптивного, экологического и ладшафтно-экологического земледелия[3].

В землеустройстве хозяйств на агроландшафтной основе важным звеном является установление состава и соотношения земельных угодий в агроландшафтах. Достигается это агроландшафтным микрозонированием территории, являющимся одним из важных элементов внутрихозяйственного землеустройства, учитывая что в нем заложен адаптивный подход к организации использования земельных ресурсов с учетом воспроизводства почвенного плодородия и потенциала сельскохозяйственных растений. В Мордовии данная работа ведется с 1998 года.

Содержание агроландшафтного зонирования включает выделение агроэкологически однотипных территорий и участков хозяйства на макро-, мезо- и микроуровне, учет параметров внешней среды (абиотических, биотических, техногенных и других), регламентирующих экологически безопасное и экономически эффективное использование земель.

На макроуровне выявление агроэкологически однотипных территорий (АОТ), связанных между собой в хозяйственном отношении, но разных по целевому назначению, необходимо для формирования производственных отделений, бригад или рабочих участков хозяйства. Работа начинается в процессе крупномасштабного картирования. В этих целях используется планово-картографический материал масштаба 1:10 000 и 1:25 000, несущий информацию о типах и разновидностях почв, их гранулометрическом составе и литологическом состоянии, категории эрозионной опасности земель, крутизне и экспозиции склонов, уровне залегания грунтовых вод и др. В природном отношении каждому агроэкотипу соответствует

своя группа полевых агроценозов, адаптированных к данной местности. Следует отметить, что на разных территориях возделываются разные по биологическим требованиям и агротехнике сельскохозяйственные культуры.

На мезоуровне на плановой основе рабочей карты выделяют контуры агроэкологически однородных участок (АЭУ). Каждый АЭУ — экологическая ниша для растений с близкими требованиями к почвенно-климатическим факторам. Чаще всего дается оценка по адаптивности ведущей в хозяйстве культуры, в условиях Мордовии — озимой пшенице и ячменю. Так, например, в СХПК «Аловский» Атяшевского и СХПК «Рассвет» Ардатовского районов Республики Мордовия коэффициент вариации урожаев озимой пшеницы за последние 25 лет в целом по хозяйствам достигает 100 % и более. В то же время по отдельным участкам урожаи этой культуры стабильны, и данный показатель не превышает 20—30 %. В процессе землеустроительного проектирования такие группы АЭУ. в которых какая-то культура или несколько агроценозов меньше страдают от вредного влияния природно-климатических и почвенных условий, объединяются. Из этих групп земель в дальнейшем составляют массивы и границы проектируемых агроэкосистем (севооборотов).

Наряду с адаптивностью возделываемых культур, при выделении агроэкологических групп земель учитываются факторы ресурсосбережения (применение одинаковых агротехнических приемов, комплекса машин и орудий). Затем всю территорию севооборота делят на поля и рабочие участки. Если на пашне имеются понижения и лощины, то они залужаются. В полях не допускается неоднородность по типу почв, рельефу местности и другим условиям (более 15 %).

При проведении агротехнических работ важнейшими технологическими параметрами являются длина и ширина поля, в целом его конфигурация. Исследования В. М. Яцухно, Ю. Э. Мандера свидетельствуют, что наибольшее сокращение рабочего времени характерно для участков площадью до 50 га. Последующее увеличение площади обрабатываемых участков не оправдано[4] На эрозионных землях конфигурация полей не может быть прямоугольной. На склонах более 2° границы полей проектируют по горизонталям или поперек склона. Так же размещаются и лесные полосы. На проектирование границ полей севооборотов существенное влияние

оказывают и другие факторы: роза ветров, размещение магистральных дорог, условия освещенности растений.

Специалисту землеустроителю и агроному хозяйства следует быть особенно внимательным при выделении рабочих участков и размещении в них полевых культур, так как в некоторых полях их может быть несколько, существенно разных по плодородию. Так, например, в СХПК «Аловский» Атяшевского района есть урочище «Конный» площадью 41 га. Здесь заложен агроландшафтный полигон, где с 1974 г. проводится мониторинг состояния плодородия почвы.

В аккумулятивной части микроландшафта на полигоне (поле № 1) в результате смыва пахотного слоя почвы с верхних участков рельефа увеличилось содержание гумуса с 9,82 % в 1974 г. до 10,35 % в 2002 г. Под воздействием природных и техногенных факторов в этой части микроландшафта образовался наносной слой чернозема, подстилаемый торфяником. В результате антропогенной деятельности на участках мониторинга гумус перераспределялся по склону пашни[5]

Целью проектирования агроэкологически однородных участков (АЭО РУ) на микроуровне стало создание пространственных условий для эффективного применения ресурсосберегающих технологий возделывания сельскохозяйственных культур и комплексов машинно-тракторных агрегатов с одновременным прекращением любой деградации на территории участка.

При разработке экспериментальных проектов землеустройства на агроландшафтной основе осуществлена апробация данного методического подхода с использованием современных компьютерных технологий «Mapinfo» и «AutoCad». На их основе составлена карта агроландшафтного микрозонирования территории СХПК «Рассвет» Ардатовского района. На ней показаны границы агроэкологических разделов, типов и групп агроландшафта, выделены агроэкологически однотипные территории по пригодности земель для возделывания сельскохозяйственных культур.

При выборе участка под севооборотный массив учитывался обобщенный структурный балл, определяемый по формуле:

$$Бк = \frac{(\sum Бст \quad P)}{100 \quad K_1 \quad K_2 \quad \dots \quad K_n},$$

где $\sum Бст$ — структурный балл групп почв, входящих в состав земельного участка;

P — удельный вес площадей групп почв;

K_1 K_2 ... K_n — средневзвешенный поправочный коэффициент на специфические факторы: смытость, щебнистость, пестроту почвенного плодородия и др.

При рассмотрении карты агроландшафтного микрозонирования на примере однородного ареала — пятой АОТ с подразделением на пять АЭУ можно отметить, что первичному элементарному ареалу (ЭАА) агроландшафта или агроэкологическому участку (АЭУ) соответствуют участки на элементе мезорельефа, ограниченные элементарными почвенными ареалами или элементарной почвенной структурой, степенью смытости при одинаковых геологических, литологических, микроклиматических и пространственно-технологических условиях. Эти ареалы с помощью системы линейных элементов устройства территории формируются в неделимые однородные рабочие участки. Каждый агроэкологически однородный ареал агроландшафта представлен самостоятельным рабочим участком (неделимым и однородным), границы которого закреплены соответствующими линейными элементами устройства территории. В нашем случае 1-й агроэкологичсеский участок (I АЭУ) соответствует зернопаровому севообороту, где на массиве он выступает одним неделимым и однородным рабочим участком, наиболее плодородным и благоприятным во всех отношениях (по рельефу, типу почв, эродированности, конфигурации и другим условиям).

Элементарные ареалы агроландшафта, имеющие значительную площадь, устраивались в соответствии с требованиями, предъявляемыми в землеустройстве к размещению линейных элементов. В связи с тем, что длина линии стока на 2-ом агроэкологическом участке (II АЭУ) не допустима, и лесные полосы не защищают пространство обрабатываемого участка площадью более 50 га, он был разделен на два однородных технологически и экологически равноценных участка с площадями 35,5 и 26,6 га.

Рассматривая 3-й агроэкологический участок (III АЭУ), где имеются почвы средней смытости и земли, отнесенные к III, IV и незначительная часть — к V категории, намечено использовать их под почвозащитный севооборот (зернотравяной), где травы в структуре посевов занимают более 60 %.

Массив пашни (IV АЭУ), неудобный в технологическом плане, решено использовать в качестве внесевооборотного участка с постоянным посевом многолетних трав (галеги восточной на срок 10—15 лет). В этом случае транспортные расходы будут минимальными, а эффект от сплошного посева многолетними травами очевиден и выражен в получении дешевого грубого и сочного корма для скота.

На пятом агроэкологическом участке (V АЭУ) запланирован сенокосооборот, под который отведены малоплодородные земли, характеризующиеся сильноэродированной пашней и пастбищами, подверженными деградации. Намечено использование этих земель под посев многолетних трав с подразделением участков на отдых и сенокошение, что предотвратит развитие эрозионных процессов и будет способствовать увеличению средостабилизирующих продуктивных угодий.

В дальнейшем агроэкологические участки по пригодности земель для возделывания культур сельскохозяйственных групп, включающие в себя однородные рабочие участки, объединяются в севооборотные массивы, соответствующие адаптивному типу севооборота, сенокосо- и пастбищеоборотам.

Предлагаемый метод землестроительного проектирования позволяет выделить агроэкологически однородные группы и типы земель, которые трансформируются в однородные, экологически устойчивые рабочие участки. Из выделенных агроэкологически однородных рабочих участков формируются севооборотные массивы, на которые накладываются адаптивные севообороты. Рабочий участок должен стать исходным элементом в территориальной организации севооборотов и рассматриваться как элементарная единица полевого агроландшафта, на котором необходимо разрабатывать адаптивную технологию его использования.

С учетом этого подхода составлен проект организации угодий и севооборотов СХПК «Рассвет» Ардатовского района РМ на агроландшафтной основе, который устанавливает на многие годы порядок использования земли, позволяет увязать эколого-ландшафтный подход с агроэкологическим, обеспечивая воспроизводство природных механизмов саморегулирования агросистем, создает устойчивые агроландшафты на основе производственных, природоохранных и других объективных критериев.

Производственно-экономические показатели работы экспериментальных хозяйств наглядно подтверждают преимущество и эффективность агроландшафтного подхода к использованию земель. Результаты исследования, рекомендации по агроландшафтному землеустройству, эколого-экономической оптимизации структуры сельскохозяйственных земель и посевных площадей[6] оказались в поле зрения руководства земледельческой отрасли республики. В Мордовии в последние годы заметна тенденция увеличения урожайности зерновых культур и валовых сборов зерна. За 2002 и 2006 гг. его производство превысило 1 млн т.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Чупахин В. М., Андрюшин М. В.* Ландшафты и землеустройство. М., 1989; *Коприлявичус В. Л., Паулюкявичус Г. Б., Пакальнис Р. Б.* Экологическая оптимизация агроландшафтов. М., 1987; *Яцухно В. М., Мандер Ю. Э.* Формирование агроландшафтов и охрана природной среды. Минск, 1995.

[2] *Докучаев В. В.* Наши степи прежде и теперь. М., 1938.

[3] См.: *Жученко А. А.* Стратегия адаптивной интенсификации сельского хозяйства (концепция). Пущино, 1994; *Каштанов А. Н.* Факторы окружающей среды и их роль в земледелии // Международный агропромышленный журнал. 1991. № 3. С. 61—62; *Каштанов А. Н., Лисецкий Ф. Н., Швебс Г. И.* Основы ландшафтно-экологического земледелия. М., 1994; *Кирюшин В. И.* Экологические основы земледелия. М., 1996; *Одум Ю.* Экология: В 2 т. Т. 1, М., 1986.

[4] *Яцухно В. М., Мандер Ю. Э.* Формирование агроландшафтов...

[5] См.: *Кудашкин М. И., Гераськин М. М.* Агроландшафтное землеустройство в условиях юга Нечерноземья // Вестн. Россельхозакадемии. 2003. № 6. С. 25—27.

[6] См.: *Каверин А. В.* Экологические аспекты использования агроресурсного потенциала: Дис. ... д-ра сельхоз. наук. М., 1997.

Поступила 11.12.06.

Н. Н. МЕЛЬКИНА И. Н. ЖУРАВЛЕВ

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬХОЗМАШИНОСТРОЕНИЯ РЕГИОНА

Экономическая ситуация, сложившаяся в 90-е гг. XX в. в России, негативно повлияла на состояние почти всех отраслей, в том числе и сельхозмашиностроения. Так, по итогам 2005 г., объемы производства в сельхозмашиностроении упали в 10—15 раз к уровню 1990 г. Загрузка мощностей составляла около 20 %, рентабельность снизилась до 4,5 %, что определило низкие финансовые результаты предприятий, объемы инвестиций и темпы технологического перевооружения. На отечественных предприятиях сельхозмашиностроения износ оборудования по одним оценкам составляет 43 %, по другим — 70 %. Доля убыточных предприятий превысила 40 %, задолженность перед бюджетом составила около 2 млрд руб., а уровень зарплат в 1,8 раза ниже, чем в целом в машиностроении[1].

Сегодня в России наметились положительные тенденции в сельхозмашиностроении, можно говорить о его возрождении. С 2003 г. рынок сельхозтехники ежегодно увеличивается

МЕЛЬКИНА Наталья Николаевна, заведующая кафедрой экономики и управления на предприятии Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент.

ЖУРАВЛЕВ Игорь Николаевич, аспирант кафедры экономики и управления на предприятии Мордовского государственного университета.

и к 2006 г. вырос почти в 2 раза. В 2006 г. рост рынка составил 26 %, было реализовано сельхозтехники на сумму 81 млрд рублей. Улучшились финансово-экономические показатели отрасли, возросли объемы производства отечественных предприятий сельхозмашиностроения. По данным Союза производителей сельскохозяйственной техники и оборудования, для АПК «Союзагромаш» в 2007 г. реализовано сельхозтехники более чем на 97 млрд руб., к 2010 г. емкость российского рынка сельхозтехники прогнозируется на уровне 117 млрд рублей.

К причинам роста рынка можно отнести благоприятную конъюнктуру производства сельхозтехники. Активно применяются лизинговые схемы закупки сельхозтехники. В настоящее время за счет государственной поддержки сельского хозяйства стало возможным приобретать технику для села через систему «Росагролизинга». В 2006 г. Правительством РФ приняты соответствующие решения, касающиеся снижения ставки лизинга с 4 до 2%, а также увеличения его срока по оборудованию для животноводческих комплексов с 7 до 10 лет. Большое значение имеет и решение по увеличению на 8 млрд руб. уставного капитала «Росагролизинга». По заявкам лизингополучателей в 2006 г. через «Росагролизинг» закуплено 3 126 ед. сельскохозяйственной техники на общую сумму более 4,43 млрд рублей.

Кроме того, реализация приоритетного национального проекта «Развитие АПК» стимулирует спрос на сельхозтехнику посредством механизма субсидирования процентных ставок по кредитам на приобретение сельхозтехники. Особенно активно в этом отношении действуют «Россельхозбанк» и Сбербанк России. До 50 % сельхозмашин в России сегодня продается в кредит, что позволяет заводам более четко выстраивать производственную политику. Единственное, что вызывает тревогу у российских производителей — аналогичные программы в других государствах распространяются не только на технику собственного производства. Для производителей из других стран доступ к этим программам затруднен. В России наоборот — большая часть бюджетных средств по субсидированию ставок кредитов работает на импортеров, и это только один из примеров неравных условий, в которые сегодня поставлены российские производители.

14 июля 2007 г. Правительством РФ утверждена Государственная программа «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 годы». В ней предусмотрено, что закупки сельскохозяйственных тракторов в 2008—2012 гг. вырастут в 4 раза до 48 тыс., зерноуборочных комбайнов — в 3 раза до 15 тыс., кормоуборочных комбайнов — в 2,5 раза до 3,5 тысяч. При этом объем привлеченных кредитов, выданных отечественным сельхозтоваропроизводителям на приобретение сельхозтехники, вырастет в 2,5 раза до 50 млрд руб., а срок кредитования увеличится до 10 лет. Объем субсидий на возмещение части затрат на уплату процентов по инвестиционным кредитам, полученным сельскохозяйственными товаропроизводителями на приобретение высокотехнологической сельхозтехники, в 2008 г. составит 2 450 млн руб., 2009 г. — 5 360,1 млн руб., 2010 г. — 8 450 млн руб., в 2011 г. — 10 297,4 млн руб., 2012 г. — 11 547,4 млн руб. При этом механизм реализации программных мероприятий предполагает предоставление субсидий на закупку как отечественной, так и импортной сельхозтехники.

Потенциал роста российского рынка сельхозтехники достаточно высок. Это обусловлено тем, что за последние годы парк сельхозтехники сократился в 3 раза, ежегодное пополнение его составляет только 2—4 %, а списывается каждый год от 7 до 11 % техники. На начало 2006 г. обеспеченность сельхозтоваропроизводителей необходимой техникой от нормативной потребности составляла 50—70 %.

В первом полугодии 2007 г. в России произошел рост объемов производства техники для растениеводства: выпуск плугов вырос на 67 %, культиваторов — 24 %, сеялок — на 22 %. Рост объемов отечественного производства достигнут в основном за счет увеличения экспорта российской техники в страны СНГ. Однако по-прежнему сдерживающим фактором развития отечественного сельхозмашиностроения остается низкая платежеспособность российских аграриев.

Доля импорта в структуре внутреннего рынка растет в основном за счет поставок прицепного оборудования, оборудования для животноводства и кормопроизводства. Часть импортных закупок обусловлена отсутствием в продуктовой линейке российских производителей некоторых видов техники

и все еще существенным технологическим отставанием отрасли, низкими эксплуатационными характеристиками и не всегда должным качеством техники. Потребности села удовлетворяются отечественными производителями на 35—60 %, а по ряду видов техники — преимущественно за счет импорта. Так, если в 2003 г. доля импорта на рынке составляла 50 %, то в 2006 г. она выросла до 66 %. Эту тенденцию подтверждают данные по импорту сельхозмашин в Россию в первой половине 2007 года. Импорт вырос более чем в 2 раза по сравнению с показателями первого полугодия 2006 года.

В последние годы российские производители активно обновляют модельный ряд. Количество новых разработок увеличилось в 3 раза — с 35 в 2005 г. до 113 в 2007 году. В 2006 г. только на государственных машинно-испытательных станциях опробовано более 60 моделей российской техники. Большинство из них — это модели сложной техники: посевные агрегаты, 7 моделей комбайнов, одна модель трактора. Реальное число новинок намного больше.

Реструктуризации и модернизации производства способствует тот факт, что в сельхозмашиностроении сформированы крупные корпорации и холдинги. Среди них концерн «Тракторные заводы» (Липецкий, Владимирский, Онежский, «Протрактор», «Курганмашзавод» и др.), Промышленный союз «Новое содружество» («Ростсельмаш», «Морозовсксельмаш» и др.), «Агромашхолдинг» (Красноярский комбайновый завод, Волгоградский тракторный завод и др.), «Кировский завод» (Петербургский тракторный завод, «Кировец-Ландтехник»). На заводы, входящие в эти холдинги, приходится порядка 50 % общего выпуска продукции. Складывающаяся картина в отечественном сельскохозяйственном машиностроении вполне сопоставима с уже сложившейся ситуацией на мировом рынке, где 5 крупных корпораций (John Deere, Case New-Holland, AGCO, Claas-Reno, Same Deutz-Fahr) имеют долю в 60—65 %.

Сегодня в отрасли сельхозмашиностроения России 205 специализированных предприятий и 950 предприятий, которые производят сельхозмашины, хотя это и не основной вид их деятельности. В Мордовии сельхозтехнику производят ОАО «Авторемонтный завод „Саранский”», ОАО «Сарэкс» и ФГУП «Саранский механический завод». Специализация этих предприятий до недавнего времени была направлена

на сельхозтехнику для растениеводства и животноводства. После того, как в 2007 г. ОАО «Сарэкс» вошло в состав российского холдинга ЗАО «АгроЕвроСоюз», оно специализируется на новом направлении — производстве тракторов.

Предприятия сельхозмашиностроения Мордовии, как и другие российские производители сельхозтехники, обновляют модельный ряд. Так, за последние несколько лет ОАО «Авторемонтный завод „Саранский"» по инвестиционным проектам за счет государственной поддержки приступило к производству кормосмесителей (стоимость проекта 153,9 млн руб.), почвообрабатывающей техники (37,5 млн руб.), машин для внесения удобрений (10 млн руб.), сеялок СУБМ-3,6 (стоимость проекта 25 млн руб.).

В 2006 г. Мордовия вошла в пятерку лучших регионов России по объемам заключенных договоров с ОАО «Росагролизинг». На Республику Татарстан пришелся 21 % от всей суммы заключенных договоров, Оренбургскую область — 8 %, Чувашскую Республику — 7 %, Ростовскую область и Республику Мордовия — по 4 %. Это подтверждает высокий спрос на сельхозтехнику со стороны сельхозпроизводителей в ПФО и в Мордовии, в частности.

Состояние парка сельхозтехники в Мордовии отражает общероссийские тенденции. Так, с 1995 по 2005 г. в Мордовии парк сельскохозяйственных машин сократился в 2,5 раза. Его ежегодное пополнение составляет только 2—7 %, а списывается ежегодно от 9 до 11% техники.

От состояния и развития сельхозмашиностроения во многом зависит положение отечественного агропромышленного комплекса. Высокоэффективная, ресурсосберегающая сельхозтехника позволит вывести сельское хозяйство на более качественный уровень, что в итоге положительным образом отразится на продовольственной безопасности страны.

Повышению конкурентоспособности предприятиям сельхозмашиностроения России и Республики Мордовия будут, на наш взгляд, способствовать разработка и реализация мероприятий, направленных на обновление модельного ряда, освоение передовых технологий. Это приведет к появлению «прорывных продуктов», конкурентоспособных на внутреннем и мировом рынках. Помимо прочего, новая техника должна соответствовать требованиям экологических норм Евро-3 и Евро-4.

В модельный ряд необходимо включать широкозахватную технику и модели, содержащие комбинации разных агрегатов, которые способны выполнять несколько операций, например, культиватор и сеялка. Рост рынка широкозахватной техники превышает 50 % в год. Эта техника в 4—6 раз дороже обычной, но сокращает сроки посева, может работать круглосуточно, экономит 30 % ГСМ и снижает себестоимость сельхозкультур. Однако машины с широким захватом способны эффективно работать в крупных хозяйствах не меньше чем с 30 тыс. га пашни, правильно выстроенной логистикой, и на полях, площадь которых не ниже 300 га. Кроме того, в настоящее время новые разработки концентрируются в сферах программного управления процессами внесения удобрений, посева, обработки почвы и опрыскивания. Выдвинута и реализуется идея точного сельского хозяйства или «интеллигентного растениеводства».

Следующим стратегическим направлением развития предприятий сельхозмашиностроения может быть планирование организации на предприятиях промышленной сборки сельхозтехники. По аналогии с автомобилестроением предлагается распространить на сельскохозяйственное машиностроение режим промышленной сборки. При этом в рамках нового инвестиционного режима вероятнее всего будет поощряться в первую очередь создание предприятий по промышленной сборке сельхозтехники, не имеющей отечественных аналогов.

В настоящее время готовятся предложения по внесению изменений в 166 Постановление Правительства РФ, разрабатывается порядок промышленной сборки для проектов в области сельхозмашиностроения. Речь, в частности, идет о формулировке требований по объемам сборки (в части снижения с 25 тыс. для автомобилестроения до 1—2 тыс. в сельхозмашиностроении) и сроков локализации поставок компонентов, а также снижение таможенных пошлин на широкую гамму компонентов. Период действия такого режима для отдельного проекта может достигать 7 лет.

Организация на предприятии промышленной сборки сельхозтехники расширит инвестиционный потенциал предприятия и осуществит трансферт новейших технологий. Кроме того, промышленная сборка «вернет» в Россию ту часть внутреннего спроса на сельхозтехнику, которая сейчас удовлетворяется за счет импорта и «отверточной» сборки.

Следующим стратегическим направлением может стать создание и развитие сервисной сети сельхозтехники предприятия. Это позволит предлагать потребителям технику вместе с обслуживанием и оперативным доступом к запчастям. Особого внимания заслуживает сфера технического сервиса. В России подобная инфраструктура развита недостаточно, а изготовители не придают ей должного значения. Между тем известно, что потребитель предпочитает приобретать технику, которую легко ремонтировать, приспособленную к реальной эксплуатации. Импортная техника ломается реже российской, однако ремонтируют ее дольше и дороже. Поэтому предприятиям сельхозмашиностроения также можно заключать соглашения с зарубежными производителями сельхозтехники по организации сервиса импортной техники на базе собственного производства и сервисной сети.

Еще одним стратегическим направлением развития предприятий сельхозмашиностроения может стать организация системы продажи подержанной сельхозтехники на вторичном рынке. Это направление хорошо развито в США, Германии и других экономически развитых странах, на рынке которых продается подержанных тракторов в среднем в 3 раза больше, чем новых. Срок службы большей части подержанных тракторов 4—5 лет, зерноуборочных комбайнов 3—4 года. Технику реализуют через дилерскую систему после качественного ремонта и обслуживания, ее стоимость — 30 % первоначальной. Побудительным мотивом для всех участников вторичного рынка является прибыль, поскольку капитальный ремонт машин обходится в 2—3 раза дешевле покупки новой.

Следующее стратегическое направление развития предприятий сельхозмашиностроения — более активное участие в государственном и коммерческом лизинге сельхозтехники. Так, по системе государственного лизинга через «Росагролизинг» реализует свою технику из предприятий Мордовии только ОАО «Сарэкс».

В качестве стратегического направления развития предприятиям сельхозмашиностроения можно рекомендовать объединение в корпорации и холдинги производителей сельхозтехники или вхождение в уже существующие. Это будет способствовать трансферту технологий между производителями. Кроме того, такая концентрация предприятий позволит предложить инвестиционные проекты в части

технического перевооружения для участия в конкурсе на выделение средств из Инвестиционного фонда.

Еще одним стратегическим направлением могут быть решения по расширению рынков сбыта. Здесь необходимо, на наш взгляд, сосредоточиться на двух направлениях. Первое — расширение внутреннего рынка. Внутренний спрос по-прежнему остается низким. Но государственная поддержка стимулирует его увеличение в будущем. Поэтому основной задачей является районирование спроса на производимую сельхозтехнику. Необходимо определить вид техники, поставляемой в те или иные районы в зависимости от их специализации в сельском хозяйстве (растениеводство, животноводство).

Второе направление — это меры по развитию экспорта. Экспорт российской сельскохозяйственной техники в настоящее время осуществляется в основном (до 90 %) в страны СНГ. Следует продвигать сельхозтехнику на рынки развивающихся стран дальнего зарубежья и СНГ, где она может быть конкурентоспособной. Этому может способствовать государственная финансовая поддержка экспорта промышленной продукции. Почти 75 % всех продаваемых в мире сельхозмашин используются при производстве, уборке и хранении зерна. Поэтому для планирования продаж важно знать ситуацию о возделывании зерновых культур в различных регионах мира.

Таким образом, сельхозмашиностроение Мордовии и России в целом постепенно преодолевает кризисные тенденции 90-х гг. XX в. Оптимизировать его дальнейшее развитие поможет, на наш взгляд, реализация перечисленных стратегических направлений.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Здесь и далее см.: Данные Союза производителей сельскохозяйственной техники для АПК «Союзагромаш» // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.souzagromash.ru].

Поступила 26.08.07.

Е. А. ЕЧМАЕВ

СОСТОЯНИЕ РЫНКА МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ РЕГИОНА

В современной экономике эффективные технологии составляют основу конкурентоспособности фирм, отраслей и стран. Именно они позволяют без риска вхождения в ценовую войну с конкурентами выигрывать состязание за рынки сбыта и закупок за счет освоения новых, более привлекательных для потребителей продуктов, либо осуществлять выпуск прежних, оказывать услуги с более низкими издержками. Значимость новых технологий возрастает вследствие усиления потребительских предпочтений, что актуально и для молокоперерабатывающих предприятий Республики Мордовия и России в целом.

Пищевая промышленность — одна из наиболее динамично развивающихся отраслей экономики РФ. Предприятия пищепрома заслуженно считаются одной из движущих сил российской экономики, отрасль демонстрирует стабильный рост производства. Обеспечение населения качественными и доступными продуктами питания — предмет особого внимания органов государственной власти всех регионов РФ. Душевое потребление продовольственных товаров в нашей стране, начиная с 1990 г., имеет тенденцию к росту, однако структура и объемы потребляемой продовольственной продукции еще далеки от мировых стандартов и оптимальных медицинских норм. Так, например, потребление мясных, молочных и рыбных продуктов составляет всего 60 % от рациональных норм потребления[1]

Следует отметить, что молочные продукты входят в рацион питания практически всех групп населения, независимо от их социальной, экономической и демографической характеристики. Необходимость их потребления обусловлена физиологическими потребностями человека.

ЕЧМАЕВ Евгений Александрович, аспирант кафедры менеджмента Мордовского государственного университета.

Заказ № 6759

Анализ состояния и тенденций развития пищевой и перерабатывающей промышленности АПК свидетельствует, что технический уровень производства отстает от современных требований. Мировому уровню соответствует лишь 25 % важнейших групп машин и механизмов. В плачевном состоянии находятся материально-техническая база перерабатывающей промышленности, производственная инфраструктура АПК, мощности по хранению сырья и готовой продукции, дорожно-транспортное хозяйство. Высокий уровень физического и морального износа основных фондов пищевой и перерабатывающей промышленности обусловил ухудшение важнейших технико-экономических показателей хозяйственной деятельности предприятий, включая фондоотдачу и рентабельность производства. В немалой степени этому способствовали отрицательное воздействие дефицита отечественного сельскохозяйственного сырья и конкуренция с импортными товарами.

Первый фактор обусловлен резким спадом не только производства сельскохозяйственного сырья, но и переработкой его на мини-цехах в селе. Что касается конкуренции с импортными продуктами питания, то в значительной мере отставание вызвано не худшими вкусовыми качествами российских продуктов (по большинству продуктов они выше) и не их ценой, а бедностью предлагаемого покупателю ассортимента. Все это определяет актуальность инвестирования пищевой и перерабатывающей промышленности из отечественных и зарубежных источников, предприятия этой отрасли достаточно привлекательны для инвестирования.

При оценке их потенциальной эффективности следует принимать во внимание факторы, кардинально повышающие реальную отдачу от вложенных средств. Во-первых, новые или обновленные мощности рентабельнее действующих мощностей. Во-вторых, совершенствование техники и технологии позволяет значительно снизить расход энергии и сырья, повысить качество продукции. В целом экономическое благополучие и повышенная конкурентоспособность новых или реконструированных производств при соблюдении упомянутых условий очевидны. Одной из основных задач увеличения производства продуктов питания и продвижения их на отечественные рынки, которую предстоит решить в ближайшее время, является проведение комплекса мер по преодолению

антагонизма интересов между сельскохозяйственными товаропроизводителями и перерабатывающими предприятиями.

Безусловно, оптимальность обеспечения населения молочными продуктами зависит от состояния и уровня развития отрасли. Ее функционирование — один из основополагающих факторов обеспечения достаточно высокого уровня и качества жизни населения. В свою очередь, эффективность функционирования предприятий молочной промышленности обусловлена наличием и использованием новых технологий.

Внедрение новых технологий в молочную индустрию позволило обеспечить значительную интенсификацию производства молочной продукции. При этом необходимо отметить, что уровень развития молочной индустрии страны и Республики Мордовия, в частности, значительно отстает от уровня развития отрасли в развитых странах. Практика показывает, что доля высоких технологий у российских предприятий молочной промышленности угрожающе мала — 0,12—0,3 %[2].

Несмотря на рост продуктивности коров в России в 2006 г. (рост продуктивности коров в Мордовии имел место в 2005 и 2006 гг.) по сравнению с 1990 г. (на 14 %), все же этот показатель более чем в 2 раза отстает от аналогичного в США и странах ЕС[3] Следует отметить, что за исследуемый период в стране значительно сократилось производство молока-сырья, тогда как в экономически развитых странах наблюдается обратная тенденция. Также в России наблюдается сокращение процента поставок молока-сырья на промышленную переработку от общего объема его производства. Такое положение обусловлено кризисными явлениями в молочном подкомплексе агропромышленного комплекса страны. Изменение положения возможно лишь при условии интенсификации инновационных процессов в молочной индустрии.

Такая необходимость во многом обусловлена тенденциями развития потребительского рынка молочных продуктов. Характерной особенностью развития этого рынка в России и Мордовии стали стихийность и отсутствие адекватного государственного регулирования.

Сбалансированность развития рынка молочной продукции в стране и в отдельных ее субъектах оценивается путем соотношения изменений объемов ресурсов молока и молоч-

ных продуктов и объемов их использования. В 2005 г. ввоз молока и молочной продукции на территорию РФ более чем в 13 раз превышал вывоз. В 2006 г. наблюдалась тенденция снижения вывоза и ввоза исследуемой продукции. Соотношение же данных показателей также характеризуется превышением в 12 раз ввоза над вывозом[4] Такая ситуация свидетельствует о низкой конкурентоспособности отечественных производителей молочной продукции, по сравнению с зарубежными.

Импорт молока и молочных продуктов в 2006 г. в стране составил почти 14 % в общей структуре ресурсов этого вида продукции. Следует отметить, что такой низкий показатель характерен не для всей молочной продукции. Так, например, импорт масла животного и сыра достигает 40—50 %. При этом по Приволжскому федеральному округу вывоз молочной продукции, включая экспорт, превышает ее ввоз, включая импорт. Такая картина характерна практически для всех субъектов округа, за исключением Нижегородской области, где ввоз в 2006 г. почти в 2 раза превысил вывоз, Пермской — почти в 6 раз, Самарской областей (почти в 10 раз) и Республики Татарстан (менее чем на 10 %).

В Мордовии фактический уровень самообеспеченности региона молоком и молокопродуктами достаточно высок. Такая картина последние 10 лет. Структура ресурсов молока и молочных продуктов, их использование за указанный период не изменились. Однако доля ввоза, включая импорт, в структуре ресурсов увеличилась к 2006 г. по сравнению с 2000 г. почти в 2 раза и составила 1,37 % от общего объема ресурсов. При этом следует отметить, что доля вывоза, включая экспорт, также увеличилась в 1,7 раза в общем объеме ее использования. Учитывая объемы вывоза, использование произведенного в республике молока на производственное потребление и потери, уровень самообеспеченности населения этой продукцией в настоящее время составляет 70 % в соответствии с медицинскими нормами потребления. Следует отметить, что этот показатель снизился по сравнению с 1998 г. более чем на 10 %.

За анализируемый период четко прослеживается тенденция, хотя и незначительного, но сокращения запасов молока и молокопродуктов. Если на конец 2000 г. этот показатель составлял 14,9 тыс. т, то в 2006 г. запасы уменьшились на

1 тыс. т. Основным фактором снижения запасов является увеличение ее вывоза и потребления внутри региона. С 2000 по 2006 г. потребление молочной продукции в Мордовии на душу населения выросло на 2 % (рисунок). При этом объемы потребления молочной продукции сегодня гораздо ниже уровня 1990 г., когда этот показатель составлял 391 кг в год. Однако по сравнению с общероссийским показателем потребления молока и молочных продуктов на душу населения и по Приволжскому федеральному округу, Мордовия находится в более лучшем положении.

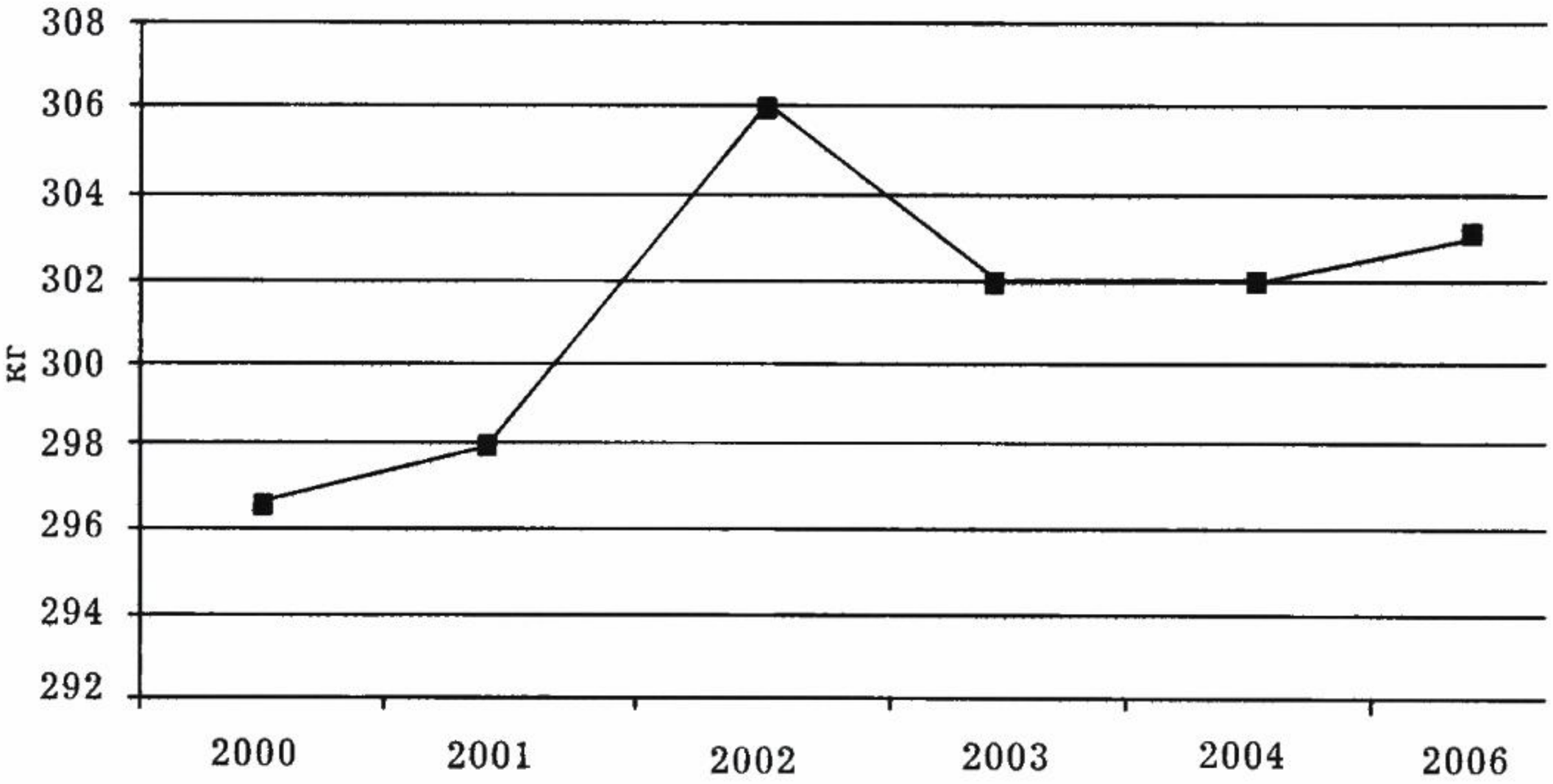

Рисунок. Динамика потребления молока и молочных продуктов в Республике Мордовия в расчете на душу населения (кг в год).

Анализ показал, что существенное влияние на объемы потребления молочной продукции оказывают среднемесячная заработная плата населения; доля расходов на покупку молока и молочной продукции к общим расходам на продукты питания в среднем на человека в месяц; доля расходов на продукты питания в общем объеме потребительских расходов; стоимость продовольственной корзины. Учитывая, что эти показатели в республике имеют положительную динамику, можно предположить, что спрос на молоко и молочную продукцию в ближайшее время будет увеличиваться. Следовательно, можно сделать вывод о перспективности раз-

вития рынка молочной продукции и его привлекательности для производителей.

На территории Мордовии переработку молока осуществляют промышленные предприятия и специализированные цеха, созданные при сельхозпредприятиях. Молочная отрасль республики представлена 20 предприятиями, ведущие из них ОАО «Молочный комбинат Саранский», входящий в структуру маркетинговой компании «Юнимилк», ОАО «Молоко» г. Рузаевка, ОАО «Мечта» п. Чамзинка, ОАО «Сыродельный комбинат Ичалковский» п. Ичалки. При этом предприятия отрасли имеют специализацию в производстве молочной продукции. Так, ОАО «Мечта», ОАО «Сыродельный комбинат Ичалковский», ОАО «Взлет» и МП «Маслозавод Большеберезниковский») специализируются на производстве сыров, их мощности позволяют производить до 5 т сыра в смену[5]

Оборудование для производства масла животного имеется на 19 предприятиях. Их суммарная мощность составляет 93 т в смену, 17 предприятий производят нежирную молочную продукцию, на 12 имеется оборудование для производства казеина. Мощности предприятий отрасли по переработке молока составляют 400 тыс. т в год. При этом их загруженность пока не превышает 60 %.

Следует отметить, что наибольшую рентабельность предприятия отрасли имеют от переработки молока на цельномолочную продукцию и сыр. С целью увеличения объемов производства сыров в 2002 г. предприятиями ОАО «Молоко» г. Рузаевка, ОАО «Мечта» п. Чамзинка и ОАО «Маслозавод Атяшевский» приобретено и введено в эксплуатацию новое оборудование по производству сыров. Наибольшие мощности по производству цельномолочной продукции имеются у ОАО «Молочный комбинат Саранский».

Черты рыночной экономики все более четко проявляются в поведении предприятий молочной промышленности: они ориентированы на получение прибыли; активно используют маркетинговые инструменты, новые технологические линии и внедряют в действующий ассортимент новые виды молочной продукции.

Сдерживающим фактором повышения конкурентоспособности предприятий Мордовии стало отставание в уровне технологического развития молочного производства. К числу

таких факторов следует отнести повышение цен на импортное сырье. Его производители в последнее время стараются установить свои ценовые правила, по которым пытаются заставить работать производителей молочной продукции. В связи с этим часть предприятий может уйти с рынка и возрастет угроза его монополизации. А именно, предприятия с участием иностранного капитала (например, МК «Саранский») окажутся в более выгодном положении, чем отечественные производители. В этой связи возрастает роль государства, которое должно не допустить монополизации отрасли и тем самым сохранить здоровую конкуренцию между производителями.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее см.: *Бердашкевич А. П.* Инновационная деятельность в современных экономических условиях // Инновации. 1999. № 3/4. С. 7—10.

[2] Мордовия: Стат. ежегодник. Саранск, Мордовиястат, 2006.

[3] Там же.

[4] Здесь и далее представлен расчет автора по материалам Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия.

[5] Здесь и далее представлены данные текущей отчетности предприятий.

Поступила 27.09.07.

Ю. А. ШУКШИНА

СТРУКТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В РЕГИОНЕ

Один из важных сегментов потребительского рынка — региональный рынок алкогольной продукции. Его можно определить как вид хозяйственной деятельности, связанный с производством и реализацией алкогольной продукции. Основными функциями рынка алкогольной продукции являются обеспечение платежеспособных потребностей населения в алкогольной продукции; реализация части совокупного общественного продукта для личного потребления; формирование ассортимента, состава и качества продукции, обеспечивающих максимально полное удовлетворение платежеспособного спроса потребителей на алкогольную продукцию. К его специфическим функциям относятся бюджетообразующая, потребительская и социальная. Формирование рынка алкогольной продукции региона обусловлено, прежде всего, наличием развитого сельскохозяйственного производства, обеспечивающего сырьевой потенциал отраслей, производящих алкогольную продукцию в объемах, определяющих участие региона в формировании внутрирегиональных и межрегиональных связей по ряду продовольственных товаров. Это не означает, что промышленность и сельское хозяйство региона должны обеспечивать регион всеми видами алкогольной продукции в полном ассортименте. Необходимо, чтобы они удовлетворяли потребности населения в основных видах продукции и чтобы доля региона в производстве качественного алкоголя постоянно возрастала. Другим условием формирования алкогольного рынка является наличие экономически выгодных и устойчивых связей, возникших за счет территориального разделения труда и специализации экономики региона.

ШУКШИНА Юлия Андреевна, аспирант кафедры статистики Мордовского государственного университета.

Большое значение имеет емкость алкогольного рынка. Расширение емкости и изменение качественных параметров рынка алкогольной продукции находится в прямой зависимости от платежеспособного спроса населения и уровня развития непроизводственной и производственной сфер экономики.

Приоритетным направлением на современном этапе развития стало насыщение внутреннего потребительского рынка отечественной конкурентоспособной алкогольной продукцией и постепенное вытеснение импортных товаров отечественными. Это необходимо для обеспечения экономической безопасности регионов и страны в целом, преодоления безработицы, роста доходов потребителей и производителей, увеличения объемов инвестиций в экономику.

Формирование рынка алкогольной продукции невозможно без научного обоснования выбора приоритетных направлений развития с учетом определения целей и задач региональной политики. Такой научной основой может служить экономическая диагностика состояния алкогольного рынка. Только на этой основе могут быть определены эффективные формы и методы государственного регулирования развития ликероводочной отрасли и функционирования рынка алкогольной продукции, обеспечивающие переход потребительского рынка на качественно новый уровень.

Объемы потребления ликероводочной продукции, произведенной в Республике Мордовия за 1991—2006 гг., сократились на 50 %[1]. Анализ показывает уменьшение объемов розничных продаж во всех муниципальных образованиях. В среднем ежегодно уровень потребления водки и ликероводочных изделий снижался на 4,4 %, что стало одной из основных причин снижения объемов производства алкогольной продукции. В основном это коснулось водочной продукции среднего класса, производимой на ОАО «Мордовспирт».

Колебания спроса и предложения на рынке алкогольной продукции тесным образом связаны с изменением цен на эту продукцию, вследствие роста акцизных ставок. Расчет коэффициента эластичности спроса по цене на основании месячных данных за трехлетний период свидетельствует о наличии эластичного спроса на водку и ликероводочные изделия в регионе. Это весьма важно, поскольку при эластичном спросе повышение цен приводит к снижению доходов от продажи алкогольной продукции, что необходимо

учитывать при изменении ставок акциза на алкогольную продукцию в сторону их увеличения.

Рост потребительских цен вследствие повышения акцизных ставок в значительной мере способствовал снижению объемов розничной продажи водки и ликероводочных изделий местного производства в регионе. За последние 10 лет вследствие роста ставки акциза и средней цены потребление водки и ликероводочных изделий местного производства в Мордовии сократилось на 10 %[2]

На основании данных о поставках алкогольной продукции и пива на республиканский рынок Мордовии в период с 2000 по 2006 г. в среднем за год можно сделать выводы о том, что основой производства алкогольной продукции в республике является спирт этиловый из пищевого сырья местного производства, его доля из других регионов составляет всего 0,3 %; объем потребления водки и ликероводочных изделий местного производства в общем объеме потребления составил 97 %; за этот же период объем поставок виноградного и плодового вина местных производителей составил 42 %; объем поставок шампанских, игристых, газированных и шипучих вин сформирован полностью за счет продукции, ввезенной из других регионов России, поскольку в республике данный вид алкогольной продукции не производится; объем поставок пива местного производства в общем объеме потребления составил 27 %[3]; практически все рынки алкогольной продукции и пива в регионе являются высококонцентрированными и характеризуются достаточно сильной рыночной властью отдельных поставщиков и слабой степенью конкуренции между участниками рынка. Степень концентрации (HHI) на рынке водки, ликероводочных изделий и пива снизилась на 11 %, на рынке коньяка — на 16 %, одновременно значительно (более чем в 5 раз) увеличилась степень концентрации на рынке виноградных и плодовых вин[4].

Таким образом, в регионе рынок водки и ликероводочных изделий монополизирован местными производителями, рынок шампанских, игристых, газированных и шипучих вин, а также коньяка, характеризуется жесткой олигополистической конкуренцией, а рынок плодового вина, винных напитков и пива — расплывчатой олигополией.

Общероссийская тенденция изменения потребления алкогольной продукции в сторону увеличения потребления вино-

дельческой продукции в последние годы прослеживается и в Мордовии. За 1991—2006 гг. рост потребления алкогольной продукции обеспечивался в основном за счет повышения уровня потребления вина — его доля увеличилась почти на 20 %. За этот же период доля потребления водки и ликероводочных изделий в общем объеме потребления алкогольных напитков снизилась на 19 %. Доля шампанского и коньяка осталась на том же уровне[5].

Исследование тенденций потребления спиртных напитков в ПФО в 2002—2006 гг. позволило отметить, что объем реализации водки и ликероводочных изделий населению увеличился незначительно (на 0,4 %). За этот же период потребление на остальную алкогольную продукцию и пиво существенно выросло[6]. В структуре потребления спиртных напитков в ПФО основную долю занимает пиво (76,9 %), на водку и ликероводочные изделия приходится 15 %, 6 % — на виноградные и плодовые вина. Рассматривая внутреннюю структуру потребления алкогольной продукции (без учета пива) в ПФО можно отметить, что в отличие от Мордовии, водка и ликероводочные изделия в округе занимают 66 % (на 3 % выше), виноградное и плодовое вино — 27 % (на 7 % ниже), шампанские и игристые вина — 6 % (почти на 4 % выше) и коньяк — 1 % (на 160 % выше).

Уровень потребления на душу населения водки и ликероводочных изделий в ПФО за 2002—2006 гг. вырос на 3,4 %, на слабоградусную алкогольную продукцию и пиво на 144—169 %. В 2006 г. потребление водки и ликероводочных изделий в ПФО на душу населения составило 12,1 л, виноградного и плодового вина — 4,9 л, шампанских и игристых вин — 1,1 л, коньяка — 0,3 л и пива — 31,4 л.[7]

В целом можно отметить, что в настоящее время сохраняется тенденция нестабильности потребления алкогольной продукции на мировом и региональном уровнях. В мире происходит смещение потребления от крепких спиртных напитков в сторону винодельческой продукции, что связано с расширением числа потребителей с различными потребностями и повсеместной пропагандой здорового образа жизни. Основной стратегией большинства производителей алкогольной продукции на современном этапе, обеспечивающей поддержание и повышение уровня потребления выпускаемой продукции, является рационализация.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее предоставлены авторские расчеты по Рынок алкогольной продукции / Стат. сборники. Саранск, 1991—2006 годы.

[2] Авторские расчеты, а также по данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан и данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия.

[3] Здесь используются данные авторского анализа и «Ввоз (покупка) и вывоз (продажа) за 2000—2006 годы. Без продажи на собственной территории».

[4] Авторский расчет показателей рыночной концентрации крупнейших поставщиков и индекс Херфиндаля-Хиршмана HHI за 2000—2006 годы.

[5] Данные Министерства экономики Республики Мордовия.

[6] Авторский анализ данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан / Розничная продажа алкогольных напитков и пива за 2002—2006 годы // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.tatalc.ru].

[7] Авторский анализ данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия / Розничная продажа алкогольных напитков и пива; Численность населения по регионам ПФО (по полному кругу) за 2002—2006 годы // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.tatalc.ru].

Поступила 28.09.07.

Г И. ГУМЕРОВА,
Э. Ш. ШАЙМИЕВА

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ХИМИЧЕСКОГО И НЕФТЕХИМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ НА ПОРОГЕ ВСТУПЛЕНИЯ В ВТО

Под «инновационной деятельностью понимается вид деятельности, связанный с трансформацией идей .... в новый или усовершенствованный продукт, внедренный продукт, внедренный на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, использованный в практической деятельности...»[1] Следует отметить, что незначительное число предприятий в химическом и нефтехимическом комплексе (ХНК) России могут быть классифицированы как инновационно-активные. Половина промышленных фирм России (53 %) осуществляют процессные или продуктовые инновации[2] Большинство продуктовых инноваций создано в машиностроении. В целом инновационная деятельность сосредоточена на крупных предприятиях, располагающих средствами для финансирования расходов на исследования и разработки.

К основным экономическим факторам, препятствующим инновационной деятельности организаций промышленного производства, относится недостаток собственных денежных средств. Низкий инновационный потенциал организации также отмечен как основной производственный фактор, сдерживающий инновационную деятельность[3]

Баланс торговли технологиями может служить индикатором существующей международной конкурентоспособности России. Объем технологий в промышленном секторе, переданных российской промышленностью за границу,

---

ГУМЕРОВА Гюзель Исаевна, советник ректора Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор (г. Москва).

ШАЙМИЕВА Эльмира Шамилевна, старший преподаватель менеджмента Института экономики, управления и права, кандидат экономических наук (г. Казань).

ориентировочно в 10 раз меньше соответствующего объема импорта. Поскольку экспорт технологий в российскую промышленность составляет незначительную долю от всего экспорта технологии страны (12,6 % в 2004 г.), промышленные фирмы — самые важные импортеры технологий (58,4 % в 2004 г.)[4].

Одновременно в промышленном экспорте технологий доминирует машиностроение и металлообработка, а значение ХНК в этой области несущественно. Как и другие промышленные комплексы, ХНК России полагается на импорт технологий, что подтверждает объем импорта, более чем в 5 раз превышающий операционный объем экспорта технологий[5] Самыми важными экспортерами российских технологий являются США (23 % от общего числа экспортированных технологий), Германия (14 %) и Великобритания (7 %), в то время как импорт осуществляется в основном из Германии (19 %), Великобритании и Финляндии (15 %) и США (12 %)[6].

Необходимо иметь в виду, что факт доминирования импорта над экспортом технологий не представляет собой ничего необычного для стран переходного периода. Более того, это должно быть, на наш взгляд, расценено как обязательное условие дальнейшего технологического подъема. Имеются различные примеры стран с успешной ассимиляцией технологии, например, «азиатские тигры»[7] Дальнейшее развитие предполагает взвешенную государственную политику, учитывающую ряд смежных показателей. Одним из основных в этом отношении выступает соотношение импорта технологий и отечественных исследований и разработок. В настоящее время нельзя утверждать, что импорт технологий, осуществление отечественных исследований и разработок являются дополняющими, так как последние продолжают пока находиться на низком уровне, несмотря на увеличивающийся импорт. Модернизацию российских промышленных предприятий, вызванную (инициированную) технологическим трансфертом, необходимо рассматривать как ограниченную, учитывая тот факт, что предприятия все еще работают с устарелым материалом и вошли в период убыточной рентабельности. Следовательно, едва ли вероятно то, что импорт технологий поддерживает эндогенный технологический прогресс в отечественной химической и нефтехимической промышленности. Это не исключает, что освоение технологий

из-за границы может быть асимметричным. Представляется вероятным предположить, что импорт технологии сдерживается ограниченным числом инновационных предприятий. Возможно, именно это и определяет различие в уровне их прибыли. В ближайшее время, на наш взгляд, это приведет к существенному вытеснению мелких предприятий (разорение компаний, не выдержавших конкуренции) с рынка нефтехимической продукции. Этот процесс будет интенсифицирован в условиях вступления России в ВТО[8] Резервом отечественных предприятий отрасли может быть потенциальный технологический рост. Однако и здесь могут возникнуть серьезные проблемы[9].

Причиной неэффективной инновационной деятельности предприятий ХНК является недостаточное финансирование. В какой-то мере эту проблему могли решить исследования и разработки, частное финансирование «рисковых» инвестиций, которое в России пока отсутствует. К сожалению, данные о доле финансирования исследований и разработок банками или другими частными организациями недоступны. Несомненным является факт уменьшения с 1998 г. числа иностранных инвесторов в ХНК. Поэтому промышленные предприятия России в основном полагаются на свои средства в финансировании исследований и разработок[10]

Очевидно, что российские промышленные предприятия сегодня редко являются пионерами в области промышленных исследований и разработок, полагаются в большей степени на принятие (усвоение, заимствование) технологий. В условиях вступления России в ВТО не удивительным станет тот факт, что российский НХК окажется в ситуации уменьшения международной конкурентоспособности. Более того, имеется опасность отставания в осваивании новых мощностей.

Необходимо иметь в виду, что конкуренция на мировом рынке в химической и нефтехимической промышленности основана не столько на цене, сколько на качественных характеристиках продуктов. Функционирование предприятий ХНК России в условиях ВТО приведет, на наш взгляд, к тому, что они попадут в критическое состояние. Принятие/усваивание новшеств может быть достаточным, чтобы получить ведущую позицию на внутреннем рынке, но это будет иметь ограниченное конкурентоспособное воздействие на предприятия, работающие на мировых рынках.

Таким образом, химический и нефтехимический комплекс России пока нельзя охарактеризовать как инновационный. Недостаточная поддержка частным бизнесом инновационной деятельности в ХНК — один из сдерживающих факторов развития средних и малых предприятий этой сферы. Импорт передовых российских технологий сдерживается ограниченным числом инновационных предприятий, которые пытаются самостоятельно проводить исследования и осуществлять разработки, приобретать современное оборудование.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Российский статистический ежегодник 2006, Москва. РОССТАТ 2006.

[2] Инновационная деятельность промышленных предприятий России во II полугодии 1999 г. / Стат. бюл. РФ. 2000. № 26. Москва. ГОСКОМСТАТ 2000.

[3] Россия в цифрах 2002. Москва. ГОСКОМСТАТ 2002.

[4] Промышленность России 2003, Москва. ГОСКОМСТАТ 2003.

[5] Российский статистический ежегодник 2005, Москва. РОССТАТ 2005.

[6] Там же.

[7] *Hare P.* Why the WTO matters for Russia, in: *Barysch K., Cottrell R., Frattini F., Hare P. Lamy P., Medvedkov M., Yasin Y.* Russia and the WTO, London 2002, P. 61—83.

[8] *Jasper J., Gumerova G., Schaimijeva S.* Auslandische Direktinvestitionen in der Republik Tatarstan im Zeitraum 1990—2001 / Osteuropa-Wirtschaft. 2003. № 3. S. 161—181.

[9] См.: *Гришанков Д.* Ежегодный рейтинг крупнейших компаний России // Эксперт. 2003. № 36. С. 82—154.

[10] Российский статистический ежегодник 2003, Москва. ГОСКОМСТАТ 2003.

Поступила 07.05.07.

С. Ф. ОСТАПЮК

ОСОБЕННОСТИ И МЕХАНИЗМ РАЗРАБОТКИ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Программно-целевое управление научно-техническим и инновационным развитием страны в целом, региона, отрасли остается важнейшим инструментом при решении задач экономического подъема России. В новых экономических условиях особое значение приобретает стратегическое управление, в частности, формирование и реализация долгосрочных программ развития страны, ее регионов, отрасли.

При формировании и реализации программ развития необходимо учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, процесс развития не может быть жестко детерминирован, но и не должен быть стихийным. Сущность использования программно-целевых методов состоит в том, чтобы процесс развития при всей сложности его реальной структуры не выходил за пределы заданного направления. Во-вторых, программы развития «фокусируют» вероятностные процессы, степень неопределенности которых возрастает по мере удаления от текущего момента в перспективу. В-третьих, поскольку предмет программы развития — генезис анализируемой предметной области, то ее объектом является управление целями этого процесса. Продукт программы развития — цели, которые в тот или иной момент становятся желаемым результатом с конкретными характеристиками.

Перечисленные обстоятельства, на наш взгляд, определяют актуальность рассмотрения проблематики формирования и мониторинга реализации программ развития в научно-технической и инновационной сфере.

Под «программой развития» мы понимаем согласованный по целям, срокам, исполнителям и ресурсам план управления достижением новых качественных и количественных состояний в тех или иных сферах деятельности

ОСТАПЮК Сергей Федорович, начальник отдела Департамента научно-технической и инновационной политики Министерства образования и науки Российской Федерации, кандидат технических наук.

Заказ № 6759

в рамках видимой перспективы. Цели программы развития реализуются на протяжении всего периода существования программы при условии сохранения их актуальности. Выделяют стратегические, тактические и потенциальные цели программ развития. Стратегические цели программы развития действуют на протяжении всего периода ее реализации и отвечают национальным, государственным, отраслевым, региональным и иным потребностям. Тактические цели в программах развития можно рассматривать как кратко-, средне- и долгосрочные потребности, которые необходимо учитывать при формировании финансовой политики. На базе тактических целей программ развития формируется свод программ создания (федеральных, региональных и ведомственных целевых). Потенциальные цели формируются на основе блока «генетических» целей и могут быть ранжированы в порядке очередности предполагаемой реализации, выступая тем самым ориентирами дальнейшей модификации программ. Состав тактических и потенциальных целей в программах следует постоянно уточнять, что предполагает наличие свойств динамичности и адаптивности в механизмах формирования этих программ.

Одно из принципиальных отличий программ развития от программ создания заключается в потенциальной целевой неопределенности конечного результата. В программах создания целевая определенность конечного результата и степень его завершенности — важнейшие параметры управления программой. В формулировке исходной («стратегической») цели программ развития, как правило, намечена только та или иная часть конечного результата развития, остальные его аспекты «проявляются» постепенно, через «цели создания» в процессе реализации комплекса мероприятий по достижению заданной цели и могут поддерживаться программой развития за счет ее новых направлений или «гаситься» за счет организованного противодействия нежелательным эффектам. Природа этого механизма кроется в сущности объекта развития, степени его сложности.

В сфере научно-технической и инновационной деятельности процесс формирования программ развития имеет особенности. Одна из них связана с тем, что эти программы развертываются применительно к конкретным объектам в рамках их полного жизненного цикла и непосредственно

переходят в программы создания. Другая особенность состоит в выражении генезиса всех научно-технических объектов, включенных в сферу проектируемой программы развития. Обычно изучение генезиса — прерогатива историко-технических исследований. Но для программ развития в большей степени важен не механизм ретроспективных исследований, а механизм обнаружения новых («генетических») целей развития, появляющихся в результате структурных изменений экономической деятельности.

По большому счету развитие есть не что иное, как процесс структурных изменений в экономической деятельности, поэтому программу развития можно определить как целевое управление изменениями структур социально-экономических, научно-технических, иных объектов и процессов. В этом плане цели программ развития могут быть интерпретированы как определяющие структурные сдвиги в социальных и экономических процессах. Поэтому моделирование структурных изменений не столько инструмент описания, сколько управления.

Каждая фаза реализации программы развития имеет свои структурообразующие особенности: в фазе стабильного развития происходит равномерный прирост качественных и количественных характеристик предметной области при малой степени ее структурных изменений; в фазе интенсивного развития имеет место скачкообразный, ускоренный прирост качественных и количественных характеристик при значительных структурных изменениях; в фазе застоя качественные и количественные характеристики сохраняются, а структурных изменений не наблюдаются или они носят незначительный характер; в фазе затухания происходит спад качественных и количественных характеристик при отсутствии или незначительных структурных изменениях.

В каждой из названных фаз цели создания имеют вполне определенное структурообразующее значение соответственно специфике фазы. Так, например, создание аналогов характерно для фаз затухания и застоя, а инноваций — для фазы интенсивного развития. Проблема состоит в том, что в рамках одной и той же предметной области в один и тот же период программа развития может реализовываться в различных фазах относительно различных множеств элементов ее структуры. Границы между фазами условны,

элементы структуры мигрируют из одной фазы в другую, т. е. постоянно изменяется структурообразующая ситуация. Генетические цели в программах развития и возникают по той причине, что они в большинстве случаев являют собой противовес изменениям структурообразующей ситуации.

Программы развития должны решать задачу согласованного получения дискретных результатов и обеспечения непрерывности процесса перехода к будущим результатам. Естественно, что задачи развития и согласованного получения дискретных результатов предъявляют специфические требования к программно-целевому инструментарию. К их числу относятся: механизмы согласованного и адаптивного управления целями; механизмы гарантированного ресурсного обеспечения; развитая инфраструктура программ развития и государственного протекционизма их реализации; независимый менеджмент программ развития; непрерывный их мониторинг и система приоритетов реализации.

Утверждая ту или иную программу развития, государство, стремясь обеспечить выбранные национальные приоритеты, берет под свою защиту интересы программы. Поэтому формирование такой программы требует четкой системы национальных приоритетов в сфере научно-технической и инновационной деятельности.

Все программы развития должны иметь инновационный характер. Но специфика инновационной сферы такова, что в ее программах развития могут возникать новые цели на любой стадии жизненного цикла инновации. Например, открытие нового физического эффекта может «подтолкнуть» развитие фундаментальных исследований и привести к изучению новых побочных явлений этого эффекта, создание нового материала для космической отрасли вовсе не означает, что он не может быть модифицирован для применения в гражданских отраслях. Во всех этих случаях программа инновационного развития получит новые цели. Будут ли эти цели реализованы или нет, будет зависеть только от проводимой научно-технической и инновационной политики и ресурсных возможностей ее исполнителей.

Требования, предъявляемые к программам развития, определяют необходимость уточнения отдельных положений принятого регламента разработки целевых программ с учетом их специфики[1] В рамках общей схемы порядка

разработки целевой программы *первый этап* работы связан с отбором узловых проблем разработки. Для программ развития на этой стадии необходимо развернутое обоснование (структуризация) проблемы и проведение профессиональной независимой экспертизы ее формулировки. Отсутствие на этой стадии развернутого обоснования проблемы и профессиональной экспертизы может означать только одно — все более или менее грамотно оформленные или «авторитетные» инициативы суммируются и отправляются для решения в Правительство России, которое «обречено» на принятие решения о разработке программ.

Подобная «организация» процесса принятия целевой программы мало напоминает мировые стандарты. Про систему развернутого программирования вообще говорить не приходится. Там действуют принципиально по-иному — от общего к частному. Но и система частичного программирования выстраивает процедуру иначе. Ее исходным моментом является не механическая сумма чьих-то инициатив, а системный анализ экономической и социальной ситуации в стране. После него осуществляют прогноз принципиальных макроэкономических показателей развития. При этом определяются узловые проблемы, которые не могут быть решены без участия государства. Совокупность мероприятий по решению выявленных ключевых проблем оформляется как государственные программы. И только на стадии конкретизации мероприятий программы до уровня конкретных проектов предусматривается конкурсный отбор инициативных предложений. Такая схема с большей вероятностью гарантирует формирование системы программ, отражающей общенациональные приоритеты.

Начальный этап (определение основных проблем) призван решить задачу обоснования целесообразности разработки программы для конкретного направления развития. Следует иметь в виду, что далеко не все осознанные сегодня проблемы смогут сохранить актуальность в перспективе.

Если принять тезис о том, что состав и структура проблем определяют состав и структуру программ, то процедура отбора проблем должна завершиться подготовкой проекта системы целей программы. Проблема формирования системы целей для программ развития ранее уже обсуждалась[2] Формирование системы целей — определяющий момент

программно-целевого подхода, но существующие варианты его реализации требуют переосмысления. Дело в том, что процесс развития достаточно сложен и имеет внутреннюю структуру, близкую к сетевой. Поэтому в отличие от программ создания в программах развития, например, не может быть применено формирование графа целей с вложенностью уровней, поскольку цели нижнего уровня должны соответствовать по содержанию сетевой структуре процесса развития. Полезным для разработки системы целей программ развития оказывается логико-семантическое моделирование проблемной ситуации с последующим определением структуры системы целей этих программ.

Второй этап программирования — формирование структуры целевой программы. На этом этапе не только создаются соответствующие тексты и проводят необходимые технические и экономические расчеты, но и формируют круг потенциальных подрядчиков по разработке программы, отношения с которыми оформляются необходимыми соглашениями о намерениях. Если заказчик программы считает необходимым, то он проводит специализированную экспертизу проекта программы.

В действительности заказчик оказывается в весьма опасном для бюджета страны положении. Разрабатывая программу, он формирует бюджетные притязания, не имея четко обоснованного лимита. В конкурентной борьбе с другими заказчиками по другим программам он склонен рассматривать его как практически неограниченный[3] Более того, будучи ответственным за реализацию программ, заказчик может сознательно завысить требуемые ресурсы, по крайней мере по двум обстоятельствам. Во-первых, «нежесткую» программу проще выполнять, а значит, значительно ниже вероятность административной ответственности за ее невыполнение. Во-вторых, чем больше бюджет программы, тем выше вероятность того, что главным виновником при провале программы окажется Минфин России, не сумевший обеспечить запланированные ассигнования. Опасность «завышения» предполагаемых расходов особенно реальна для программ развития. По причине завышенных предполагаемых расходов они могут быть отклонены. Поэтому на данной стадии необходим механизм, препятствующий завышению предполагаемых расходов, например, механизм создания резервного фонда программы

развития в рамках Бюджета развития, который может взять на себя непредвиденные расходы.

Особой проблемой этапа формирования программы являются внебюджетные источники финансирования. В мировой практике государственное программирование — это форма государственных расходов. В тех же случаях, когда считают возможным смешанное финансирование, привлечение внебюджетных источников каждый раз специально законодательно регламентируют. В России эта функция делегируется государственному заказчику и предлагается осуществить ее в договорной форме. Поэтому опыт России представляется во многом уникальным.

Исходная идея этой практики достаточно привлекательна: смешанное финансирование как бы призвано подчеркнуть общественную значимость программы развития, ее поддержку со стороны бизнес-сообщества. Понятно желание достичь кумулятивного эффекта от государственных инвестиций. Но есть и серьезные препятствия. Изначально программирование было ориентировано на вложения, масштабы и окупаемость которых были недоступны и непривлекательны для частного бизнеса. Недаром основной предмет деятельности государственных программ во всем мире — инфраструктурные проекты. Если же основной регламент программирования требует обязательного и значительного финансирования программ из внебюджетных источников, значит либо все программы — это быстро окупаемые проекты (с показателями, приемлемыми для частного бизнеса), либо программирование — это форма скрытого бюджетного субсидирования ограниченного числа избранных хозяйствующих субъектов. Российская действительность пока ближе ко второму варианту.

Представляется, что процедуру определения внебюджетных источников финансирования для программ развития на данном этапе следует исключить. Начальная работа по программе развития должна осуществляться за счет бюджетных средств, и только впоследствии за счет создания благоприятного инвестиционного климата можно ожидать участия в ней частного капитала. Основной задачей его участия в программах развития является формирование централизованного резервного фонда за счет высвобождения бюджетных средств, что позволит в перспективе финансировать работы по «генетическим» целям.

Третий этап процедуры разработки и реализации программы — ее комплексная независимая экспертиза и оценка. Основными «оценщиками» программ установлены Министерство экономического развития Российской Федерации, Министерство образования науки Российской Федерации и Министерство финансов Российской Федерации. В качестве интеллектуального штаба выступают, как правило, Совет по науке, технологиям и образованию при Президенте РФ, РАН и подведомственные ей организации. По существующему регламенту главными критериями оценки являются приоритетность, эффективность, обоснованность.

Главным результатом оценки программы развития должна быть утвержденная совокупность ее подпрограмм и отдельных проектов, приведенная в различных вариантах ее финансирования — свод программ создания. Например, базовый вариант программы при 100 % ее финансировании в установленные сроки. Расширенный (и/или ускоренный) вариант программы — на случай ее признания особо приоритетной и несколько вариантов — при уменьшающемся объеме финансирования. В завершение — минимальная сумма ассигнований, после которой реализация программы не имеет смысла и ее следует прекратить.

В рамках бюджетного процесса как минимум ежегодно должна проводиться оценка всей совокупности программ. Но рассматриваться должны и вновь принимаемые, и действующие программы, и не только с точки зрения планируемых бюджетных ассигнований на будущий год, но и с точки зрения бюджетной эффективности реализованных этапов и прогнозных ассигнований хотя бы на среднесрочную перспективу. При этом главным итогом оценки совокупности программ должен быть их ранжированный ряд, в котором определяется перечень подлежащих финансированию программ и выбранный вариант их финансирования. Представленные таким образом программы можно будет трактовать как конкретный «образ» национальных приоритетов в экономике.

Четвертый этап — утверждение целевой программы. В России целевые программы утверждает ее Правительство. Оно же гарантирует государственному заказчику финансовые ресурсы, которые утверждает Государственная Дума в рамках принятия бюджета на текущий год. Это противоречие

достаточно серьезное. Как показывает практика, максимум, что действительно может гарантировать Правительство России, это включение той или иной программы в перечень финансируемых из федерального бюджета программ. Гарантий же по реальному объему финансирования в рамках принятых нормативно правовых актов не может дать в России никто. Для программ развития данное обстоятельство принципиально. В этой части существующий порядок разработки целевых программ требует серьезной доработки.

Момент утверждения для программ развития состоит в официальном признании программных приоритетов, что может быть отражено в соответствующих реестрах. Представляется целесообразным поставить вопрос *о создании и ведении единого реестра приоритетов целевых программ, выделяя в нем программы развития как раздел.*

Пятый этап — управление реализацией целевой программы и контроль хода ее выполнения. Управление целевыми программами осуществляет государственный заказчик и созданная при нем дирекция программы. Формой работы с исполнителями являются государственные контракты. В этой ситуации степень свободы государственного заказчика максимальна. Он не только самостоятельно определяет формы и методы управления программой, но и сам ежегодно уточняет ее целевые показатели, распределение денег по программным мероприятиям, механизм реализации программ и состав исполнителей (на конкурсной основе).

Управление программами развития — это особый вопрос. Представляется, что целесообразно говорить о необходимости создания специальных дирекций программ развития. Органы управления реализацией программ и подпрограмм периодически докладывают состояние их реализации в Минэкономразвития России или в Минобрнауки России (или головному заказчику программы). Эти министерства проводят анализ полученных материалов и ежегодно докладывают ход осуществления программ развития Правительству РФ.

Ежегодно по представлению министерств, агентств, ведомств, регионов, организаций и предприятий Минэкономразвития России или в Минобрнауки России представляют предложения о пересмотре состава программ развития с включением в него новых и исключения завершенных или прекращенных программ. Минэкономразвития России и /

или Минобрнауки России представляет предложения о разработке и утверждении новых программ на рассмотрение Правительства РФ.

Главное отличие российского опыта управления программами от мировой практики состоит в стремлении к *абсолютной унификации*. В реальной жизни программы значительно различаются по целям, содержанию, масштабам, требуемым ресурсам, участникам и последствиям их реализации. Обычно проектировщики программы принимают это как объективную реальность и ищут в каждом случае оптимальную форму управления, справедливо полагая, что в этом одна из предпосылок конечного успеха. *Степень же вариативности российских программно-целевых процедур ничтожна*. Для многоотраслевых или комплексных инвестиционных программ допускается наличие нескольких заказчиков, возглавляемых заказчиком-координатором. Не требует специального доказательства, что этот вариант не слишком разнообразит исходную схему.

Принципиальная особенность программно-целевого управления заключается в закреплении его в качестве альтернативы традиционным отраслевому и территориальному принципам управления — это комплексное воздействие на объект управления во всей совокупности его сторон и граней. Сведение же схемы управления к взаимодействию заказчика с исполнительной дирекцией стирает специфику программно-целевого метода и превращает его в чуть усложненный вариант традиционного управления. Чтобы этого не было, программа развития должна иметь единую дирекцию с необходимыми экспертными советами и иными структурами для оперативного управления целями и ресурсами программы.

Таким образом, помимо исполнительных функций дирекция программы развития (или другой выполняющий ее роль орган) должна иметь и определенные полномочия заказчика. Подобное «сращивание» — специфика программ развития, задачи которых выходят за рамки обычных программ создания. Не исключено, что управление программами развития должно рассматриваться в контексте общей структуры государственного управления экономикой. Уменьшение финансирования программ развития представляется нежелательным при условии их грамотной разработки. Однако, если до этого дошло дело, то этим должны заниматься в

первую очередь органы управления программой развития. Отчетность исполнения этих программ должна быть разработана и утверждена на государственном уровне.

Действующий нормативный порядок нуждается в изменении. Такой принципиальной корректировкой должно быть выведение процесса программирования из-под юрисдикции Федерального закона «О поставках продукции для федеральных государственных нужд». Тем более, что первый шаг уже сделан. Государственная Дума Российской Федерации приняла рамочный Федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации». В нем введено понятие «Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу».

В данной ситуации у Правительства РФ есть возможность принять новую редакцию «Порядка разработки, утверждения и реализации целевых программ...», трактующую программы как составную часть общероссийской программы социально-экономического развития и прекращающую стихийное инициирование разнородных программ конкурирующими друг с другом министерствами, ведомствами и администрациями регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «О реализации Федерального закона «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 1995 г. 594 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 28. ст. 2669.

[2] См.: Новые формы связи науки с производством / Балаян Г. Г., Гвоздев С. В., Комков Н. И., Кисель В. Е., Остапюк С. Ф. и др. М., 1992; *Остапюк С. Ф.* О некоторых программно-целевых механизмах управления развитием научно-технической и инновационной сферы деятельности. М.: ЦИСН. Информационный бюллетень № 4, 2004. С. 11—41; *Остапюк С.* Программно-целевое развитие наноиндустрии в России // Общество и экономика. 2007. № 1. С. 127—138.

[3] См.: Инновации и экономический рост: Монография // Под общ. ред. К. И. Микульского. М., 2002.

Поступила 31.10.07.

В. Т. ВОЛОВ

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В РЕГИОНЕ

На современном этапе развития общества образование стало одним из важнейших факторов, обеспечивающих социальную стабильность, экономический рост, развитие институтов гражданского общества. Развитие цивилизации определяется состоянием интеллектуального потенциала, главными факторами роста которого являются наука и образование. Важность вопроса получения высшего образования вызывает интенсивную перестройку системы образования, изменение статуса государственных и негосударственных (внебюджетных) вузов, организацию и развитие учебных заведений нового типа.

В последние годы широкое распространение получает система дистанционного образования, позволяющая получить высшее образование, повысить квалификацию или пройти профессиональную переподготовку без отрыва от производства и места проживания. Доступность, экономичность, использование новых информационных технологий в системе дистанционного образования привлекают все большее число студентов в регионах России.

В связи с этим существенно возрастает уровень требований к качеству высшего профессионального образования, предъявляемых его потребителями (обществом, студентами и их родителями, а также потенциальными работодателями). Вследствие этого возникает необходимость использования гибких образовательных траекторий, учитывающих динамично изменяющиеся потребности личности, общества и экономики.

ВОЛОВ Вячеслав Теодорович, директор Самарского филиала Современной гуманитарной академии, доктор педагогических, экономических и технических наук, профессор.

В высшем образовании как общественном институте прослеживаются весьма позитивные тенденции, отражающие насущные не только требования современности, но и тенденции коммерциализации, часто снижающие качество образования. К позитивным тенденциям можно отнести ряд количественных и качественных изменений. Сегодня в России на 10 тыс. жителей приходится около 260 студентов, для студентов высшего и среднего профессионального образования в России этот показатель достиг 400 студентов на 10 тыс. жителей, один из самых высоких в мире.

В последние десятилетия высшее образование приобрело широкомасштабный характер, что стало вызывать беспокойство за качество и эффективность образовательного процесса. По сравнению с традиционными высшими учебными заведениями, проблема обеспечения качества подготовки специалистов в вузе с телекоммуникационными технологиями обучения принципиально усложняется вследствие необходимости обеспечения воспроизводимости образовательной технологии, независимо от места нахождения студента, уровня студенческого контингента и педагогической среды. Это требует внедрения инновационных подходов и нестандартных решений.

Нами излагался инновационный метод управления образовательной системой и оценивалось качество проектирования телекоммуникационных образовательных технологий как информационно-термодинамического метода[1]. Этот метод опирается на универсальные законы термодинамики, но оперирует информационными понятиями (плотность населения, уровень интеллектуальных ресурсов, условная энтропия и т. д.). Такой подход при анализе полей антропогенных переменных вполне приемлем ввиду того, что распределение соответствующих переменных на территории страны в целом и регионов, в частности, является слабо меняющимся со временем, т. е. квазистатическим. Данное обстоятельство и объясняет успех использования информационно-термодинамического метода, так как он в принципе статичен или квазистатичен.

Правомерность рассмотрения образовательной системы как открытой информационно-термодинамической системы имеет под собой основания.

Возможность использования термодинамического метода анализа антропогенной системы обусловлена тем, что в ней

имеется существенная неравномерность проживания носителей интеллекта в регионах, трудовых ресурсов, уровня средней заработной платы и т. п. Наличие перепадов плотностей распределения антропогенных параметров приводит к возникновению движущих сил и, как следствие — появлению потоков соответствующих величин (миграция носителей интеллекта, трудовых ресурсов, товаров), а значит — к изменениям социально-экономической структуры регионов России.

Чтобы избежать одностороннего исследования процессов в антропогенных системах следует использовать синтетический метод, включающий для непрерывных социоэкономических переменных[2] информационно-термодинамическую составляющую.

Рассмотрим модель транспортировки человеческих ресурсов в непрерывном социоэкономическом пространстве. В модели принимается, что социоэкономическая система располагается в непрерывном двумерном пространстве, исследуемая область A замкнута. Предполагается, что в каждой точке заданы количество и качество произведенного и потребляемого товара и услуг. Цель реализации этой модели в ответе на вопрос: можно ли определить равновесные уровень заработной платы в системе образования, плату за обучение, объем и направление транспортировки человеческих ресурсов, товаров, услуг для пространственных и протяженных конкурентных рынков, а также определить условия устойчивости развития региона?

Как известно из термодинамики, при неоднородном распределении переменных в среде имеют место потоки соответствующих субстанций. По аналогии с этим при неравномерном распределении антропогенных ресурсов по территории будут иметь место потоки в направлениях от точек превышения предложения к точкам превышения спроса. Модель В.-Б. Занга[3] сводится к динамическому механизму установления, который должен привести возмущенную систему в состояние равновесия. Данный факт доказывает, что найденная динамика устойчива в долговременном масштабе. Если p и J— возможные градоопределяющие распределения, например, p — уровень заработной платы в системе образования, цена на товары, услуги, J— поток человеческих ресурсов, то динамические уравнения установления имеют вид:

$$\begin{cases} \iint z(x_1,x_2)dx_1dx_2 = 0 \\ \dfrac{\partial \vec{J}}{\partial t} = \alpha\, grad\ p \quad \beta\, k(t)\ \dfrac{\vec{J}}{|\vec{J}|} \\ \dfrac{\partial p}{\partial t} = -\ (z + div\vec{J}) \end{cases}, \qquad (1)$$

где $k(t)$ — транспортные издержки на перевозку человека, единицы товара на единицу расстояния,

$z(x_1,x_2)$ — разность между плотностями спроса и предложения.

Для решения данных вопросов предлагается реализовать синтетический метод, включающий в себя выше описанную модель с учетом допущений и информационно-термодинамический метод, позволяющий использовать весь арсенал термодинамики, которая имеет фундаментальные критерии устойчивости систем и учитывает деструктивные необратимые процессы в развивающихся социоэкономических системах. С этой целью нами предлагается выражение для условной энтропии H для оценки качества распределения плотности антропогенных параметров по территории региона. В нашем случае это плотность распределения интеллектуальных ресурсов (численность людей с высшим образованием, студентов, проживающих на одном квадратном километре территории). При этом введенная условная энтропия H отвечает всем требованиям построения условной энтропии и определяет меру неравномерности распределения антропогенной переменной по заданной территории. Предлагаемое выражение для энтропии имеет следующий вид:

$$H = 1 - \alpha \ln\left\{\frac{S_{max}}{S(t)}\right\}, \qquad (2)$$

где S^{max}, $S(t)$ — максимальное (общая площадь территорий, региона) и текущее значение площади распространения антропогенной переменной соответственно, время t в данном выражении является параметром.

При таком синтетическом описании (динамическое и энтропийное описание антропогенного пространства) возможно использование всего арсенала методов управления сложными системами[4] Форма тренда (выгнутая или вогнутая)

условной энтропии *H* позволяет получить критериальные оценки устойчивости трансформирования пространственно-непрерывной экономики региона за счет наращивания интеллектуального потенциала.

С древних времен отмечено, что пропорции тел, соответствующие «золотому сечению», отвечают принципам красоты и здоровья. Более поздние и современные исследования показали, что правило «золотого сечения» отвечает, кроме того, наилучшему структурированию, функционированию сложных систем самой разнообразной природы[5]

В связи с вышесказанным, критерием оптимизации структурной перестройки пространственно-непрерывной антропогенной системы в предлагаемом методе является устойчивое бескризисное развитие системы. Целевой функцией структурной перестройки пространственно-непрерывной антропогенной системы стало приведение структуры системы к состоянию, соответствующему так называемому «золотому сечению» ($H \rightarrow H_0$), где $H_0 = 0{,}618$ — «золотое сечение».

Из проведенного анализа следует, что линейный случай распространения антропогенных переменных во времени устойчив, а коммулятивный режим распространения социо-экономических переменных приводит систему в состояние нейтральной устойчивости, что представляет собой границу структурной устойчивости трансформирования социо-экономической системы, за которой следует структурная неустойчивость системы, т. е. ее кризис, которому будут подвергаться все подсистемы социальной системы, в первую очередь — система образования.

Следует подчеркнуть, что предлагаемый синтетический метод может при дальнейшей апробации стать перспективным инструментом управления проектированием образования и антропогенными территориальными процессами. Используя энтропийные критерии устойчивости[6], можно осуществлять управление пространственно-непрерывной антропогенной системой.

В качестве примера рассмотрим использование синтетического метода при анализе развития российских регионов. Проанализируем тезис: «Там, где образование, там и бизнес» на примере Волжско-Уральского региона в рамках ассоциации «Большая Волга», опираясь на данные Госкомстата РФ и Статуправления Самарской области.

Предложенный синтетический метод анализа территориального развития городов ассоциации «Большая Волга» показал, что имеют место корреляционные зависимости плотности интеллектуальных ресурсов от обобщенных показателей деловой активности регионов. Максимум деловой активности в ассоциации «Большая Волга» (Самарская область) соответствует максимуму плотности распределения носителей интеллекта (людей с высшим образованием, научных работников и студентов, проживающих на одном квадратном километре).

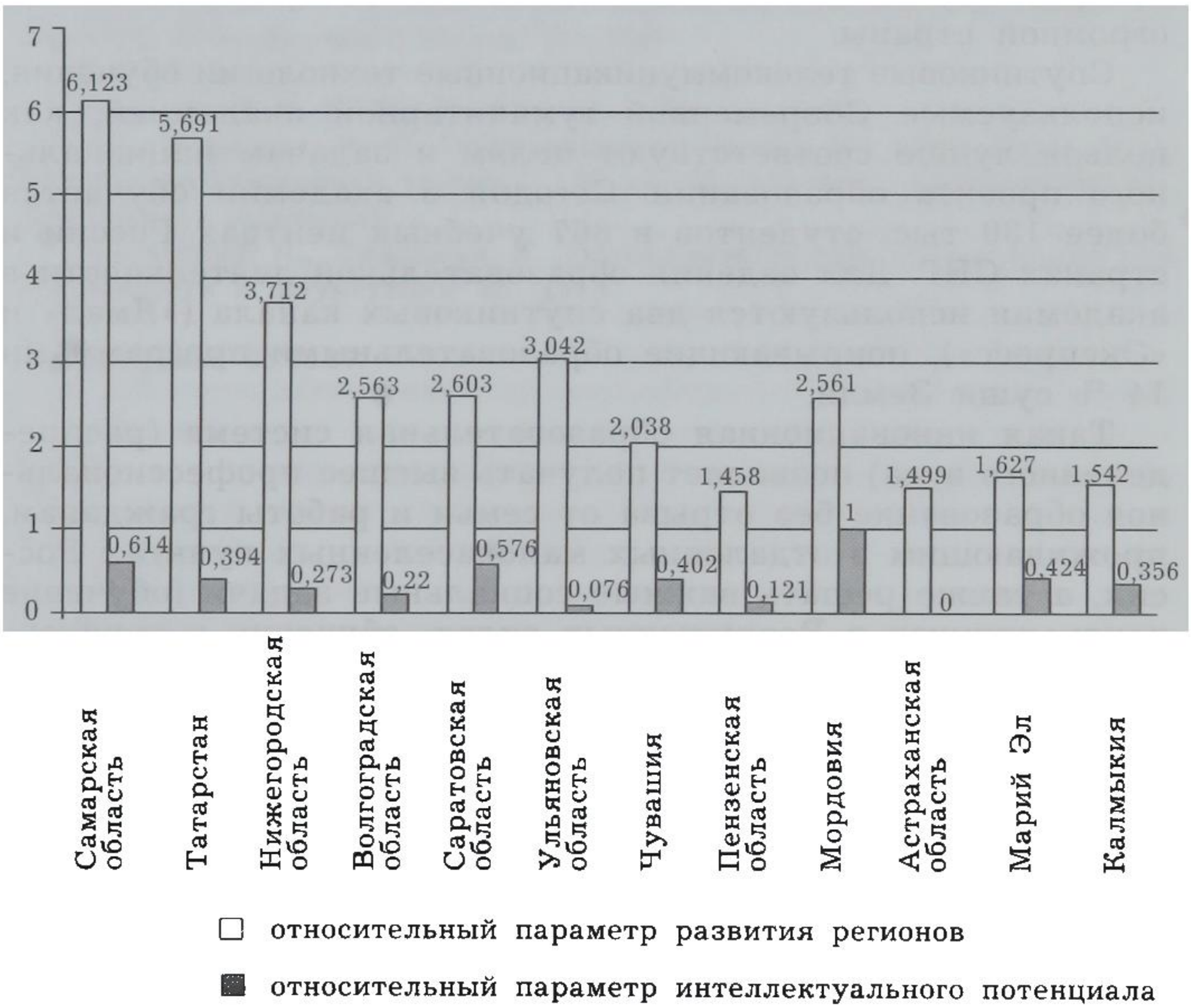

Рисунок. Зависимость развития регионов от интеллектуального потенциала

Из рисунка видно, что в Приволжском Федеральном округе имеются существенные резервы повышения качества

Заказ № 6759

жизни населения за счет наращивания интеллектуального потенциала регионов. Для успешного решения Национального проекта «Образование» необходимо использовать инновационные образовательные технологии. Из всего спектра инновационных информационно-коммуникационных образовательных технологий (кейсовые, Интернет-технологии и др.) следует выделить спутниковые телекоммуникационные технологии, отвечающие, с одной стороны, требованиям качества образовательного процесса в вузе, с другой — являющиеся экономичными и позволяющими осуществлять процесс обучения даже в малонаселенных районах нашей огромной страны.

Спутниковые телекоммуникационные технологии обучения, используемые Современной гуманитарной академией, как нельзя лучше соответствуют целям и задачам национального проекта образования. Сегодня в академии обучается более 180 тыс. студентов в 867 учебных центрах России и странах СНГ. Для ведения образовательной деятельности в академии используются два спутниковых канала («Ямал» и «Экспресс»), покрывающие образовательными программами 14 % суши Земли.

Такая инновационная образовательная система (распределенного вуза) позволяет получать высшее профессиональное образование без отрыва от семьи и работы гражданам, проживающим в отдаленных малонаселенных пунктах России, а также решать важные социальные задачи (обучение контрактников в Вооруженных силах, обучение в пенитенциарной системе России, обучение инвалидов).

Следует отметить, что наметившиеся в Правительстве РФ и Госдуме РФ тенденции на уменьшение региональной составляющей в реализации социальных проектов могут оказать крайне негативное влияние на развитие регионов, а значит и на устойчивое развитие России в XXI в.

Информационно-термодинамический анализ деловой активности регионов России, распределения интеллектуальных ресурсов, традиционных промыслов, производств может послужить основой создания базы данных для геоинформационного атласа распределения интеллектуальных ресурсов России. Разработка атласа распределения интеллектуальных ресурсов позволит дать рекомендации по проектированию образования России в XXI в. с минимальными временными

и материальными затратами, что в конечном счете будет способствовать решению стратегической задачи России в третьем тысячелетии — повышению качества образования и уровня численности населения с высшим профессиональным образованием.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Волов В. Т.* Фрактально-кластерная теория управления образовательными структурами. Казань, 2000; *Волов В. Т.* Методология исследований педагогических инноваций. Самара, 2004.

[2] См.: *Занг В.-Б.* Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М., 1999.

[3] См.: Там же.

[4] См.: *Волов В. Т.* Фрактально-кластерная теория...

[5] См.: *Бурдаков В. П.* Эффективность жизни. М., 1997; *Волов В. Т.* Фрактально-кластерная теория...; *Он же.* Методология исследований педагогических инноваций...

[6] *Гленсдорф П., Пригожин И.* Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций. М., 1973.

Поступила 03.10.07.

Л. З. БАЙГУЗИНА

ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ВУЗОВ РЕГИОНА В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ

Сегодня как никогда повысился интерес к проблемам, связанным с инновационно-инвестиционными процессами в системе высшего образования. Это требует создания рыночных механизмов управления этими процессами, а также актуализирует проблему оценки инвестиционной привлекательности вузов на рынке образовательных услуг. Современное состояние российских вузов характеризуется недостатком денежных средств, необходимых для ускорения инновационно-инвестиционных процессов внутри вуза и за его пределами.

Инновационно-инвестиционный процесс в системе высшего образования имеет ряд особенностей. Во-первых, существенно возрастает значение внедрения инноваций в учебно-производственный процесс, которые становятся результатом активных действий научной общественности и интеллектуального капитала вуза. Во-вторых, инновационные процессы тесно взаимосвязаны с инвестиционными. В-третьих, их развитие в учебно-производственном процессе в конечном счете влияет на инвестиционную привлекательность вуза.

Под инновациями в высшем образовании мы понимаем новые методы и формы обучения, изобретения, разработки, используемые в учебно-производственном процессе вуза. Это технологические, педагогические, управленческие, организационные, интеллектуальные, экономические инновации, технологии и развитие рыночных механизмов в вузе.

Их взаимодействие в системе высшего образования позволяет определить содержание инновационного процесса.

БАЙГУЗИНА Люза Закиевна, преподаватель кафедры управления инновациями и инвестиционной деятельностью Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

В общем виде — это совокупность сущностных характеристик инновации как процесса, состоящего из социально-экономических, психолого-педагогических и организационно-управленческих аспектов, которые реализуются от идеи до конкретного продукта в виде разработок и изобретений, ноу-хау, авторских прав, а также внедрения и распространения современных технологий и форм обучения.

Вложение инвестиций и внедрение инноваций в сферу высшего образования предполагает получение экономической выгоды или социального эффекта от инновационно-инвестиционных процессов с использованием различных финансовых инструментов со стороны государства, предприятий, банков и домохозяйств.

Отсутствие механизма прямой государственной поддержки высшего образования требует разработки новых финансовых инструментов инвестирования, например, государственные образовательные субсидии. Привлекательность этого вида инвестиций позволит малообеспеченным семьям решить проблему нехватки денежных средств на обучение детей, хотя бы путем возврата субсидий после завершения учебы[1]

Механизм образовательного кредита действует на рынке банковских услуг, например, кредит выдается «Сбербанком России» для оплаты обучения в вузах и средних специальных учреждениях с отсрочкой платежа по основному долгу на период обучения. Сумма кредита зависит от дохода представителей учащегося, имеет объем не более 90 % стоимости обучения в вузах и полной стоимости обучения в средних специальных учебных заведениях. Следующим источником вложений инвестиций в систему высшего образования является соинвестирование личных средств граждан и предприятий.

Растущий спрос общества на услуги высшего образования зависит от успеха внедрения инноваций в учебный процесс, ресурсного обеспечения, т. е. от инвестиционной привлекательности вуза. Для этого, во-первых, необходимо раскрыть роль доминирующих факторов, влияющих на инвестиционную привлекательность вуза и изучить показатели, характеризующие их воздействие. Во-вторых, предложить модель инвестиционной привлекательности вуза.

Определяющей является подготовка выпускников, их качество как специалистов. Это предполагает, в первую

очередь, повышение качества образовательной подготовки. Однако нередко, преследуя исключительно экономические выгоды, вузы утверждают программы, не свойственные специфике учебного заведения, что существенно снижает качество обучения.

Не менее важное направление повышения инвестиционной привлекательности — повышение имиджа и престижа вуза. Со становлением рыночных отношений население стало более разборчивым в выборе профессии и вуза. Отсюда вытекает третье направление инвестиционной привлекательности вуза — повышение квалификации профессорско-преподавательского состава. Не секрет, что уровень заработной платы преподавателей вузов не высок, доходы от внебюджетной деятельности позволяют не всегда ее повышать. Особенно это сказывается на молодых специалистах, которые при устройстве на работу не имеют стажа работы, поэтому им присваиваются минимальные разряды по единой тарифной сетке оплаты труда (ЕТС).

Важное направление — государственная поддержка студентов из малоимущих семей. Вузы, в соответствии с Законом «О высшем и послевузовском образовании», обязаны предоставить места на бюджетной основе детям-сиротам, воинам, побывавшим в горячих точках, инвалидам I и II групп, и обучающимся по целевому направлению.

Пятым направлением инвестиционной привлекательности вуза должно стать совершенствование механизма управления инновационно-инвестиционным процессом, влияющим на экономичность и конкурентоспособность.

К факторам, влияющим на инвестиционную привлекательность, и показателям, характеризующим их воздействие, относятся производственный (прием студентов, их контингент, выпуск специалистов, их количественная характеристика), потребительский (стоимость обучения), инфраструктурный (материально-техническая база и международные связи), интеллектуальный (квалификация профессорско-преподавательского состава, определяемая количеством и удельным весом докторантов и кандидатов наук), инновационный (научно-исследовательская работа, аспирантура, диссертационные советы), инвестиционный фактор (договора с работодателями, количественная характеристика востребованности специалистов, выпускаемых вузами на рынок труда).

Таким образом, инвестиционная привлекательность вуза определяется на основе факторов и системы показателей, в наибольшей степени влияющих и отражающих различные стороны учебно-производственного процесса.

Для оценки инвестиционной привлекательности вуза нами исследованы государственные вузы Республики Башкортостан: Башкирский государственный университет (БГУ); Уфимский государственный авиационный технический университет (УГАТУ); Уфимский государственный нефтяной технический университет (УГНТУ); Башкирский государственный аграрный университет (БГАУ); Башкирский государственный медицинский университет (БГМУ); Башкирский государственный педагогический университет (БГПУ); Стерлитамакский государственный педагогический институт (СГПУ); Бирский государственный педагогический институт (БГПИ); Уфимская государственная академия экономики и сервиса (УГАЭС); Уфимская государственная академия искусств (УГАИ).

Инвестиционную привлекательность вуза можно представить, с одной стороны, как изменение притока инвестиций в высшее образование (темпа прироста), с другой — как вклад вузов в формирование инвестиционной привлекательности в системе высшего образования. Поэтому целесообразно формализовать ее в двухмерной системе, где T — инвестиционная привлекательность вуза (темп прироста инвестиций), K — удельный вес каждого показателя инвестиционной привлекательности в среднем на рынке образовательных услуг.

Чтобы оценить влияние тех или иных факторов и показателей на инвестиционную привлекательность вуза, целесообразно использовать средние значения:

$$\overline{P}_j = \frac{\sum_{i=1}^{n} x_i f_{ij}}{\sum_{i=1}^{n} f_{ij}}, \quad \sum_{i=1}^{n} x_i = 1, \qquad (1)$$

$$\overline{P}_{min} \leq \overline{P}_j \leq \overline{P}_{max}, \qquad (2)$$

где $\overline{P}$ — инвестиционная привлекательность вуза;

f_{ij} — значение i-го каждого фактора j-объекта (вуза) для показателя инвестиционной привлекательности;

x_i — значение весового коэффициента i-го фактора для показателя инвестиционной привлекательности;

n — число факторов для показателя привлекательности;

$j = \overline{1,j}$, j — число объектов (вузов);

P_{min}, P_{max} — минимальные и максимальные значения показателей Т и К.

В предложенной модели при определении координат Т и К используется взвешенное среднее значение факторов по формуле (1). Значения по каждому фактору рекомендуется оценивать экспертно (от 1 до 5); при наличии нескольких экспертов значения усредняются. Особенность данного метода состоит в том, что анализ иерархий ориентируется на информацию экспертов с возможностью ее проверки на непротиворечивость посредством отношения согласованности при высокой строгости дальнейшей математической обработки, базирующейся на методе собственного значения иерархической композиции.

Важной компонентой анализа и оценки указанных факторов и их иерархии является матрица суждений, в которой значения элементов основаны не на точных измерениях[2], а на субъективных суждениях. Тогда матрицу суждений вычислим по формуле:

$$A = (a_{ij}), ij = 1,2,3,...J \qquad (3),$$

где a_{ij} — число, соответствующее значимости объекта.

Для определения и оценки весовых коэффициентов каждого из перечисленных выше факторов и их показателей нами отобраны 10 экспертов-специалистов Министерства образования РБ. Каждый из экспертов подготовил матрицы суждений по каждому вузу с 2000—2007 гг.

При оценке инвестиционной привлекательности необходимо ориентироваться на конечный результат, поэтому результатом оценки должен быть показатель, позволяющий определить уровень развития образовательной системы, приток капиталообразующих инвестиций и разработать мероприятия по управлению инновационно-инвестиционным процессом.

Итоговая таблица инвестиционной привлекательности региональных вузов представлена в таблице.

Таблица

Инвестиционная привлекательность вузов Республики Башкортостан с 2000 по 2007 г.

Год	Инвестиционная привлекательность вузов									
	БГУ	УГАТУ	УГНТУ	БГАУ	БГМУ	БГПУ	СГПИ	БГПИ	УГАЭС	УГАИ
2000—2001	3,2	3,4	3,7	3,1	3,4	3,1	2,9	2,6	3	2,7
2001—2002	3,4	3,5	3,7	3,4	3,5	3,3	3,1	2,6	3,2	2,8
2002—2003	3,6	3,5	3,8	3,5	3,7	3,5	3,1	2,8	3,6	2,9
2003—2004	4	3,9	3,9	3,5	3,8	3,6	3,3	2,8	3,7	2,9
2004—2005	4,1	4,1	4,3	4	4,1	3,7	3,3	2,8	3,9	2,9
2005—2006	4,1	4,2	4,4	4,0	4,1	3,8	3,4	3,1	4,0	3,1
2006—2007	4,1	4,4	4,5	4,1	4,1	3,9	3,4	3,1	4,1	3,2

Анализ оценки инвестиционной привлекательности вуза позволяет по каждому из перечисленных показателей использовать дифференцированную шкалу оценки (порядковая или интервальная), в которой устанавливается диапазон и выделяются уровни измерения показателя. Ориентируясь на полученные результаты, можно выделить пять уровней инвестиционной привлекательности вуза: высокий уровень инвестиционной привлекательности от 4 до 5; инвестиционная привлекательность выше среднего от 3 до 4; средний уровень — от 2 до 3; инвестиционная привлекательность ниже среднего от 1 до 2; низкий уровень — от 1,5 до 1.

Таким образом, анализ факторов и показателей инвестиционной привлекательности вузов и предложенная методика оценки позволяют сделать ряд выводов, касающихся количественных и качественных характеристик, динамики и перспектив развития инновационно-инвестиционных процессов в государственных учебных заведениях высшего профессионального образования. Они, на наш взгляд, выявляют некоторые тенденции и закономерности развития процессов на рынке образовательных услуг.

Одна из них связана с развитием инновационно-инвестиционного процесса в технических вузах, готовящих специалистов для ТЭК и машиностроения. Ведущая роль здесь принадлежит УГНТУ, который в условиях перехода

экономики на рыночные условия одним из первых внедряет инновации в учебно-производственную деятельность, уже в начале 90-х гг. осуществлял выпуск специалистов, работающих в условиях внедрения рыночных отношений и освоения передовых, основанных на достижениях научно-технического прогресса, технологиях добычи и переработки нефти, обеспечения экологических стандартов в процессе производства. Одновременное внедрение инноваций в сфере подготовки высококвалифицированных кадров и хозрасчетных договоров, а затем рыночных принципов финансирования учебно-производственной деятельности дало возможность вузу укрепить материально-техническую базу, расширить учебно-лабораторные площади, обновить и развить социальную инфраструктуру, включая библиотечную систему, строительство общежитий и столовых. Это позволило повысить рейтинг вуза и его инвестиционную привлекательность. Увеличились финансовые вложения крупных предприятий ТЭКа за счет подготовки специалистов и переподготовки работающего персонала. Повысилась стоимость обучения и увеличился контингент студентов. Вуз стал одним из крупнейших центров научных разработок в отрасли.

Чуть позже эти процессы стали развиваться в вузах машиностроения, в частности, в УГАТУ. Сохранение профессорско-преподавательских кадров, наличие крепкой материально-технической базы, развитие социальной сферы и стимулирование инновационных процессов позволили расширить научно-исследовательскую деятельность и подготовку научно-педагогических кадров, увеличить количество договоров с работодателями. Утраченный в первой половине 90-х гг. XX в. рейтинг вуза поднялся.

Активизации инновационно-инвестиционной активности технических вузов региона оказала подготовка кадров, востребованных на рынке труда, а также тесная связь с рынком образовательных услуг и практикой участия в международных и федеральных программах подготовки специалистов. Именно в этих вузах подготовлены менеджеры по стратегическому, финансовому, производственному управлению, некоторые из них остались в своих коллективах в качестве управленцев образовательного процесса.

Другая тенденция связана с инновационно-инвестиционными процессами, развивающимися в классических и

педагогических университетах. По оценкам экспертов, их балльная оценка находится в пределах от 3 до 4. Спрос на преподавателей педагогического профиля на рынке труда в крупных городах находится на среднем уровне, а в небольших и райцентрах — ниже среднего. Это можно объяснить, с одной стороны, престижем учителя, преподавателя, авторитет которого сложился в советский период, а с другой — низкой заработной платой педагогических работников. Что касается факторов, влияющих на инновационную деятельность вузов и их инвестиционную привлекательность, то здесь еще нет сложившейся системы. При минимальном государственном финансировании классические и педагогические вузы пока не имеют возможности пополнить свой бюджет, кроме увеличения платного обучения и количества обучаемых. Эти вузы имеют неплохой производственно-инфраструктурный потенциал в Уфе и крупных городах, высокий уровень интеллектуального и инновационного факторов развития.

Вместе с тем отсутствие современного менеджмента по оказанию образовательных услуг тем, кто хочет получить довузовскую или послевузовскую подготовку, а также по организации на хозрасчетных началах новых видов деятельности, связанных со спросом на рынке труда, не позволяет внедрить инновации в учебный процесс, укрепить материально-техническую базу, развивать социальную инфраструктуру и на этой основе инвестиционную привлекательность вуза. Здесь хорошие результаты могли бы дать партнерские отношения на рыночных или хозрасчетных принципах с органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления, потому что основными потребителями образовательных услуг классических и педагогических вузов является региональные и местные рынки труда (стандарты управления школой, колледжем, детские, социальные учреждения). Для достижения высокого уровня инвестиционной привлекательности вузам необходимо повысить производственный и инфраструктурный показатели, а также вводить дополнительные платные услуги, связанные с довузовской и послевузовской подготовкой.

В группе вузов с инвестиционной привлекательностью от 2 до 3 баллов наблюдается тенденция, требующая систематической работы по всем направлениям образовательной деятельности вуза. Имеются в виду факторы, связанные с

развитием инновационной составляющей образовательной деятельности, укреплением материально-технической базы и инфраструктурным развитием, ростом интеллектуального потенциала, находящиеся в начальной стадии развития. Здесь низок уровень подготовки специалистов. Привлекаемые средства направляются в основном на заработную плату, отсутствует целенаправленная работа по расширению инновационной деятельности. Все это требует разработки эффективного механизма управления инновационно-инвестиционным процессом.

Следующая тенденция связана с вузами, имеющими инвестиционную привлекательность ниже среднего (от 1 до 2). Они имеют низкий уровень подготовки студентов, профессорско-преподавательского состава. Такие вузы неправильно распределяют инвестиционные средства, упуская из виду развитие инфраструктуры, у них нет общежитий, столовых, Интернета и т. п.

Анализ тенденций развития высшей школы Башкортостана позволяет утверждать, что повысить инвестиционную привлекательность в ближайшей перспективе смогут вузы, которые готовят высококвалифицированных специалистов для топливо-энергетического комплекса, авиационного машиностроения и вузы, готовящие педагогические кадры.

Таким образом, перед современной профессиональной высшей школой стоят задачи, решать которые следует нестандартно, используя различные методы анализа и стратегическое маркетинговое прогнозирование. Вузам для сохранения своих позиций на рынке образовательных услуг нужно значительное внимание уделять своему имиджу, прежде всего, — инвестиционной привлекательности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Захаров Ю. А., Курбатова М. В., Долганов В. С., Морозова Е. А.* Новые финансовые инструменты в высшем образовании // Ректор вуза. 2005. № 1. С. 13—26.

[2] См.: *Краковский Ю.* Анализ конкурентоспособности и привлекательности регионального вуза (с точки зрения конкретной специальности) // Alma mater. 2005. № 4. С. 39—43.

Поступила 25.04.07.

А. Л. КУЗЕВАНОВА

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОГО БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

Реалии современной экономической ситуации в Волгоградской области сделали возможным и необходимым появление учебных заведений, готовящих специалистов, чья деятельность связана со сферой бизнеса.

Границы бизнес-образования достаточно широки: от школьного и первого высшего образования до повышения квалификации руководителей высшего звена корпораций. Ряд высших учебных заведений в Волгограде (филиалы Российского государственного торгово-экономического университета, Всероссийского заочного финансово-экономического института, Международного института экономики и права, Волгоградский институт бизнеса) дают возможность студентам получить бизнес-образование по наиболее востребованным специальностям: «Коммерция», «Финансы и кредит», «Менеджмент», «Экономика и управление предприятием», «Мировая экономика», «Маркетинг», «Сервис». Как правило, в этих вузах студентам предоставляется возможность получать две специальности одновременно, устанавливается индивидуальный график обучения, если имеет место совмещение учебы с работой; имеется вариант дистанционного обучения, что обеспечивает доступность образования для студентов из области. В целях осуществления принципа непрерывности образовательного процесса при вузах действуют бизнес-классы для старшеклассников, открываются бизнес-гимназии, колледжи бизнеса, что способствует сохранению традиции преемственности в обучении.

Другим уровнем системы бизнес-образования в регионе является деятельность тренинговых компаний по повышению квалификации управленческого персонала организаций

КУЗЕВАНОВА Ангелина Леонидовна, доцент кафедры менеджмента Волгоградского института бизнеса, кандидат социологических наук.

и предприятий. В Волгограде и ряде областных центров действуют компании, которые проводят бизнес-семинары и тренинги по стратегическому менеджменту, управлению персоналом, логистике, обучают практическим технологиям по работе с клиентами и сбыту продукции.

Говоря о бизнес-образовании как об особом типе образования, важно понимать, в чем состоит его отличие от традиционного образования. Яркое отличие — то, что бизнес-образование направлено на научение чему-то, в то время как традиционное обучение ориентировано на изучение чего-то. В традиционном университетском образовании основа учебного процесса — набор знаний, передаваемых студенту. В случае бизнес-образования предмет, преподаваемый студенту, сам по себе не имеет решающего значения, ибо главное то, какие дополнительные возможности открылись перед студентом в результате научения чему-то.

В традиционном обучении упор делается на анализ причинно-следственных связей, развиваются способности к выявлению причин и навыки выведения вытекающих из них следствий. В случае бизнес-образования упор делается на созидание, развиваются способности воображения, создания результата. Взгляд в обычном образовании в основном обращен в прошлое. Студенты изучают уже разработанные теории, учат доказательства теорем и отрабатывают ранее созданные методы решения задач. В бизнес-образовании взгляд ориентирован в будущее. Студенты учатся ставить цели, искать пути движения к ним, предвидеть возможные последствия своих решений и действий.

Существенным отличием также является то, что в случае традиционного образования наиболее важно в учебном процессе содержание. В случае же бизнес-образования более важным, чем содержание обучения, считается процесс передачи содержания.

Такое различие в подходах к процессу обучения в определенной мере связано с тем, что в традиционном образовании происходит обучение «правильным» знаниям и действиям. Важнейшая посылка обучения в данном случае — априорное представление, что теории несут абсолютно верные знания, что в них дается правильный ответ на вопросы, которые ставит жизнь, и что преподаватели знают эти правильные ответы и дают студентам «правильные» знания. В случае

бизнес-образования студенты учатся выявлять и устранять проблемы, которые всегда ситуационны, конкретны, требуют наличия у человека определенных знаний. Но в гораздо большей мере требуют проницательности, способности к диагностике проблем, умения их идентифицировать и, что очень важно, умения понять их специфику, особенности, отличие от других. Это принципиальное различие проявляется, в частности в том, что при обучении «правильному» знанию и действиям ошибка наказуема. Отклонение от «правильного» является ошибкой. В случае же обучения выявлению и устранению проблем ошибка выступает основой научения (на ошибках учатся). Поэтому одним из важнейших методических отличий бизнес-образования является то, что в нем не считается важным выявить ошибку и наказать за это студента, как это происходит в традиционном образовании, а дать возможность студенту самому понять, что он сделал ошибку, предоставить ему возможность исправить ее и поощрить за исправление, т. е. речь идет о том, как «правильно» применять знания и опыт.

Обучение в случае традиционного образования проводится по жесткому расписанию. Соблюдение временных рамок графика преподавания учебного курса считается если не обязательным, то желательным. Для бизнес-образования характерен гибкий подход.

В рамках традиционного образования преподаватель выполняет роль «знатока» и учителя. В этом случае студенты пассивно включены в процесс обучения. В случае бизнес-образования преподаватель скорее организатор и помощник, чем ментор и наставник. Его задача — организовать учебный процесс, чтобы студенты, активно участвуя в проведении занятий, выступали с его помощью основными творцами процесса обучения.

Следует четко осознавать отличия бизнес-образования от экономического. Последнее направлено прежде всего на познание экономических законов и понимание экономических процессов. В отличие от бизнес-образования оно охватывает не только уровень предприятий и организаций, но и национальную или мировую экономику в целом, отрасли, регионы, различные сферы хозяйственной деятельности (общественное производство, государственное управление, социальную сферу, экологию и т. п.), экономическую политику и другие

общественные институты. Бизнес-образование, кроме экономической проблематики, включает в себя вопросы, которые являются предметом социологии, психологии, информатики и других "неэкономических" наук, положения которых плодотворно применяются в управлении предприятиями и организациями. По этой причине бизнес-образование определяют как междисциплинарную область образовательной деятельности. Однако их доля в общем объеме знаний при получении бизнес-образования, по сравнению с экономическими специальностями, существенно ниже. Выделение бизнес-образования из ранее доминировавшего в нашей стране экономического представляет собой одну из характерных черт приспособления системы образования к условиям рыночной экономики.

Важная особенность — прагматическая направленность бизнес-образования, подразумевающая, что бизнесмен или менеджер будут принимать участие в практической работе, направленной на достижение целей предприятия. Содержание бизнес-образования определяется прежде всего тем, что оно имеет двух главных потребителей: предприятия и организации, а также отдельных индивидуумов.

Содержание управленческой работы в корпорациях и специфика управленческой деятельности, требующая выполнения разнообразных ролей и обладания различного рода навыками (умениями) в зависимости от позиции менеджера в управленческой иерархии, позволяет сформулировать главные цели бизнес-образования: передача знаний; выработка умений; формирование личностных качеств, жизненной позиции и мировоззрения.

Характеристика целей и особенностей бизнес-образования показывает, что это весьма специфическая область, в ее природе заложен внутренний конфликт между образовательной функцией (передачей знаний, академических и ноу-хау) и функцией подготовки к работе, т. е. к практическому осуществлению определенных видов деятельности (освоение прагматических методов, приемов, процедур и умение их применять).

Сегодня уже можно сказать, что становление системы бизнес-образования в волгоградском регионе произошло. Только эту систему не следует переоценивать, т. к. пока ни одна российская школа не аккредитована по западным стандартам как школа, а не как программа. Этому есть несколько при-

чин. Во-первых, обычно в бизнес-школе отсутствует система четкого делопроизводства. Во-вторых, преподаватели мало занимаются исследовательской деятельностью, чем принято на Западе. В-третьих, имеют место откровенно слабые учебные курсы по многим направлениям.

Тем не менее, в настоящее время в системе волгоградского бизнес-образования наметился ряд положительных тенденций. Увеличивается разнообразие форм и видов подготовки специалистов в области экономики. Имеется четырехгодичная (бакалавры) и пятигодичная подготовка специалистов, система углубления образования в форме магистерской подготовки, расширены возможности послевузовской подготовки и системы дополнительного образования, в государственный стандарт специальностей в раздел по экономике и управлению включено много новых специальностей, отражающих потребность бизнес-образования, вузам предоставлена возможность вводить специализации, оперативно реагируя на спрос рынка специалистов, расширены возможности подразделений послевузовского образования государственных институтов.

Одной из важных тенденций развития бизнес-образования в регионе стало повышение внимания к преподавательскому корпусу, его возможностям использовать современные методические приемы подготовки бизнесменов и менеджеров (деловые игры, кейс-стади, тестирование, проблемно-образовательные семинары, компьютерные тренинговые программы, самостоятельные проектно-аналитические работы и пр.). Можно говорить о смене парадигм менеджмента и одновременно обучения. Согласно старому взгляду на менеджмент, развитие — это важнейшая задача менеджмента, а обучение — одно из средств решения этой задачи. При современном подходе к менеджменту обучение — это необходимое условие выживания организации, а процесс обучения — основа развития. Соответственно измененный взгляд на обучение предполагает, что последнее — это не развитие индивидов посредством повышения их квалификации, а решение проблем организации.

Если так кардинально меняется сущность обучения в контексте развития менеджмента для выживания организации, то не менее радикально должны измениться содержание и методика осуществления обучения. Наиболее существенными

являются, во-первых, переход к интегрированному обучению в контексте изучения и рассмотрения основных тем, задач и отдельных вопросов. Во-вторых, перенос центра внимания при обучении с поиска правильных ответов на развитие умения решать проблемы. В реальной действительности часто нет правильных ответов. Человек получает тот результат, которого смог добиться, применяя определенные способы решения проблемы. В-третьих, замена пассивного типа обучения, в котором обучающемуся отводится роль слушающего, усваивающего, повторяющего, активным обучением, при котором обучающийся — активный творец знаний, решений, информации и т. п. В-четвертых, замена контроля за учебным процессом со стороны преподавателя, эксперта, специалиста контролем со стороны обучающегося. Преподаватель фиксирует правила учебного процесса, обучающиеся же сами в рамках этих правил контролируют то, как они осуществляют обучение и как идет учебный процесс. Контроль осуществляется не по принципу «задание — степень выполнения задания обучающимся», а «цели учебного процесса — степень достижения этих целей обучающимся».

Все вышеизложенное в процессе и методике обучения нашло свое отражение в обучении действием. Основой обучения действием является не поиск правильных ответов, а постановка правильных вопросов. Ответ в обучении действием — реальные действия. Основным результатом обучения будут не те изменения, которые произошли в людях и организации, а факт появления способности к изменению. Не менее важной особенностью обучения действием является то, что совместно решаются «чужие» проблемы. Участники команды учатся на чужом опыте, они развиваются за счет того, что помогают коллегам по команде решать их реальные проблемы.

Таким образом, анализ функционирования системы бизнес-образования Волгоградской области свидетельствует о положительных тенденциях, что делает возможным и соответствующий прогноз развития этой системы образования в ближайшие десятилетия.

Поступила 21.02.07.

Т. В. КИРИЛЛОВА

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ ВУЗА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Сегодня любая корпорация, в том числе и высшее учебное заведение, должна действовать социально-ответственным образом, способствуя укреплению моральных основ общества. Это возможно при наличии в организации корпоративной культуры. В результате человек не только реализует свои интересы, но и включается в процесс социализации, приобщается к кругу определенных ценностей и норм.

Ульяновский государственный университет (УлГУ) — молодой, динамично развивающийся вуз, основанный в 1988 г. как филиал Московского государственного университета, коллектив и его традиции складывались в сложное время трансформации российского общества и государства. Трансформационные процессы затронули не только экономику и политику, но и социокультурную, ценностную систему российского общества, что существенным образом повлияло на модернизацию управления образовательным учреждением, потребовало формирования внутренней организационной культуры и периодического мониторинга социально-психологического климата в развивающемся коллективе вуза как современной, конкурирующей с другими вузами, корпорации.

Руководство университета инициировало разработку корпоративной политики, рассматривая ее как составную часть перехода к современной системе менеджмента качества образовательного процесса. Содержанием становления внутриорганизационной корпоративной культуры выступают интеграция, дифференциация и адаптация. На смену традиционной пирамиде управления пришли более разнообразные

КИРИЛЛОВА Татьяна Викторовна, аспирант кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

структуры, в которых учитывается функциональная независимость и ответственность подразделений за результаты своей работы в рамках общей деятельности организации.

В связи с этим необходимо отметить проблему делегирования ответственности, напрямую связанную с уровнем развития корпоративной культуры. В наиболее развитых организациях делегирование ответственности производится на те «интеграционные этажи» организации, где наиболее явно ощущаются последствия принятия управленческих решений. Следует помнить, что делегирование ответственности подразумевает и делегирование прав. В соответствии с правилами развитой корпоративной культуры предприятия с высокой включенностью персонала имеют минимальные различия в статусах сотрудников.

Наиболее распространенным механизмом контроля этого параметра интеграции является система оплаты труда. При этом сотруднику необходимо оплачивать тот объем производственных функций, которые он готов профессионально обеспечивать. Но опять же корпоративная культура может настраивать человека на расширение своих умений, в том числе вне рамок производственного времени, а также заставлять его педантично выполнять только свое задание. Интегративную функцию можно рассматривать и как психотерапевтическую, когда люди, работая вместе, создают себе такие условия, при которых они чувствуют себя легко и комфортно. Дифференциацию в некотором роде расширяет понятие «специализация» в рамках конкретной организации.

Лаборатория социологических и маркетинговых исследований УлГУ регулярно осуществляет диагностику социально-психологического климата коллектива. Исследования 2007 г. показали наличие ряда латентных конфликтов во взаимоотношениях руководства и сотрудников университета.

Ульяновский государственный университет в целом оценивается сотрудниками вуза положительно. При этом сильные стороны УлГУ связываются с «правильно продуманной политикой развития», которая хотя иногда и может вызывать сомнения, но в итоге оказывается верно выбранным управленческим решением. К сильным сторонам вуза относят также большой творческий потенциал преподавателей — основу дальнейшего развития.

Чертой, положительно характеризующей вуз, является его имидж, складывающийся из двух компонентов: УлГУ как престижное и известное учебное заведение. Что касается престижности, то ни в одном из интервью не прозвучало мнения о том, что УлГУ не является престижным учебным заведением. Относительно известности вуза мнения разделились. Одни считают, что УлГУ еще не вышел на тот уровень известности, которым обладают вузы с «многолетним стажем». С точки зрения других, политика развития университета сейчас такова, что установление контактов с другими вузами страны и мира — одна из приоритетных задач, благодаря которой информированность о вузе увеличивается с каждым днем. С другой стороны, интервьюеры подчеркивали значимость «внутреннего» имиджа университета. При этом важным стало то, что основой позитивного внутреннего имиджа должно быть не директивное навязывание принципов развития и механизмов их реализации сверху, а понимание сотрудниками собственных возможностей и целей, личное стремление к работе на «благо общего дела».

Положение УлГУ на региональном рынке высшего образования абсолютным большинством опрошенных оценивается позитивно. Высказывались даже идеи о том, что УлГУ находится «вне конуренции», и это может стать основанием объединения вокруг него других вузов Ульяновска.

Основным проблемным (если не сказать критическим) моментом в университете оказался *разрыв между интересами «низа» — рядовых сотрудников и центрального аппарата управления вуза,* который достаточно четко артикулируется на уровне работников, не входящих в административный аппарат, или же относящихся к среднему и низшему управленческому звену. В основном он связан с финансовыми средствами, контролируемыми централизованно. Многие подчеркивают, что для развития кафедр, их оснащения, необходимо часть средств оставлять им. Низкая заработная плата сказывается на качестве преподавания. Многие преподаватели, чтобы выжить, стремятся заработать «на стороне» и формально относятся к своим обязанностям.

Таким образом, одной из важнейших проблем в глазах работников университета стала доплата профессорско-преподавательскому составу, другим сотрудникам кафедр и деканатов за счет внебюджетных средств.

Преподаватели и некоторые заведующие кафедрами отмечая, что средства, полученные за счет привлечения студентов-внебюджетников, проходят мимо них, не только не стремятся к привлечению внебюджетников, но и признают, что для них «это лишняя головная боль». Поскольку эти студенты, как правило, хуже подготовлены и отнимают у преподавателя больше времени.

Противоречия в интересах администрации и коллектива вуза ведут к их отчуждению от образовательного процесса. И если эта проблема, возможно, еще недостаточно ясно осознается ректором, то она явно присутствует в сознании многих рядовых сотрудников и преподавателей.

Следствием всех этих проблем становится текучка кадров, которая может усилиться в ближайшее время. Люди, работающие продолжительное время в университете, остаются в нем в силу привычки, или вследствие каких-то других причин, но не из-за уровня оплаты труда. Это касается не только профессорско-преподавательского состава, но и сотрудников деканатов, лаборантов кафедр и пр. Многие из них рассматривают эту работу как временную, «как перевалочный пункт». Еще более остро проблема текучки кадров касается молодых преподавателей, аспирантов. Таким образом, проблема кадрового резерва актуальна, причем не все зависит только от университета, во многом это связано с внешними условиями его функционирования, общими для многих вузов.

Не менее важная проблема — состояние перманентного реформирования университета и расширение, усложнение его структуры. Постоянно образуются и переименовываются, открываются новые специальности и появляются новые институты. Все это происходит настолько стремительно, что у людей исчезает чувство стабильности, которое, по мнению сотрудников, необходимо для организации эффективной работы и процесса обучения. Более того, разрастание структуры и увеличение числа институтов ведет к сложностям в управлении.

Многие проблемы УлГУ осмысливаются сотрудниками на фоне грядущей реформы высшего образования. Но с учетом существующего разрыва интересов высшего управленческого аппарата и остальной части сотрудников, отношение к этой проблеме разное. Рядовые сотрудники, несмотря на заинте-

ресованность в сохранении университета как структуры, не проявляют инициативу в этом плане, оставляя ее решение вышестоящему руководству. На отсутствие инициативы снизу акцентируют внимание руководители разных уровней управления, что порождает еще одну проблему — сложность управления.

Большинство сотрудников и преподавателей университета отметили чрезмерную централизацию управления УлГУ. когда все вопросы решаются на высшем уровне, даже если в этом нет необходимости. В итоге несколько лиц решают огромное количество частных вопросов, следствием чего становится их перегруженность. Решением проблемы могло бы стать делегирование части полномочий деканатам, которые пока абсолютно бесправны, в то время как большинство вопросов может быть решено на их уровне.

Тем не менее, университет добился значительных успехов, получив широкую известность не только в городе, регионе, стране, но и мире. Это бесспорное достижение УлГУ, и признается его сотрудниками. Наличие множества контактов на разных уровнях оценивается как позитивная черта вуза, особенно в сравнении с другими вузами города. Положительно оценивается маркетинговая политика УлГУ, умение видеть и занимать свободные ниши на рынке образовательных услуг региона, а также рекламно-пиаровская деятельность вуза. В качестве положительной черты функционирования университета называется и связь с традициями МГУ Однако отмечается, что в погоне за постоянным увеличением мест внебюджетного обучения, качество образования может снижаться, и традиции вследствие этого ослабевают.

При открытии новых специальностей университет начинает испытывать дефицит квалифицированного профессорско-преподавательского состава. В этом отношении весьма показательно высказывание одного из профессоров, участвующих в интервью: *«Что касается специальных дисциплин, то, я считаю, что это самое уязвимое место университета, потому что таких специальных дисциплин требуется с каждым годом все больше и больше, это цепная реакция. Подготовка специалистов по каждой специальности требует времени. Специальности открываются быстрее, чем можно обучить по ним специалистов».*

Проблемы университета также связываются с депрессивным характером региона. По мнению опрошенных, проблемы, связанные с экономической отсталостью области, ведут к тому, что договора между предприятиями и вузом оказываются формальностью, приходится платить «бешеные налоги» на прибыль, из-за чего обостряется проблема оптимизации финансовых потоков внутри вуза, работа с районами и соседними регионами ведется слабая, что приводит к усилению конкуренции на внутригородском рынке образовательных услуг.

Корпоративная культура воспринимается как внутривузовское явление. Студенты, например, ощущают принадлежность к своеобразному студенческо-институтскому сообществу. Общность на базе своей специальности корректирует поведение на уровне межличностных отношений. Взаимодействие студентов строится по схеме «самые близкие — это своя специализация, потом своя специальность, факультет, институт и т. д.». Это затрудняет межфакультетскую коммуникацию и приводит к невозможности проводить совместные мероприятия — студенты просто не хотят их посещать. Однако осознание себя студентами УлГУ — значимый элемент в системе ценностей студентов.

Трудовые отношения — основа функционирования любой организации, корпорации. Поэтому в ходе их регулирования от органов управления корпорацией (в нашем случае вуза) требуется вдумчивый и взвешенный подход в принятии решений, в централизации управления и демократизации внутривузовской жизни. С другой стороны, вуз как корпорацию окружают люди, для которых она является местом удовлетворения их интересов. Это структура, обеспечивающая людям определенный социальный статус, поэтому население ждет от нее непосредственного участия в решении проблем своего образования.

Таким образом, анализ социально-психологического климата УлГУ как фактора формирования корпоративной культуры приводит к выводу о необходимости его дальнейшего улучшения и корректировки.

Поступила 20.07.07.

О. И. КЛЮЧКО

ГЕНДЕРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕГИОНА

В современной России интенсивно развиваются гендерные исследования, разрабатывается понятийный аппарат, формальные и неформальные сети, идет процесс институциализации гендерных исследований в рамках российского академического дискурса[1]

Гендерное образование и просвещение позиционируются как один из основных методов достижения равенства и предпосылка развития эгалитарного мировоззрения. В последние годы идет процесс интеграции гендерного компонента в российское образование. Возникает вопрос, насколько интенсивно и эффективно протекает этот процесс, особенно в высшем педагогическом образовании Мордовии.

В качестве критериев анализа гендерной интеграции нами использованы два показателя: наличие в содержании государственных образовательных стандартов педагогических специальностей курсов в учебных планах, вопросов, связанных с гендерной проблематикой; отношение преподавательского состава к внедрению гендерного компонента в педагогическое образование и к этой проблематике в целом.

Опрос преподавателей гуманитарных дисциплин (философии, педагогики, психологии, методик преподавания) показал, что все они знакомы с понятием «гендер», но вкладывают в его содержание весьма широкий смысл. Так, 12 % определили гендер как социальный пол, 8 % — разделение полов, 22 % — как те или иные половые различия (упоминались анатомические, физиологические, социальные и репродуктивные), психологические особенности мужчин и женщин, 10 % — нормы поведения мужчин и женщин, проявления

КЛЮЧКО Ольга Ивановна, доцент кафедры философии для естественно-научных и инженерных специальностей Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

мужественности и женственности, 14 % — половые роли, 28 % — как синоним термина «пол». Разнообразие ответов иллюстрирует, во-первых, множественность подходов в определении этого термина, во-вторых, недостаточный уровень информированности по данному вопросу.

На вопрос «Используете ли Вы гендерный подход в своей педагогической деятельности?» лишь 46 % ответили утвердительно, 34 % — отрицательно, 20 % затруднились ответить. Показательны в этом отношении наиболее распространенные примеры, иллюстрирующие проявления скорее псевдогендерного подхода и практику его применения: «Более внимательно отношусь к беременным студенткам, оказываю им помощь, даю меньшую нагрузку», «Не критикую студентов-юношей в присутствии девушек», «Снисходительно отношусь к студентам-юношам при контроле знаний — что с них взять, они люди случайные в педагогике», «Мальчиков у нас мало, их надо беречь, я отношусь к ним более внимательно и снисходительно», «Поддерживаю проявления мужественности у юношей и женственности у девушек». Эти высказывания наглядно демонстрируют гендерные стереотипы и установки преподавателей высшей школы.

Однако есть и более содержательные примеры: «Разрабатываю задания с учетом интересов юношей и девушек (по методикам преподавания)», «Изучаем на занятиях вопросы воспитания мальчиков и девочек (в рамках социальной педагогики)», «Рассматриваем особенности гендерной социализации в разных типах обществ (в рамках этнопедагогики)», «Анализируем образы мужчин и женщин в различных культурах и религиях (в рамках культурологии и истории религии)», «Меняю стиль общения со студентами разного пола», «Решаем конфликтные ситуации, обусловленные гендерными стереотипами (в рамках конфликтологии)», «Объясняю, что нужно ориентироваться не на стереотипы, а на индивидуальные качества (на психологическом консультировании)». 16 % преподавателей отметили, что используют гендерную проблематику в курсах общей и предметной подготовки (курсах педагогики, философии, возрастной, педагогической, социальной психологии), а также в курсах по выбору («Психология одаренности», «Психология агрессии», «Психология семьи»). Лишь 14 % преподавателей проводят

исследовательскую работу по этой теме со студентами в рамках курсовых и дипломных работ.

Среди наиболее актуальных, с точки зрения гендерного подхода, проблем преподавателями названы осознание студентами собственных гендерных стереотипов, пересмотр гендерных ролей и жизненных планов мужчин и женщин, разрешение конфликта между полами, права и возможности женщин, более справедливое распределение домашних обязанностей, дискриминация по половому признаку при назначении на руководящие должности, гендерное просвещение, трудоустройство женщин после окончания вуза, воспитание мальчиков и девочек в семье и дошкольном учреждении, взаимоотношение детей разного пола. 6 % преподавателей сделали акцент на развитии женственности и мужественности в образовании, 20 % гендерных проблем не выделили.

Преподавателями отмечен ряд проблем, возникающих при изучении студентами гендерной проблематики: 8 % отметили недостаточную обеспеченность научной, учебной и методической литературой, 4 % — отсутствие гендерной проблематики в базовых учебниках по педагогике и психологии, 6 % — скептическое или негативное отношение юношей-студентов к гендерной проблематике и избирательное восприятие учебного материала студентами разного пола («Что интересно девушкам, неинтересно юношам и наоборот»), 6 % преподавателей акцентировали свое внимание на необходимости применения активных методов обучения (игр, тренингов), 4 % указали, что часть студентов при изучении гендерной тематики воспринимает преподавателя-женщину как необъективного в силу личной заинтересованности, 4 % заявили о недостаточности собственных знаний в этой области. Лишь один преподаватель отметил методологическую проблему — оппозиционно-критический характер гендерной теории по отношению к сложившейся системе знания и «утопичную», по его мнению, идею о равенстве полов. 64 % преподавателей не выделили никаких проблем, что не удивительно, поскольку более 50 % гендерный подход не используют.

Просмотр каталога библиотеки на предмет материалов по гендерным исследованиям показал всего 6 наименований учебных пособий, 2 курсов лекций, 2 монографии, 4 сборника

статей и 1 хрестоматию. Большинство изданий предоставлены вузу в рамках программ Московского центра гендерных исследований и Института социальных и гендерных проблем. Эти издания представлены в одном или двух экземплярах, за исключением учебного пособия «Гендерная педагогика и психология»[2], изданного коллективом преподавателей вуза в 2005 г. Отсутствие адекватного гендерного компонента в наиболее распространенных учебниках отмечали многие исследователи[3]

Несмотря на то, что большинство преподавателей обозначили себя как не использующие гендерный подход, 72 % положительно отнеслись к предложению ввести гендерный компонент в государственные образовательные стандарты высшего педагогического образования. Причем 16 % отметили, что гендерный компонент необходим на всех этапах образования — от дошкольного до послевузовского, 6 % заявили о необходимости учета национальных и религиозных особенностей при введении гендерного образования, 6 % оказались не готовы дать какой-либо ответ на этот вопрос, так как ничего по этому поводу не знают, 28 % дали отрицательный ответ, а один преподаватель отметил, что считает гендерные исследования ненужными и даже вредными, так как они разрушают общественные нормы.

На вопрос о существовании дискриминации по половому признаку в российской системе образования более половины (54 %) ответили утвердительно, упомянув при этом сложности в карьерном росте для женщин (20 %), жесткую дифференциацию по отраслям образования (10 %), привилегированность преподавателей мужчин, занимающих руководящие должности и, следовательно, имеющих более высокую зарплату (16 %), отсутствие поддержки для преподавателей-матерей (8 %), преимущества мужчин при приеме на работу (12 %). Сами лично никогда не сталкивались с дискриминацией по половому признаку 14 %, но возможно она и есть, 32 % отрицали наличие подобной проблемы.

Относительно необходимости получения более подробной информации об использовании гендерного подхода в образовании мнения разделились: 32 % преподавателей заявили, что такой необходимости не ощущают, 52 % проявили заинтересованность в подобной информации, 12 % отметили, что подобная информация есть, но ее нужно освоить и

применить на практике. Два преподавателя отметили, что такая информация системе образования не нужна.

В целом преподаватели именно факультетских кафедр, связанных с преподаванием различных направлений педагогики и психологии, наиболее полно восприняли и интегрировали гендерную проблематику в свою профессиональную деятельность. С учетом того, что впервые гендерная терминология стала обсуждаться в Мордовском государственном педагогическом институте в 1996 г. в связи с участием его представителей в Первой Российской летней школе по женским и гендерным исследованиям «Валдай—96», уровень информированности преподавателей, безусловно, вырос — по этой проблеме защищены кандидатские диссертации[4] Старшее поколение преподавателей, казалось, искренне не понимало восторга «молодых» и выражало сомнение по поводу актуальности и научности проблематики. Аргументы в данном случае не имели большого значения, вероятно потому, что под сомнение была поставлена и их гендерная идентичность. Во многом такое положение сохраняется и теперь — спустя более 10 лет.

Анализ государственных образовательных стандартов по педагогическим специальностям показал, что только в двух дисциплинах («Социальная педагогика» и «Социальная психология») упоминаются гендерная роль и гендерный подход[5]. Большинство специальностей имеет дисциплины так или иначе связанные с гендерным подходом. Учебные курсы, специально посвященные гендерной тематике, единичны, например, уже названный курс по выбору «Гендерная педагогика и психология».

Таким образом, процесс интеграции гендерного подхода в педагогическое образование нельзя назвать целенаправленным и комплексным. Этому, на наш взгляд, есть несколько серьезных причин. Во-первых, государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования большинства специальностей педагогического профиля не содержат гендерной тематики и не регламентируют содержание курсов по выбору или спецкурсов, в которых она чаще всего представлена. Следовательно, изучение гендерной проблематики необязательно. Разработка подобных курсов по выбору (спецкурсов) остается делом энтузиастов в рамках их собственной научно-исследовательской работы. Во-вто-

рых, редко используется стратегия внедрения гендерного подхода сразу в несколько предметов общей и предметной подготовки. Десятилетний опыт преподавания гендерных курсов показал, что единичные курсы по выбору не меняют общей картины гендерной стереотипии студентов, недостаточно способствуют развитию гендерной толерантности и чувствительности. В-третьих, далеко не все преподаватели знакомы с разработками в этом направлении, а отсутствие учебно-методической литературы стало сдерживающим фактором на пути гендерной интеграции. Более того, усилилась тенденция связывать и даже рассматривать как синонимы гендерное и раздельное по половому признаку образование[6]. По-прежнему большинство используемых в педагогическом образовании учебников и пособий не содержит гендерной тематики. В-четвертых, нет исследований эффективности действующих программ, без которых трудно оценить влияние этих курсов на мировоззрение, поведенческие установки молодежи, поскольку гендерное образование прежде всего предполагает изменение сознания в сторону преодоления сексизма и гендерных стереотипов, развития гендерной толерантности и культуры.

Нельзя не отметить методологические, методические и психологические сложности, с которыми сталкиваются преподаватели при изучении гендерной тематики. Например, проблемы соотношения гендерной теории с другими социальными концепциями, методики преподавания и сложности общения со студентами разного пола при изучении гендерной тематики, восприятие преподавателя-женщины как необъективного и заинтересованного лица. Кроме того, очевидно, что многие преподаватели подходят к изучению вопроса с позиций традиционного предмета и пытаются механически включить гендерную тематику в курс, не меняя методологических оснований.

Наблюдается весьма своеобразное расхождение между развитием гендерных исследований и интеграцией гендерного подхода в систему регионального образования. В Мордовии за последние годы отмечается всплеск гендерных исследований, по этой проблематике защищаются кандидатские[7] и докторские диссертации, публикуются монографии[8] и учебные пособия, в то время как гендерное образование имеет более скромные результаты. Данная тема игнорируется

факультетами повышения квалификации и переподготовки кадров для системы образования.

Основная проблема гендерного образования в России — отсутствие мотивации к его получению. По меткому выражению М. А. Кашиной, в чем-то эта ситуация напоминает вхождение в Болонский процесс, о котором часто говорят, что к нему нужно присоединяться, но зачем именно — сказать трудно[9] Но если противники присоединения к Болонской конвенции имеют весомый аргумент, что советское образование было лучшим в мире, то противники гендерного образования считают, что оно надуманное, так как гендерных проблем у нас нет. Такая ситуация является закономерным следствием патриархатности российского общественного сознания, в том числе и работников системы образования[10]. Ситуация усугубляется тем, что гендерный подход не интегрирован в деятельность государственных учреждений.

Следует отметить, что и гендерные подходы активно используют негосударственные и новые учебные заведения, которые хотят осуществлять свою деятельность на уровне международных стандартов. Поскольку гендерные и женские исследования на Западе давно интегрированы в систему образования, то и руководство многих новых институтов, университетов и факультетов считает целесообразным их включение в учебные программы (например, Европейский гуманитарный университет, (г. Вильнюс), Гуманитарный университет (г. Екатеринбург), Невский институт языка (г. Санкт-Петербург)).

Большинство гендерологов сходятся во мнении, что более продуктивен комплексный путь интеграции гендерного подхода в содержание образования[11], во-первых, путем включения этой проблематики в государственные образовательные стандарты и учебники, получившие рекомендации МО или УМО[12], во-вторых, введения гендерной экспертизы учебников социально-гуманитарного профиля, в-третьих, разработки гендерной составляющей практического компонента профессионального образования (учебных, производственных практик, практикумов по предметам и т. п.), в-четвертых, повышения гендерной культуры преподавателей средней и высшей школы, например, в виде курсов на ФПК и стажировок. Посредством реализации этих задач произойдет

легализация гендерного подхода в образовании, социальной политике и практике.

Таким образом, налицо ряд достижений и объективно существующих сложностей в ходе гендерной интеграции в педагогическое образование современной Мордовии. Ее дальнейшее развитие представляется актуальным и практически значимым для системы регионального образования в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Гендерные исследования: региональная антология исследований из восьми стран СНГ. М., 2006.

[2] Гендерная педагогика и психология / Под ред. О. И. Ключко. Саранск, 2005.

[3] См.: Гендерная экспертиза учебников для высшей школы / Под ред. О. А. Ворониной. М., 2005.

[4] *Ключко О. И.* Гендерная асимметрия социализации. Автореф. ... канд. филос. наук. Саранск, 1999; *Коробанова Ж. В.* Влияние полоролевых представлений родителей на формирование личностных особенностей одаренных девочек. Автореф. ... канд. психол. наук. М., 2002; *Сухарева Н. Ф.* Гендерные сособенности проявления агрессии учащимися младшего школьного и подросткового возраста. Автореф. ... канд. психол. наук. М., 2006.

[5] См.: Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 031000 Педагогика и психология. М., 2005.

[6] См.: Гендерное образование в подготовке учителя: материалы всероссийской конференции 5—8 июня 2006 г. Томск, 2006.

[7] См.: *Фофанова К. В.* Институализация гендерных отношений в социальной сфере. Дис. ... д-ра социол. наук. Саранск, 2006.

[8] См.: *Дадаева Т. М.* Гендерная структура современного общества: реальность и тенденции развития. Саранск, 2005.

[9] *Кашина М. А.* Гендерное образование государственных служащих: проблемы презентации и реализации // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. М., 2006. С. 216.

[10] См.: *Ключко О. И.* Гендерные и толерантные характеристики субъектов образовательного процесса региона // Регионология. 2006. № 2. С. 115—128.

[11] Гендерное образование: региональный обзор состояния реформ высшей школы и гендерного образования в восьми странах СНГ / Под. общ. ред. И. Н. Тартаковской. М., 2006.

[12] Гендерная экспертиза учебников для высшей школы...

Поступила 17.04.07.

М. С. ГРИШИНА

ПРОБЛЕМА КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

В системе образования для детей, наряду с дошкольными учреждениями и школой, имеется и дополнительное образование. Оно отличается от основного целями, задачами, программным содержанием, общими требованиями, спецификой взаимодействия общностей педагогов и учащихся, формами и методами педагогической и ученической деятельности, нормами и санкциями и т. д. Эти институциональные различия дают основание рассматривать дополнительное образование как особый институт, несмотря на то, что последний характеризуется взаимодействием тех же социальных общностей, что и, например, школа[1]

Основная форма организации жизнедеятельности людей в дополнительном образовании, как и в основном — обучение и воспитание. Но в учреждениях дополнительного образования оно не является необходимым и обязательным. Это то образование, которое осуществляется в соответствии с выбором учащихся и их интересами в свободное время. Возможность свободного выбора занятий, наличие интересов учащихся к внеучебной деятельности и свободного времени для нее — основные отличия дополнительного образования от основного, базового.

У педагогов и работников учреждений дополнительного образования заметно стремление выполнить компенсаторную функцию по отношению к школе: углубить представления, знания учащихся в тех вопросах, где школа не смогла это сделать в силу специфики учебного плана, ограниченных временных возможностей и т. д.

ГРИШИНА Мария Семеновна, старший научный сотрудник лаборатории социально-экономических исследований в образовании Нижегородского института развития образования.

Заказ № 6759

Следует отметить, что у большинства учащихся (особенно старшеклассников) потребность в дополнительном образовании весьма существенна. Многие из них рассматривают его как особую форму предпрофессиональной подготовки к поступлению в специализированные учебные заведения.

В России 90-х гг. XX в. прекратила свою деятельность пионерская организация. Но дома, дворцы пионеров и клубы по месту жительства детей были настолько востребованы населением, что органы управления образованием их сохранили, придав им другой статус — учреждения дополнительного образования. Эти учреждения перешли в сферу образования и заполнили нишу досуговой деятельности детей и взрослых.

Сегодня дополнительное образование воспринимается как социальная, а не коммерческая сфера деятельности, ценности рыночной экономики для большинства педагогов и руководителей дополнительного образования чужды. Они считают, что и в дальнейшем организованный досуг детей должен оставаться предметом государственных интересов. Однако в годы реформ государственные интересы были далеки от социальных проблем населения. Все учреждения дополнительного образования переданы на муниципальный уровень, а принятый Закон об «Образовании» не отделял УДО от учреждений основного общего и среднего образования. Эта политика привела к сокращению системы дополнительного образования детей[2]

Сокращение финансирования привело к исчезновению тех учреждений дополнительного образования, деятельность которых была связана со значительными материалоемкими и иными затратами (например, участие в соревнованиях, связанное с поездками в другие города и даже страны). Понятно, что в первую очередь стали закрываться станции юных техников и натуралистов, спортивные школы.

Сегодня происходит сложный и болезненный процесс адаптации учреждений дополнительного образования к новым рыночным условиям. Каждое учреждение ищет свои пути развития, но в целом социальный институт дополнительного образования испытывает институциональный кризис.

Проблема современной системы дополнительного образования для детей заключается в том, что с одной стороны, обществом признается ее значимость для воспитания, развития детей и общества, с другой — экономические, право-

вые, социокультурные, кадровые условия препятствуют ее развитию в большей степени, чем способствуют.

Кризис выражается, в первую очередь, в низком экономическом статусе педагога дополнительного образования. Работа начинающего педагога, окончившего среднее специальное учебное заведение и не имеющего стажа, оплачивается по 6—7 разрядам единой тарифной сетки (ЕТС), и его оклад составляет от 1 010 до 1 110 рублей. Работа опытного педагога, имеющего высшее профессиональное образование и стаж работы свыше 10 лет, оплачивается по 11 разряду ЕТС, оклад — 1 610 рублей. Если педагог проходит аттестацию в областной аттестационной комиссии, что является серьезным испытанием, ему присваивают высшую квалификационную категорию, оклад увеличивается на 410 руб. — 2 020 руб., что соответствует 14 разряду ЕТС[3]

В 2006 г. проведен анкетный опрос педагогов дополнительного образования г. Нижнего Новгорода. Объектом исследования стали педагоги домов детского творчества, клубов по месту жительства, учреждений, связанных с досуговой деятельностью детей вне школы. Опрошено 172 чел., что составляет около 10 % всех педагогов дополнительного образования в городе, из них 111 (64 %) педагогов дополнительного образования и 61 (36 %) руководителей учреждений дополнительного образования разного уровня, из них 13 % мужчин и 87 % женщин.

Результаты опроса показали, что низкий не только экономический, но и социальный статус педагога дополнительного образования: престижной свою работу считают только 37 % опрошенных. В низкой оценке престижности своей профессии отражается отсутствие внимания к ней со стороны государства и сложившееся отношение к ней в обществе. Тем не менее, большинство опрошенных педагогов основными мотивами, побуждающими их трудиться, называют творческий характер работы и возможность реализовать свои способности.

Высокая творческая мотивация к труду с одной стороны, и ощущение непрестижности своей профессии в современном обществе — с другой, вызывают внутреннее психологическое напряжение у педагогов. Осознание невозможности достойно заработать и неподкрепленный экономически существующий энтузиазм педагогов разрушают сферу дополнительного

образования, закрывают в нее дорогу молодым кадрам, создает высокую потенциальную текучесть среди тех, кто уже работает. Так, 78 % опрошенных педагогов считают, что смогут либо легко найти новую работу, либо найдут ее через некоторое время. Только 8% опрошенных считают, что достигли высокого служебного уровня и не помышляют о дальнейшем служебном росте, а так как в УДО перспективы для служебного роста практически отсутствуют, то, надо полагать, развивать свою карьеру педагоги предполагают в других сферах деятельности.

Работа педагога дополнительного образования требует не только хороших прикладных навыков, но и высокой психолого-педагогической компетенции. Между тем, только 39 % респондентов имеют базовое педагогическое образование. Причина этому — отсутствие системы профессионального образования педагогов дополнительного образования в высшей школе и слабая организация переподготовки по данной специальности в системе повышения квалификации.

Низкая психолого-педагогическая готовность, высокая потенциальная текучесть, и неподкрепленный экономически высокий творческий потенциал педагогов являются, на наш взгляд, признаками кадрового кризиса дополнительного образования, влекущего за собой общий институциональный кризис.

Пути выхода из кризиса системы дополнительного образования детей следует искать в направлении укрепления экономического и профессионального статуса педагога дополнительного образования. В первую очередь необходимо развивать систему профессиональной подготовки и переподготовки кадров. Важно, чтобы человек, ведущий кружковую работу, обладал не только набором специальных прикладных навыков и умений, но и высокой психолого-педагогической компетенцией, способностью к профессиональному педагогическому творчеству. Тогда из педагога-любителя, проводящего свой досуг с детьми, он превратится в профессионала.

Решение этой задачи невозможно без поддержки со стороны учредителя (муниципального органа управления образованием). Эта поддержка будет намного эффективнее, если на государственном уровне принять программу развития дополнительного образования детей России. Но так как

поддержка на государственном уровне сегодня практически отсутствует, то программные документы разрабатываются «снизу».

Центром дополнительного образования города Нижнего Новгорода стал городской Дворец детского творчества им. В. П. Чкалова. Во Дворце разработана программа «Мы вместе!», где прописано взаимодействие учреждений дополнительного образования для детей Нижнего Новгорода в рамках одного воспитательного пространства. Сейчас эта программа утверждена городским департаментом образования и социально-правовой защиты детства как нормативный документ, регламентирующий взаимодействие всех городских УДО. Но подобного рода инициативы единичны. Нужна основательная, социальная государственная программа, законодательно обеспечивающая поддержку и развитие системы дополнительного образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.* Социология образования: Учеб. пособие. М., 2005. С. 250—265.

[2] Российский статистический ежегодник. 2003. С. 221.

[3] «О повышении тарифных ставок (окладов) единой тарифной сетки по оплате труда работников организаций бюджетной сферы» Постановление Правительства Российской Федерации от 2 октября 2003 г. № 609 с изм., внесенными постановлениями Правительства РФ от 31 декабря 2004 г. № 902, от 18 августа 2005 г. № 522; «О согласовании изменений в разрядах оплаты труда к тарифно-квалификационным характеристикам (требованиям) по должностям работников учреждений образования РФ» Постановление Минтруда РФ от 22 ноября 1995 № 65.

Поступила 26.12.06.

Е. В. СЕКОТОВА

СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОРДОВИИ

Изучение истории становления музыкального образования Мордовии представляется весьма актуальным в связи с исследованием различных аспектов развития социокультурной жизни общества. Обращение к истории культуры закономерно актуализирует национально-региональный аспект, который «способен осветить общую картину современного Мира «изнутри», из глубины его нынешнего самосознания»[1] В этом контексте выявление исторических традиций, степени их воздействия на характер, направленность культурно-образовательной деятельности в тот или иной период, их соотнесение с влиянием определенных культурных универсалий представляет сегодня особую ценность.

Музыкальное образование в Мордовии и его история только становятся предметом научного исследования. В связи с этим возникает необходимость создания надежной фактологической базы, выход на новый уровень осознания проблематики истории музыкального образования как объекта научного познания. При этом следует учитывать двойственную подчиненность музыкального образования, в результате которой оно является компонентом системы культуры и образования, оставаясь при этом автономной социокультурной системой. «Двойная» детерминация музыкального образования выявляет множество возможных аспектов его изучения с позиций его вхождения в систему образования и взаимодействия с музыкальной культурой. Следовательно, музыкальное образование Мордовии — явление, определяющееся особенностями соответствующих этапов культурной жизни, логикой развития музыкального творчества

СЕКОТОВА Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры теории и истории музыки и музыкальных инструментов Мордовского государственного педагогического института.

региона. В связи с этим приобретает актуальность историко-культурологический аспект этой проблемы.

Исследование процесса формирования национальной музыкальной школы Мордовии невозможно без изучения деятельности музыкальных учебных заведений, определения закономерностей развития музыкального образования.

В Мордовском крае становление системы музыкального образования началось в рамках формирования музыкальной культуры мордовского народа. Процесс этот складывался при определенных социально-политических условиях, под воздействием программы государственного культурного строительства, где установки «сверху» определяли специфику и темпы становления национальных профессиональных культур. Этому предшествовал длительный период накопления музыкально-образовательного опыта. Суть его заключалась в постепенном «наращивании» культурного слоя и развертывании музыкального образования в связи со специфическими обстоятельствами исторического и культурного развития мордовского народа (отсутствие территориальной целостности, длительный процесс развития экономики и культуры). Просвещение, формирование культурного сознания людей едва ли можно считать собственно образованием в его сегодняшнем понимании. Скорее это было воспитанием, приобщением к социокультурной среде, не ориентированным на профессиональную подготовку. Оно осуществлялось не в специальных музыкальных образовательных учреждениях, а в заведениях, где музыкальные занятия были частью общеобразовательного процесса. Однако в условиях отсутствия учреждений, направленных на подготовку музыкантов-специалистов, именно такая практика способствовала созданию базиса сформированной впоследствии системы музыкального образования. Представляется, что в характеристике музыкального образования, особенно его ранних форм, необходимо преодолеть сложившиеся стереотипы сведения его лишь к школьным формам, обучению музыкальной технике.

Этот период разделяется на ряд этапов, различных по своей социокультурной ситуации. Первый из них (XVIII — конец XIX в.) характеризуется распространением музыкальных знаний через духовные, а позднее и светские учебные заведения, в которых имелись музыкальные классы. Особое место занимало музыкальное образование в

Казанской учительской семинарии (КУС). Любопытно, что при поступлении в семинарию учитывалось наличие музыкального слуха: «Для того, чтобы быть учителем пения в школе, необходимо иметь музыкальный слух и познания, но можно не иметь голоса. В Семинарию по возможности принимаются имеющие слух»[2].

Большую роль в постановке музыкального образования в КУС сыграл выдающийся российский педагог и дирижер С. В. Смоленский, обучавший семинаристов церковному пению и игре на музыкальных инструментах. В связи с его назначением на должность директора Синодального училища в Москве, а также профессора Московской консерватории, преподавание пения и музыки в КУС было разделено между несколькими педагогами и имело четкую организацию. Об этом свидетельствует Отчет Казанской учительской семинарии за 1889—90 и 1890—91 учебные годы, в котором отмечается три рода музыкально-образовательной практики, позволявших в дальнейшем преподавать пение в сельских школах. Основным среди них было церковное пение: «1) Общие спевки, на которые соединялись лучшие голоса и наиболее способные к пению воспитанники Семинарии; хор разучивал на трех и четырех спевках в неделю церковные песнопения и исполнял их в церкви»[3]. Далее выделялись занятия, в рамках которых осуществлялось освоение элементарных знаний по теории музыки, подкрепляемых на практике вокальными упражнениями. Подобные занятия представляли собой дисциплину «сольфеджио» в сегодняшнем его понимании: «2) Классные уроки пения. Уроки эти имели более теоретический характер, хотя и на них пелись голосовые упражнения. ... уроки должны в отношении лучших певцов дополнить теоретическими познаниями музыкальные навыки, приобретенные на общих спевках, а в отношении всех вообще воспитанников — подготовить их к обучению пения в сельских школах. В первом классе занятия эти велись Н. И. Суворовым; во втором — Н. А. Александровым»[4]. Третье место по значимости в разделе музыкальных дисциплин КУС занимали занятия по овладению навыками игры на музыкальных инструментах, наиболее доступные среди которых — скрипка и фисгармония. Справедливости ради следует отметить, что эти занятия носили вспомогательный характер, ориентированный на роль «аккомпанемента» на

уроках пения: «3) При обучении пению весьма важно умение учителя играть на скрипке. Уроки скрипичной игры велись Н. А. Александровым ... в первый год по 24 часа в неделю, во второй — по 30 часов. Занимались преимущественно воспитанники III класса, обучение ограничивалось необходимым для пользования скрипкой во время уроков пения»[5].

КУС в разные годы окончили более 100 представителей мордовской национальности[6] Среди них немало известных впоследствии деятелей мордовской культуры. Здесь получил первоначальную музыкальную подготовку первый профессиональный мордовский композитор Л. П. Кирюков, обучавшийся в КУС с 1910 по 1914 г. В характеристике, выданной Л. П. Кирюкову, отмечаются успехи семинариста в учении, его пристрастие к музыке: «...Пением и музыкой Кирюков занимался всегда отлично, показал хорошие способности, любовь, а также отличные успехи в этом деле. Весьма успешно руководил ученическим хором за церковными богослужениями. С успехом мог организовать церковный хор и вести хоровое и классное пение в школе, хорошо играть на фисгармонии и скрипке...»[7]

Второй этап (конец XIX — 20-е гг. XX в.) отмечается тенденциями постепенного формирования музыкальных традиций на территории мордовского края. Особая заслуга в этом принадлежала представителям российской интеллигенции, благодаря им музыкальное искусство проникло в сельскую глубинку.

Показательна в этом отношении музыкально-просветительская деятельность В. С. Серовой в с. Судосеве Карсунского уезда Симбирской губернии (ныне Большеберезниковский район Мордовии). Она проявила необычайную смелость, достойную восхищения и сегодня: организовала оперную студию, где параллельно с репетицией оперных спектаклей проводила занятия по музыкальной грамоте, рассказывала о композиторах и их произведениях. В результате интенсивной творческой работы В. С. Серовой стало возможным осуществление ряда оперных постановок: «Жизнь за царя» М. И. Глинки, «Вражья сила» и «Рогнеда» А. Н. Серова и др. Гастролируя по городам России, мордовские артисты пользовались большим успехом у публики, а деятельность В. С. Серовой высоко оценивалась как образцовая. Опыт госпожи Серовой делает честь не только ей самой, но и,

несомненно, нашему народу и не может не служить великим поощрением для всех, кому дорога его судьба, кто желает посвятить хоть небольшую часть своих сил благородному делу просвещения нашей народной массы»[8].

Для мордовского края в 10-е — 20-е гг. XX в. характерна рассредоточенность музыкального образования по сферам музыкальной культуры. Стремительно активизируется рост национального самосознания и появляется ядро мордовской интеллигенции, сознательно способствующее развертыванию музыкально-образовательной практики. Наиболее яркие представители мордовского искусства этого времени, являясь личностями универсального типа (организаторами, педагогами, просветителями, композиторами, исполнителями), стремились комплексно воздействовать на социокультурные процессы. Однако, как справедливо отмечает Н. И. Бояркин: «Работа с хоровыми и оркестровыми коллективами Мордовии в первые годы Советской власти имела свои трудности и специфические черты»[9] Организовав музыкальные коллективы, они одновременно создавали репертуар для них, внедряли элементы музыкального образования (основы музыкальной грамоты, воспитание исполнительских навыков), тем самым способствуя достижению профессионального уровня, готовили слушательскую аудиторию, способную воспринимать музыкальное искусство. В качестве примеров такого рода можно отметить деятельность Л. П. Кирюкова (хор в с. Анаево), П. А. Органова (хор в с. Ичалки), Л. И. Воинова (оркестр народных инструментов в г. Темникове) и др.

Вместе с тем, несмотря на прогрессивные тенденции, недостаточность крепкого фундамента для создания профессиональных учебных заведений в мордовском крае, на наш взгляд, была очевидной. В частности, низкой была степень развития городской музыкальной культуры, отсутствовали традиции академического исполнительства, формы начального обучения музыке.

Открытие в Саранске музыкально-драматического техникума в 1932 г., реорганизованного в 1936 г. в музыкальное училище, ознаменовало начало нового периода — формирования профессионального музыкального образования Мордовии. Единственной базой для техникума послужила музыкально-драматическая студия, просуществовавшая лишь 2 года. Факт организации среднего специального учебного

заведения при отсутствии форм начального образования (открытие детской музыкальной школы произошло спустя 6 лет после создания техникума) является парадоксальным с точки зрения логического развертывания музыкально-образовательной системы.

Направленность деятельности техникума в первые годы его образования на приоритет вокально-хорового вполне объяснима. С одной стороны, это обусловлено общими установками государственной культурной политики тех лет, с другой — традициями, заложенными в мордовской народной музыке (природное многоголосие мордовской народной песни). Поэтому наиболее естественным путем происходило формирование тех отделений техникума, которые были связаны с вокально-хоровой культурой. Музыкальная атмосфера техникума в эти годы определялась практикой именно вокально-хорового исполнительства: оперный хор под руководством П. А. Органова, этнографический хор Л. П. Кирюкова и объединенный хор З. А. Зайчикова. В этой связи становится понятной сложность формирования отделений академического плана, прежде всего фортепианного и струнно-смычкового.

Важнейшим фактором, обеспечившим качество педагогической работы, стал высокий профессиональный уровень преподавателей. В большинстве своем первые педагоги техникума имели специальное музыкальное образование, полученное в столичных и периферийных культурных центрах: П. А. Органов окончил Санкт-Петербургскую консерваторию по классу вокала; З. А. Зайчиков — Саратовский музыкальный техникум и Московский музыкально-педагогический заочный институт; М. Н. Симанский — Московскую консерваторию по классу фортепиано и Санкт-Петербургскую консерваторию по классу композиции, Л. П. Кирюков — Московскую консерваторию по классу хорового дирижирования, а позднее — Московский институт повышения квалификации по классу композиции.

Свидетельством профессионального мастерства преподавателей музыкального учебного заведения стала практика постановки оперных спектаклей, ставшая традицией. Так, в довоенные годы под руководством П. А. Органова осуществлены постановки таких классических опер, как «Евгений Онегин» П. И. Чайковского, «Фауст» Ш. Гуно, «Русалка» А. С. Даргомыжского и др.

Благодаря первым выпускникам училища (М. Антонова, Р. Беспалова, В. Белоклоков, Д. Еремеев, В. Киушкин, В. Киушкина, А. Куликова, Е. Охотина и др.) стало возможным функционирование в Саранске театра оперы и балета (1937 г.) и Мордовской государственной капеллы (1939 г.), организация которых явилась важнейшим национальным, культурно-значимым событием музыкальной жизни Мордовии.

Система профессионального музыкального образования Мордовии развивалась и в послевоенные годы. В этот период расширяется сеть музыкальных школ, заметно укрепляется связь между начальным и средним звеньями музыкального образования. К концу 50-х гг. окончательно сформировалась структура музыкального училища: полноценно функционировали исполнительские классы, создается теоретическое отделение, нацеленное на подготовку музыкантов-теоретиков и композиторов.

Профессиональное музыкальное образование Мордовии 30-х — 50-х гг. XX в., сформированное в непродолжительный исторический период, оказало мощное влияние на развитие музыкальной культуры республики. Совершенно очевидно, что за это непродолжительное время именно в музыкальном училище им. Л. П. Кирюкова осуществлялась подготовка исполнителей, педагогов, видных деятелей музыкальной культуры, обеспечивших дальнейший рост музыкального профессионализма в Мордовии.

Музыкальное образование Мордовии прошло сложный и противоречивый период становления. Имели место негативные факторы, препятствовавшие развитию музыкально-образовательной системы. Каждый этап развития музыкального образования в Мордовии характеризуется определенной самостоятельностью и тенденциями развития, обеспечивающими качественно новые уровни этого процесса, вбирая в себя предшествующий опыт не только музыкального образования, но и музыкальной культуры в целом.

Таким образом, музыкальное образование Мордовии, выступая в качестве регулируемой сферы социокультурного пространства, активно воздействовало на процессы в области музыкальной культуры. Единство культурозависимых и культуротворческих возможностей образования — одна из важнейших характеристик музыкального образования. Это дало возможность исследовать историю становления музыкального образования Мордовии как пространства

свободного культурного творчества, а жизнедеятельность образовательных учреждений в связи с этим рассматривать как часть культурной среды социума, оказывающей воздействие на его трансформацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Дулат-Алеев В. Р* Текст национальной культуры. Новоевропейская традиция в татарской музыке. Казань, 1999. С. 43.

[2] Отчет Казанской учительской семинарии за 1889—90 и 1890—91 учебные годы. Казань, 1892. С. 19.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 20.

[6] См.: *Исламов Ф.* Свидание двух миров // Сов. Мордовия. 1993. 13 окт.

[7] *Осовский Е. Г., Зеткина И. А.* Макар Евсевьевич Евсевьев: просветитель, ученый, педагог. Саранск, 2003. С. 140.

[8] Цит. по: *Брыжинский В. С.* Народное и профессиональное театральное искусство // Мордва: Историко-культурные очерки. Саранск, 1995. С. 374—375.

[9] *Бояркин Н. И.* Становление мордовской профессиональной музыки. Саранск. 1986. С. 12.

Поступила 28.06.07.

Д. Ю. МАТВЕЕВ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РЕГИОНА

Регион — область, район, часть страны, отличающаяся от других областей совокупностью естественных и (или) исторически сложившихся, относительно устойчивых экономико-географических и иных особенностей, нередко сочетающихся с особенностями национального состава населения. В данном случае под регионом мы понимаем область, субъект Российской Федерации. Термин «социальное» применительно к ресурсам региона означает, что они относятся к населению региона, характеризуют его жизнедеятельность, следовательно, социальные ресурсы региона — это ресурсы, характеризующие жизнедеятельность населения региона и обеспечивающие его нормальное функционирование и развитие как социально-экономической системы.

Выделяют демографический, трудовой, кадровый, образовательный, информационный, компаративно-состязательный, инновационный, социально-психологический, социально-политический, социокультурный, социально-организационный, социально-экономический, социально-технологический ресурсы региона.

Предметом нашего анализа будут социально-психологические ресурсы, включающие совокупность явлений, выражающих социальное самочувствие населения и уровень его социальной защищенности.

Для оценки социального самочувствия населения использовались три критерия: уровень социальной удовлетворенности; характер чувств, испытываемых перед будущим; жизненный настрой[1].

Социальная удовлетворенность человека включает, по меньшей мере, удовлетворенность достигнутыми в жизни

МАТВЕЕВ Денис Юрьевич, аспирант кафедры теории социального и государственного управления Курского института государственной и муниципальной службы.

успехами, самим собой, своим окружением, жизнью в целом. Чувства, вызываемые будущим, проявляются в весьма широком диапазоне. Мы выделяем несколько характерных чувств: страх, тревога, неопределенность, безразличие, спокойствие, надежда, оптимизм. Правомерность выбора этих чувств подтверждается, в частности, тем, что позиция «другие чувства» получила в ответах респондентов всего 1 %. Что касается жизненного настроя жителей, то предложена следующая его интерпретация. Во-первых, жизненный настрой может быть оптимистическим или пессимистическим[2] Во-вторых, оптимизм может быть радикальным или умеренным. В-третьих, кроме оптимистического или пессимистического вариантов, жизненный настрой может быть также скептическим, аскетическим и упадническим. Таким образом, выделяем 6 возможных типов жизненного настроя: умеренно оптимистический, радикально оптимистический, пессимистический, скептический, аскетический, упаднический. В 2005—2006 гг. проведен опрос жителей Белгородской области с целью выявления их социального самочувствия. Объем выборочной совокупности составил 1 тыс. чел., в том числе 200 чел. работников органов государственной власти и местного самоуправления.

Для их презентации респондентам предложены суждения-индикаторы (табл. 1).

Таблица 1

Презентация социального самочувствия

Тип жизненного настроя	Суждение-индикатор
Умеренно оптимистический	«Твердо уверен в лучшем будущем»
Радикально оптимистический	«Несмотря ни на что, продолжаю надеяться на лучшее»
Пессимистический	«На лучшее в жизни уже не надеюсь»
Скептический	«День прошел и слава богу»
Аскетический	«Мне уже ничего в жизни не надо (не хочется)»
Упаднический	«Не знаю как и жить дальше»

Наиболее распространенный вариант ответа — «не совсем». Примерно 50 % опрошенных не совсем удовлетворены самими собой и жизнью в целом. Несколько ниже показатель удовлетворенности жизнью в целом и достигнутыми успехами, соответственно выше показатель удовлетворенности самим собой и своим окружением.

Для более наглядного сравнения показателей социальной удовлетворенности проведем небольшие преобразования: значение «да» приравняем к 1, «не совсем» — 0,5, «нет» — 0,0. Путем последующих математических действий вычислим индекс социальной удовлетворенности. Индекс удовлетворенности опрошенных достигнутыми в жизни успехами будет равен 0,48, удовлетворенности самим собой — 0,56, удовлетворенности своим окружением — 0,63, удовлетворенности жизнью в целом — 0,54.

Еще одним важным компонентом социального самочувствия людей выступают чувства, вызываемые будущим. Эмпирические данные о характере этих чувств приведены ниже (в %) (табл. 2).

Таблица 2

Чувства населения Белгородской области, вызываемые будущим

Чувства	%
Страх	7,0
Тревога	23,0
Неопределенность	38,0
Безразличие	1,0
Спокойствие	7,0
Надежда	33,0
Оптимизм	20,0
Другие чувства	1,0
Затруднились ответить	16,0

Чувства, вызываемые будущим, можно разделить в зависимости от их распространенности на 4 группы. Первую составляют наиболее распространенные чувства, на которые указывают более трети респондентов — чувства неопределенности и надежды. Во вторую группу включены чувства, указанные каждым четвертым-пятым из опрошенных — тревога и оптимизм. Сравнительно меньшее распространение имеют чувства, составляющие третью группу — страх и спокойствие. И, наконец, в группу редко распространенных чувств входит «безразличие». Следует обратить внимание и на то, что каждый шестой из опрошенных затруднился с идентификацией чувств, вызываемых у него будущим.

Чувства, вызываемые ожиданиями будущего, различаются в зависимости от рода деятельности опрашиваемых. Больше 50 % рабочих и безработных затруднились с идентификацией своих чувств, вызываемых будущим. Можно предположить, что они значительно меньше задумываются о своем будущем,

нежели респонденты из других социальных групп. Среди всех категорий опрошенных сравнительно ровно «распределено» чувство неопределенности (от 33,3 до 42,9 %). Несколько сильнее проявляется оно у рабочих, учащихся и служащих. Среди рабочих относительно больше распространено чувство безразличия, среди служащих — чувства страха, тревоги и одновременно надежды. Среди предпринимателей сравнительно сильнее проявляются оптимизм, учащихся — надежда, пенсионеров — тревога, безработных — страх.

Есть определенная связь между возрастом респондентов и характером испытываемых ими чувств. Положительные чувства имеют сравнительно большее распространение среди молодых, в данном случае — учащихся, отрицательные чувства — среди респондентов пенсионного возраста. Так, если среди учащихся почти две трети (63 %) испытывают положительные чувства перед будущим, а 37,0 испытывают отрицательные чувства, то среди пенсионеров наоборот: 62,5 опрошенных испытывают отрицательные, 37,5 % — положительные. Мера взаимосвязи возраста респондентов и характера испытываемых ими чувств перед будущим, определяемая коэффициентом и рассчитываемая по формуле $\Lambda = \frac{E_1 - E_2}{E_1}$, составляет 0,26.

Третьим компонентом социального самочувствия людей, рассматриваемым в ходе исследования, является жизненный настрой. В социальном самочувствии опрошенных преобладает оптимистический жизненный настрой, особенно его радикальная форма. У каждого десятого проявляется пессимистический настрой. Наибольшее распространение имеет безразлично-скептический, редко встречаются депрессивный и аскетический типы жизненного настроя. Некоторая часть респондентов затруднилась с идентификацией своего жизненного настроя.

Жизненный настрой опрошенных различается в зависимости от рода их деятельности. У рабочих сильнее проявляются умеренно оптимистический, безразлично-скептический и депрессивный типы жизненного настроя, у служащих — радикально оптимистический, предпринимателей — умеренно оптимистический, учащихся — радикально оптимистический и депрессивный, пенсионеров — пессимистический и аскетический, безработных — безразлично-скептический тип

Заказ № 6759

жизненного настроя. Среди безработных больше затруднившихся с его идентификацией.

Жизненный настрой зависит от возраста респондентов, а именно с возрастом доля оптимистов уменьшается. Так, при сравнении жизненного настроя учащихся и пенсионеров обнаруживается, что оптимистический жизненный настрой у 90,5 % учащихся и 40 % пенсионеров. Коэффициент зависимости жизненного настроя от возраста составляет 0,29.

Социальное самочувствие людей связано с их социальной защищенностью, включающей объективный и субъективный компоненты. Субъективный компонент — это оценка, ощущение людьми своей социальной защищенности. Судя по данным исследования, 8,2 % белгородцев чувствуют себя вполне социально защищенными, 26,6 % — не совсем защищенными. Больше половины опрошенных (55,1 %) не чувствуют себя социально защищенными. Небольшая часть опрошенных (7,1 %) затруднилась с идентификацией своих ощущений относительно социальной защищенности.

Таким образом, только каждый 12-й житель Белгородской области чувствует себя достаточно защищенным. Показатели социальной защищенности респондентов различаются в зависимости от рода их деятельности. Сравнительно выше самооценка социальной защищенности у учащихся (студентов), ниже — у пенсионеров и безработных. Тех, кто затруднился с определением собственной социальной защищенности, относительно больше среди рабочих (30,7 %) и предпринимателей (20 %).

Имеется достаточно устойчивая связь между возрастом опрошенных и самооценокой уровня их социальной защищенности. Так, если среди учащейся молодежи примерно 50 % считает себя социально защищенной и такая же часть — социально незащищенной, то в группе пенсионеров это соотношение составляет 10 к 90, т. е. только каждый десятый из опрошенных пенсионеров считает себя социально защищенным. Теснота взаимосвязи возраста и самооценки уровня социальной защищенности, вычисляемой по формуле $\Phi = \sqrt{\frac{x^2}{N}}$, составляет 0,61 (при максимальном значении, равном 1).

В ходе исследования определились факторы, позволяющие людям чувствовать себя социально защищенными. Наиболее

значимыми факторами социальной защищенности выступают «семья, отношения в семье» (75,0 %), «друзья, дружеские отношения» (75,0 %). Следующие места по рейтингу значимости занимают «уверенность в своих силах» (62,5 %), «здоровье и самочувствие» (50,0), а также «местная власть» (50,0 %), действия которой оказывают непосредственное влияние на состояние социальной защищенности населения. Сравнительно меньшее значение, против ожиданий, имеют факторы «материальный достаток» и «связи с влиятельными людьми» — по 37,5 %.

Роль отдельных факторов социальной защищенности по-разному оценивается респондентами в зависимости от рода их занятий. Так, «материальный достаток» отмечается чаще учащимися и предпринимателями, «стабильная работа и зарплата» — служащими, «хорошие отношения на работе» — рабочими, «собственный бизнес» — предпринимателями, «связи с влиятельными людьми» — предпринимателями и учащимися, «здоровье и самочувствие», а также «уверенность в своих силах» — предпринимателями, учащимися и рабочими.

В ходе исследования выяснились факторы, мешающие людям чувствовать себя социально защищенными. Основную роль среди таковых играют два взаимосвязанных фактора: постоянная нехватка материальных средств (42,2 %) и невысокая зарплата (38,6 %). Важное значение имеет также группа факторов, включающая бесправие и «беспредел» (24,8 %), «криминализацию окружающей среды» (20,5), «произвол местных властей» (13,3 %). Обращает на себя внимание и фактор «отсутствие связей с влиятельными людьми» (15,7 %).

Распределение факторов социальной незащищенности респондентов связано с родом их деятельности. Так, рабочие указывают на невысокую зарплату (50 %), служащие — постоянную нехватку материальных средств и опять же невысокую зарплату (63,3), предприниматели — нестабильную работу (40,0) и отсутствие связей с влиятельными людьми, студенты — криминализацию окружающей среды, бесправие и «беспредел» (42,9), отсутствие связей с влиятельными людьми (35,7), пенсионеры — на постоянную нехватку материальных средств (80,0), произвол местных властей (40 %).

Таким образом, примерно у половины населения региона отмечается невысокий уровень социальной удовлетворенности. Будущее вызывает у большинства жителей чувства неопределенности и надежды. Вместе с тем в социальном самочувствии населения преобладает оптимистический настрой.

Больше половины жителей чувствуют себя социально незащищенными. Наиболее действенными факторами социальной защищенности выступают «семья, отношения в семье», «друзья, дружеские отношения». Среди факторов, мешающих людям чувствовать себя социально защищенными, основную роль играют два взаимосвязанных фактора: постоянная нехватка материальных средств и невысокая зарплата.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Воронин Г. Л.* Социальное самочувствие россиян (1994—1996—1998 гг.) // Социол. исслед. 2001. № 6. С. 59—66; *Лазарев В. Н.* Социальное самочувствие местного сообщества // Муниципальный мир. 1999. № 3. С. 74—76.

[2] См.: *Муздыбаев К.* Оптимизм и пессимизм личности // Социол. исслед. 2003. № 12. С. 87—96.

Поступила 14.05.07.

А. А. СЫЧЕВ

Л. В. СТАРОДУБЦЕВА

К. В. ФОФАНОВА

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И КОНСТРУИРОВАНИЯ СТАТУСА УЧИТЕЛЯ В РЕГИОНЕ[1]

Темпы модернизации и сроки перехода общества от состояния неустойчивости к поступательному развитию во многом определены тем, что можно обозначить «инновационной устойчивостью». Для системы образования это означает способность вводить в образовательный и воспитательный процесс соответствующие новому этапу развития элементы, сохраняя при этом (насколько это возможно в новых условиях) все позитивное из предшествующего опыта. Однако в условиях многоуровневых процессов модернизации сфера образования предстает не столько активной движущей силой и катализатором изменений в обществе, сколько чувствительным и уязвимым объектом социальных трансформаций.

СЫЧЕВ Андрей Анатольевич, профессор кафедры философии для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета, доктор философских наук.

СТАРОДУБЦЕВА Любовь Викторовна, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии Мордовского государственного педагогического института, кандидат социологических наук.

ФОФАНОВА Катерина Владиславовна, профессор кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета, доктор социологических наук.

Образование как элемент общественного сознания изменяется вместе с ним, реагируя на ценностные сдвиги, политическую конъюнктуру, идеологию и смену лежащих в основании властных решений теоретических доктрин. Вместе с системой образования значительно модифицируется деятельность педагога как ключевого субъекта образовательной деятельности, а также материальные условия ее протекания. Изменения (как позитивные, так и негативные) происходят и с ожиданиями общества по поводу целей и способов образовательной деятельности, характером оценок, которые даются профессии учителя в публичном дискурсе, прежде всего в средствах массовой коммуникации. В совокупности изменения приводят к подъему или снижению престижа профессии, трансформации социального статуса учителя.

Очевидно, что высокий социальный статус учительства чрезвычайно важен, поскольку подобно высокому статусу любой другой профессиональной группы, он является фактором стабильности кадров, залогом ответственного отношения к своей профессии, причиной хорошей социально-психологической атмосферы в коллективах. Он не только гарантия качества выполнения профессиональной роли учителя, но и необходимое условие реализации ряда важных функций по отношению ко всему обществу в целом. В таком смысле повышение социального статуса учителя позитивным образом отражается на эффективности процессов социализации, аккультурации, адаптации подрастающих поколений, обеспечивает качество их навыков, знаний, способностей к ценностному ориентированию и т. д. Роль системы образования здесь тем более высока, что многие социальные институты, традиционно выполнявшие эти функции (многопоколенная семья, литература и искусство и др.) в процессе модернизации теряют свою авторитетность.

В социологической теории социальный статус обычно рассматривается в качестве интегративного показателя конкретного, свойственного группе индивидов и каждому ее представителю положения в социальной структуре, сопряженного с совокупностью соответствующих прав и обязанностей. Таким образом, статус педагога в обществе, престиж его профессиональной деятельности определяются многими факторами, но главными и объективными критериями всегда были роль и место этой социальной группы

в системе общественных отношений, важность института образования для функционирования и развития общества. Соответственно, статус учителя указывает на соотносительную позицию этой профессии в обществе, ее зависимость от профессиональных обязанностей, экономического положения, возможностей политического или иного влияния, особых прав, публичного авторитета и т. д. В этом отношении следует выделить объективные условия (профессионально-образовательный базис, материально-экономические условия жизни), оценку профессии обществом (авторитет, престиж профессии, стереотипические представления о ней, ожидания публики и т. д.).

Меры по повышению социальной защищенности работников образования связаны с улучшением объективных условий, ведущих к укреплению их статуса. Исходная посылка подобной деятельности опирается на гипотезу о том, что социальный статус учителей определяется их социальным положением, условиями их жизни и деятельности, определяющиеся состоянием экономики. Так, в числе объективных проблем выделяются низкая заработная плата, значительно отстающая от средней заработной платы работников, занятых в сфере промышленности; чрезвычайно низкий стартовый уровень оплаты труда молодых специалистов, препятствующий притоку в школы кадров с современным уровнем знаний; ухудшение качества подготовки молодых специалистов в педагогических учебных заведениях; низкий уровень пенсионного обеспечения педагогов, вынуждающий их продолжать работу после выхода на пенсию; плохое финансирование системы повышения квалификации учителей и отсутствие условий самообразования; неудовлетворительные жилищные и социально бытовые условия (прежде всего на селе).

Объективные проблемы, как правило, решаются путем финансового стимулирования и перераспределения денежных средств. Большая часть региональных законов о социальном статусе учителя или их проектов делает упор именно на экономической составляющей. Так, предлагается ввести надбавки по особой шкале для стимулирования молодых учителей (0—2 года — 80 % должностного оклада, 3—4 года — 60 % должностного оклада и т. д.); в связи с выходом на пенсию выплачивать большое единовременное

пособие; предусмотреть выделение средств на оплату повышения квалификации педагогических кадров и т. д.[2] В Республике Мордовия принято постановление правительства о сохранении всех действующих доплат за классное руководство, городским управлением образования разработан пилотный проект «Внедрение нового финансового механизма в образовательных учреждениях Саранска».

В системе региональной политики, направленной на укрепление статуса учителя, в различных субъектах РФ материальный фактор всегда выходит на первое место, затмевая остальные проблемы. Действительно, вопросы финансирования для современной России определяющие. Однако сравнение российских (региональных и федеральных) законов и законопроектов с зарубежными и международными показывает отличия в понимании мер, необходимых для повышения статуса.

Так, специальная межправительственная конференция ЮНЕСКО о статусе учителей, прошедшая в Париже в 1966 г., ставит более широкие стратегические цели. Конференция признала «решающую роль учителей в развитии одного из основных прав человека — на образование, и значение того вклада, который они вносят в развитие человеческой личности и современного общества, стремясь обеспечить учителям положение, соответствующее их роли»[3] и приняла рекомендации о статусе учителя. Документ уточняет, что термин «положение» в применении к учителям имеет два значения: во-первых, общественное положение, которое за ними признано в силу уважения, связанного с важностью их функций и умением их выполнять, и только во-вторых, взятые в сравнении с другими профессиональными группами условия труда, вознаграждение и другие льготы, которыми пользуются учителя. В «Рекомендациях о положении учителей», принятых конференцией, особо подчеркивается, что материальные условия вторичны по сравнению с целями планирования и непрерывности образования, устойчивости служебного положения, профессиональных свобод, связи образования, науки и высоких технологий и т. д.

Очевидно, что этих целей можно достичь только при соответствующем материальном фундаменте. Однако это только первый и самоочевидный этап модернизации системы образования. Концентрирование внимания исключительно на

финансовых затратах — показатель того, что образование еще не стало приоритетной сферой для государства. Реальное повышение статуса возможно только при условии соответствующей оплаты труда, но совершенно не исчерпывается ею. При отсутствии авторитета у учителей и престижа профессии педагога, статус учителя останется низким. Т. Парсонс писал, что социальная иерархичность подразумевает существование «стратификационной шкалы — шкалы признаваемого и легитимизированного престижа входящих в это сообщество в качестве членов коллективов, отдельных лиц, а также статусов и ролей, распространенных в этом обществе. ...Положение коллектива или индивида в стратификационной системе определяется уровнем его престижа или способностью оказывать влияние»[4]

Таким образом, требуется разработка комплекса мер, направленных на повышение престижа и авторитета учителя, т. е. на укрепление статуса педагога путем повышения его оценки со стороны общества. Для этого необходимы соответствующие политические и идеологические решения стратегического плана, а также активное использование средств массовой коммуникации в самом широком диапазоне.

Политика, общественное мнение и профессиональная деятельность учителя — залог понимания динамики статуса учителя. Для данной триады характерно взаимное пересечение интересов. Изменения на одном уровне усиливают динамику других. Профессиональный статус учителя гибко реагирует на новые веяния политики и новые требования к системе образования. Определенное значение в этом процессе имеет риторика и практика региональной политики.

При любом системном кризисе именно образовательные учреждения оказываются на переднем крае борьбы традиционных и новых ценностей, подвергаясь критике как с позиции сторонников радикальных изменений, так и с позиции традиционалистов.

Ведущей характеристикой общественного мнения по поводу профессии учителя является оценка его статуса в двух системах ценностных координат. С одной стороны, общепризнанной стала точка зрения, что роль педагогов в обществе исключительно высока и общезначима практически в любых исторических условиях. Особая значимость социальных позиций педагогов определена их функциями в общественном

воспроизводстве и процессе социализации, аккультурации, воспитании и образовании новых поколений. С этой позиции труд педагога рассматривается как особо значимый, почетный. Так, 72 % опрошенных в ходе исследования жителей г. Саранска ответили, что образование играет решающую роль в жизни общества, 85 % считают, что общество несет потери из-за недостаточного внимания к системе образования. С другой стороны, отвечая на вопрос: «Устраивает ли Вас работа образовательных учреждений Республики Мордовия?» лишь 15 % ответили утвердительно; 47 % — не совсем устраивает и 38 % — не устраивает[5].

Социально-экономические процессы последних десятилетий непосредственным образом отразились на различных сторонах жизнедеятельности учительства. Существенно изменилась структура доходов семейного бюджета, снизилась финансовая доступность материальных и духовных благ, которые можно получить на заработную плату. В связи с этим трансформировалась система ценностных, идеологических ориентаций учительского корпуса. С этой позиции все явственнее прослеживается непрестижность профессии, ее непривлекательность для молодежи. В случае со статусом педагога мы встречаемся с особым типом противоречия, которое возникает в рамках одного статуса. Лаг между значимостью социальной роли педагога и престижем профессии, необходимым и реальным, маркирует важную социальную проблему, требующую разработки действенных стратегий и мер, способных позитивно влиять на социальный статус учителя. По сути дела, при анализе амбивалентности статуса педагога можно применить более широкое представления об аномии. В таком случае источником проблемности статуса можно назвать несоответствие между высокими целями, предписанными социумом для учителей, и отсутствием институциональных средств достижения этих целей.

В таком отношении социальный статус необходимо рассматривать с точки зрения общественных ожиданий, предписываемых извне действий, т. е. с позиции общей совокупности социально вмененных ролей, в которой этот статус конкретизируется. Определенные социальные роли или правила поведения определяются фактом нахождения на той или иной статусной позиции. Эти роли можно определить как набор норм (правовых, административных, моральных),

характеризующих одно из отношений статусной позиции[6] Следовательно, социальный статус можно рассматривать как реализуемый определенными правилами, организующими практиками в конкретном социальном контексте, в особенности дискурсивном. Эти правила образуют устойчивые структуры — «сценарии социального статуса учителя».

Ключевой позицией в дискурсивном механизме выступает политика репрезентации посредством рекламы и СМИ. Мы считаем, что средства массовой коммуникации структурируют проблемы и идентичности, т. е. репрезентируют и предписывают определенные роли и конструируют соответствующие им сценарии. Эти сценарии, в свою очередь, могут рассматриваться как модели статусной адаптации учителей.

Для показа роли коммуникационных практик репрезентации и конструирования статуса учителя в регионе мы использовали сценарный подход, возникший в интеракционистском варианте конструктивисткой методологии. Выбор этого методологического подхода обусловлен рабочей гипотезой и исследовательским дизайном, включающим дискурсивный анализ статей, опубликованных за период 2005—2006 гг. в региональных газетах «Известия Мордовии», «Вечерний Саранск», «Столица С». В качестве единицы анализа выбраны публикации, посвященные профессиональной деятельности учителей.

Социальный статус учителя репрезентирован в медийном пространстве через основной код — статусной маневрированности. По отношению к этому коду выделили следующие сценарии.

Первый — репрезентация учителя в традиционном контексте: «человек с отзывчивым сердцем» и «ответственности у педагогов всегда много». Этот сценарий выступает центральной системой референций, относительно которой репрезентируется деятельность учителя в региональных СМИ. Учитель описывается как человек, приспособившийся к сложившейся образовательной системе, принимает цель, которую ему предписывает общество, стремится выполнить возложенную на него миссию и использует для этого весь арсенал лучших человеческих качеств. Учитель в соответствии с этим сценарием описывается журналистами через систему банальных штампов как сохранивший значительно более высокую степень верности и преданности профессии.

Идеализированный традиционализм в репрезентации учителя представлен в описаниях их повседневного профессионального труда. В образе учителя отсутствует сопротивление трудностям, обусловленным объективными условиями современной ситуации в сфере образования. Выстраивание границ социального статуса учителя в медийном дискурсе связано с важностью и необходимостью данной профессии. Внутренняя философия данного сценария выражается в таких высказываниях: «..целая плеяда выдающихся педагогов, которые открыли нам дорогу в большую жизнь», «наша республика всегда славилась своими учителями — настоящими патриотами своего дела». В этом сценарии главными качествами учителя становятся: «человек с отзывчивым сердцем», «ответственности у педагогов всегда много», «подданный педагогики». Профессиональная культура складывается из следующих качеств: «приветливое слово», «сочувственный взгляд», «незлобный тон», «настоящий наставник: не только крепкий профессиональный педагог по призванию, но и обаятельный, доброй души человек, любящий детей», «она добрая и хорошая». К сюжетным средствам сценария относится то, что подобного рода материалы, как правило, расположены на первой полосе и иллюстрированы фотографиями с клишированными заголовками по типу «А сердце отдано людям».

В рамках данного сценария неоднократно подчеркивается, что профессия учителя гендерно маркированная, более того — сегрегированная: «В роли классных руководителей выступают педагоги-женщины просто потому, что их в школе большинство».

Второй сценарий — «новаторы и мятежники»: «стремление к инновациям», «динамичные, ...понятные современным ученикам педагоги». Этот тип сценария менее всего распространен в республиканских СМИ. Об учителях-новаторах довольно много писали в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. Важную роль в формировании этого сценария играют способы создания образа учителя, которые, с одной стороны, продвигают образование, с другой — ломают систему, пытаются изменить цель образования и институциональные средства. Статус учителя оценивается по степени участия учителей и их воспитанников в олимпиадах, конкурсах: «...13-ая победа учеников Людмилы Ивановны Юркиной — народного

учителя РМ — на престижных олимпиадах, в том числе и Международной. А значит, и ее победа... Она... ваяет победителей»). Центральными категориями данного сценария выступают «учитель-исследователь», «учитель-новатор». В печатных материалах делается акцент на «огромный интеллект, потрясающую эрудицию, артистизм, умение подобрать ключик к любому ученику. Недаром педагогическое кредо Митрофанова: всегда быть на стороне ребят, в любом случае постараться понять, почему ученик поступил так, а не иначе».

Реализация Национального проекта «Образование», программа Президентских грантов способствуют изменению слагаемых социального статуса учителя. Однако, как показывают печатные материалы, не сформировалось единого осознания у учителей необходимости участия в подобного рода инновациях. Круг учителей-новаторов замыкается на нескольких именах.

Третий сценарий — «ритуалисты»: «о трудностях стараются не говорить». Этот сценарий близок к сценарию репрезентации учителей в традиционном контексте. Данный сценарий в большей степени отражает элементы приспособления учителей к сложившейся системе. Центральная идея выражается «я всем довольна», «я почувствовала, что мой труд кому-то нужен, что как профессионал я востребована». Подобный тип приспособления напоминает трактовку Р. К. Мертона, когда им описываются действия рабочих, опасающихся увольнения и замораживающих производительность на определенном, не уменьшающемся и не увеличивающемся уровне, а также бюрократа, старающегося сохранить свое место[7] Подобного рода сценарий способствует проблематизации социального статуса учителя.

Четвертый — «дезорганизаторы и девианты»: «педагогическая измена». Диапазон сценариев репрезентации социального статуса учителя варьируется от идеализированной «социально значимой группы интеллигенции, осуществляющей духовно-практическую деятельность по формированию личности»[8] до девиантности. Этот сценарий реализуется только в одном печатном региональном издании — «Столица С». В газете звучит тема взяточничества, коррупции среди учителей (выход материалов зависит от времени учебного года), причем материалы проходят под рубрикой «Только у

нас». Можно обнаружить проявления социальной дезорганизации, относящиеся к девиантному поведению, суть которых локализована в названиях заголовков: «Убить классноху», «Педагогическая измена», «Роман с училкой».

Необходимо отметить, что границы сценариев достаточно подвижны. Возможности поддержания и «поднятия» социального статуса учителя в настоящее время значительно расширились за счет мер в области образования, инициируемых на федеральном уровне посредством Национального проекта и региональном (ежегодные премии Главы РМ творческим и талантливым учителям школ, муниципальные проекты в области образования). Помимо объективных условий социального статуса учителя значительную роль выполняют СМИ, не только формирующие образ, но конструирующие отношение к нему, следовательно, и социальный статус учителя. В связи с этим необходимы изменения в коммуникационной политике региона и привлечение ресурсов, позволяющих избавиться от некоторых «краеугольных камней», рассогласовывающих объективные условия с субъективными в процессе формирования социального статуса учителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 07-03-23301 а/В).

[2] Социальный статус и социальная защита работников образования // Подпроект. Департамент образования Ярославской области, 2005.

[3] Специальная межправительственная конференция о статусе учителей. Париж. 21 сентября — 5 октября 1966 г. Париж, 1966. ст. 1.1-1.2.

[4] *Парсонс Т.* Система современных обществ М., 1998. С. 27.

[5] См.: *Стародубцева Л. В.* Динамика социального статуса педагогов (на примере Республики Мордовия). Автореф. ... канд. социол. наук. Саранск, 2003.

[6] См.: *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993. С. 18.

[7] См.: *Мертон Р. К.* Социальная структура и аномия // Социол. исслед. 1992. № 3. С. 104—114.

[8] *Зиятдинова Ф. Г.* Социальное положение и престиж учительства: проблемы, пути решения. М., 1992. С. 31.

Поступила 17.07.07.

Н. Х. МУГИНОВА

БЫТ КАК ФАКТОР КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКОГО УЧИТЕЛЯ

Развитие общественной системы России и других стран в последние два-три десятилетия характеризуется тем, что категории «качество» и «качество жизни» становятся одними из наиболее актуальных исследовательских проблем, так как человечество стало задумываться о приоритетных целях и принципах своей жизнедеятельности.

В условиях перманентного реформирования системы образования, недостаточной материально-технической оснащенности образовательного процесса, сложного материального положения и слабой социальной защищенности государственных образовательных учреждений, в первую очередь, учителей общеобразовательных школ, наиболее остро стоит проблема взаимосвязи быта учителя и качества его трудовой деятельности, имея в виду при этом, что именно учитель формирует будущее общества, его потенциальные возможности. Уровень и качество жизни учителя напрямую влияют на успешность реализации общеобразовательной политики в городе и сельской местности.

Обратившись к данным социологического исследования, проведенного в г. Набережные Челны (выборка составила 343 чел.), необходимо подчеркнуть, что в настоящее время городское учительство находится в стесненных материальных условиях. Так, учителями отмечается низкий уровень собственной материальной обеспеченности, не позволяющий удовлетворить потребности жить более или менее обеспеченно. В первую очередь это отражается на обеспеченности продуктами питания. Так, около 20 % опрошенных городских

МУГИНОВА Назира Халитовна, старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Набережно-Челнинского филиала Академии управления «ТИСБИ».

учителей потребляют лишь самый необходимый набор продуктов питания; 21,5 % — самое необходимое плюс молочные и мясные продукты; около 50 % — пользуются более широким ассортиментом продуктов питания; только 8,2 % исследуемых ни в чем себе не отказывают. Таким образом, большая часть опрошенных учителей не имеют возможности обеспечить себя и свою семью разнообразным и качественным, полноценным питанием, что не способствует формированию и поддержанию здорового образа жизни городского учительства. Состояние неудовлетворенности качеством питания связано с отсутствием возможностей приобретения продуктов высокого качества и по более высоким ценам.

Аналогичная ситуация имеет место и по отношению к расходам на одежду и обувь. Расходы на одежду и обувь занимают значительную часть годового дохода учителя. Так, у 38 % опрошенных городских учителей они составляют до 25 % годового дохода, у 25 % — от 25 до 50 %. Около 13 % респондентов отметили, что расходы составляют от 50 до 75 % годового дохода, а у 8 % — свыше 75 %.

Таким образом, результаты проведенного исследования дают основание заключить, что в настоящее время городской учитель не может позволить себе приобрести значительную часть необходимых товаров, он находится в стесненных в финансовом отношении условиях, постоянной экономической зависимости от своей заработной платы как основного источника дохода. Такая ситуация не способствует полноценному образу жизни и творческой деятельности учителя, активизации возможностей его профессионального роста, совершенствованию и профессиональной самореализации в труде.

Следует отметить, что в общей структуре доходов современного городского учителя заработная плата занимает доминирующее место. Так, лишь у 12 % опрошенных она достигает 25 % от общего уровня дохода, 31,3% отмечают, что в их бюджете заработная плата составляет от 25 до 50 %, 27,6% — от 50 до 75 %, свыше 75 % бюджета — у 12,4 % опрошенных городских учителей. Это еще раз свидетельствует, что городской учитель всецело зависит от размера своей заработной платы.

К числу важнейших социальных факторов качества жизни городского учителя относятся наличие у него свободного времени и качество его проведения. По результатам ис-

следования, большинство из опрошенных из числа тех, кто старше 35 лет, среди основных занятий в свободное время назвали чтение газет, книг, просмотр телепередач, работу в саду. Для учителей молодого возраста основными занятиями в свободное время стали посещение дискотек и клубов, выставок, занятия спортом, встречи с друзьями. Именно эти факторы наиболее важны с точки зрения социологического подхода к исследованию качества трудовой деятельности. Важно отметить, что в этом аспекте выбор форм проведения досуга городским учителем не широк. Ограниченность форм проведения досуга также зависит от уровня доходов учительства, размеры которых не позволяют более интересно и насыщенно проводить свободное время.

Показательно, что бытовые условия городских учителей для профессиональной деятельности остаются на уровне минимального благополучия. Например, около половины (41,3 %) учителей не имеют специально отведенного или рабочего места дома. Отсутствие нормальных условий профессиональной деятельности сказывается на уровне подготовки к занятиям, снижает стремление к повышению профессиональной подготовки, не способствует росту профессиональной компетентности.

Результаты исследования показали, что у современного городского учителя нет профессионально укомплектованной домашней библиотеки. Большинству из них при подготовке к занятиям приходится обращаться в библиотечный фонд. Так, у значительной части учителей (46,8 %) в личной библиотеке менее 100 книг, в лучшем случае от 100 до 300 книг (32 %). От 300 до 500 учебников имеется лишь у 10% городских учителей.

В целом анализ исследования бытовых условий с точки зрения возможности работать над повышением профессионального мастерства, знаний и т. п. в общей структуре качества трудовой жизни городского учителя демонстрирует, что учитель сегодня из-за низких доходов находится в состоянии материальной зависимости, в первую очередь, от системы образования. Это, в свою очередь, зависит от государственной и региональной политики в сфере образования.

Бытовая сторона жизни современного учителя организована плохо. В сложившихся условиях для учителя трудно

найти личностно-оптимистическую мотивацию для продолжения работы в сфере образования. К сожалению, условия быта городского учителя имеют множество внутренних недостатков, выступающих в роли негативных факторов, тормозящих развитие трудового, в том числе и творческого потенциала педагога. Ситуация усложняется неуклонным снижением уровня и качества трудовой жизни основной массы городских учителей, что ведет к текучести кадров. Все это требует принятия радикальных мер по ее регулированию и оптимизации, ибо грозит в ближайшем будущем обернуться еще большими проблемами сферы общего образования и функционирования общества в целом.

Поступила 23.10.07.

М. Н. РЕУТ

СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Одна из концепций социальной защиты связана с идеей независимой жизни, рассматривающей человека и его проблемы в свете гражданских прав, а не с точки зрения личностных и социальных трудностей, ориентированной на устранение физических и психологических барьеров в окружающей среде с помощью специальных служб, методов и средств[1] В контексте адаптации независимая жизнь, в нашем понимании, представляет собой самореализацию инвалида, наличие альтернатив и возможности выбора, который человек может сделать, например, с помощью системы социальной защиты. Критерием независимости, где имеют важное значение достоинство, самостоятельность, инициатива человека, должно быть качество жизни инвалида в условиях предоставляемой помощи, а не степень его дееспособности и самостоятельности в ее отсутствии. Одним из наиболее эффективных является гуманистический подход, согласно которому для нормального существования, предполагающего формирование высокой самоценности человека, необходимы активизация внутренних ресурсов позитивного развития личности, гуманность и возможность выбора.

Отсутствие результативной системы социальной защиты выработало у многих инвалидов сознание своей второсортности и неполноценности. Это не только унижает достоинство человека, вызывает чувство бессилия, но и ограничивает возможность самозащиты.

Самозащита личности или группы осуществляется с помощью комплекса механизмов, учитывающих особенности

РЕУТ Маргарита Николаевна, заведующая кафедрой коррекционной педагогики Института повышения квалификации работников образования Республики Татарстан, кандидат социологических наук.

постоянно меняющихся условий их жизнедеятельности. Основным механизмом преодоления социально-психологических препятствий в социальной самозащите должно стать повышение социальной адаптивности инвалидов. В основе самозащиты личности лежит самопомощь. Под ней мы имеем в виду активное участие индивидов в решении собственных проблем, преодолении сложных жизненных ситуаций; совокупность социально-экономических, социально-психологических, социально-педагогических средств, используемых отдельными гражданами или группой для поддержания достойных условий своего существования, преодоления трудной жизненной ситуации, оптимизации собственной социальной активности.

Процесс более полного контроля над своей жизнью, за теми видами социальных услуг, которые предоставляются государством, носит название активизация. Этот термин в буквальном смысле обозначает помощь в развитии самопомощи, практику, стимулирующую самостоятельную реализацию собственных ресурсов. Целью активизации является наделение объектов воздействия полномочиями, властью, уверенностью в своих силах, способностью отстаивать свое право самостоятельно определять и решать свои проблемы имеющимися личностными и социальными ресурсами и в целом контролировать свою жизнь; дать индивиду по возможности максимум автономии, т. е. возможно большую степень ответственности за принимаемые им решения и осуществляемые им действия.

Однако большинство специалистов по социальной работе считают, что необходимо создать условия, благодаря которым человек может сам контролировать свои жизненные ситуации, т. е. реализовать собственные силы и права. Основная задача социального работника в этом отношении состоит в построении отношений с клиентом, способствующих повышению его способности контролировать свои жизненные обстоятельства. Данную точку зрения разделяет Ф. Парслоу, которая приходит к выводу, что развитие принципа активизации — это, по большей части, проблема установок и отношений клиента и социального работника. Люди не могут вдруг перейти от подавленности, угнетенности к уверенности и полноценной реализации собственных сил. Для индивидов, группы или сообщества имеются особые

пути к этому, и умение социального работника состоит в том, чтобы помочь выбрать наиболее доступный путь[2]. В практике социальной работы западных стран отмечено появление новых видов неформальной помощи: движение групп самопомощи и групп взаимной помощи, дополняющих традиционные формы естественных источников[3]

В каждом обществе складываются свои правила трансляции социального опыта от поколения к поколению. Они упорядочивают деятельность различных институтов социализации, задают ориентиры личностного развития человека и всегда предполагают возможности самоопределения индивида, его субъектность в процессе социализации. Вместе с тем общество оказывается неприспособленным или недостаточно приспособленным для социализации определенных групп людей, имеющих нетипичное состояние физического или психического здоровья. Патерналистская модель социальной защиты снимает с людей ответственность за решение своих социальных проблем, лишая их стимула к самореализации, являясь механизмом уравнительности.

В 2007 г. проведено социологическое исследование, в ходе которого опрошены молодые люди с ограниченными возможностями и здоровые, осуществлена попытка выяснить самозащитные стратегии молодых людей с ограниченными возможностями.

При ответе на вопрос: «Как Вы считаете, зависит лично от Вас Ваш жизненный успех?» инвалиды и здоровые молодые люди сошлись во мнении, что от их активности многое зависит в жизни (57,6 и 77,8 % соответственно). Однозначно надеются на себя 39 % инвалидов и 58 % здоровых. Если среди здоровых есть доля молодых людей, которые не надеются на себя (11,6 %), то все инвалиды на собственном опыте убедились в эффективности собственных усилий. Для молодого человека с ограниченными возможностями каждый день предполагает преодоление новых проблемных ситуаций не только в обучении, но и в обычной жизнедеятельности, коммуникациях с окружающим миром.

Реализация жизненных планов, по мнению опрошенных, прежде всего зависит от ряда причин. Молодые люди с ограниченными возможностями в наибольшей степени полагаются на удачу (34,8 %), родителей (21,8) и только 14 % на достигаемый профессионализм. Здоровые более всего

рассчитывают на свой будущий профессионализм (20 %), собственную настойчивость (15,0) и удачу (13 %). Причины, связанные с собственной активностью, называют 46 % здоровых респондентов и 26,2 % опрошенных инвалидов. И те и другие мало рассчитывают на помощь друзей и государства.

Процесс социализации неразрывно связан с социальной идентификацией молодого человека. В качестве образцов для подражания представители изучаемых групп называют совершенно разных людей.

Влияние родителей на формирование личности указали 43 % молодых инвалидов и 63 % здоровых респондентов. Определенное воздействие оказывают друзья. Отмечается, что инвалиды ориентированы на конкретные, реальные, зримые и личностно значимые для них социализационные образцы — родители, родственники, учителя.

На вопрос: «Что, по Вашему мнению, означает „жить хорошо"»? инвалиды отметили хорошие жилищные условия (20,9 %), хорошую семью и детей (18,6), материальную обеспеченность (17,2), а здоровые респонденты указали материальное обеспечение (18,6), хорошую семью, детей (16,0) и хороших друзей (12 %). Жилищные условия как признак благополучия здоровыми молодыми людьми не указаны. Для инвалидов сравнительно малозначимы признаки «иметь друзей», «сделать карьеру».

Интересны результаты сравнительного анализа ответов на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, важно для достижения благополучия и успеха в жизни?». Первые места, но в разной последовательности для инвалидов и здоровых респондентов занимают: образование — 26,5 % (1 место) и 15 % (3 соответственно), деньги, удача — 20,3 % (2) и 19 % (2), здоровье, помощь родителей — 15,6 % (3) и 26 % (1). Интересно, что здоровье на первом месте у здоровых. Почти одинаково значимыми представители двух групп считают трудолюбие, добросовестное отношение к труду. Среди признаков, которые оценены по-разному: «помощь родителей», «способности, талант», «случай, удача». Признаки, зависящие от личности, выше оценены здоровыми, и, наоборот, внешние воздействия выше оцениваются инвалидами.

Итоги сравнительного анализа позволили выявить особенности социальных ориентиров молодых инвалидов. В

создании жизненных планов можно отметить определенное сходство анализируемых групп. Жизненные планы после окончания учебы: первые два места занимают признаки, связанные с трудоустройством. Различие состоит в том, что среди желающих создать свое дело инвалидов 10,6 %, а здоровых — 36 %. Продолжать учебу собираются только здоровые молодые люди. Большинство здоровых молодых людей связывают жизненный успех с получением высшего образования (61,3 %), в то время как среди инвалидов только 7,8 % однозначно позитивны в этой оценке. Каждые четверо из пяти инвалидов не смогли ответить на этот вопрос.

Мнения опрошенных о значимости собственных усилий в реализации жизненных планов разделились следующим образом: и здоровые, и молодые люди с ограниченными возможностями считают, что от их активности многое зависит в жизни (77,8 и 57,6 % соответственно). Однозначно надеются на себя 58 % здоровых и 39 % респондентов-инвалидов. Если среди здоровых есть доля молодых людей, не надеющихся на себя (11,6 %), то все инвалиды на собственном опыте убедились в эффективности собственных усилий.

При реализации жизненных планов здоровые респонденты более всего рассчитывают на свой будущий профессионализм (20 %), собственную настойчивость (15 %) и удачу (13 %). Инвалиды в наибольшей степени полагаются на удачу (34,8 %), родителей (21,8) и только 14 % полагаются на достигаемый профессионализм.

Инвалиду для успешной профессиональной реабилитации требуется помощь психолога (50,8 %), специалиста по социальной работе (34,7) и юриста (14,4 %). В трудоустройстве инвалидам в большей степени помогают государственные (62,2%), общественные (35,6) и негосударственные (2,2%) учреждения. Как видим, наибольшее доверие вызывают государственные учреждения, нежели другие.

Таким образом, результаты социологического исследования показывают, что в ряду наиболее значимых факторов социальной реабилитации инвалидов и их полноценной интеграции в общество выступает образование. Высшее образование инвалидов должно выступать логическим этапом процесса их непрерывного образования, начиная с раннего возраста. Для инвалида оно — не только возможность получения специальности, но и вариант личностной самореализации.

На становление личности инвалида решающее влияние оказывают различные социальные среды: семья, социальные институты. Наиболее важная из них — семья, где происходит первичная социализация человека.

Для расширения проблемы доступности высшего образования для инвалидов необходимо привлечение внимания широких слоев общественности, представителей администраций разных уровней, работников социальных служб, СМИ. Большую роль в этом может сыграть деятельность просветительского характера (научно-практические конференции и семинары, съезды и конгрессы по вопросам оптимизации процесса социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья; публикации научно-популярных материалов в периодической печати), организация встреч с инвалидами. Все это способствует трансформации государственной социальной политики в сторону положительных изменений в отношении лиц с ограниченными возможностями здоровья.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Кулешова Г. П.* Система социальной защиты населения в Республике Мордовия. Саранск, 2004.

[2] См.: *Парслоу Ф.* Принцип активизации в социальной работе. М., 1997. С. 16—17.

[3] См.: Энциклопедия социальной работы: В 3 т. Т. 1. М., 1993. С. 96.

Поступила 11.09.07.

Г. Б. МОИСЕЕВА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РЕГИОНЕ

На современном этапе развития страны основными направлениями социальной политики являются развитие социальной инфраструктуры, максимальный учет и согласование интересов различных социальных слоев, эффективная работа системы социальной защиты. В последнее время Президент РФ В. В. Путин, Правительство России сосредоточили свои усилия на развитии социальной сферы, уделяя пристальное внимание реализации приоритетных национальных проектов в здравоохранении, образовании, жилье.

В Пензенской области последние 5 лет успешно реализуются целевые программы развития здравоохранения, формирования здорового образа жизни, по социальной защите и поддержке различных слоев населения, повышению благосостояния людей, обеспечению жильем, развитию физкультуры и спорта, организации досуга, отдыха и туризма.

Одной из доходных и интенсивно развивающихся отраслей мирового хозяйства становится индустрия туризма. На долю туризма приходится около 10 % мирового валового национального дохода. Туризм в современном обществе оказывает существенное влияние на экономику, культуру и социальную сферу. В значительной мере туризм влияет на сохранение и развитие культурного потенциала, ведет к гармонизации отношений между различными странами и народами[1]

Развитие туризма играет значительную роль в решении социальных проблем, способствуя совершенствованию системы санаторно-курортного обслуживания населения, внедрению новых средств распространения информации и т. д.

МОИСЕЕВА Галина Борисовна, аспирант кафедры управления и социологии Пензенского государственного университета.

Принятый закон Пензенской области «Об областной целевой программе „Развитие туризма в Пензенской области на 2006—2010 годы”» от 29 октября 2005 г. № 893 — ЗПо и Постановление Правительства Пензенской области от 3 октября 2005 г. № 908-пП «Об областной программе развития туризма в Пензенской области на 2006—2010 годы» позволяют прогнозировать создание необходимых условий удовлетворения потребностей жителей региона и зарубежных граждан в туристических услугах.

Пензенская область имеет достаточный туристско-рекреационный потенциал: благополучный климат, богатый животный и растительный мир, высокий уровень хозяйственной освоенности территории, уникальные памятники истории и культуры, развитую инфраструктуру санаториев, домов отдыха и других объектов рекреации. На территории Пензенской области находятся более 200 памятников истории и архитектуры, музеи-заповедники, живописные зоны отдыха, охоты и рыболовства. Сохранились памятники садово-паркового искусства, относящиеся к XVIII—XIX вв., замечательные дворянские усадьбы. В юго-западной части области расположен известный в России государственный музей-заповедник «Тарханы», где прошли детские годы М. Ю. Лермонтова, в настоящее время он находится в прекрасном состоянии. В области находятся музей-усадьба В. Г. Белинского, мемориальный музей писателя А. Н. Радищева, расположенный в его родовой усадьбе. Уникальны Троицко-Сканов монастырь XVII в., пятиглавый Троицкий собор XVIII в., церковь Спаса-Преображения Господня, действующая Рождественская церковь XVIII в., в которой находится уникальный деревянный резной иконостас. 9 сентября 2006 г. открылся музей «Золотаревское городище» — уникальный памятник средневековой истории на территории Европы. Поселение существовало с VIII по XIII в. в верховьях р. Суры.

На территории Пензенской области находятся единственный в мире музей одной картины (г. Пенза), музей хрусталя и художественного стекла (г. Никольск), Пензенская картинная галерея им. К. А. Савицкого (г. Пенза), музей народного творчества (г. Пенза), музей сценического искусства им. В. Э. Мейерхольда (г. Пенза), музей историка В. О. Ключевского (г. Пенза), музей писателя А. И. Куприна (с. Наровчат),

музей писателя А. Г. Малышкина (р.п. Мокшан) и другие объекты историко-культурного наследия.

В области хорошо развиты народные промыслы: гончарный, изготовление глиняных игрушек, производство художественной керамики, изделий из соломки, лозаплетения, стеклянной посуды и изделий из хрусталя.

В регионе развита индустрия гостеприимства. Прием гостей осуществляют в области гостиницы «Россия», «Пенза», «Для Вас», «Ласточка», мотель в с. Рамзай Мокшанского района. Планируется строительство гостиницы на 100 мест при государственном музее-заповеднике «Тарханы», строительство базы отдыха в с. Ива Нижне-Ломовского района.

В области сформирована и развивается сеть домов отдыха и здравниц. Санатории им. В. В. Володарского, «Березовая роща», «Полесье», «Хопровские зори», им. С. М. Кирова, пансионат «Нижне-Ломовский», туристско-оздоровительный комплекс «Серебряный бор», турбаза и отель «Чистые пруды» расположены в экологически чистых районах на берегу рек, озер и Сурского водохранилища.

В Пензенской области зарегистрирован и имеет право заниматься туристской деятельностью 71 хозяйствующий субъект, оказывая разнообразный спектр туристских услуг и предлагая различные виды туров.

В целом Сурский край обладает большим потенциалом в организации оздоровительных, познавательных, религиозных, спортивных и других туров, имеет возможность предложить населению Пензенской области и гостям качественные условия отдыха. Таким образом, важнейшие составные части развития сферы туризма: природно-рекреационный и историко-культурный факторы, включающие в себя деятельность по созданию и совершенствованию в регионе современного эффективного и конкурентоспособного туристского комплекса, обеспечивающего оптимальные возможности удовлетворения потребностей жителей региона, российских и иностранных граждан в туристско-экскурсионных услугах, имеются.

Исследуя возможности развития туризма в Пензенской области, нами использовалась методика Института общественного проектирования и компании Romir monitoring[2] Из 500 респондентов, принявших участие в анкетировании, 150 — студенты вузов г. Пензы, 50 — государственные и муниципальные служащие, 100 — предприниматели сферы

торговли, 100 — работники муниципальных учреждений здравоохранения, 100 — работники сферы культуры и образования.

Из числа опрошенных 81 % раз в год бывает в отпуске, 2 % — более двух раз, 17 % — один раз в несколько лет. Это позволяет сделать вывод, что у 83 % опрошенных работодатели выполняют трудовое законодательство РФ, правомерно строят социально-партнерские отношения с работниками.

Результаты опроса свидетельствуют, что 25 % респондентов предпочитают отдыхать в кругу семьи, 51 % — с друзьями, 24 % — в одиночку. Во время отдыха наибольшую ценность приобретает отдых на природе (49 %), веселая компания (23 %), интересные экскурсии (21 %), иное (7 %).

Большинство опрошенных предпочитают рекреационный и экскурсионный туризм; 20 % предпочитают отдыхать на природе, 20 % — на даче. Это относится к возрастной группе от 30 до 50 лет и старше. 13 % предпочитают отдых на юге РФ, 5 % — за границей, что позволяет сделать вывод о скромных возможностях в плане материальной обеспеченности респондентов. 41 % опрошенных предпочитает во время отпуска отдыхать дома, что характерно для возрастной категории от 40 лет и старше.

В период отпуска и отдыха 49 % опрошенных своей целью ставят укрепление здоровья, 25 % — экскурсии, 23 % — побыть в кругу семьи, 3 % — иное; т. е. большинство подтверждают тенденцию приоритета экскурсионного и рекреационного видов туризма.

Во время отдыха 32 % опрошенных предпочитают полный сервис, 49 % — минимальный, т. е. оплачивается лишь то, что вызывает действительную потребность, 19 % — иное. Это позволяет сделать вывод о дальнейшей необходимости развития материальной базы и инфраструктуры туризма в регионе.

Учитывая современную экономическую ситуацию, диктующую необходимость повышения эффективности социальной политики, решать конкретные задачи в социальной сфере предстоит органам государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления, исходя из местных условий, демографической ситуации, финансовых возможностей, национальных и культурных традиций населения.

Таким образом, проведенный анализ туристского потенциала Пензенской области, опрос различных социальных групп населения г. Пензы, реализация принятой областной целевой программы «Развитие туризма в Пензенской области на 2006—2010 годы» позволяют сделать выводы, что в регионе есть все необходимые предпосылки создания правовых, экономических и организационных условий развития конкурентоспособной на российском уровне индустрии туризма, удовлетворения потребности населения, российских и зарубежных граждан в туристско-рекреационных услугах, активном и полноценном отдыхе, укреплении здоровья, приобщении к культурным ценностям, сохранения исторического наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации» Федеральный закон от 26 ноября 1996 г. № 132–ФЗ / Собр. законодательства РФ. 1996. № 49.

[2] См.: *Попов Н.* Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества // «Эксперт». 2006. № 31. С. 680.

Поступила 23.07.07.

О. В. ИЖБУЛАТОВА

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ РЕГИОНА

Кадровый потенциал организации — основа формирования кадровой стратегии предприятия. Понятие кадрового потенциала, или потенциала персонала, связано с подразделениями и организацией в целом. Категория «кадровый потенциал» не идентична категории «кадры», так как под кадрами понимается совокупность работников разных профессий и специальностей, уровень их подготовки и образования. В это понятие включается не только собственно кадры, но и определенный уровень совместных возможностей кадров для достижения заданных целей. Кадровый потенциал организации зависит от потенциалов кадров организации, но не является их суммой. Он обладает свойством целостности, принципиально отличным от свойств, присущих потенциалу каждого работника в отдельности[1]

ОАО «Рузхиммаш» — одно из крупнейших в стране производителей железнодорожных вагонов-цистерн, оборудования для нефтяной, газовой, химической и многих других отраслей промышленности. В связи с большим выпуском номенклатуры изделий ОАО «Рузхиммаш» трудно отнести к какой-либо одной. Благодаря рациональной организации производства, профессионализму управленческого персонала, грамотному руководству, высокой квалификации рабочих и налаженным связям с предприятиями различных отраслей «Рузхиммаш» уверенно чувствует себя в условиях быстро меняющегося хозяйствования.

На предприятии постоянно идет работа по обучению персонала, повышению его квалификации.

ИЖБУЛАТОВА Ольга Валентиновна, ассистент кафедры производственного менеджмента Рузаевского института машиностроения Мордовского государственного университета.

В связи с тем, что ОАО «Рузхиммаш» наращивает производственные мощности, происходит постоянное наращивание численности работающих. В 2005 г. численность промышленно-производственного персонала составила 5 292 чел.[2] Наибольшее увеличение численности произошло в период с 2003 по 2004 г. Увеличилась численность руководителей, специалистов и служащих, что связано с внедрением новой техники и расширением производственных мощностей.

На предприятии востребовано несколько десятков рабочих специальностей. Набор осуществляется из числа только что окончивших специальные учебные заведения, а также тех, кто имеет соответствующий стаж работы. На завод можно поступить учеником и получить профессию при условии, что поступившему исполнилось 18 лет. Следует отметить, что на предприятии осуществляется активный набор учеников. Это свидетельствует о том, что в последние годы на ОАО «Рузхиммаш» уделяется большое внимание молодым специалистам и обучению кадров.

Практика управления персоналом свидетельствует, что наиболее эффективными оказываются смешанные половозрастные рабочие группы и трудовые коллективы. Чисто мужской или женский коллектив нередко продуцирует конфликты „на ровном месте", без серьезных причин и поводов. Аналогично обстоит дело и с рабочими группами, состоящими из людей одного возраста. Возникающие при этом совпадения целей, интересов, методов работы затрудняют поиск альтернативных моделей поведения и подчас способствуют углублению конфликтов. Работники, относящиеся к одной и той же половозрастной группе, с большой долей вероятности оказываются и на одном и том же этапе карьеры, что порождает соперничество. При умелом руководстве такую ситуацию можно обратить во благо организации, так как каждый сотрудник будет стремиться к наивысшим трудовым результатам.

Одной из характеристик персонала предприятия является показатель стабильности количественного состава сотрудников. Стабильность персонала принято характеризовать долей лиц, работающих продолжительный срок на данном предприятии, в общей численности сотрудников. Следует отметить снижение стабильности сотрудников, проработавших на ОАО «Рузхиммаш» более 10 лет.

Исследование кадрового потенциала предприятия предполагает оценку квалификационной структуры занятых на предприятии. Отмечается положительная динамика численности сотрудников квалификационного и высококвалифицированного труда. Однако пока рост численности сотрудников, имеющих низкую и среднюю квалификацию, опережает динамику развития высококвалифицированного персонала.

По сравнению с 2003 г. численность обучающихся выросла на 160 %. Это объясняется созданием новых отделов, которые необходимо обеспечить высококвалифицированными специалистами. Необходимо также отметить значительный удельный вес рабочих, прошедших подготовку, переподготовку и повышение квалификации.

Недостаток организации процесса повышения квалификации руководителей и специалистов ОАО «Рузхиммаш» — отсутствие компьютерных обучающих программ и видеоматериалов. Поэтому после прохождения курсов повышения квалификации полученные знания без практического использования через определенное время забываются, затраты на обучение не окупаются.

В целом, характеризуя процесс подготовки, переподготовки и повышения квалификации рабочего и управленческого персонала в ОАО «Рузхиммаш», можно сделать вывод, что предприятие постоянно готовит специалистов, исходя из реальных потребностей производства, необходимости внедрения новой техники и технологий.

На основании плана подготовки и повышения квалификации кадров составляется план-смета подготовки и повышения квалификации персонала. Финансирование этого направления деятельности обеспечивается за счет средств, включаемых в себестоимость выпускаемой продукции, а также прибыли предприятия. Анализ данных ОАО «Рузхиммаш» позволяет отметить тенденцию увеличения общих расходов на обучение персонала в год. В 2005 г. затраты на подготовку составили 51,2 тыс. руб. Увеличение общих расходов в течение 2003—2005 гг. объясняется увеличением численности обучающихся на заводе. Затраты на обучение на одного человека составляют 30 руб. в год. Это, безусловно, недостаточная сумма расходов на подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров.

Как было отмечено, повышение уровня подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров ведет к росту

эффективности производительности труда. Поэтому вполне продуктивной, на наш взгляд, будет попытка определения влияния повышения квалификации рабочих ОАО «Рузхиммаш» на рост производительности труда. Рассчитать возможный рост производительности труда рабочих в следствие повышения уровня их квалификации позволяет формула

$$П_р = (Р_{ск} - Р_{сн}) \times И \times У \times 100,$$

где $П_р$ — рост производительности труда в следствие повышения квалификации рабочих;

$Р_{ск}$, $Р_{сн}$ — средний разряд рабочих соответственно на начало и конец года;

$И$ — разность между тарифными коэффициентами в том интервале, в котором происходит повышение тарифного разряда;

$У$ — удельный вес рабочих, повысивших квалификацию, в общей численности промышленно-производственного персонала

$$П_{р2003} = (4,3 - 4,0) \times 0,4 \times 0,99 \times 100 = 11,9\ \%,$$
$$П_{р2004} = (4,5 - 4,3) \times 0,4 \times 0,93 \times 100 = 7,4\ \%,$$
$$П_{р2005} = (4,9 - 4,5) \times 0,4 \times 0,96 \times 100 = 15,4\ \%.$$

Из произведенных расчетов видно, что наибольшего роста производительности труда в связи с повышением квалификации рабочих кадров предприятие достигло в 2005 г. Таким образом, в ОАО «Рузхиммаш» осуществляется непрерывный процесс обучения, используются все его виды: подготовка, переподготовка, обучение смежным профессиям и повышение квалификации персонала, но планы подготовки на предприятии составляются пока без учета будущих потребностей производства.

Мотивационный механизм подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников, применяемый на предприятии, действует на основе Положения о материальном стимулировании по ОАО «Рузхиммаш». Положение устанавливает виды (материальные и моральные) стимулирования персонала к обучению. Они взаимозависимы и дополняют друг друга, для каждой категории персонала завода (руководители, специалисты, служащие, рабочие) разработаны отдельные положения мотивации к обучению.

Заказ № 6759

На заводе присваиваются звания и устанавливаются доплаты за профессиональное мастерство руководителям, специалистам и служащим, повысившим свою квалификацию. В целях повышения уровня профессионального мастерства и материальной заинтересованности руководителей, специалистов и служащих в результатах труда вводятся звания: «Профессионал Высшей категории», «Профессионал I категории», «Профессионал II категории», «Профессионал III категории» с установлением доплаты за профессиональное мастерство. Эти звания присваиваются на один год, что стимулирует сотрудников к необходимому повышению квалификации.

Условиями присвоения званий являются стаж работы (для Высшей категории — не менее 5 лет, I категории — не менее 3 лет, II категории — не менее 2 лет, III категории — не менее 1 года); выполнение всех заданий, приказов, распоряжений; исполнительность; выполнение требований действующей системы качества; соблюдение высокой культуры производства; прохождение учебных курсов; соблюдение технологической дисциплины, качества работы в подразделении; соблюдение правил внутреннего трудового распорядка. Доплата за профессиональное мастерство устанавливается ежемесячно. Для «Профессионала Высшей категории» 20 % увеличение коэффициента по начислению заработной платы, «Профессионала I категории» — 15 %, «Профессионала II категории» — 10 %, «Профессионал III категории» — 5 %. Такая система мотивации положительно влияет на сотрудников, результаты учебного процесса и производительность труда.

Для оценки мотивационного механизма подготовки и повышения квалификации сотрудников ОАО «Рузхиммаш» опрошено 1 600 чел., из которых 200 — специалисты и руководители, 1 400 чел. — рабочие. Результаты опроса представлены в таблице.

Из данных таблицы видно, что материальное стимулирование превалирует над моральным. Разрыв между ними сокращается: в 2003 г. он составил 82 %, 2004 г. — 70 %, 2005 г. — 52 %. Это говорит о возрастании роли морального стимулирования персонала к обучению.

Таблица

Значение морального и материального стимулирования персонала к обучению в ОАО «Рузхиммаш», %

Виды стимулирования	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Материальное стимулирование:	91	85	76
А) повышение зарплаты	50	38	36
Б) выплата премии	35	40	34
В) привязка зарплаты к результатам	6	7	6
Моральное стимулирование:	9	15	24
А) взаимоотношения с руководством	6	10	18
Б) взаимоотношения с коллегами	3	5	6
Итого	100	100	100

Недостатками мотивационного механизма подготовки, переподготовки и повышения квалификации персонала завода являются неразвитость нематериального стимулирования (социальных программ) и морального механизма стимулирования руководителей к обучению.

Намечая перспективы развития, важно моделирование основных параметров изменения масштабов и структуры внутреннего спроса на труд. Организация может и должна корректировать и предложение труда, исходящее от уже нанятых работников. Практически каждый сотрудник организации, вовремя осведомленный о предстоящих в рамках фирмы инновациях, примет осознанное решение о необходимости своего профессионального развития. Стремление работника к сохранению статуса занятого будет подталкивать его к адекватной реакции на изменение внутрифирменного спроса на труд. Наиболее гибкие сотрудники смогут заблаговременно приобретать те знания, умения и навыки, которые в перспективе будут востребованы на внутреннем рынке труда. Администрация может воздействовать на структуру внутриорганизационного предложения труда путем разработки и реализации собственной кадровой политики, а в ее рамках программ развития персонала, включающих повышение квалификации, переподготовку и обучение смежным профессиям, освоение принципиально новых видов деятельности, нужных в связи с изменением или усложнением профиля организации.

Критерием оптимальности структуры персонала ОАО «Рузхиммаш» стало соответствие численности работников различных должностных групп объемам работ, необходимых для выполнения каждой должностной группой, выраженным в затратах времени. Структура (состав подразделений предприятия) и численность штатов (наименование должностей и их число по подразделениям) закрепляются специальным документом. Он оформляется на общем бланке предприятия, подписывается заместителем руководителя предприятия, визируется главным бухгалтером, начальником отдела кадров и утверждается генеральным директором.

Следует отметить, что на предприятии значительное число лиц, имеющих высшее (1 074 чел.) и среднее специальное образование (3 000 чел.). Стаж работы от 5 до 10 лет имеют 32 % работников предприятия. Это говорит о том, что треть персонала имеет определенный опыт и навыки работы.

Таким образом, персонал ОАО «Рузхиммаш» обладает значительным потенциалом, который складывается из потенциала общего руководства (характеризуется высоким уровнем знаний и пониманием ситуации, умением выявлять и решать проблемы, в том числе в критических условиях, готовностью к риску и т. п.); психологического потенциала, характеризующегося благоприятным морально-психологическим климатом, стабильностью отношений; творческого потенциала коллектива, отражающего его способность реагировать на изменения, предлагать альтернативы, стремление к поиску, предприимчивость, использование прогрессивных методов работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Беляцкий Н. П.* Управление персоналом. Мн., 2003.

[2] Здесь и далее приводятся статистические данные ОАО «Рузхиммаш» г. Рузаевка.

Поступила 19.12.06.

С. М. КУЛЕШОВ

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА ОФИЦЕРОВ РОССИЙСКИХ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ

Современные процессы, происходящие в российском обществе, оказывают существенное влияние на социальные институты, в том числе и Вооруженные Силы РФ, частью которых являются военно-воздушные силы (ВВС)[1] Одним из динамичных социальных процессов, характеризующих изменение личностных профессиональных характеристик человека, является профессиональная карьера индивида. Профессиональная карьера офицера российских ВВС по праву занимает одно из центральных мест в социологии вооруженных сил как составная часть социальной мобильности[2]. Это обусловлено объективными тенденциями повышения роли управления человеческими ресурсами, необходимостью создания возможностей для раскрытия профессионального и личностного потенциала офицера.

Указанные обстоятельства обусловливают необходимость и практическую значимость проведения социологического анализа феномена профессиональной карьеры офицера российских ВВС. Профессиональная карьера офицера российских ВВС фокусирует в себе комплекс взаимосвязанных вопросов ряда научных дисциплин. Среди них можно выделить социологию, менеджмент, экономику, психологию, теорию социального управления. В современных условиях становится очевидным, что только высокая конкуренция среди офицеров российских ВВС определяет стратегию достойного продвижения по службе. Профессионализм и компетентность кадровых офицеров российских ВВС — главное условие совершенствования способов деятельности, достижения положительных результатов службы[3]

Особую актуальность и научную значимость приобретает исследование основ профессиональной карьеры офицера российских ВВС для раскрытия механизмов реализации потенциала профессионализма в условиях трансформации

КУЛЕШОВ Сергей Михайлович, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского, подполковник (г. Москва).

российского общества в целом и его военной организации в частности. Построение профессиональной карьеры офицера российских ВВС невозможно без соответствующих изменений личности офицера, нового взгляда на систему мотивации, на основе которой разворачивается деятельность офицера, реализуется личность.

Таким образом, профессиональная карьера представляется многогранным и многоаспектным объектом исследования, в котором интегрируются основные положения нескольких научных дисциплин. Анализ профессиональной карьеры российских офицеров, дислоцируемых в различных регионах страны, позволяет выделить ее в качестве объекта социологического исследования, результаты которого могут служить основой для принятия управленческих решений по оптимизации и регулированию профессиональной карьеры, послужить базой продолжения исследования карьерных процессов в современном российском обществе.

Под профессиональной карьерой офицера российских ВВС мы понимаем социальный процесс последовательной, преимущественно вынужденной смены офицером его профессионально-должностных ролей, статусов, видов деятельности, выражающихся в определенных воинских должностях, обеспечивающих максимальное удовлетворение потребностей офицера в процессе его службы в ВВС. При этом смена видов деятельности обусловливается уровнем образования офицера и состоянием его здоровья.

Успешность любого вида деятельности предполагает наличие высоких положительных результатов. Это в полной мере касается профессиональной карьеры офицера российских ВВС. Поиск основных показателей успешности профессиональной карьеры офицеров российских регионов и их анализ вошел в предметное поле социологического исследования, проведенного в 2004—2007 гг. в частях и учреждениях российских ВВС, дислоцируемых в различных регионах Российской Федерации.

При проведении экспертного опроса для выявления основных показателей успешности профессиональной карьеры предполагалось опросить старших офицеров среднего уровня руководства частей и учреждений российских ВВС. Экспертную группу составили 164 офицера, из них 24,4 % — полковники, 29,1 % — подполковники, 46,5 % — майоры.

Результаты экспертного опроса показывают, что около 80 % опрошенных хорошо знакомы с проблемами профессиональной карьеры офицера российских ВВС. Почти каждый пятый из опрошенных (17,4%) показал среднюю степень знакомства с проблемой и лишь 3,5% опрошенных оценили степень своего знакомства с проблемами профессиональной карьеры ниже средней.

При исследовании экспертных оценок важности показателей успешности профессиональной карьеры офицера российских ВВС использовался их математико-статистический анализ. Среди этих показателей выделялись (в скобках указаны значения весового коэффициента p и ранга R): наличие необходимых средств, обеспечивающих безбедное существование после увольнения из рядов ВС (p = 0,887; R = 1); удовлетворенность выполняемой служебно-профессиональной деятельностью (p = 0,883; R = 2); наличие собственной квартиры, полученной от Министерства обороны (p = 0,879; R = 3); достижение высочайшего профессионализма в рамках конкретной военно-учетной специальности (p = 0,876; R = 4); достижение авторитета, признания, уважения со стороны сослуживцев (p = 0,842; R = 5); занятие высокого должностного положения, обеспечивающего влияние на принимаемые решения на уровне вида ВС (p = = 0,754; R = 6); наличие наград (поощрений) за достигнутые успехи в профессиональной подготовке за время службы (p = 0,598; R = 7); наличие необходимых связей, обеспечивающих решение любых вопросов (p = 0,595; R = 8); занятие должностного положения, обеспечивающего дополнительные источники дохода (p = 0,527; R = 9).

Анализ феномена профессиональной карьеры офицеров ВВС позволяет выявить их карьерную ориентацию по качественным критериям. В качестве таковых выделяются: тип карьеры, ориентированный на воинское звание (52 %); воинскую должность (31 %); место службы (17 %).

Таким образом, результаты социологического исследования профессиональной карьеры офицера российских ВВС в современных условиях позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, механизм движения офицера российских ВВС к вышестоящим должностям тесно связан с механизмом социальной мобильности, в частности, с ее вертикальной составляющей. Во-вторых, в зависимости от перспективной

цели, на которую направлены усилия офицера по служебно-должностному перемещению, можно выделить несколько типов профессиональной карьеры, ориентированных на воинское звание, должность и место службы.

Исследование показало, что наиболее распространенным типом профессиональной карьеры офицера российских ВВС в современных условиях является тип, ориентированный на воинское звание (52 %).

В-третьих, показатели успешности профессиональной карьеры офицера российских ВВС имеют иерархию. На первых местах расположены показатели материального благополучия после завершения профессиональной карьеры и удовлетворенность выполняемой служебно-профессиональной деятельностью.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что большинство офицеров российских ВВС стремится удовлетворить собственные потребности в материальном и моральном аспектах. Одним из основных механизмов реализации этих потребностей и выступает профессиональная карьера.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Гуманитарные аспекты строительства Вооруженных Сил / Под общ. ред. В. П. Суставова. М., 1997. С. 4.

[2] См.: *Пыханов Ю. В.* Социальная мобильность офицерского состава в условиях реформирования Вооруженных Сил: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1999.

[3] См.: *Маркова А. К.* Психология профессионализма. М., 1998.

Поступила 26.09.07.

А. П. ЦЫБУСОВ,
О. А. ЗУЕВА,
Ю. А. БОРОДКИНА

ПРОБЛЕМА НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ У РОССИЯН ЗДОРОВЬЕСОХРАНЯЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Здоровье населения любой страны является определяющим фактором национальной безопасности, отражением уровня благополучия и стабильности общества. Ежегодные государственные доклады о состоянии здоровья свидетельствуют о кризисной ситуации в здоровье россиян. В связи с этим улучшение общественного здоровья, в частности — его демографических элементов, стало одной из главнейших задач государства. На исправление сложившейся ситуации и направлен приоритетный национальный проект «Здоровье».

Общественное здоровье определяется комплексом факторов, среди которых наиболее значимый — поведение граждан, которое сегодня по существу формирует кризисную демографическую ситуацию. Высокая смертность от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, огромное число смертельных исходов от несчастных случаев, травм и отравлений, широкое распространение сахарного диабета 2-го типа, нарушений мозгового кровообращения, заболеваний, передающихся половым путем, многочисленные аборты при доступных современных методах контрацепции — все это свидетельствует о пренебрежительном отношении граждан к своему здоровью.

Возникновение и течение этих заболеваний определяются не состоянием медицинского обслуживания, а поведением людей. Более того, мировой опыт свидетельствует, что коррекция поведения людей в части сохранения своего здоровья изменяет уровень смертности, заболеваемости, продолжительности жизни в лучшую сторону. Такой опыт имеется

ЦЫБУСОВ Алексей Петрович, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Мордовского государственного университета, кандидат медицинских наук.

ЗУЕВА Оксана Александровна, клинический ординатор кафедры госпитальной терапии Мордовского государственного университета.

БОРОДКИНА Юлия Александровна, клинический ординатор кафедры акушерства и гинекологии Российского университета дружбы народов.

и в России. Изменение только одного элемента поведения граждан в 80-е гг. XX в. (ограничение потребления алкоголя) в кратчайший для демографических процессов период привело к улучшению общественного здоровья.

Во всех цивилизованных, экономически развитых странах имеются механизмы стимулирования здоровьесохраняющего поведения. Это отсроченный листок нетрудоспособности, участие в формировании средств обязательного медицинского страхования, официальное участие в оплате медицинских услуг и др. У россиян нет экономических стимулов сохранения своего здоровья. В российских медицинских и социальных программах основное внимание уделяется больным и инвалидам, т. е. не реализуется принцип первичной профилактики.

На медицинском факультете Мордовского государственного университета в течение ряда лет проводится научно-исследовательская работа по изучению поведения граждан в аспекте сохранения и улучшения здоровья. Нами проведено анкетирование 1 271 чел. в возрасте от 16 до 75 лет, находившихся на стационарном лечении в медицинских учреждениях г. Саранска: 46 % опрошенных — мужчины, 54 % — женщины.

Результаты опроса показали, что свой распорядок дня считают правильным 18 % респондентов, исключительно неправильным — 11 %, хотели бы кое-что в нем изменить — 71 % опрошенных. Ежедневно занимаются физической культурой только 8 % респондентов, не реже 1—2 раз в неделю — 17 %, нерегулярные физические нагрузки имеются у 41 %, у 34 % таковые отсутствуют.

Полученные результаты свидетельствуют, что большинство граждан (69 %) питаются нерегулярно (реже 3-х раз в день), регулярное питание (3—4 раза в день) отмечает 31 % опрошенных. Выявляется достаточно большой удельный вес любителей мучных, жирных и острых блюд (37 %), в то время как овощи и фрукты предпочитают лишь 8 %, кисломолочные продукты — 11 %, предпочитают мясные и рыбные блюда 44 %. После еды 93 % респондентов чувствуют себя сытыми, 3 % — объевшимися и 4 % — слегка голодными.

Курящими оказались 38 % опрошенных мужчин и женщин, бросили курить 11 % респондентов, никогда не курили — 51 %. Из курильщиков 51 % выкуривает 1 пачку

сигарет в день, 17 % — более пачки, 32 % — менее пачки. Алкогольные напитки употребляют один раз в месяц 46 % респондентов, один и более раз в неделю — 39 %, не употребляют совсем — 5 %. Для 6 % опрошенных алкоголь, по их мнению, фактор, способствующий быстрой ликвидации утомляемости. Наркотики употребляли или употребляют 5 % респондентов.

Свое здоровье оценили как хорошее 30 % респондентов, как удовлетворительное (т. е. болеют до 3-х раз в год) — 56 % и как плохое и очень плохое (болеют 3 и более раз в год) — 14 %. Более половины (51 %) опрошенных считают, что их образ жизни определяется их поведением, 21 % — работой, 17 % — обстановкой в семье и 11 % — случайными обстоятельствами.

Анализ ответов больных, находящихся в стационарных лечебных учреждениях, выявил, что наибольшую их часть составляют лица с обострением хронической патологии (52 %), для 9 % причиной госпитализации явилось острое заболевание и травма, 14 % опрошенных обратились для проведения более углубленного обследования и 8 % — для последующего оформления инвалидности. При этом 16 % больных обратились в больницы сами, 47 % — направлены поликлиникой и 37 % — доставлены скорой помощью. Кроме того, отмечается поздняя обращаемость за медицинской помощью. Так, у 47 % опрошенных от момента начала острого или обострения хронического заболевания прошло от 1 до 7 дней, у 17 % — более недели, а у 12 % — более месяца и только 9 % обратились за помощью в первые часы заболевания.

При ухудшении самочувствия никуда не обращаются за медицинской помощью 23 % опрошенных, 5 % обращаются в аптеку за лекарствами, которые выбирает работник аптеки, 7 % — к знакомому врачу, 23 % бывают на приеме у врача, когда нужна медицинская справка, или для прохождения профилактического медицинского осмотра. Без назначения врача принимает лекарственные препараты 41 % респондентов, по совету друзей — 6 %, по рекомендации рекламы —12 %, по рекомендации работника аптеки — 5 % и по своему усмотрению — 18 %. После назначения лечения 68 % опрошенных выполняют только половину рекомендаций врача, а 3 % никогда не следуют назначениям доктора.

Занимаются сексом каждый день — 2 %, 2—3 раза в неделю — 28 %, один раз в неделю — 42 %, один раз в месяц — 13 %, реже одного раза в месяц — 15 %, 87 % респондентов считают, что секс способствует сохранению и укреплению здоровья, а 13 % — не способствует. Не считают необходимым использовать средства контрацепции 38 % опрошенных, 30 % полагаются на партнера и 32 % используют контрацептивные методы сами. Из применяемых контрацептивных средств наиболее популярны презервативы (29 %), внутриматочные средства используют 16 % и физиологический метод — 12 %. Наименьшее предпочтение отдают циклическому приему оральных контрацептивов (5 %). При этом до рождения первого ребенка искусственное прерывание беременности в анамнезе имели 10 % опрошенных женщин, после рождения ребенка — 37 %. Основная часть женщин посещают гинеколога менее 1 и 1 раз в год.

Таким образом, удалось установить, что пациенты, находящиеся на стационарном лечении в больницах, не имеют установок на сохранение здоровья. Большинство опрошенных живут по неправильному распорядку дня и не занимаются физической культурой. У респондентов отмечается нерегулярность питания и не способствующий сохранению здоровья характер питания. Значительная часть опрошенных злоупотребляет алкогольными напитками. Часто граждане не следуют назначениям врача, занимаются самолечением, обращаются за медицинской помощью поздно, только в очень тяжелых случаях. Большинство опрошенных не считает нужным использовать контрацептивные средства или перекладывают эту ответственность на партнера, что и обусловливает значительное число абортов. Выбор контрацептивных методов чаще осуществляется без участия врача.

Взаимодействие системы медицинского обслуживания и граждан не носит тесного характера, люди не имеют постоянных участковых врачей, а женщины — акушеров-гинекологов. Причина здесь отнюдь не в огрехах работы первичного звена медицинского обслуживания.

Полученные результаты послужили поводом для внедрения концепции Межведомственной Программы управления здоровьесохраняющим поведением граждан в регионе, разработанной на кафедре общественного здоровья и здраво-

охранения медицинского факультета Мордовского государственного университета.

Реализация программы будет, на наш взгляд, способствовать формированию у граждан здорового образа и стиля жизни, снижению уровня заболеваемости и смертности, увеличению продолжительности жизни. Работа по формированию у граждан здорового образа жизни позволит накопить опыт использования экономических рычагов управления здоровьем граждан и использовать предлагаемые принципы на территории регионов РФ.

Конечная цель программы — улучшение общественного здоровья. Ее достижение возможно при решении ряда задач. Посредством экономических стимулов следует формировать у граждан навыки здорового образа жизни, снизить уровень смертности и заболеваемости, увеличить долю занимающихся физической культурой до 35—60 %, сформировать стабильный источник финансирования развития физической культуры и спорта, повысить эффективность санитарного просвещения.

Формирование финансовых средств на реализацию проекта возможно при согласовании содержания программы со всеми заинтересованными ведомствами, фондами и структурами. Привлекаемые финансовые средства следует рассматривать в системе медицинского обслуживания, пенсионного и социального страхования. Сегодня трудно прогнозировать в каком соотношении средства будут идти на физическую культуру, медицинское обслуживание и пенсионное обеспечение, однако 5 % средств необходимо использовать для организации и исполнения программы и 10—15 % — на пропаганду здорового образа жизни.

Реализация программы, наряду с повышением уровня здоровья населения, позволит и значительно снизить экономический ущерб от высокой заболеваемости, инвалидности и преждевременной смертности.

Поступила 18.06.07.

Е. Г. КУДАЕВА

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ИНВАЛИДНОСТИ В РЕГИОНЕ

По данным ООН, каждый десятый человек на планете имеет инвалидность, страдает от физических, умственных, сенсорных дефектов, а у 25 % всего населения имеются проблемы со здоровьем[1] По официальным данным, в настоящее время в России более 11,5 млн чел. инвалидов, что составляет 8 % всего населения страны[2]

На протяжении нескольких десятков лет в мире отмечается устойчивая тенденция увеличения числа лиц с психическими и физическими нарушениями. Происходит постепенное повышение заболеваемости по всем классам болезней: абсолютный и относительный рост врожденных и наследственных заболеваний, хронических форм патологии, которые приводят к социальной дезадаптации.

Следует отметить, что статистические данные не отражают истинной картины состояния здоровья и инвалидизации населения, что не позволяет объективно оценить динамику инвалидности. Однако несмотря на неизбежные погрешности в статистической отчетности, эпидемиологические и статистические данные могут служить основой определения государственной политики в развитии системы охраны здоровья и социальной защиты граждан.

Проведенный анализ динамики численности инвалидов и впервые признанных инвалидами в Российской Федерации и Республике Мордовия позволяет утверждать, что проблема инвалидности актуальна на федеральном и региональном уровнях.

Временные рамки исследования охватывают период с 1966 по 2005 г. Анализ динамики общей численности инвалидов, а также уровня первичного выхода на инвалидность в рес-

---

КУДАЕВА Елена Геннадьевна, преподаватель кафедры социальной работы Мордовского государственного университета.

публике за исследуемый период позволяют сделать неутешительный вывод о наличии устойчивой тенденции роста этих показателей. Необходимо отметить, что учет общего числа инвалидов и лиц, признанных инвалидами впервые, в МАССР имел некоторые особенности. В советский период особый акцент делался на подсчете численности инвалидов труда, рабочих и служащих, членов колхозов, признанных инвалидами впервые.

Таблица 1

Численность населения и инвалидов труда в МАССР в период 1966—1988 гг. (по состоянию на начало года)

Год	Все население, тыс. чел.	Численность инвалидов труда
1966	1 031,0	17 922
1968	1 030,0	17 885
1970	1 032,9	17 444
1972	1 022,9	16 613
1974	1 008,4	16 521
1976	996,0	16 481
1978	990,7	17 378
1980	981,4	17 698
1982	970,3	18 433
1984	967,1	18 668
1986	961,1	18 970
1988	962,1	20 408

В период 1966—1988 гг. численность инвалидов труда увеличилась с 17 922 чел. до 20 408 чел., т. е. в 1,14 раза, при этом стабильный рост этого показателя происходил на фоне уменьшения общей численности населения МАССР, что свидетельствует об ухудшении состояния здоровья граждан[3].

В период с 1990 г. по 2005 г. в РФ в целом и в РМ при уменьшении общей численности населения тенденция на увеличение численности лиц с ограниченными возможностями здоровья сохранилась. В РФ в 1990 г. общая численность инвалидов составляла 4 338 тыс. чел., в 2005 г. — 11 484 тыс. чел., т. е. увеличилась в 2,6 раз[4] В РМ в 1990 г. этот показатель составил 40 тыс. чел., в 2005 г. — 80 тыс. чел., т. е. увеличился в 2 раза[5] При анализе показателя численности инвалидов на 1 тыс. чел. населения РФ и РМ видно, что уровень инвалидности в Мордовии выше, чем в РФ: за период 1996—2005 гг. этот показатель по РФ лишь в 1997 г. превышал аналогичный в РМ. В РФ он составил 63,7 чел. на 1 тыс. населения, тогда как в РМ — 56,1 (табл. 2).

Таблица 2

Общая численность инвалидов в РФ и РМ в 1990—2005 гг.

Год	Все население РФ, тыс. чел.	Всего численность инвалидов в РФ, тыс. чел.	На 1 000 населения в РФ	Все население РМ, тыс. чел.	Всего численность инвалидов в РМ, тыс. чел.	На 1 000 населения в РМ
1990	147 665	4 338	29,3	963,8	40	41,7
1996	148 292	7 292	49,6	949,0	50	53,2
1997	148 029	9 301	63,7	942,7	52	56,1
1998	147 802	10 086	69,1	935,0	68	72,4
1999	147 539	10 359	70,5	927,4	70	74,9
2000	146 890	10 597	73,2	918,4	71	77,2
2001	146 304	10 779	74,0	908,2	72	78,3
2002	145 649	10 991	76	897,1	74	79,8
2003	144 964	10 811	75,2	886,1	73	82,4
2004	144 168	11 223	78,2	876,1	78	89
2005	143 474	11 484	80,7	866,6	80	92,3

Полученные статистические данные из Министерства труда и социальной защиты населения РМ позволяют сделать более полный анализ численности инвалидов в РМ по категориям в период 1999—2005 гг. Наблюдается уменьшение числа участников ВОВ, ставших инвалидами — 4 775 чел. (по состоянию на 1999 г.) и 3 390 чел. (2005 г.), числа инвалидов ВОВ 4 296 чел. (1999 г.) и 2 412 чел. (2005 г.). В 1,3 раза увеличилась численность инвалидов труда от общего заболевания: инвалидов труда от общего заболевания в 1999 г. — 41 006 чел., в 2004 г. — 52 955 чел. Анализ численности инвалидов труда по группам инвалидности показывает, что среди инвалидов труда от трудового увечья и профессионального заболевания преобладают инвалиды III группы, среди инвалидов труда — инвалидов вследствие общего заболевания и детей-инвалидов II группы.

На 1 января 2005г. всего на территории РМ проживало 70 453 чел. инвалидов от общего заболевания, 2 412 инвалидов ВОВ, 3 390 участников ВОВ, ставших инвалидами, 242 чел., ставшие инвалидами вследствие исполнения обязанностей военной службы. Лиц с ограниченными возможностями здоровья трудоспособного возраста на территории Мордовии проживало около 32 тыс. Всего в республике проживает около 80 тыс. чел. инвалидов, что составляет

более 9 % населения РМ, т. е. почти каждый десятый житель Мордовии — инвалид. Этот показатель несколько выше общероссийского, но в целом соответствует общемировым тенденциям.

В системе социальной защиты населения при оценке динамики демографических процессов и состояния здоровья граждан наряду с учетом общей численности инвалидов и числом переосвидетельствованных лиц имеется четкий учет числа впервые признанных инвалидами в течение года.

Численность впервые признанных инвалидами среди рабочих, служащих и членов колхозов в 1966 г. составила 3 740 чел. В последующие 10 лет происходит постепенное уменьшение численности впервые признанных инвалидами данных категорий. В 1976 г. данный показатель составил 1 979 чел. и является минимальным за период с 1966 по 1988 г. В течение последующих 8 лет значения показателя остаются относительно стабильными, но наблюдается их плавный рост. Так, в 1988 г. число впервые признанных инвалидами среди рабочих, служащих и членов колхозов составило 2 426 чел. Численность впервые признанных инвалидами среди членов колхозов в 1966 г. составила 1 651 чел. Это наибольшее значение данного показателя за период 1966—1988 гг. В 1988 г. впервые инвалидами среди этой категории населения признаны 493 чел. Численность признанных инвалидами впервые среди рабочих и служащих в 1966 г. составила 2 089 чел., минимальное значение данного показателя наблюдалось в 1970 г. и составило 1 338 чел. В последующие годы отмечался рост числа впервые признанных инвалидами, к 1986 г. этот показатель составил 2 130 чел.[6]

За последние 15 лет уровень инвалидности в РМ остается неблагополучным — отмечается устойчивая тенденция увеличения. Частота первичного выхода на инвалидность в 2003 г. по сравнению с 1980 г. возросла в 3,6 раз, а по сравнению с 1990 г. — в 1,7 раза. Наиболее кризисными годами стали 1997—1998 гг., 2001—2003 гг. При этом динамика численности лиц, впервые признанных инвалидами, в РМ в последние 20 лет соответствует тенденциям развития аналогичного показателя в Российской Федерации[7]

В структуре первичной инвалидности населения с 1992 по 2002 г. по Мордовии преобладали инвалиды пенсионного возраста. Численность впервые признанных инвалидами в

процентах к общему числу впервые признанных инвалидами в РМ в возрастной группе старше 55 лет для женщин и старше 60 лет для мужчин составила 47,7 % по состоянию на 1992 г. и 40,5 % — на 2002 г. За этот период отмечено уменьшение доли инвалидов в возрасте от 45—54 лет у женщин и от 50—59 лет у мужчин с 24,1 до 22,3 %.

С 1992 по 1999 г. наблюдалась ежегодная устойчивая тенденция к увеличению доли инвалидов в возрастной группе до 44 лет у женщин и до 49 лет у мужчин. Причем, в 1998 г. численность впервые признанных инвалидами данной возрастной группы составила 39,3 % к общему числу впервые признанных, что на 1,1 % больше, чем аналогичный показатель у лиц пенсионного возраста. С 2000 г. значения этого показателя пошли на убыль.

Анализ первичной инвалидности по нозологии среди рабочих, служащих и членов колхозов за период 1968—1988 гг. позволяет выявить некоторые тенденции. В период 1968—1970 гг. у рабочих и служащих и в 1968 г. у членов колхозов первое место среди классов болезней, явившихся причиной первичной инвалидности, занимали болезни системы кровообращения. На втором — у рабочих и служащих травмы всех локализаций и онкологические заболевания, болезни нервной системы и органов чувств — у членов колхозов. Третье место занимали болезни нервной системы и органов чувств у рабочих и служащих, злокачественные новообразования — у членов колхозов.

В периоды 1978—1982 гг. у рабочих и служащих, 1970—1984 гг. у членов колхозов на первое место вышли онкологические заболевания, на второе — болезни системы кровообращения, третье — травмы всех локализаций.

В период 1984—1988 гг. у членов колхозов, рабочих и служащих первое место занимали болезни системы кровообращения, второе — онкологические заболевания, третье — травмы всех локализаций.

За период 1968—1988 гг. в республике наблюдалась тенденция устойчивого роста числа онкологических заболеваний, а также системы кровообращения у рабочих и служащих. На период 1970—1976 гг. приходится резкое увеличение числа заболеваний психическими расстройствами среди рабочих и служащих. В период 1968—1988 гг. к доминирующим причинам первичной инвалидности можно отнести

болезни нервной системы и органов чувств, заболевания костно-мышечной системы — у рабочих и служащих, заболевания органов дыхания — у членов колхозов. При этом за исследуемый период наблюдалось снижение показателя первичной инвалидности вследствие туберкулеза.

Основными причинами выхода на инвалидность у рабочих и служащих в возрасте до 29 лет стали травмы, онкологические заболевания и психические расстройства, а в возрасте 34—44 лет преобладали травмы, злокачественные новообразования, болезни системы кровообращения. У членов колхозов в возрасте до 29 лет основными причинами первичной инвалидности — травмы, туберкулез, психические расстройства, а в возрасте 34—44 лет — болезни системы кровообращения, нервной системы и органов чувств[8].

В период 1992—2005 гг. в РФ в целом и в РМ первое место среди классов болезней, явившихся причиной первичной инвалидности, занимали болезни системы кровообращения. Динамика численности лиц, впервые признанных инвалидами вследствие болезней кровообращения, в РМ соответствует тенденциям развития аналогичного показателя в РФ. За этот период наблюдается незначительное изменение показателя: в 1992 г. в РФ он составил 39 чел. на 10 тыс. чел. населения, в 2003 г. — 35,6; в РМ в 1992 г. — 39,3% к общему числу впервые признанных инвалидами, а в 2003 г. — 39,7 %. Наибольшего значения этот показатель достигал в РФ и в РМ в 1995 г. (50,3 на 10 тыс. чел. населения и 39,8 % от общего числа впервые признанных инвалидами соответственно). Наиболее низким уровень выхода на инвалидность вследствие болезней кровообращения был в 1999 г., когда в РФ он снизился до 31,3 чел. на 10 тыс. чел. населения, а в РМ в 1999—2000 гг., когда составил 32,6 % к общему числу впервые признанных инвалидами. Однако в последующие 3 года как в РФ, так и в РМ наблюдался его рост.

Второе место среди классов болезней, явившихся причиной первичной инвалидности в РФ и РМ, занимают злокачественные новообразования. В период 1992—2003 гг. в РФ этот показатель возрос с 8,4 чел. до 10 на 10 тыс. чел. населения. В РМ процент онкологических заболеваний, явившихся причиной первичной инвалидности, в 1992 г. составил 14,1 %, в 1999 г. — 17,8 %, а в 2004 г. — 19,4 % к

общему числу впервые признанных инвалидами, что стало максимальным показателем в этот период. Таким образом, максимальный процент выхода на инвалидность по онкологическим заболеваниям приходится на 1993 г., 1998—1999 гг., 2003 г., 2004 г.

Третье место среди причин выхода на инвалидность в РФ в период 1992—2005 гг. занимали болезни нервной системы и органов чувств, при этом численность впервые признанных инвалидами вследствие этих заболеваний на протяжении исследуемого периода оставалась относительно стабильной. Наибольшее значение этот показатель достиг в 1995 г. и 1999 г., когда составил 5,9 на 10 тыс. чел. населения и минимальное в 2003 г. — 5,3 на 10 тыс. чел. населения.

В РМ третье место среди причин выхода на инвалидность в период 1992—2005 гг. занимали травмы всех локализаций. С 1992 г. наблюдалась тенденция роста числа заболеваний костно-мышечной системы, с 1996 г. заболевания костно-мышечной системы начинают занимать третье место по причинам инвалидизации населения (в 1992 г. заболевания костно-мышечной системы составляют 6,8 % к общему числу впервые признанных инвалидами, в 2004 г. — 10,8 %). В 1992 г. травмы всех локализаций составляли 9,8 % к общему числу впервые признанных инвалидами, а в 2004 г. — 6,7 %.

Анализ первичной инвалидности населения по месту жительства инвалидов показал, что уровень первичной инвалидности выше среди городского населения. Наибольший уровень первичной инвалидности отмечается в г. Саранске, Большеберезниковском, Дубенском, Ельниковском, Старошайговском районах. В г. Саранске наибольший уровень первичной инвалидности отмечается в Ленинском, наименьший — в Октябрьском районах.

В период 1968—1988 гг. число впервые признанных инвалидами I группы среди рабочих и служащих незначительно увеличилось: в период 1968—1982 гг. — с 202 чел. до 224 чел, в 1988 г. — 176 чел. Число инвалидов II группы имело тенденцию на увеличение в 1970 г. и составило 704 чел., а в 1988 г. — 1 221 чел. Численность впервые признанных инвалидами I группы членов колхозов уменьшилась с 102 чел. до 58 чел., а II группы — с 1 058 до 387 чел.

Распределение впервые признанных инвалидами по группам инвалидности населения в период 1991—2005 гг. в РМ

имеет следующую динамику. Увеличилось число впервые признанных инвалидами I группы с 17,3 % (1991 г.) до 17,7 % (2004 г.); уменьшилось число лиц признанных инвалидами II группы с 63,1 % (1991 г.) до 48,2 % (2004 г.); увеличилось число впервые признанных инвалидов III группы с 19,6 до 28,2 % (с учетом того, что в 2004 г. данные представлены без учета численности впервые признанных детей-инвалидов).

Таким образом, следует признать масштабность проблемы инвалидности, актуальность проведения комплекса мероприятий по совершенствованию системы социальной защиты населения, обеспечивающей повышение их жизненного уровня и интеграцию в общество.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Преодолевая барьеры инвалидности // Программа ЛИЕН. Московское представительство Российско-Европейского фонда. Институт социальной работы Ассоциации социальных работников социальных служб, 1997. С. 55.

[2] Социальное положение и уровень жизни населения России 2005: Стат. сб. / Росстат. М., 2005. С. 361.

[3] Там же.

[4] См.: Народное хозяйство МАССР за годы 10 пятилетки. 1976—1980: Стат. сб. Саранск, 1981. С. 6; Демографический ежегодник РМ за 2004 год: Стат. сб. № 900 / Федеральная служба государственной статистики, территориальный орган федеральной службы государственной статистики по РМ. Саранск, 2005. С. 11; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 220, л. 32; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 271, л. 14; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 33, л. 5; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 254, л. 16; ЦГА, ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 327, л. 14; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 525, л. 29.

[5] Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2005. С. 178.

[6] ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 220, л. 32; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 271, л. 14; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 33, л. 5; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 254, л. 16; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 298, л. 17; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 327, л. 14; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 525, л. 29.

[7] Российский стат. ежегодник. 2004: Стат. сб. / Росстат. М., 2004. С. 278.

[8] ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 220, л. 32; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 271, л. 14; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 254, л. 16; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 298, л. 17; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 327, л. 14; ЦГА, ф. р-302, оп. 2, д. 525, л. 29.

Поступила 14.03.07.

В. К. СУСИН

А. В. СУСИНА

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОГРАММ НАКОПИТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ

С окончанием эпохи Советского Союза рухнула система сбережений и накоплений, основанная на вкладах в государственном Сберегательном банке, а также модель накоплений, предлагаемая в то время Госстрахом СССР В 1991 г. Российское Правительство и Государственная Дума объявили о необходимости ускоренного перехода от плановой и переходной экономики, получившей название «перестройка», к рыночной.

Открытие государственных границ, свобода передвижения, демократизация общества в начале 90-х гг. XX в., либерализация российского законодательства и, в частности, разрешение денежных валютных переводов за пределы РФ оказали существенное влияние на образование, медицину и страхование, что позволило выйти на рынок РФ ряду страховых и консалтинговых компаний из Австрии, Швейцарии, Германии и США.

Во всех развитых странах страховые компании — самые богатые финансовые институты. Они аккумулируют гораздо

СУСИН Владимир Кузьмич, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

СУСИНА Анастасия Владимировна, аспирант кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета.

больше денег, чем банки. Резервы крупнейших страховщиков составляют сотни миллиардов долларов. Накопительное страхование жизни является самым распространенным видом страхования в Западной Европе, Америке и Японии.

В начале 90-х гг. XX в. иностранные страховые компании предложили программы накопительного страхования жизни на российском рынке через западного брокера (страхового посредника). В настоящее время российскому клиенту предлагается конкурентная программа накопительного страхования жизни. Очевидно, что отечественный страховой рынок отстал от западного на 20—30 лет и пока находится в зачаточном состоянии, но это не мешает отечественным страховым компаниям разрабатывать и продвигать программы накопительного страхования жизни.

Однако необходимо отметить ряд неоспоримых преимуществ. Во-первых, иностранная компания, понимая неготовность российских граждан вкладывать денежные средства на длительный срок, предлагает клиентам заключить договор страхования на более короткий срок — 5, 10 или 15 лет. Во-вторых, ориентируясь на людей со средним достатком, иностранная страховая компания предлагает своим клиентам более доступный размер страхового платежа — от 300 до 5 000 дол. в год, в отечественной — от 500 долларов. В-третьих, иностранная страховая компания предлагает значительно более высокий размер прибыли на внесенные денежные средства. Размер дохода составляет 36, 140, 190 % и более, соответственно срокам. Также клиент компании, оплативший дополнительный тариф по страхованию здоровья, получает высокую финансовую защиту (до 30 тыс. дол. США при ежегодном взносе 60 дол.) при наступлении смерти, полной или частичной нетрудоспособности, вызванной несчастным случаем, тогда как финансовая защита российской страховой компании всего 10 тыс. дол. при ежегодном взносе 100 долларов. Иными словами, условия программы иностранной страховой компании более выгодны для клиента, чем российской компании.

Тем не менее, программы накопительного страхования жизни, предлагаемые отечественными компаниями населению, имеют некоторые преимущества перед западными компаниями для юридических лиц. Во-первых, программы накопительного страхования жизни предполагают некоторые

налоговые льготы для юридических лиц. Если клиент (юридическое лицо) заключает договор долгосрочного страхования жизни на срок не менее 5 лет, в течение которых не предусматриваются страховые выплаты, страховые взносы по добровольному страхованию сотрудников учитываются в целях налогообложения по налогу на прибыль в размере, не превышающем 12 % от суммы расходов на оплату труда. Аналогично учитывается сумма платежей в целях налогообложения и по договорам пенсионного страхования. При заключении договора личного страхования, предусматривающего оплату медицинских расходов сотрудников на срок не менее года, совокупная сумма страховых взносов учитывается для исчисления налога на прибыль в размере 3 % от суммы расходов по оплате. труда. Если клиент (юридическое лицо) заключает договор на случай смерти или утраты трудоспособности, то расходы в целях налогообложения, в которые включаются взносы по страхованию сотрудников, составят 10 тыс. руб. в год на одного застрахованного работника.

Кроме того, у программ долгосрочного страхования жизни есть еще одно преимущество: согласно п. 1 ст. 213 Налогового Кодекса РФ страховая выплата по договору добровольного страхования от несчастных случаев и болезней, производимая при наступлении страхового случая, не подлежит налогообложению на доходы физических лиц независимо от срока действия договора страхования, а страховая выплата по договору добровольного страхования жизни не будет облагаться налогом на доходы физических лиц только в том случае, если срок действия договора составляет 5 или более лет.

Что касается уплаты единого социального налога с сумм взносов, уплачиваемых организацией-работодателем по вышеназванным договорам добровольного страхования работников, то согласно подп. 7 п. 1 ст. 238 Налогового Кодекса РФ, не подлежат налогообложению суммы платежей налогоплательщика по договорам добровольного личного страхования работников, заключаемым исключительно на случай наступления смерти застрахованного лица или утраты застрахованным лицом трудоспособности в связи с исполнением им трудовых обязанностей.

Во-вторых, договор страхования жизни по программе отечественной страховой компании предполагает накопле-

ние страховой суммы в трех валютах: в долларах США, евро либо в рублях, что более удобно для российского гражданина.

Одной из первых российских страховых компаний, «запустившей» программы накопительного страхования жизни посредством сетевого маркетинга в Мордовии, является ЗАО «Страховая группа „УралСиб"». Основанная в 1993 г., она открыла компанию по накопительному страхованию жизни «УралСиб Жизнь» в 2004 г. Компания активно взаимодействует с крупнейшим перестраховочным обществом Munich Re, которое берет на себя часть рисков страховой компании и находит индивидуальные решения для всего спектра рисков. Это общество — крупнейший перестраховщик в мире, лидер на мировом рынке. Таким образом, взаимодействие с перестраховочным обществом Munich Re — дополнительный фактор надежности для российского клиента по сравнению с другими отечественными страховыми компаниями. Совместно с этим обществом разработаны специальные продукты по страхованию жизни и дополнительной пенсии.

Таким образом, несмотря на то, что программы долгосрочного накопительного страхования жизни, предлагаемые иностранными страховыми компаниями, содержат более выгодные для клиента условия договора, чем программы отечественных компаний, российские все же стремятся совершенствовать свои программы, предоставляя некоторые преимущества клиентам, осознавая все возрастающую востребованность данного вида страхования.

Каждый гражданин, воспользовавшийся этим видом страхования, получает значительные преимущества: весь срок действия договора страхования клиент пользуется страховой защитой 24 ч в сутки в любой точке мира; норма доходности гарантируется на весь срок действия договора; страховые выплаты не облагаются налогом; возможен индивидуальный вариант страхования; вся информация о клиенте строго конфиденциальна.

Несмотря на эти преимущества и необходимость этого вида страхования, в настоящее время имеют место существенные недостатки в государственном регулировании системы страхования РФ.

Национальная система страхования не в полной мере выполняет свои основные социально-экономические функции:

защита от потенциальных рисков, необходимая для эффективного функционирования рыночной экономики и являющаяся фактором ее социальной стабильности и стимулом расширения предпринимательской деятельности; аккумуляция долгосрочных инвестиционных ресурсов для развития экономики.

В странах западной Европы, США, Японии институт страхования набирает обороты и уже появились фирмы, специализирующиеся на страховании жизни. Ими накоплен определенный опыт государственного регулирования, обеспечивающего стабильность и социальную направленность национальных систем страхования.

Разделение страховых организаций, осуществляющих страхование жизни, и организаций, осуществляющих другие виды страхования, — важная составляющая всей системы страховщиков. Мировой опыт выявил целесообразность специализации компаний, осуществляющих страхование жизни. Необходимость соответствующего разделения обусловлена повышенной социальной значимостью института страхования жизни, его ролью в поддержании жизненного уровня населения, а также инвестиционной значимостью в развитии экономики.

В России до последнего времени законодательное требование к разделению страховщиков не было сформулировано. Между тем, в редакции Закона № 4015-1 от 10 декабря 2003 г. «Об организации страхового дела в Российской Федерации» определено, что страховщики вправе осуществлять или только страхование объектов личного страхования (страхование жизни на условиях дожития граждан до определенного возраста или срока, наступления иных событий в жизни граждан), или только от несчастных случаев и болезней, медицинское и имущественное страхование. При этом специализация страховых организаций должна быть завершена не позднее 1 июля 2007 года.

Мировая практика также свидетельствует, что крупнейшими страховщиками мира являются страховые организации, осуществляющие страхование жизни, из них наиболее мощные — общества взаимного страхования жизни. Из 10 крупнейших страховщиков мира 6 — общества взаимного страхования, из них 4 — общества взаимного страхования жизни. Между тем Гражданский кодекс РФ ограничил сферу взаимного страхования. Общества взаимного страхования осуществляют только страхование имущества и иных иму-

щественных интересов своих членов. Ограничение сферы взаимного страхования не отвечает интересам населения России, является фактором неразвитости и стагнации национального рынка страхования жизни, и поэтому внесение соответствующей поправки в Гражданский кодекс РФ представляется необходимым.

При наличии определенных недостатков в государственном регулировании страховой деятельности и ограничений в деятельности иностранных страховых компаний, все же есть нормы, позволяющие иностранным организациям предлагать свои программы страхования жизни российским гражданам.

Следует начать с норм Конституции РФ, имеющей высшую юридическую силу и являющуюся основополагающим источником регулирования отношений в области страхования. В соответствии с п. 3 ст. 39 Конституции РФ поощряются добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность.

В Концепции развития страхования в Российской Федерации, одобренной Распоряжением Правительства РФ от 25 сентября 2002 г. № 1361-р, подчеркивается, что приоритетными направлениями в развитии добровольного личного страхования должны стать *страхование жизни* и пенсионное страхование. Среди основных целей, задач и направлений развития страхования в РФ указывается необходимость стимулирования перевода сбережений населения в долгосрочные инвестиции с использованием механизмов долгосрочного страхования жизни. В качестве стимулов развития страхования жизни предлагается создать систему гарантий страхователям и застрахованным гражданам в получении накопленных сумм по договорам страхования.

Положение нормы ч. 3 ст. 39 отражает стремление государства к созданию многоуровневой системы социальной защиты, включающей негосударственные формы социального обеспечения, в том числе и путем добровольного социального страхования.

В соответствии с п. 4 ст. 29 Конституции РФ, «каждый гражданин РФ имеет право передавать и распространять информацию любым путем». Граждане имеют право заниматься консультационной и исследовательской деятельностью в области страхования без необходимости получения лицензии в соответствии с законодательством РФ. Следует отметить,

что это положение закреплено в Приказе Росстрахнадзора от 19 мая 1994 г. № 02-02/08, однако с недавнего времени данный нормативный акт утратил силу.

Другим важнейшим документом в этой области является Конвенция о правах человека, принятая ООН. Ее ратифицировали как бывший СССР, так и Россия в 1991 году. В одном из ее разделов сказано, что каждый человек, независимо от страны проживания, имеет право страховать свою жизнь и здоровье, а также хранить свои деньги с целью обеспечения своей старости в финансовых институтах любых стран мира. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора...», т. е. Россия в любом случае будет соблюдать рассмотренные нормы международного права.

Правовые нормы, регулирующие страховые отношения, содержатся в нормативных актах различной отраслевой принадлежности (конституционном, административном, налоговом, экологическом и других отраслях права). Однако приоритетное значение имеют акты гражданского законодательства, определяющие важнейшую часть страховых отношений — обязательства по страхованию.

В соответствии со ст. 421 ГК РФ, граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Стороны могут заключить договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или правовыми актами. Условия договора определяются по усмотрению сторон.

В ст. 444 ГК РФ читаем: «Местом заключения договора может быть признано местонахождение юридического лица, направившего оферту (предложение заключить договор)». Значит иностранные компании имеют возможность получить аккредитацию в России с целью проведения маркетинговых исследований рынка страховых услуг, а также предложения российским страховым компаниям выгодных условий перестрахования.

Иностранные организации для продвижения своих программ страхования жизни могут привлекать независимых консультантов, осуществляющих свою деятельность на территории РФ в области консалтинга без специального разрешения

или лицензии, согласно действующему законодательству, за свой счет и риск. И только через независимых консультантов возможно заключение договоров накопительного страхования жизни с российскими гражданами. Это не может служить фактором, создающим условия развития естественной конкурентной среды в сфере страхового бизнеса.

При вступлении России в ВТО в самом ближайшем будущем народное хозяйство страны окажется вовлечено в процессы мировой экономики. Что касается отечественного рынка страхования, то здесь следует ожидать еще более радикальных изменений, чем в экономике в связи с «исчерпанием переговорного ресурса» по вопросам деятельности иностранных компаний в страховой сфере. Это значит, что взаимодействие российского и мирового страховых рынков будет осуществляться в соответствии с интересами международного страхового капитала.

В условиях глобализации экономической и общественной жизни закономерно формирование единого мирового страхового пространства, допуск иностранных страховщиков на национальные рынки. Поэтому целостность системы страховщиков представляется не только в организации коммерческих страховщиков и обществ взаимного страхования и в их специализации, но и в присутствии зарубежных страховщиков, в том числе иностранных компаний, специализирующихся на страховании жизни. По мере интеграции России в международный страховой рынок объективной необходимостью становится применение международных стандартов в организации страхового дела и его государственного регулирования.

Страхование жизни — центральный компонент страхового рынка, и его становление важно для населения в условиях реформирования системы социального страхования, необходимо для экономики как важный ресурс внутренних инвестиций. Уже сегодня следует решать вопрос о допуске иностранного капитала на национальный рынок страхования жизни, что позволит расширить выбор программ страхования жизни, нивелировать фактор недоверия россиян к национальным компаниям.

Поступила 19.03.07.

Н. Г БЕЛЬТЮКОВА

ЗАКРЕПЛЯЕМОСТЬ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА СЕЛЕ

Сложившаяся экономическая ситуация в аграрном секторе и усиление напряженности на рынке труда привели к росту числа безработных среди сельской молодежи. Актуальной стала проблема занятости молодежи на селе, трудоустройства выпускников высших, средних и начальных профессиональных учебных заведений, их закрепляемости на сельскохозяйственных предприятиях. Одним из вариантов решения этой проблемы является реализация приоритетной национальной программы «Развитие АПК».

К причинам, отрицательно влияющим на закрепляемость работников села, особенно молодежи, следует отнести плохие жилищные и социально-бытовые условия, низкую заработную плата, плохие условия труда и как следствие — низкие престиж сельскохозяйственного труда и статус сельскохозяйственного работника.

Устранение комплекса производственных и социальных проблем будет способствовать закрепляемости сельскохозяйственных специалистов. В 2005 г. обеспеченность села главными руководителями и специалистами в Мордовии составила 91 %, против 88 % в 2004 г. Из 4 402 главных специалистов и руководителей 41 % имеют высшее образование, 47 % — среднее специальное, 22 % не имеют специального образования. Возрастной состав руководителей и специалистов довольно молод. Так, доля работающих в возрасте от 35 до 55 лет составляет 85 %, до 30 лет — 12 %, в пенсионном возрасте — 3 %.

Основной контингент специалистов сельского хозяйства составляют выпускники агровузов, техникумов, колледжей

БЕЛЬТЮКОВА Надежда Геннадьевна, аспирант отдела социально-экономического развития Мордовии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

(ссузов), профессиональных училищ (ПУ). Следует отметить, что далеко не все выпускники работают по специальности. Таковых, по различным оценкам, насчитывается 10—13 %[1]. Также нельзя не отметить отрицательное сальдо миграции из села, особенно молодежи.

В ходе опроса 370 выпускников высших учебных заведений, техникумов, колледжей, профессиональных училищ и 450 выпускников сельских общеобразовательных учреждений Мордовии выявлено, что только 12,4 % сельских школьников собираются стать специалистами сельского хозяйства, из которых 4,2 % изъявили желание продолжить обучение в высшем учебном заведении на сельскохозяйственных специальностях, 6,2% — в сельскохозяйственном колледже или техникуме, 2 % — в сельских профессиональных училищах. После окончания обучения собираются работать в промышленности 6,9 % школьников, 6,2 % — в строительстве, 16 % планируют заняться предпринимательством.

На вопрос «Если в отрасли сельского хозяйства, то какую профессию Вы бы выбрали?» 58 % школьников ответили «экономист», 13,8 % — мастер по техническому обслуживанию машинно-тракторного парка, 2,3 % — животновод, 3,4 % — строитель, 64,3 % выпускников сельских школ дальнейшее обучение планируют получить на платной основе, 18 % не определились с выбором профессии, поскольку родители не имеют средств на обучение детей.

На вопрос «Что в большей степени повлияло на выбор будущей профессии?» 40 % сельских школьников ответили «собственное мнение», 38,4 % — «советы родителей», 6,7 % — «мнение друзей».

После окончания школы более половины ее выпускников не желают далее жить и работать на селе. После окончания высших, средних специальных и начальных профессиональных учреждений желающих связать свою судьбу с сельских хозяйством еще меньше.

Следует отметить, что из обучающихся в образовательных учреждениях на сельскохозяйственных специальностях только 50 % выходцев из сельской местности (табл. 1). Это, безусловно, накладывает отпечаток на выбор будущего места работы. Городские ребята склонны трудоустраиваться в городе.

Таблица 1

Место проживания обучающихся в образовательных учреждениях на сельскохозяйственных специальностях в Республике Мордовия, %

Место жительства семьи	Вузы	Ссузы	ПУ
Город	23,0	10,7	—
Райцентр	18,0	6,4	4,8
Поселок	12,4	32,1	28,6
Село	46,6	50,8	66,6

Результаты исследования рейтинга аграрных специальностей Мордовского государственного университета позволяют сделать вывод о профессиональных интересах молодежи в период поступления в высшее учебное заведение (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг аграрных специальностей по дневной форме обучения ФГУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»

Специальность	2005 г.	2006 г.
«Технология обслуживания и ремонта машин в АПК»	1	1
«Технология производства и переработки сельскохозяйственной продукции»	5	2
«Механизация сельского хозяйства»	3	3
«Механизация переработки сельскохозяйственной продукции»	2	4
«Экономика и управление на предприятиях АПК»	4	5
«Агрономия»	6	6
«Ветеринария»	8	7
«Зоотехния»	7	8

На вопрос «При каких условиях Вы поехали бы работать в село?», 62,7 % студентов Аграрного института Мордовского государственного университета, 73,9 % студентов сельскохозяйственных средних специальных учебных заведений и 70,8 % учащихся сельских ПУ ответили «достойная заработная плата». Работать по специальности при предоставлении жилья согласились бы 23,5 % студентов института, 17,4 % — ссузов и 12,5 % — ПУ. Треть учащихся после окончания учебных заведений собирается уехать за пределы республики, а продолжить обучение планируют почти 50 % студентов колледжей и техникумов.

Результаты исследования показывают, что при сложившихся условиях в село собираются вернуться 5,9 % выпускников Аграрного института Мордовского государственного

университета, 7,3 % — ссузов и 9,5 % — ПУ. Хотя практически все опрошенные готовы это сделать при обеспечении их достойной заработной платой и предоставлении жилья, поскольку более 65 % выпускников считают свою профессию привлекательной и не жалеют о сделанном выборе.

Учитывая увеличивающийся миграционный отток специалистов, в период до 2010 г. можно ожидать усиления напряженности на рынке труда. В связи с этим большое значение приобретает разработка системы мер, направленных на повышение уровня занятости сельской молодежи. Весьма эффективной в этом отношении может быть целевая контрактная подготовка специалистов. Однако это требует решения ряда организационных, экономических и социальных проблем. В сельских школах следует более активно развивать профориентационную работу. Перспективным, на наш взгляд, является повышение роли профессиональных училищ. В каждом районе республики пока невозможно иметь ПУ, поэтому целесообразно открытие их филиалов в Аграрном институте Мордовского государственного университета, при колледжах, техникумах и крупных сельскохозяйственных предприятиях. Эти мероприятия позволят не только увеличить численность выпускников, но и приблизить образовательные учреждения к местам проживания учащихся, учесть местные производственные условия, в результате село пополнится молодыми высококвалифицированными кадрами, способными быстрее адаптироваться к условиям работы. Это обусловливает необходимость вовлечения сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий республики в процесс интеграции с образовательными учреждениями, создавая тем самым учебно-производственные кластеры, решая задачу оптимизации соотношения численности выпускников и рабочих мест (рисунок).

Имеет смысл предоставлять различные льготы учреждениям, принимающим активное участие в образовательном процессе. На предприятиях, где студенты проходят производственную практику, затраты, связанные с ее прохождением, можно отнести на фонд социального страхования. Таким образом будут снижены налоговые отчисления сельскохозяйственных организаций, повышена материальная заинтересованность их участия в образовательном процессе.

Заказ № 6759

Можно установить оплату специалистам, активно работающим с практикантами.

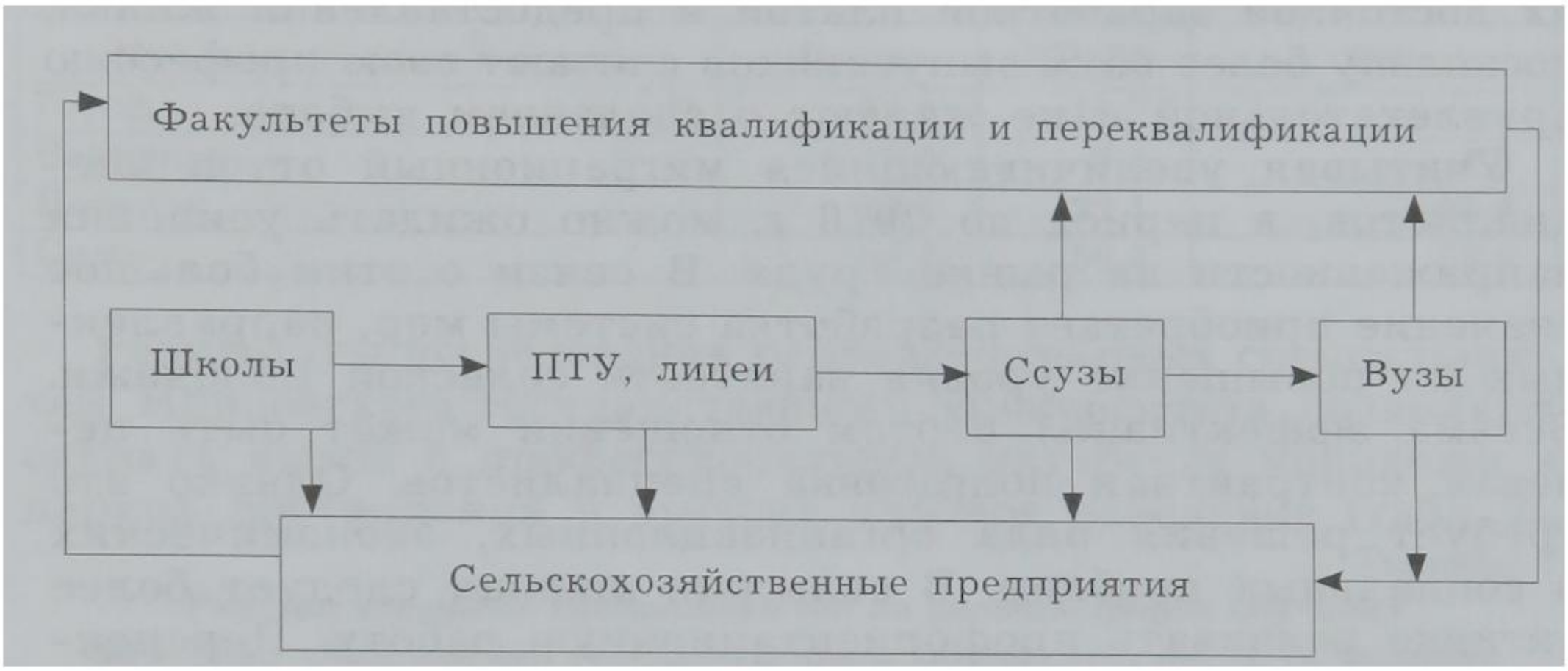

Рисунок. Интеграция «СХП—ССУЗЫ—ВУЗЫ»

Закреплению молодых, квалифицированных кадров на селе, по нашему мнению, будет способствовать создание центра мониторинга адаптации сельскохозяйственных кадров. Наличие такого центра позволит своевременно выявлять несоответствие условий нормального существования и работы специалистов, их потенциальные возможности, определять направления повышения квалификации, оценивать результативность обучения. В настоящее время большая часть специалистов работает не по специальности и частично потеряли приобретенные знания. Для постоянного их пополнения необходимо иметь информационно-консультационный центр, где могут работать не только профессиональные преподаватели, но и высококвалифицированные практические работники.

Таким образом, проблема обеспечения сельского хозяйства специалистами требует комплексного решения, предусматривающего усиление профориентационной работы, совершенствование обучения, решение экономических и социальных проблем.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Здесь и далее использованы оперативные данные Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия

Поступила 29.03.07.

Е. А. ПЕТРОВА

КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДИКА МОНИТОРИНГА И ОЦЕНКИ ИНФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Важным элементом реализации механизма управления информационными ресурсами является мониторинг. Созданный на основе непрерывного сравнения информации и синтеза измененных моделей распознавания мониторинг носит ярко выраженный адаптивный характер, позволяя получать наиболее объективную информацию о результатах реализации управленческих решений, обеспечивая осуществление координации и контроля за организацией работ на всех уровнях управления, а также оптимизируя использование результатов оценки при планировании развития данного процесса.

Один из важнейших *принципов* мониторинга — отказ от анализа избыточной информации и концентрация внимания на основных факторах и характеристиках состояния структуры объекта управления и внешних условий.

Текущий мониторинг представляет собой оценку текущих характеристик процесса и выработку рекомендаций по распределению управляющих функций между различными структурами с целью достижения намеченных целей.

Для оценки эффективности региональной информатизации нами разработана комплексная система мониторинга информатизации региональной хозяйственной системы, включающая следующие этапы: определение внешних и внутренних целей и задач, стоящих перед руководящим органом по организации и развитию информатизации; дескриптивный анализ состояния информатизации в регионе; создание и описание структурно-факторной модели управления; опре-

---

ПЕТРОВА Елена Александровна, доцент кафедры экономической информатики и управления Волгоградского государственного университета, кандидат экономических наук.

деление системы показателей, достаточных для принятия управленческих решений в конкретной сфере; сбор и анализ необходимой информации; многофакторная рейтинговая оценка состояния региональной информатизации, расчет интегрального показателя оценки уровня информационного развития; оценка влияния информационного фактора на социально-экономическое развитие региона.

На *первом этапе* определяются цели и задачи, стоящие перед Администрацией региона, по организации и развитию информатизации. Его главной целью является удовлетворение информационных потребностей граждан, организаций на основе широкомасштабного использования информации, информационно-коммуникационных технологий и информационно-коммуникационной инфраструктуры. Для выполнения поставленной цели необходимо, во-первых, создание единого информационного пространства региона. Это предполагает разработку механизмов интеграции информационно-технологической инфраструктуры электронного правительства региона с общей информационно-технологической инфраструктурой электронного правительства на федеральном уровне, а также разработку комплекса мер, направленных на обеспечение управления региональной информатизацией (совершенствование нормативно-правовой базы информатизации; разработку стандартов, создание типовых решений; разработку программ и проектов региональной информатизации; обеспечение мониторинга развития информатизации в регионе; организация финансирования программ региональной информатизации; создание и развитие территориально-информационных систем на основе современных ИКТ; развитие информационной инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие государства с гражданами и организациями).

Во-вторых, расширение доступности ИКТ и создание условий поэтапного перехода к новому уровню развития сфер социально-экономической деятельности на основе информационных технологий. Здесь имеются в виду обеспечение равного доступа граждан и организаций региона к информационным технологиям, а также разработка и реализация проектов по развитию информатизации в сферах социально-экономической деятельности (экономика, промышленность, образование, медицина, социальная защита, создание современной инфокоммуникационной инфраструктуры

отраслей и интеграция информационных ресурсов за счет создания хранилищ, банков данных посредством реализации приоритетных национальных проектов, федеральных, областных целевых программ и т. д.).

Второй этап представляет организационно-экономическую характеристику реализуемых мероприятий по информатизации в рамках региональных и федеральных целевых программ, в том числе ФЦП «Электронная Россия». Анализ, проведенный на этом этапе, отражает основные направления развития региональных информационных процессов.

Третий этап содержит создание структурно-факторной модели управления региональной информатизацией. Это управление — многоплановый и комплексный процесс, часть целостной системы управления регионом. Поскольку факторы возникают из ресурсов и условий хозяйствования, то они образуют доминанту их эффективной трансформации в продукт производства для обеспечения принципа устойчивого развития территории, образуя «ядро развития». Методологический подход, выдвигаемый на основе теории эндогенных факторов производства, позволяет построить модель управления региональной информатизацией, отражающей влияние основных факторов «ядра развития» хозяйственной системы, трансформируемых применительно к изучаемому процессу[1] Модель описывается как функционал ряда составляющих, в число которых включены наборы из шести важнейших компонентов:

$$U = F(N, H, T, Ins, O, Inf), \qquad (1)$$

где U — уровень информационного развития макрорегиона, N — природно-ресурсный фактор; H — развитие человеческого фактора; T — технико-технологический фактор; Ins — институциональный фактор; O — организационный фактор; Inf — информационный фактор.

Содержание факторов деятельности может быть представлено в виде иерархической структуры, высший уровень которой образован: трансформационным и трансакционным макрофакторами, каждый из которых образован факторными тройками. Первый — природно-ресурсным, человеческим и технико-технологическим, второй — институциональным, организационным и информационным.

Проанализировав отечественный опыт работ[2] по информатизации регионов Российской Федерации, предлагаем оригинальную систему управления информатизацией региона (рис. 1). На региональном уровне функции заказчика систем и средств информатизации и координатора работ в этой сфере возлагаются на Комитет (управление, отдел) по информатизации в системе органов исполнительной власти (Администрации) региона. На этот орган возлагаются задачи разработки и принятия Концепции и Программы информатизации региона, регламентирующих взаимоотношения участников процесса формирования информационных ресурсов региона и обеспечивающих единую методическую основу построения систем и средств региональной информатизации. От своевременной подготовки этой документации зависит системность проводимых в регионе работ, сроки и качество создания информационных систем и элементов региональной инфраструктуры, возможность их взаимодействия и совместимость между собой и аналогичными системами и средствами информатизации федерального уровня в рамках формирования единого информационного пространства России. Основным документом, формирующим прообраз региональной информационной системы, закладывающим научно-методический подход к ее построению и определяющим основные направления работ, принципы и механизм их реализации, ресурсное обеспечение является Концепция информатизации региона. Директивным документом, реализующим основные положения Концепции, раскрывающим содержание работ, устанавливающим перечень, этапность, сроки, финансирование работ и взаимосвязь участников процесса служит Программа информатизации региона.

Для более четкой работы по созданию общерегиональных систем в схеме предусмотрено разделение функций заказчика и генерального исполнителя в лице Территориального центра информатизации (Региональный совет по информатизации). При этом непременным условием стала конкурсность размещения госзаказов на информационные системы органов управления, поскольку территориальный центр — структура, основной задачей которой является координация разработки наиболее стратегических проектов информатизации.

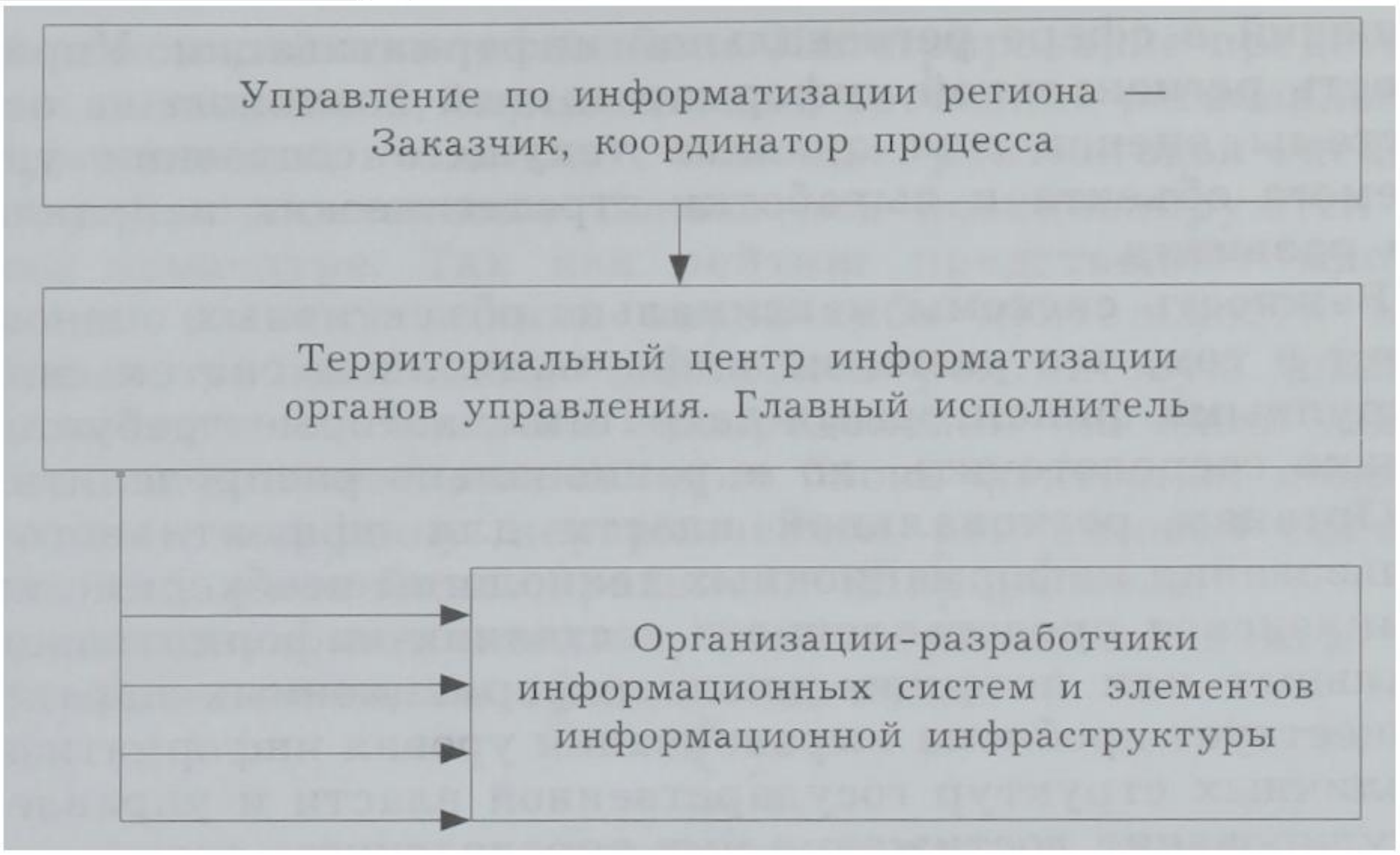

Рис. 1. Система управления информатизацией региона

Основные исполнители работ — организации-разработчики информационных систем, а также элементов информационной инфраструктуры по основным направлениям информатизации региона.

Основные задачи организационной структуры — проведение в регионе единой государственной политики информатизации, разработка концепции информатизации региона; разработка и реализация региональной программы информатизации; разработка и использование финансово-хозяйственного механизма управления региональной информатизацией; вовлечение информационных ресурсов в хозяйственный оборот; развитие территориально-распределенной информационной вычислительной сети; информационное консультирование; информационный маркетинг и др.

Организационная составляющая модели не может быть неизменной, в процессе развития региональной информатизации должны учитываться изменения самой управляющей структуры и ее функций. Так, после ее создания и построения единого информационного пространства региона возможна модификация организационной составляющей в структуру, основной задачей которой будет контентное наполнение и обработка баз данных органов управления.

На *четвертом этапе* мониторинга формируется система показателей, достаточных для принятия управленческих

решений в сфере региональной информатизации. Управляемость региональной информатизацией возможна на основе системы оценок для анализа текущего состояния управляемого объекта и выработки стратегических направлений его развития.

Важность системы максимально объективных оценок состоит в том, что развитие информационных систем связано с крупными финансовыми затратами, которые требуется не только сосредоточить, но и рационально распределить.

Органам региональной власти для эффективного использования информационных технологий необходимо иметь комплексное представление о состоянии информатизации у реальных или потенциальных информационных партнеров. Существует проблема выравнивания уровня информатизации различных структур государственной власти и управления, регулирования достижения ими определенного технического, технологического и информационного обеспечения. В связи с этим необходимо найти механизм оценки и ранжирования органов управления по состоянию информатизации. На базе этой информации можно принимать решения либо перераспределительно-бюджетного характера, либо стимулирующей направленности. Следует также иметь методику анализа так называемой «обратной связи», позволяющей определить взаимосвязь и влияние процесса развития информатизации на объект управления в целом. Речь идет о создании комплексной системы индикаторов, главное требование к которой — необходимость интегрального учета максимального числа факторов и условий, от которых зависит развитие региональной информатизации.

Разработанная система показателей информатизации региона состоит из 32 параметров, сгруппированных в 5 областей: развитие человеческого фактора; техническое и технологическое оснащение региона средствами вычислительной техники и телекоммуникаций; институциональный фактор; информационный фактор; организационный фактор.

Дальнейшее проведение комплексной диагностики состояния региональной информатизации предполагает использование групп разнородных данных. Их сбор осуществляется в ходе *пятого этапа* мониторинга.

Шестым этапом предлагаемой методики мониторинга является позиционирование субъектов Российской Федерации

посредством рейтинг-технологии. Интегрирование представленных показателей, определяющих состояние региональной информатизации, возможно с помощью рейтинговой оценки, в которой относительные показатели позиционируются по единой процедуре. Так как рейтинг представляет многобалльную систему оценки какой-либо деятельности или состояния, то необходимо построить рейтинговую шкалу, учитывающую особенности распределения значений показателей по регионам для каждого блока факторной модели. Предлагаем методику иерархической рейтинговой оценки уровня информационного развития макрорегиона.

Для каждого показателя c_i (i — порядковый номер показателя) вычисляется среднее значение:

$$\overline{c}_i = \frac{\sum_{j=1}^{N} c_{ij}}{N}, \qquad (2)$$

где c_{ij} — значение i-го показателя для j-го региона;
N — количество субъектов (регионов).

Область изменений i-го показателя $[c_i^{min}, c_i^{max}]$ разбивалась на n интервалов с центрами в точке $\overline{c}_i$. В качестве длины отрезка выбиралась величина: $\delta = \alpha\sigma_{c_i}$, где σ_{c_i} — стандартное отклонение для показателей c_{ij} и α— эмпирический коэффициент, который подбирается так, чтобы быть одинаковым для всех показателей. Первому показателю (или последнему, в зависимости от смысла показателя) присваивалось значение рейтинга $r_{min} = 0$, а последнему — $r_{max} = M$ (M — максимальное значение рейтинга). Как показали расчеты, для вычисления функции $r_{ij} = f(c_{ij})$ достаточно семи интервалов, т. е. $r_{max} = 6$.

В результате преобразования показателей c_{ij} получена матрица соответствующих частных рейтингов r_{ij}, в которой колонки представляют распределения нормальных рейтингов региона по различным показателям, а строки — распределение этого рейтинга по различным регионам ЮФО.

Аналогично системе показателей построено дерево рейтингов состояния региональной информатизации. Для построения иерархии рейтингов (свертки или сжатия информации) состояний использовалась аддитивная схема.

Каждая подсистема (блок факторной модели) уровня характеризуется рейтингом R_{lj} — где l — номер подсистемы

(l = 1,...,5), представляющий собой сумму соответствующих парциональных рейтингов r_{ij} третьего уровня:

$$R_{lj} = \sum_{j=1}^{k} r_{ij}, \qquad (3)$$

где k — количество показателей, характеризующих данный блок модели.

Таким образом, макросостояние процесса информатизации будет представляться следующим аналитическим выражением для общего рейтинга:

$$R_j = R_{Чj} + R_{Tj} + R_{Insj} + R_{Oj} + R_{Inf}, \qquad (4)$$

где $R_{Чj}$, R_{Tj}, R_{Insj}, R_{Oj}, R_{Inf} — рейтинги подсистем «Человеческий потенциал», «Техническая и технологическая оснащенность региона средствами вычислительной техники и телекоммуникации», «Институциональный фактор», «Организационный фактор», «Информационный фактор» соответственно.

Распределение общего рейтинга R_j по регионам ЮФО в 2004 г. показано на рис. 2. Так как величина R_j является числом, то выражение (3) определяет уровень информационного развития для отдельного региона, а выражение

$$R_{ЮФО} = \sum_{j=1}^{12} R_j, \qquad (5)$$

общий рейтинг, или уровень информационного развития по всему ЮФО в целом.

Предлагаемая методика мониторинга адаптирована к действующей статистической отчетности в рамках государственного статистического наблюдения №3-Информ. Данные берутся из опубликованных источников, а также мониторинга ресурсов и материалов Интернета, федеральной и региональной прессы. Расчет в относительных величинах позволяет оценить уровень информационного развития региона, сопоставить полученные результаты с другими субъектами и позиционировать их по интегральному показателю.

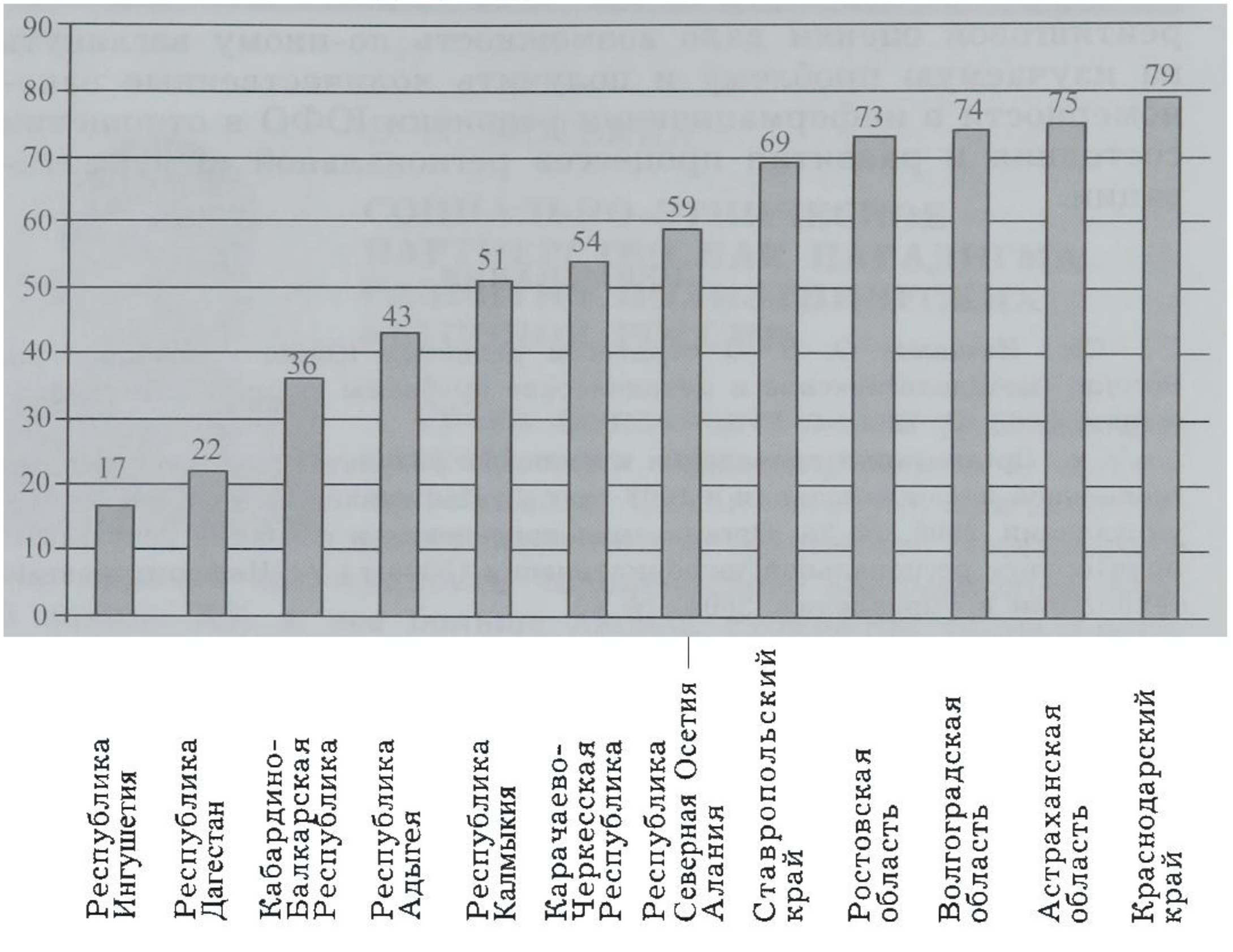

Рис. 2. Распределение общего рейтинга R_j по регионам ЮФО в 2004 г.

Как видно из рис. 2, по значению R_j регионы условно можно разбить на 4 группы с учетом социально-экономического развития и специфики географического положения. Первая группа — $R_j \leq 22$ (Республика Ингушетия, Республика Дагестан), вторая — $36 \leq R_j \leq 43$ (Кабардино-Балкарская республика, Республика Адыгея), третья — $51 \leq R_j \leq 59$ (Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания), четвертая группа — $69 \leq R_j \leq 79$ (Ставропольский край, Ростовская, Волгоградская, Астраханская области, Краснодарский край).

Дальнейший анализ показал, что наблюдаемое распределение общего рейтинга R_j может быть аппроксимировано нормальной кривой со средним значением $\bar{R} = 54{,}3$ и стандартным отклонением $\sigma_R = 20$.

Обобщение результатов требует дальнейших исследований. Но несомненно то, что применение методов иерархической

рейтинговой оценки дало возможность по-иному взглянуть на изучаемую проблему и получить количественные закономерности в информационном развитии ЮФО в отношении состояния и развития процессов региональной информатизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Иншаков О. В.* О стратегии развития Южного макрорегиона России: (методологические и методические проблемы формирования). Волгоград, 2003. С. 21.

[2] См.: Организация проведения и основные результаты мониторинга региональной информатизации в 1999 году // Информационные технологии в управлении. 2000, № 26; Организация проведения и основные результаты мониторинга региональной информатизации (2004 г.) // Информационные технологии в управлении. 2004, № 43.

Поступила 05.02.07.

В. Н. МОТЬКИН

СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Среди фундаментальных условий гуманистически ориентированного, цивилизованного бытия особую значимость имеет осознание актуальности социального партнерства как мудрости человеческого взаимопонимания. В начале XX в. все больше людей, субъектов социального взаимодействия, начинают осознавать то обстоятельство, что партнерство есть почти единственный способ гармонизации социальных потребностей, интересов, ценностных ориентиров людей, консолидации жизненных сил. Социальное партнерство становится феноменом стиля, качества жизни, менталитета.

Традиционно социальное партнерство рассматривается в качестве одного из видов социально-трудовых отношений, субъектами которых выступают работодатели и наемные рабочие. Эта форма социального взаимодействия — важнейший инструмент достижения общественного согласия, снижения социальной напряженности и конфронтации различных социальных групп, становится объективной реальностью[1]. В данном контексте социальное партнерство это метод цивилизованного решения социально-трудовых конфликтов, содержащий механизм достижения социальной стабильности общества, гарантирующий его мирную эволюцию, отсекая все деструктивное, потенциально взрывоопасное. Подобное партнерство носит социальный характер, но не исчерпывает всех типов этих отношений.

Полагаем, что вполне логично рассматривать значение формулы «социальное партнерство» и в широком смысле

МОТЬКИН Владислав Николаевич, доцент кафедры социологии Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

слова «социальное». В данном случае имеется в виду более широкая гамма социального партнерства.

В более широком плане социальное партнерство — это способ нахождения приемлемого, удовлетворяющего стороны варианта отношений, основанных на принципах равноправия и справедливости, это мера социального консенсуса потребностей, ценностей, интересов, ценностных установок, жизненных притязаний социализированных субъектов. В нашем представлении к классу партнерских относятся все виды социального взаимодействия, субьекты которых имеют примерно равный правовой статус. Это касается и сферы межнациональных отношений, где в качестве субъектов выступают различные этнические общности.

В каждой сфере общественной жизни: экономической, политической, духовно-идеологической складываются свои предметные области партнерства. Главным предметом партнерских отношений всех видов и уровней является качество жизни человека, комфортность среды обитания, цивилизованность общества. Основным предметом партнерских отношений для этносов становятся собственность, товар, ресурс, человеческий потенциал, технология, информация, власть.

Важными чертами социально-этнического партнерства, на наш взгляд, являются взаимоуважение, терпимость, корректность, следование в переговорном процессе принципу компромисса. Основная цель партнерских отношений в сфере межнациональных отношений — использование потенциала согласия для обеспечения высокого качества и условий жизни.

Политология и социология ищут пути реализации демократических принципов в полиэтнических государствах. Интерес представляет американский опыт поиска оптимальной модели сосуществования представителей различных рас и народов. Основанная на полиэтничности самоидентификации американцев теория гласит, что в Америке все расы переплавляются в одну новую расу людей, чей труд и процветание однажды приведут к огромным преобразованиям во всем мире. Сейчас эта теория ассимиляции широко известна как теория плавильного котла. Противоположная мысль делает акцент на «культурном плюрализме». Противостояние между теориями ассимиляции и плюрализма имеет в боль-

шой степени символический характер. Теория плавильного котла подчеркивает важность этнического разнообразия для рождения нового этноса, но ныне более востребованной является плюралистичная теория этнического разнообразия, предполагающая постепенное уменьшение процесса ассимиляции[2] Это предполагает полную унификацию культуры иммигрантов.

Также широко используются понятия «культурный плюрализм», «мультикультурализм» и «интегрированное многообразие», подразумевающие сохранение этнокультурной идентичности недоминирующих групп одновременно с их равной интеграцией в полиэтническое общество.

В современной России этносоциальные процессы протекают в условиях модернизации общества, региональной специфики, а основными субъектами национальной политики фактически являются региональные органы государственной власти. Одним из социальных институтов, выполняющих функцию регулирования межэтнических отношений, остаются республики. По этническому составу они представляют собой полиэтнические сообщества и играют важную роль в сохранении культурного многообразия страны, внутренней интеграции этнических общностей.

Будущее межнациональных отношений в полиэтничных субъектах России, на наш взгляд, принадлежит социально-этническому партнерству. В этом отношении показательным является опыт Республики Мордовия. Это полиэтничный регион, где проживают представители различных национальностей, среди которых русские, согласно Всероссийской переписи 2002 г., составляли 60,8 % населения, или 540 тыс. человек. Следующие по численности титульный мордовский этнос (31,9 %) — 284 тыс. чел., представленный двумя субэтносами (мокшанами и эрзянами) и татарский (5,2 %) — 46 тыс. человек. Наряду с районами компактного проживания русских в центральной и западной частях Мордовии, они дисперсно расселены по всем районам[3]

Для оценки потенциала социально-этнического партнерства в Мордовии, обратимся к результатам исследований, проведенных Научным центром социально-экономического мониторинга Республики Мордовия в 2003—2005 гг. Программа опросов предполагала пропорциональное представительство всех основных слоев населения (от студентов

до пенсионеров), жителей всех городов и районов, мужчин и женщин, людей разных национальностей, социально-профессиональных групп. В июне 2003 г. проведено социологическое исследование населения республики по квотно-территориальной выборке с учетом возраста, пола, этнической принадлежности респондентов и места проживания. Анкетирование проводилось в 11 из 21 района республики с учетом этнического состава населения, экономического районирования, степени индустриализации и урбанизации районов. Объем выборочной совокупности составил 500 человек.

Результаты исследования показали, что в экономической сфере предметом социального партнерства выступают феномены владения, пользования, распоряжения собственностью, проблемы прибыли, цены, кредитной, налоговой политики, инвестиционной деятельности, безопасности труда.

В 2005 г. 72,4 % русских имели доход до 3 тыс. руб. в месяц, от 3 001 до 5 000 руб. 20,7 % и от 5001 руб. и более — 7,0 %. Аналогичным образом выглядит распределение по доходам у мордвы (мокшан и эрзян). Несколько отличаются эти показатели в сторону повышения доходов у татарской части населения республики — до 3 тыс. руб. в месяц — 65,6 %, от 3001 до 5000 руб. 23,2 % и от 5001 руб. и более — 11,2 %.То же самое продемонстрировали ответы на вопросы, связанные с оценкой материально-финансового положения респондентов.

Однако большая часть респондентов среди представителей всех национальностей считают себя малообеспеченными. Самой популярной среди русских, мокшан и эрзян оказалась позиция «денег сейчас хватает только на приобретение продуктов питания». Выяснилось, что чуть лучше материально-финансовое положение у татарской части населения Мордовии. Большая часть опрошенных выделили позицию «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, более крупные покупки приходится откладывать».

В ходе опроса особое внимание обращалось на выявление мнения опрашиваемых о конкретных процессах перехода к рыночным отношениям в экономике. В связи с этим был задан вопрос: «В какой мере Вы обеспокоены возможностью стать безработным?» Среди русских «сильное беспокойство»

по этому поводу испытывали 26,1 % опрошенных, такую же степень озабоченности выразили 26,6 % мокшан, 32,7 % эрзян и 16,8 % татар. В условиях безработицы 46,1 % опрошенных русских будут рассчитывать на себя, 25,1% — на своих родственников, 15,9 % — на друзей. Примечательно, что в районные (городские и сельские) органы управления обратятся только 2,1 % респондентов, на Правительство РФ надеется только 0, 9 % , на Правительство Республики Мордовия — 1,6 %. Следует отметить, что при ответах не выявлено существенных отличий по социальному и национальному признакам.

В политической сфере предметом партнерства стали проблемы разграничения полномочий, зон влияния и ответственности, функциональной специализации, нормативно-правовой основы властно-политической деятельности.

Опрос 2005 г. показал, что 55,2% русских межнациональные отношения в Мордовии оценивают как «стабильные и добрососедские» (так же считают 71,1 % мордвы и 61,4 % татар). Только 2,2 % русских, 1,9 % мордвы и 2,0 % татар полагают, что «имеют место межнациональные конфликты». При этом 70,9 % опрошенных русских, 71,7 % мордвы и 84,1 % татар полагают, что «отношения между людьми разных национальностей в их районе (городе или селе) за последние пять лет» «остались без изменений». Однако часть респондентов считает, что эти отношения «ухудшились» (6,1; 4,7; 7,8 % соответственно).

Не менее интересные результаты получены при анализе ответов на вопрос: «Сталкивались ли Вы в своей жизни со случаями ущемления Ваших прав из-за Вашей национальности?». Большинство ответивших среди представителей всех национальностей выделило позицию «нет». Среди русских подобным образом ответило 91,1 %; 6,5 % респондентов все же сталкивались в своей жизни с подобными явлениями: среди них 3,8 % русских, 8,7 % мордвы и 19,9 % татар.

Как показал опрос, респондентов меньше всего в 2003 г. беспокоили «ухудшение отношений между людьми различных национальностей» и «состояние окружающей среды, экологические проблемы» (по 2,9 % соответственно). В 2005 г. русских меньше всего волновали «ухудшение отношений между людьми разных национальностей» (0,4 %) и «состояние обороны, безопасность страны» (1,3 %).

Заказ № 6759

Оказалось, что титульный этнос (мордву) и русских объединяют общие жизненные ценности. Выяснилось, что наиболее значимыми ценностями для жителей Мордовии в 2003 г. были «справедливость» (12,9 %), «порядочность» (12,9 %) и «труд» (9,8 %). Наименее значимые — «карьера» (1,8 %), «равенство» (1,2 %) и «коллективизм»(1,2 %). «Справедливость» поставили на первое место рабочие, колхозники, безработные, домохозяйки, пенсионеры, инвалиды (13,8; 18,1; 13,3; 12,6; 14,5 и 16,4 % соответственно). Порядочности отдали приоритет 13,7 % ИТР, 15,2 % служащих, 14,7 % руководителей коммерческих структур и 10,5 % работников коммерческих структур. Одинаково высоко ценят «порядочность» и «любовь» 10,5 % работников коммерческих структур и 12,6 % учащихся средних профессиональных учебных заведений. Для военнослужащих основой стали «порядочность, стабильность и справедливость» (по 10,5 %). Для студентов вузов и учащихся профессионально-технических училищ главное — «любовь» (соответственно 14,2 и 20 %).

Особое значение для этнополитической стабильности в регионе имеют межконфессиональные отношения. Большинство верующих в республике придерживаются православного христианства и относятся к Русской Православной Церкви. Татары Мордовии традиционно исповедуют ислам суннитского толка. Религия рассматривается людьми в качестве элемента культурной традиции, способа этнокультурной идентификации. Сохранение толерантных отношений между различными религиозными организациями необходимо для поддержания социальной стабильности и добрососедских межэтнических отношений[4].

Таким образом, в условиях роста этнического самосознания населения Мордовии, в его установках и поведении преобладает межэтническое согласие. Оно четко проявляется в ограниченности, подвижности и ситуативности зоны жестких межэтнических границ, в наличии широкого спектра согласованных установок у народов в экономико-социальной и социально-психологической сферах.

Это позволяет утверждать, что состояние межэтнических отношений в Мордовии характеризуется в последние десятилетия стабильностью и межэтническим согласием, чему способствовал ряд факторов: демографическая и территориальная структура населения, примерно равный статус

основных этнических групп, сложившиеся этноконтактные установки и традиции межэтнического взаимодействия, а также национальная (этнокультурная) политика[5]

Принципиальное значение для социально-этнического партнерства, самочувствия людей разных национальностей имеют правовые нормы, регламентирующие статус различных этнических групп. В Конституции Республики Мордовия, принятой в 1995 г., заложено полное равноправие граждан независимо от национальности (ст. 18, п. 2).

Вместе с тем в Конституции Башкортостана записано: «Республика Башкортостан образована в результате права башкирской нации на самоопределение» (ст. 31). В Конституции Тыва — «порядок приобретения гражданства определяется с учетом демографической ситуации в Республике Тыва и способствует обеспечению устойчивого преобладания коренной нации. В конституциях Башкортостана, Саха (Якутии), Татарстана, Тывы, Удмуртии, Бурятии есть статьи, согласно которым избранным главой государства (Президентом) может быть только гражданин республики, владеющий языком титульной национальности и русским. Поскольку среди нетитульных национальностей язык народа, дающего название республике, знают немногие, их большинство не может баллотироваться на этот пост. В Конституции РМ таких ограничений нет. Эти положения вызвали критику со стороны Президента РФ В. В. Путина как противоречащие нормам федерального законодательства. В последствии они были приведены в соответствие с Конституцией РФ.

Реализации взвешенной национальной политике в Мордовии способствовала Программа национального развития и межнационального сотрудничества народов Республики Мордовия, разработанная НИИ регионологии при Мордовском государственном университете. Программа представляет собой комплекс взаимосвязанных мер, направленных на обновление и развитие национальной жизни народов, населяющих территорию Мордовии, независимо от его численности и вклада в экономику и культуру республики, а также налаживание демократических, равноправных отношений между народами.

Таким образом, социологические опросы 2003—2005 гг., проведенные НИИ регионологии, выявили определенные

сходства и различия в положении русского и других этносов республики. Выявлено отсутствие значительных различий в доходах и уровне жизни, оценке своего материального благосостояния, политических ориентациях и отношении к властям различных уровней у разных этносов республики, в том числе и у русских. Исследования показали, что в Мордовии отсутствует явное доминирование этносов, что при наличии общей заинтересованности в сохранении мира и спокойствия создает благоприятную основу для партнерских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Социальное партнерство в трудовой сфере. Бюл. Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия. Саранск, 2003. № 2.

[2] См.: *Богатова О. А.* Социальное партнерство в межнациональных отношениях (региональный аспект) / Социология социального партнерства: Сб. науч. ст. / НИИ регионологии при Мордов. гос. ун-те / Отв. ред. А И. Сухарев. Саранск, 1999. С. 70—97.

[3] Электрон. ресурс [режим доступа: www.e-mordovia.ru/aboutMordovia/population.php].

[4] См.: Религиозные организации и межконфессиональные отношения в Республике Мордовия / Бюл. Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия. Саранск, 2004. № 12.

[5] См.: *Богатова О. А.* Динамика межэтнических отношений // Социально-экономическое развитие Республики Мордовия в 2002—2004 гг. / Под ред. А. И. Сухарева, В. В. Козина, С. В. Полутина. Саранск, 2005. С. 113—149.

Поступила 23.09.07.

М. С. УЛАНОВ

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ БУДДИЗМА В КАЛМЫКИИ[1]

Буддизм у ойратов (предков калмыков) имеет давнюю и богатую историю. Впервые буддизм проник в регион от уйгуров и тангутов. Вторая волна буддизма пришла к ойратам после их включения в империю Чингисхана.

В середине XIV в., с падением в Китае монгольской династии Юань, влияние буддизма на монголов и ойратов ослабело. Основной причиной было ослабление центральной власти и начавшиеся феодальные междоусобицы, поскольку буддийская община могла эффективно функционировать только в стабильных политических условиях централизованного государства, оказывавшего политическую и экономическую поддержку буддийской общине[2]

Новая волна буддизма пришла в Монголию в конце XVI в. благодаря усилиям Далай-ламы III. XVI—XVII вв. — период значительного усиления буддизма, признания учения светской властью Монголии. Монгольское общество на этот раз социально и идеологически оказалось гораздо более подготовленным к восприятию новой религии.

Вопрос о форме вероучения, то есть о том, какие буддийские школы были представлены в Монголии к тому времени, остается в настоящее время открытым. Очевидно только, что здесь были представлены разные направления тибетского буддизма. Однако главной формой распространившегося среди монголов тибетского буддизма стала «желтошапочная» традиция Гелуг, возникшая в XV в. Ее основатель Цзонкапа выступал за восстановление древних традиций индийского буддизма. Особое внимание он уделял монашеской дисциплине и буддийской философии.

УЛАНОВ Мерген Санджиевич, доцент кафедры регионоведения и истории Калмыкии Калмыцкого государственного университета, кандидат исторических наук.

Широкое распространение школы Гелуг среди монголов можно объяснить характеристиками этого направления тибетского буддизма. Реформаторская деятельность Цзонкапы была направлена на восстановление высокого социального статуса буддийской монашеской общины с помощью воссоздания традиций аскезы и философии раннего буддизма. Строгое соблюдение дисциплинарного кодекса Винаи, обязательное религиозно-философское образование монахов, последовательность в получении религиозного образования укрепляли духовный авторитет и статус монашества.

Важным фактором, способствующим широкому распространению Гелуг, стало введение пышной обрядности религиозных церемоний. Кроме того, Гелуг имела мощный материальный и идеологический фундамент для дальнейшего распространения школы. Была создана широкая сеть монастырей — образовательных и идеологических центров учения.

Распространению буддизма способствовали и социально-политические факторы. Новая религия закрепила сложившиеся социальные отношения и способствовала политическому союзу раздробленных княжеств между собой и другими буддийскими государствами. Единство религиозной идеологии способствовало укреплению идеи единства, создавая идеологическую основу, способную облегчить преодоление раздробленности и при наличии других благоприятных условий объединения страны. Принятием тибетского буддизма был закреплен союз светской и духовной власти. В основе этого события лежали политические интересы ханов и князей, убедившихся в важном значении союза с церковью. Таким образом, буддизм выступал как фактор политической интеграции в противовес раздробленности и сепаратизму.

На быстрое распространение Гелуг у ойратов повлияла и политическая история ойратского союза, особенности международного положения. В основном же предпосылки быстрого распространения Гелуг в ойратской среде были такими же, как и у монголов.

Утверждение новой религии невозможно без проникновения в массовое сознание, привыкшего к прежним обрядам и традициям. Поэтому наиболее плодотворным путем распространения буддизма стало включение ряда добуддийских культов, переработанных и наполненных новым содержанием.

Д. Д. Банзаров одну из причин быстрого распространения буддизма среди монгольских племен видел в «уступчивости буддийских проповедников, в их снисходительности к местным народным привычкам»[3]

Важная роль в распространении буддизма среди ойратов принадлежала Зая Пандите. Величайшее его достижение — создание в 1648 г. ойратской письменности «тодо бичиг». Совместно со своими учениками он перевел с тибетского на ойратский более 170 буддийских сочинений, из которых до нас дошло только 47. По мнению А. М. Позднеева, сохранившиеся ойратские переводы буддийской литературы «несравненно правильнее, толковее и вообще выше таких же переводов на язык монгольский»[4]

Создание национальной письменности — важный политический шаг в деле объединения ойрат, оно имело и практическое значение в деле просвещения и религиозной проповеди. Составленные переводы с тибетского языка на калмыцкий (ойратский), становясь доступным для каждого, послужили основой просвещения народа и сознательным проводником к пониманию и усвоению основ буддизма, а также положили начало самостоятельности ойратско-калмыцкой литературы. Осуществляя активную переводческую деятельность, формируя основу национальной литературной традиции, Пандита выдвинул буддизм в качестве одного из основных культурообразующих факторов, закладывая основу ойрат-калмыцкой культуры.

В начале XVII в. в ойратских улусах стали появляться кочевые и стационарные монастыри. Развалины ойратских хурулов найдены в долине Иртыша. Семипалатинск в Казахстане также назван в честь буддийского комплекса «Семь палат». Известным храмом XVII в. был монастырь Аблаинкит. Появление стационарных монастырей свидетельствует о широком распространении буддизма среди ойратов.

Единство религиозной идеологии в то время не могло не способствовать укреплению идеи общеойратского единства, создавая некоторую идеологическую основу, способную облегчить преодоление раздробленности и при наличии других благоприятных условий объединить страну.

Войдя в состав России, ойрат-калмыки не утратили свою религию. Калмыцкие нойоны в первые десятилетия своего пребывания на Волге в вопросах религии и религиозной поли-

тики целиком ориентировались на Лхасу, откуда присылались ламы-первосвященники, возглавлявшие церковную иерархию в Калмыкии, куда нойоны ездили на поклонение к Далай-ламе, везя с собой обильные подношения, в обмен получая почетные титулы и звания. Но затруднительность связи с Тибетом, поездка в который требовала огромных затрат и отнимала два-три года и больше, имела своим результатом постепенное ослабление контактов с верховным руководством ламаистской церкви. Поездки в Лхасу становились все более редкими, влияние Тибета падало. В конце XVIII в. его влияние свелось к минимуму. Поэтому организация ламаистской церкви в Калмыкии приобрела ряд особенностей, отличавших Калмыкию от других ламаистских стран.

Среди калмыков, как и среди ойратов в Джунгарии, не получил широкого распространения институт хубилганов, не сложилось у них централизованной церковной организации, а общая численность монастырей (хурулов) и монахов была относительно меньшей, чем в других ламаистских странах. В результате общее влияние церкви на жизнь калмыцкого общества не было столь исключительным, как в других странах. В отличие от Тибета и Монголии, церковная иерархия в Калмыкии была сравнительно мало развита.

Объяснение этому следует, на наш взгляд, искать в специфике военно-политического и географического положения ойратских владений в конце XVI — начале XVII в. Они обусловили менее тесные связи буддийской церкви Тибета и ойратских правителей, их меньшую в то время взаимную заинтересованность в союзе и взаимной помощи. На взаимоотношениях церкви и светской власти не могла не отразиться постепенная централизация светской власти в руках единодержавного хана. Вот почему в дальнейшем в Калмыцком ханстве не сложилось централизованной организации ламаистской церкви, подобно той, которая возникла на востоке Монголии[5].

Буддийское духовенство калмыков участвовало и в политических процессах. Формула союза светской и религиозной власти последовательно проводилась в жизнь в период расцвета калмыцкого государства. Основными направлениями политической деятельности буддийского духовенства в Калмыцком ханстве в XVII — начале XVIII в. становится организация взаимодействия нойонов формирующегося Кал-

мыцкого ханства с правителями Джунгарии и Тибета, путем создания ойратского законодательства, осуществления посольских отношений силами представителей Сангхи, с целью объединения ойратских родов под тибетским идеологическим протекторатом. Калмыцкое духовенство, контактируя с российской администрацией и легитимируя систему шертных договоров, принимало участие в формировании политических отношений калмыцких правителей и российской власти.

Достаточно независимое существование Калмыцкого ханства не устраивало царизм. Во второй половине XVIII в. началось планомерное наступление на калмыцкую автономию. Одновременно усилилась колонизация Нижнего Поволжья, активизировалась миссионерская деятельность Русской православной церкви. Все это привело к откочевке в 1771 г. большей части калмыков в Джунгарию.

После 1771 г. позиции буддизма в Калмыкии ослабли, так как вместе с ушедшими калмыками откочевало большинство хурулов и лам. Религиозные связи с Тибетом почти прекратились. Вновь стали возрождаться шаманские культы и традиции. Это, а также мероприятия российского правительства способствовало изменению обрядности. По мнению А. М. Позднеева, обрядовая сторона буддизма у калмыков была выражена значительно сильнее, чем у монголов, которые из-за недостатка гелонгов очень редко отправляли у себя обряды. Калмыки почти по любому поводу обращаются к ламам. Молитвы по частным просьбам у них значительно популярнее коллективных служб. В результате у калмыков существуют обряды, неизвестные в других буддийских регионах[6].

После ликвидации Калмыцкого ханства буддийское духовенство, согласно специально принятым законоположениям Российского государства, обрело четкую структуру, но одновременно с самого начала XIX в. правительство стало предпринимать меры по сокращению штатов священнослужителей с целью ограничения влияния духовенства на народ. Тем не менее, миссионерская политика, направленная на христианизацию калмыцкого населения, не имела особых успехов. Большинство калмыков продолжали оставаться буддистами[7]

В целом можно отметить, что для политики российского правительства по буддийскому вопросу были характерны, с

одной стороны — стремление российских властей подчинить буддизм государственным нуждам, с другой — постепенное замещение его православием — главной идеологической опорой самодержавия.

Царское правительство, предпринимая шаги к уменьшению количества хурулов и числа духовенства, объясняло это тем, что «ни в одной нации не было и нет столь великого, несоразмерного числу народа духовенства, какое существует в калмыцком народе», а также тем, что данная мера будет способствовать росту благосостояния калмыков. Сокращая количество хурулов и численность его служителей, правительство пыталось уменьшить, а по возможности и ликвидировать сопротивление буддийской церкви и духовенства, оказываемое ими православной миссии, что являлось одним из наиболее наглядных проявлений христианизаторской политики царизма[8]

Одновременно Правительство сочетало политику ограничения с некоторыми поощрениями — подарками, наградами, сумело привлечь на свою сторону калмыцкое духовенство. Оно было освобождено от повинностей, телесных наказаний, воинской службы. Царская администрация рекомендовала своим представителям на местах «...при ограничении числа хурулов и духовенства не отступать от древних обычаев, не стеснять религиозных прав народа»[9].

Политика царизма в области ограничения влияния буддизма не имела успеха. Калмыцкое духовенство оказывало сопротивление ограничительной политике царизма. Для сохранения числа хурулов они были поделены на большие и малые. Каждой монастырской постройке придавался статус храма. Во второй половине XIX в. появился институт хурульных учеников, число которых трудно было определить. В него входили и священнослужители, попавшие под сокращение[10] В результате реально существовало большее количество хурулов и лам, чем это предусматривало Положение 1847 г. Калмыцкое духовенство продолжало строить новые храмы и кумирни. К началу XX в. насчитывалось более 92 хурулов, что значительно превысило разрешенное количество. Возросло и число калмыцких лам[11].

По мнению А. М. Позднеева, реформы, направленные на ослабление позиций буддизма, часто приводили к совершенно обратным результатам. Так, утверждение верховных лам

правительством сделало их несменяемыми. Они фактически приравнивались к государственным чиновникам, что поднимало их статус. Калмыки теперь стали воспринимать буддийское духовенство в качестве официальной власти, что препятствовало прозелитизму Русской православной церкви. Стремясь лишить калмыцкую церковь величия, было существенно сокращено число высших лам. Переход в 40-е гг. XIX в. всей религиозной власти в руки одного лица — Ламы Калмыцкого народа, который утверждался правительством России, лишь сплотило буддийскую церковь Калмыкии, устранив в ней разногласия[12]

Достаточно скромными, как по охвату массы народа, так и по степени усвоения догм, были и успехи христианской миссии среди калмыков. Основными причинами малой эффективности христианской миссии среди калмыков следует считать те же самые, что обусловили неудачи православных миссионеров, действовавших среди других народов, населявших Российскую империю. Однако, при сравнении итогов христианизации калмыков с аналогичной деятельностью православных миссий в других регионах страны, выявляются особенности.

Православная миссия среди калмыков столкнулась не с родоплеменными верованиями, а с хорошо организованной буддийской церковью, идеология которой отвечала потребностям уже сложившихся феодальных отношений в кочевом калмыцком обществе. Калмыцкий буддизм был сильным и опытным соперником российской православной церкви уже хотя бы потому, что сам имел многовековой опыт контакта с иными религиозными системами и отработал методику взаимоотношений с ними в зависимости от того, были это языческие культы первобытного и раннеклассового общества или развитые религиозные системы мирового уровня, каким являлось христианство[13].

В начале XX в. в России происходит процесс либерализации религиозной политики. Почти все ходатайства калмыцкого духовенства удовлетворялись правительством полностью. На это изменение курса правительства по отношению к религиозной жизни калмыков и других инородцев повлияла, по-видимому, первая русская, буржуазно-демократичная революция[14]. Воспользовавшись либерализацией религиозной политики России, калмыцкие буддисты активизировали кон-

такты с другими буддийскими регионами: Бурятией, Монголией, Тибетом. Это дало новый импульс развитию буддизма в Калмыкии. Неоднократно ставились вопросы о расширении системы хурульных школ, преподавании основ буддизма в светских школах. Восстанавливались традиции получения образования в монастырях Тибета, традиции паломничества[15]. Возникает обновленческое движение, направленное на очищение буддизма от несвойственных ему элементов: суеверий, невежества, корыстолюбия, стяжательства и т. д. Обновленцы стремились повысить образовательный уровень лам, возродить нравственную чистоту раннего буддизма, донести буддийское учение до простого народа. Известным представителем обновленческого движения был Бован Бадма, автор поэмы «Услаждение слуха».

Стремление к духовному обновлению и углублению образования отразилось в неоднократных обсуждениях на съездах духовенства вопросов об открытии типографий, новых высших конфессиональных школ, а также о получении светского образования наиболее способными священнослужителями в российских университетах.

Таким образом, буддизм получил широкое распространение среди ойратов во многом потому, что оказался близок их менталитету. Жизнь кочевника на просторах бескрайней степи, где мало что отвлекает внимание, способствовала формированию созерцательного и космического сознания, свойственного буддизму. Свободолюбивым кочевникам была близка мягкая буддийская религия, не устанавливавшая жесткого регулятора образа мышления и поведения, тем более что буддизм не стал полностью отвергать привычные культы и обряды, а лишь ассимилировал их, наполнив новым содержанием.

Принятие буддизма ойрат-калмыками знаменовало собой качественно новый этап в развитии их культуры. Буддизм в своей центрально-азиатской форме стимулировал развитие различных форм духовной жизни общества. С принятием буддизма возникла национальная письменность, религиозная живопись и архитектура, храмовая музыка и танцы, калмыки приобщились к богатейшей буддийской литературе, познакомились с индийской философией и тибетской медициной. Буддийские школы при хурулах сыграли исключительно большую роль в просвещении калмыцкого народа.

Буддизм способствовал формированию у калмыков нового типа личности. Знакомство с буддийской философией и этикой способствовало тому, что у воинственных ранее кочевников стали распространяться такие качества, как мягкость, приветливость, доброжелательность, терпимость, деликатность при сохранении собственного достоинства. Терпимость к чужим культурным и религиозным ценностям, способность воспринять все лучшее, что создано другими культурами, отсутствие претензий на исключительность — особенности буддизма, способствовавшие установлению калмыками добрососедских отношений с другими народами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 07-01-36103 а/ю.

[2] См.: *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии. Элиста, 1995. С. 18—19.

[3] *Банзаров Д. Д.* Собр. соч. М., 1955. С. 55.

[4] *Позднеев А. М.* Калмыцкое вероучение // Энциклопед. словарь. Т. 14. СПб., 1895. С. 72.

[5] См.: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.

[6] *Позднеев А. М.* Калмыцкое вероучение... С. 74.

[7] См.: *Очирова Н. Г.* Буддийское духовенство и развитие калмыцкой культуры // Буддийское духовенство и культура Калмыцкого народа. Элиста, 2004. С. 8.

[8] *Дорджиева Г. Ш.* Ламаистские хурулы (монастыри) и духовенство Калмыкии во II половине XIX — начале XX в. // Буддизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма. Элиста, 1980. С. 37.

[9] Там же.

[10] См.: *Сафронова Е. С.* Буддизм в России. М., 1998. С. 61—62.

[11] Там же. С. 63.

[12] *Позднеев А. М.* Калмыцкое вероучение... С. 73.

[13] *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII — начало XX вв.). Элиста, 1995. С. 67.

[14] *Она же.* Ламаистские хурулы... С. 34—35.

[15] Там же. С. 36.

Поступила 07.02.07.

Е. Н. МОИСЕЕВА

СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РЕГИОНЕ

Благотворительность — одна из древнейших традиций, которая пришла на Русь вместе с христианством. Концепция милосердия является одной из центральных в православии. Древнерусское общество, принимая христианство, восприняло заповедь о любви к ближнему: это прежде всего накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного в темнице. Свое выражение это получило в раздаче милостыни.

Христианизация мордвы шла медленно и трудно. Наиболее ранние письменные свидетельства о проникновении христианства в мордовскую среду сохранились лишь с начала XVI в., когда на территории Мордовии начали воздвигаться монастыри и церкви. Помощь бедным была делом отдельных лиц, проникнутых идеей христианской нравственности. Именно приходские священники в Мордовии стояли у истоков социально-ориентированного служения. Они первыми создавали общественные организации социальной помощи, приюты для сирот и престарелых. Среди них можно назвать имена священника Троицкой церкви Саранска Алексея Масловского, Архиепископа Симбирской епархии Анатолия, подвигавшего монастыри на социальную деятельность, открывавшего при обителях школы и больницы. Священник Михаил Магнитов сумел остаться в народной памяти как человек, спасший с. Кочелаево от эпидемии холеры, объявивший непримиримую борьбу профессиональному нищенству, процветающему в некоторых селах Саранского уезда. Священник Василий Масловский был бескомпромиссным борцом с пьянством, основал общество трезвости, за что кабатчики и пьяницы травили его

МОИСЕЕВА Елена Николаевна, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Саранского кооперативного института.

доносами, но пастырь до конца исполнял свой долг нравственного воспитания народа. Примеры духовной самоотверженности явили женщины, принявшие на себя обеты монашества: Игумения Параскева Пайгармская, создавшая за 30 лет крупнейшую в мордовском крае Параскево-Вознесенскую обитель, в завещании сестрам в 1895 г. писала: «...завещаю вам помогать нуждающимся, принимать странных, бесприютных и безродных стариц, детей и сирот в приют, мною устроенный, и детей поселян учиться в церковь, школу; учите их словом и примером всем христианским добродетелям: всех несчастных и печальных утешайте — и Господь не оставит вас своей милостью»[1] Заветы Параскевы в равной степени относились ко всему женскому монашеству, сыгравшему значительную роль в становлении социальной защиты и реабилитации населения, формировании гуманистической культуры провинции.

Практика социальной помощи с первых лет христианства развивается при монастырях. Имея высокую культуру жизнедеятельности, монастыри представляли собой многофункциональную систему поддержки, где сформировался особый тип самопомощи человеку, связанный с основными важнейшими сферами его жизни: общение, обучение, совместное проживание, лечение, ведение хозяйства. По мнению В. О. Ключевского, «...древнерусский монастырь всегда был запасной житницей для нуждающихся, ибо церковное богатство, как говорили пастыри — нищих богатство»[2]. Не единожды в неурожайные и голодные годы монастырские хранилища открывались для помощи бедному люду. При всех монастырях кормили нищих и убогих. История региона это подтверждает[3]

Пришедшие из Греции первые иноки принесли с собой представления о врачевании как о подвижническом долге монахов. На протяжении многих веков монахи, наряду с культовой службой, занимались лечением больных. Они накапливали медицинские знания и передавали их из поколения в поколение. При монастырях возникли первые больницы, где больные пользовались бесплатным лечением. В 1779 г. сооружена больничная церковь во имя Владимирской иконы Божией Матери в Санаксарском монастыре, в Краснослободском Преображенском монастыре в 1817 г. построен каменный больничный корпус Александро-Невской

церкви. При Саровском монастыре были больница и лечебница для приходящих больных и оказания помощи на дому богомольцам и окрестным жителям. Ежегодно лечебница обслуживала до 5 тыс. человек. Содержание, прием больных и выдача лекарств из монастырской аптеки были бесплатными. Женское монашество принимало активное участие в общественной жизни: воспитанницы Чуфаровского монастыря как сестры милосердия участвовали в освобождении Болгарии от турецкого ига, сестры Кимляйского монастыря первыми в Троицком уезде проводили медицинское обследование населения. Особо стоит вспомнить княжну Н. Д. Бибарсову, пожертвовавшую свое имение для создания Ковыляевского монастыря, а при нем больницы, специализировавшейся на лечении женских болезней.

Таким образом, монастыри занимались лечением, оказывали неимущим единовременную помощь продуктами (милостыня) и обучением. Сообразно этим функциям при монастырях действовали институты поддержки. Монастыри не специализировались на каком-то одном виде помощи, а в этом отношении были многофункциональными.

Процесс возрождения милосердно-благотворительной деятельности Русской Православной Церкви начался в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. Проблемы общества поставили перед православной церковью задачу возрождения и воплощения в жизнь многих религиозных добродетелей. Правовые запреты на милосердно-благотворительную деятельность религиозных организаций были преодолены принятием 9 декабря 1990 г. Закона РФ «О свободе совести и религиозных организациях» и 25 октября 1990 г. Закона РФ «О свободе вероисповеданий». В политическом плане это было свидетельством демократизации общества, в идеологическом — признания реалий жизни, наличия большой численности людей, нуждающихся в помощи и милосердной заботе, в нравственном — возвращение к общечеловеческим гуманистическим ценностям (состраданию, милосердию, жертвенности, готовности делать добро). Происходит возрождение христианской благотворительности, особенно актуальной в это нелегкое время.

Социальное служение современной православной церкви чрезвычайно многогранно по направлениям, формам и методам. Наряду с материальной поддержкой престарелых и

инвалидов, участием в воспитании детей и помощью людям, оказавшимся в беде и не имеющим сил (возможностей) самостоятельно ее преодолеть, оно нацелено на утоление печалей страждущих, успокоение отчаявшихся, опеку над немощными, нравственную поддержку заключенных, смягчение социальной напряженности, улаживание этнических и межнациональных конфликтов. Помощь беженцам, мигрантам, жертвам межэтнических распрей, бездомным людям, попавшим в экстремальную ситуацию, распределение гуманитарной помощи, организация благотворительных столовых, бесплатная раздача пищи, одежды, обуви, уход за одинокими престарелыми на дому — основные направления милосердно-благотворительной деятельности современной церкви. Православная церковь в последнее время значительно активизировала свою работу с наркоманами, алкоголиками, заключенными, людьми, страдающими психическими заболеваниями, детьми из неблагополучных семей, детских домов и интернатов. Под патронатом Церкви начинают работать медицинские и благотворительные учреждения, специальные церковные структуры. Каждый монастырь и приход старается в силу своих возможностей иметь программу оказания помощи нуждающимся.

В Республике Мордовия с начала 90-х гг. XX в. основным субъектом благотворительной деятельности становится Саранская Епархия. Ее благотворительная деятельность в современной истории началась в 1991 г. с образованием самостоятельного церковного управления на территории Мордовии. В ее уставе записано: «...призвана совершать дела милосердия и благотворительности».

С целью возрождения социального служения на общеепархиальном уровне образованы Отдел по церковной благотворительности и социальному служению и Миссионерский отдел, координирующие усилия монастырей и приходов в этом виде деятельности. За время работы отделы оказали помощь малоимущим семьям и детям-инвалидам. Священники помогали детским клубам и приютам, социально-реабилитационным центрам, детям-инвалидам, школе-интернату глухонемых. Так, сотрудники Миссионерского отдела входят в попечительский совет республиканского социального приюта для детей и подростков «Надежда», где их силами оборудована «Комната православной культуры». Для вос-

Заказ № 6759

питанников организуются поездки в храмы и монастыри Мордовии, празднования православных праздников и дней рождений, благотворительные концерты. Постоянно проводятся службы, беседы о православном богослужении и церковном этикете. Активно сотрудники Отдела работают с Ялгинской школой-интернатом. В день выпускного бала 25 мая 2006 г. по благословению Владыки Варсонофия на епархиальном автобусе выпускники посетили памятные места г. Саранска, осмотрели тогда еще строившийся собор во имя Св. праведного воина Феодора Ушакова, часовню во имя Св. благоверного князя Александра Невского, место, где некогда возвышался Спасский собор, разрушенный в богоборческие годы, Спасскую часовню, построенную в память уничтоженного собора, Епархиальное управление и экспонаты епархиального музея[4] Летом организуются лагеря для детей из малообеспеченных семей. В дни Великого Поста Миссионерский отдел проводит акцию «Дела милосердия», посредством которой собирает вещи, обувь, канцелярские принадлежности для детей Ялгинского, Темниковского детских домов, школы-интерната для глухонемых детей, детского дома инвалидов г. Ардатова, детей из многодетных и малообеспеченных семей. Ежегодно к празднику Рождества Христова отделами готовятся несколько тысяч подарков. Священники отделов проводят еженедельные службы в Саранском доме ветеранов войны и труда, где устроена церковь. Благочинные районов посетили все дома престарелых, беседуя с людьми, в них проживающими, и оказывая им материальную и духовную помощь. Постоянно оказывалась адресная социальная помощь отдельным гражданам и общественным организациям: на лечение ребенка, инвалиду с детства, ветеранам чеченской войны, на лечение студенту Саранского Духовного училища, детям-сиротам г. Ковылкино, Саранской городской общественной организации инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата, Саранской городской общественной организации инвалидов с детства и детей-инвалидов, Мордовскому республиканскому обществу слепых, редакции детской православной газеты «Колокольчик» и др.

Обширную социально-ориентированную деятельность ведет Архиепископ Саранский и Мордовский Варсонофий. Так, например, в день Великомученика и целителя Пантелеймона

божественную литургию он совершил в больничной церкви святителя Луки п. Ромоданово, освятил часовню в Ардатовском психоневрологическом диспансере (с. Редкодубье). При освящении Храма Казанской иконы Божией Матери в п. Комсомольский Владыка посетил дом престарелых поселка.

Монастыри и приходы начинают оказывать помощь тяжело больным, одиноким, престарелым, детям-сиротам, берут на себя патронаж над домами ребенка, детскими больницами, школами-интернатами, пансионатами для престарелых, организуют уход за больными в больницах, обеды для бедных после воскресной службы, оказывают духовно-просветительскую помощь прихожанам. Так, в Санаксарском монастыре открыт центр реабилитации наркоманов. Сегодня в монастыре трудятся 22 бывших наркомана, стоящие на учете в медицинских учреждениях и изъявившие желание пройти не только медикаментозное лечение, но и укрепиться духовно. Кроме того, открыт медицинский пункт, оказывающий помощь братии, трудникам и паломникам монастыря. Проводится диагностика и этиопатологическое лечение заболеваний, сбор медицинских пожертвований от благотворителей, совместная работа с медсанчастями г. Темникова, г. Сарова, п. Явас, с центром Анти-СПИД по выявлению и профилактике особо опасных инфекций. При Покрово-Селищенском Свято-Варсонофиевском женском монастыре построена богадельня, где проживают престарелые люди, открыт приют для малолетних сирот[5].

Епархия заключила соглашение о сотрудничестве с министерствами образования, чрезвычайных ситуаций, внутренних дел, здравоохранения и социальной защиты Республики Мордовия. Например, соглашение о сотрудничестве с Минздравом РМ предусматривает развитие услуг в сфере оказания медико-социальной помощи, профилактической деятельности и медицинского просвещения детям, инвалидам и иным слабозащищенным группам, обеспечивая уход за больными на дому и в клиниках, подготовку персонала сестер милосердия.

Подписание соглашения с МВД РМ позволяет осуществлять пастырскую деятельность с сотрудниками правоохранительных органов, направляющихся и вернувшихся из командировок в горячие точки, освящать проводы юношей на военную службу. Однако основная работа ведется в

тюрьмах, причем не только среди заключенных, но и среди сотрудников УФСИН РФ по РМ. В 1996 г. при Саранской Епархии образован Отдел по связям с военными ведомствами и правоохранительными органами, взявший на себя дело социального служения в многочисленных тюрьмах и колониях Мордовии. Так, в Дубравлаге силами заключенных устроены 2 храма, 5 домовых церквей и 9 молитвенных комнат, в 8 имеются алтари и служится Литургия. Каждый год около 200 чел. в тюрьмах принимают Святое Крещение, 800—1000 чел. исповедуются и причащаются, десятки соборуются[6]. В п. Явас, центре учреждения ЖХ-385, устроена и освящена церковь прп. Серафима Саровского, в ее строительстве принимали участие многие колонии. Архиепископ Саранский и Мордовский Варсонофий не единожды посещал подобные тюремные обители. Существует практика вручения наград за духовную деятельность и социальное служение в условиях исправительных учреждений[7].

Важнейшим направлением деятельности Саранской епархии стала работа с молодежью, включающая в себя комплекс социально ориентированных и культурно-просветительских мероприятий. Почти во всех храмах и монастырях открыты воскресные школы, появляются первые детские православные объединения. В более чем 120 воскресных школах республики обучаются более 2 тыс. детей, в детских садах Мордовии функционируют 16 православных групп, действуют православные подростковые клубы: клуб исторического фехтования и реконструкции «Владычный полк», действующий при Саранском духовном училище; славянских ратоборств имени святого благоверного князя Александра Невского; дискуссионный клуб «Сретение», литературный клуб «Гамаюн», православный клуб «Родник». С 2002 г. в республике создана молодежная организация «Союз православной молодежи Мордовии», основная цель которой — приобщение нового поколения россиян к традициям православной культуры и патриотического воспитания. Летом организуются походные лагеря на р. Сура, где проходят богослужения и пастырские беседы, некоторые ребята принимают Святое Крещение. В марте 2004 г. в Саранском православном Духовном училище прошел обучающий семинар для добровольцев, желающих работать с социально незащищенными детьми по проекту Союза

православной молодежи Мордовии «Путевка в жизнь». Проект подразумевает вовлечение в скаутское движение воспитанников саранских приютов «Радуга» и «Надежда», дабы отвлечь их от «улицы», тем самым оградив от влияния асоциальных групп.

В целях развития православной культуры, усиления духовно-нравственного и патриотического воспитания населения 12 февраля 1999 г. распоряжением Главы РМ Н. И. Меркушкина образован Общественный Совет по развитию православной культуры в РМ. Деятельностью Совета руководит Епископ Саранский и Мордовский Варсонофий. В его состав входят председатель Госкомитета РМ по национальной политике, глава администрации Саранска, заместители министров культуры и образования, священнослужители, ведущие специалисты ряда ведомств, ученые.

Русская Православная Церковь в Мордовии пользуется большим авторитетом у населения. Священники стали привычными гостями в школах, вузах, больницах, местах заключения. Идеи социально-ориентированной деятельности русской Православной Церкви обсуждаются и на государственном уровне. Так, в начале марта 2007 г. в Москве работал XI Всемирный Русский народный Собор, где обсуждались проблемы преодоления бедности. В ходе работы Собора высказано много предложений, одним из которых является щедрая благотворительность и социальная активность в пользу приютов для детей, бездомных, больниц, домов престарелых и храмов[8]

Как отмечено в послании Юбилейного Архиерейского Собора: «Наша жизнь должна быть подражанием Христу. Господь призывает каждого из нас к подвигу жертвенного служения. Мы обязаны позаботиться об одежде и пище для нищих, о кровле для бездомных, быть заступниками вдов, защитниками сирот и всех несправедливо обиженных, наставниками духовно заблудших, утешителями кающимся грешникам». «Не ждите, чтобы вас пожалели — сами жалейте других. Не ждите сочувствия — сочувствуйте ближним. Не ждите помощи — помогайте тем, кто нуждается в вашей помощи. Будьте скоры на делание добра и медленны на осуждение и укоры»[9]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Саранская епархия: 1991—2001 / Под общ. ред. епископа Варсонофия / Сост. С. Б. Бахмустов. Саранск, 2001. С. 33.

[2] Цит. по: История России: Учебник для вузов / Под ред. М. Н. Зуева, А. А. Чернобаева. М., 2001 С. 28.

[3] Саранская епархия... С. 126.

[4] Хроники // Саранские епархиальные ведомости. 2006. № 5. С. 40.

[5] *Налетова Т.* Детей сюда приводит Бог. В Свято-Варсонофиевском монастыре работают детский сад и дом престарелых // Изв. Мордовии. 2005. 13 апр. С. 20.

[6] См.: *Варсонофий, архиепископ Саранский и Мордовский.* Юбилеи: Послания, речи, обращения. Саранск, 2001. С. 127.

[7] См.: Наместник монастыря Саранской епархии награжден почетным знаком Минюста // Саранские епархиальные ведомости. 2004. № 3. С. 33.

[8] Проблемы преодоления бедности обсуждены на XI Всемирном Русском Народном Соборе // Российская кооперация. 2007. № 11. 15 марта. С. 1—5.

[9] Основы социальной концепции Русской Православной церкви / Церковь и время. М., 2000. № 4. С. 7—122.

Поступила 14.05.07.

А. Б. ТАНАСЕЙЧУК

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Культурное развитие Соединенных Штатов Америки осуществлялось в отсутствие единого центра, культурной метрополии, способной «иррадиировать» внятные «культурные импульсы», направляя и управляя общенациональной культурной динамикой. В большинстве стран «культурная столица» совпадает со столицей политической и экономической. Например, в России центр экономической, политической и культурной (художественной, литературной и т. д.) жизни неизменно перемещался в зависимости от того, где находилась ее столица — в Москве или Петербурге. Ту же особенность наблюдаем и в других государствах. Иначе в США. Политический и административный центр страны г. Вашингтон никогда не был культурной метрополией. Этим званием на разных этапах развития страны обладали Бостон, Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия, Сан-Франциско, Новый Орлеан и т. д. Бывало, что культурной столицы не было вовсе или, напротив, их было одновременно несколько. С чем связана эта особенность? В первую очередь, с тем, что Америка развивалась (экономически, географически, административно и т. д.) не так, как другие государства. У нее был свой путь развития, придававший культурной динамике особые черты и своеобразие. Их источник заключался, прежде всего, в региональном характере поступательного движения американской цивилизации, региональных особенностях развития национальной культуры.

Регионализм изначально был присущ американской цивилизации. США возникли цепочкой колоний, протянувшейся

ТАНАСЕЙЧУК Андрей Борисович, докторант кафедры культурологии Мордовского государственного университета.

вдоль побережья Атлантического океана примерно между 34° и 45° северной широты. Колонии возникали в разное время, но большинство из них были основаны в XVII в. выходцами из Англии. Это были Виргиния (1607 г.), Массачусетс (1620 г.), Мэриленд (1634 г.), Род-Айленд (1636 г.), на рубеже 30—40-х гг. XVII в. возникли Коннектикут и Мэн, несколько позднее — Каролина (1663 г.), Нью-Джерси (1664 г.) и Пенсильвания (1682 г.). В 1664 г. отнятая у голландцев в ходе англо-голландской войны колония Новый Амстердам превратилась в колонию Нью-Йорк, Делавэр включил в свой состав земли Новой Швеции, основанной в 1636 г. шведами, но после 1655 г. принадлежавшей Нидерландам. Соседями англичан на атлантическом побережье были французы. Их владения располагались к северу (Квебек) от Новой Англии и далеко на юге — в нижнем течении реки Миссисипи (Луизиана), и испанцы, которым принадлежали современная Флорида, Техас и многие другие земли современных США.

Продолжительное время каждая из колоний существовала довольно изолированно от соседей. Причинами тому были отдаленность поселений друг от друга и огромные пространства, населенные враждебно настроенными к белым индейцами, отсутствие необходимости развивать торговые связи (товары, в которых нуждались колонии, в основном завозились из метрополии). Фактором разобщения было и то, в каких отношениях находились колонии и метрополия. Виргиния, например, возникла как частная инициатива Лондонской торговой компании, ее хозяйство было ориентировано на производство виргинского табака, который затем сбывался в Англии и других странах Европы. Массачусетс был основан как поселение сепаратистов-пуритан, по сути, изгнанных из Соединенного Королевства. Мэриленд, пожалованный Карлом I лорду Балтимору, был ленным владением со всеми вытекающими отсюда особенностями. Род-Айленд и Коннектикут основали выходцы из Массачусетса, не ужившиеся с религиозными фанатиками. Каролина возникла как личное владение короля, а Пенсильвания — как королевский дар У. Пенну, сыну заимодавца короля (т. е. по сути, была отдана за долги). Нью-Джерси был подарком короля Якова II своему младшему брату герцогу Йоркскому. Этот ряд можно продолжить.

Большую роль играли природные условия, определявшие особенности ведения хозяйства. На юге преобладало монокультурное земледелие. Сначала там выращивали табак, затем перешли на хлопок. Там развивалось плантаторское хозяйство. На севере, где рентабельность сельскохозяйственного труда была ниже, преобладал фермерский тип хозяйства, ремесла. Буржуазные отношения интенсивнее развивались именно на севере. На юге движение к капитализму было очень медленным, долгое время производственные отношения и способ хозяйствования во многом были феодальными.

Фактором разобщенности был и этнический состав населения колоний. Если Новую Англию (Массачусетс, Коннектикут и т. д.) населяли в основном выходцы из Англии, то в Пенсильвании изначально был высок процент выходцев из Германии и Скандинавии. Голландцы составляли подавляющую часть обитателей Нью-Йорка, шведы и финны — Делавэра. Начиная с 1619 г., начали завозить негров-рабов в Виргинию, а затем и в Мэриленд, Каролину, Нью-Джерси и Луизиану. Их труд применялся для работы на плантациях. Очень скоро в этих колониях негры стали составлять значительную часть жителей. В испанской части будущих США процент негритянского населения был невелик. Основную массу составляли метисы — потомки испанцев и индейцев.

Был важен религиозный фактор. В XVII в. — эпоху общеевропейской религиозной смуты, войн между католиками и гугенотами во Франции, лютеранами и сторонниками святейшего престола в Германии, Чехии и центральной Европе, битв между крайними течениями англиканской церкви (и всех вместе против папистов) — религиозная составляющая, принадлежность к той или иной конгрегации нередко являлась решающей в отношениях между людьми и государствами. Межконфессиональные отношения многое значили и в Новом Свете. Массачусетс, возникший, как полагали его основатели (ортодоксальные пуритане), подобно библейскому «граду на Холме», «пугал своих соседей не только экспансионизмом, — отмечают авторы академической «Истории США»[1], но и агрессивным пуританским фанатизмом, от которого бежали основатели новых колоний». В Мэриленде активно утверждался католицизм.

Сильны позиции католицизма были в Виргинии и Каролине, а в испанских и французских колониях католицизм был официальной религией, и даже действовала инквизиция. В Пенсильвании и в Нью-Джерси утвердились квакеры, допускавшие религиозное свободомыслие и конфессиональный плюрализм. Новая Голландия и Новая Швеция были цитаделями лютеранства в его европейском варианте, и там с подозрением смотрели на своих соседей из Массачусетса и других колоний Новой Англии.

Указанные факторы предопределили формирование первых регионов в XVII — начале XVIII в. Северо-восточные колонии (Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Коннектикут и др.) образовали Новую Англию; «срединные» колонии (Нью-Йорк, Пенсильвания, Дэлавер) — среднеатлантический регион; колонии, расположенные к югу от р. Потомак — Юг. Позднее количество регионов только увеличивалось. Можно утверждать, что процесс этот завершился лишь на рубеже XIX—XX вв. Очевидно, что региональная специфика сохраняется и в наши дни. Говоря о региональном характере Соединенных Штатов, следует помнить, что количество штатов не соответствует числу исторически сложившихся регионов. Более того, формальные границы штатов довольно редко совпадают с неформальными границами регионов. Географически, социально, экономически и, главное, исторически штаты могли входить в состав не только одного, но и находиться на стыке двух, трех регионов. Сейчас в составе США 50 штатов. Регионов насчитывается куда меньше. Кроме уже упомянутых, традиционно выделяют Средний Запад (он включает штаты Айова, Канзас, Иллинойс, Индиана, Огайо и ряд прилегающих территорий), «Великие Озера» (Миннесота, Винсконсин, Мичиган и др.), Северо-Запад (Монтана, Вайоминг, Северная и Южная Дакоты и близлежащие земли), Тихоокеанский Северо-Запад (Орегон и Вашингтон), Дальний Запад (территории, прилегающие к Калифорнии — земли штатов Невада, Юта, Аризона и т. д.). Юг принято делить на «Верхний» Юг (обе Виргинии, Теннесси, обе Каролины), «Глубокий» Юг (Миссисипи, Джорджия, Алабама, Флорида) и Юго-Запад (Техас и ряд прилегающих к нему территорий).

О важности регионов в историческом, социально-экономическом и культурном ландшафте страны писали все, кто

пытался понять и истолковать феномен Соединенных Штатов. «Регион может появиться как непредусмотренный результат исторического процесса, но ... выступает как законченный фрагмент американского целого, которое иначе предстало бы как нечто громоздкое и неуклюжее. Регион — это культурное образование, вписанное в общий пейзаж; ... региональные культуры являются носителями американского многообразия. Если американский род сформирован из огромного количества народов, то американские регионы формируют огромное многообразие окружающей среды»[2].

Формирование и развитие регионов, появление новых и трансформация старых связаны, прежде всего, с таким сугубо американским явлением, как «Запад», без которого понимание региональной природы США будет неполным и неадекватным. В сознании американцев понятие «Запад» присутствует с самого начала колонизации североамериканского континента. На запад плыли мореплаватели из Европы. На запад шли пионеры — охотники, рыболовы и следопыты. На запад отправлялись скваттеры на поиски плодородных земель, туда двигались караваны переселенцев. Движение американцев на запад начинается с основанием первых колоний. Тогда же формируется и само понятие «Запад». Изначально оно сформировалось как сокровенная мечта о неизвестном, опасном, но благодатном крае, где человек свободен от какого бы то ни было гнета, где есть возможность самореализации и где сбываются надежды. В XVII в. «Запад» начинался в десятке миль от побережья Атлантического океана, на землях, которые не принадлежали колониям, а были, якобы, «свободными» (но в реальности принадлежали индейцам). В начале XVIII в. «Запад» находили в Аппалачах, в 80-е—90-е гг. того же столетия — в современных Огайо и Индиане. В начале XIX в. «Западом» были земли, начинавшиеся на правом берегу р. Миссисипи. Очевидно, что вся история Америки XVII—XIX вв. представляет хронику захвата новых земель, своеобразную эпопею постоянного продвижения американцев на «Запад».

Почему они двигались именно туда, а, например, не на север или на юг? Да потому, что на юге располагались испанские владения, а за спиной был Атлантический океан, на севере — неблагоприятный климат и непригодные к обработке земли. К тому же, северными территориями

(современная Канада) владела Англия, которая едва ли потерпела бы вторжение американцев. Можно добавить, что север населяли мощные племенные союзы индейцев, столкновение с которыми было чревато последствиями. На западе коренные народы не отличались способностью к стойкому организованному сопротивлению. Плодородных земель было вдоволь, а климат — благоприятен.

На различных исторических этапах продвижение на запад могло идти медленнее или быстрее, но оно было постоянным. И всегда между «цивилизованной» (т. е. обжитой и присоединенной к США) территорией и «пустыми», «дикими» (т. е. неосвоенными) землями было некое пространство — территории, которые не находились еще под юрисдикцией США, но здесь уже жили американцы. Это было пограничье, так называемый «фронтир» («frontier») — подвижная граница, с каждым десятилетием перемещавшаяся все дальше на запад континента. Фронтир — важнейшее явление в истории США и культурном развитии ее народа. Фронтир существовал на протяжении почти 300 лет. В Америке (да и не только в Америке) о нем написаны целые библиотеки (монографии, статьи, воспоминания и т. д.), сняты тысячи фильмов, поставлены спектакли, созданы живописные полотна. Наконец, с «границей» связано особое явление, вполне автономно существующее много лет в «массовой культуре», — так называемый «вестерн». Но если вначале американские историки (в частности, Дж. Бэнкрофт) видели во фронтире лишь живописный, но «подлинно американский» факт истории, то с приходом в историческую науку Ф. Тёрнера отношение к этому явлению изменилось. В 1893 г. историк опубликовал доклад «Значение границы в американской истории», утверждая: «До наших дней американская история в значительной степени была историей колонизации Запада. Существование свободных земель, их продолжающееся освоение, продвижение американских поселений на запад объясняют развитие Америки. Те живительные силы, что существовали на фронтире вне государственных институтов, вне конституционных форм и уложений вызвали к жизни и сформировали американскую демократию, придав ей способность адекватно реагировать на меняющиеся условия»[3]. Говоря о значении «границы», он утверждал ее особое значение в развитии Америки и ее институтов.

Будучи историком, Тёрнер умел мыслить как этнограф, социолог и культуролог. «Жизнь на фронтире, — утверждал он, — была наиболее быстрой и эффективной формой американизации». Со свойственной ему афористичностью он заметил: «Американская демократия не была привезена в Виргинию на борту «Констант» или «Мэйфлауэр» в Плимут. Она вышла из леса»[4]

Существенно в концепции Тёрнера то, что он видел в «границе» не состояние, но, прежде всего, процесс постоянного формирования новых и новых регионов, своим многообразием созидающих американскую цивилизацию. «Как вы знаете, «Запад», с которым я имею дело, — писал он, — в большей степени был *процессом*, нежели конкретным географическим регионом: он начинался с атлантического побережья; данное обстоятельство особо указывает на то, как Восток колонизовал Запад и как «Запад», конкретно существующий в любой отдельный период времени, влиял на развитие более старых регионов, расположенных к востоку». «Фронтир» — постоянно движущаяся граница колонизации, виделась ему фактором, формирующим все новые и новые регионы. «На «границу», — писал он, — можно смотреть как на «тонкую красную линию», которая до недавнего времени фиксировала *динамическую* (здесь и выше курсив Тёрнера — А. Т.) составляющую американской истории»[5].

Тёрнер и его последователи утверждали, что каждый новый регион, возникавший на Западе, был «очередным рождением американской цивилизации заново». По мысли ученых, «история» каждого региона в ускоренном темпе повторяет процесс рождения всей американской цивилизации. Как в свое время первые колонисты, прибыв из высокоразвитых стран Европы, были вынуждены в Америке «стать проще», так и на фронтире высокоразвитые политические формы уступали место простым объединениям поселенцев или рудиментарным формам представительства. Там, где нужно было выживать и где задачи, стоящие перед человеком или группой людей были просты, узкая профессиональная специализация забывалась. Сложные социальные ритуалы предавались забвению, вытесняемые пасторальной повседневностью: лущением кукурузы, возведением хижин, заготовкой древесины и весельем на вечеринках. «Культур-

ные» запросы низводились до минимума, поскольку главным было добыть пищу, одежду, найти убежище. В своих мыслях и повадках люди вновь возвращались к примитивному состоянию; они упрощали свою жизнь, изобретали новые способы, чтобы использовать природные источники или приспособить старые навыки к новым условиям. Инновация, адаптация и изобретательность в экономике, социальной организации и администрировании — характерные черты жизни на границе[6]

Постепенно на «границу» прибывали все новые поселенцы. С каждым месяцем, годом новичков в поселении пионеров становилось все больше, и этот процесс увеличивал расстояние между человеком и природой, социальная организация постепенно вновь возвращалась к утраченной сложности. Затем приходил капитал с Востока, создавалась инфраструктура: прокладывались дороги, строились предприятия, вырубались леса, засевались пустоши, и бывший фронтир вливался в общенациональное хозяйство. Но возникшая цивилизация отличалась от той, что существовала на Востоке, поскольку какой-то промежуток времени она развивалась изолированно, в условиях уникального географического окружения.

С чего начинается история «границы»? Когда начинает проявляться региональный характер развития американской цивилизации? Хотя сам Тёрнер говорил, что самым старым Западом было побережье Атлантического океана. Потребовалось столетие индейских войн и уничтожения лесов для колониальных поселений, чтобы продвинуться в глубь континента почти на сотню миль. Подлинное начало движения на Запад он датирует 1676—1700 гг. Период примерно с 1676 по 1763 г. он полагает временем существования первого «фронтира», который образовал первый регион — так называемый «Старый Запад» («The Old West»). «Он включает внутреннюю часть Новой Англии — Долину Мохаук, Великую Равнину Пенсильвании, долину Шенандоа и Пидмонт — т. е. внутреннюю или возвышенную часть Юга, лежащую между Аллеганскими горами и судоходными реками, текущими к Атлантическому океану»[7] Предел существованию этого фронтира положило завершение Семилетней войны в 1763 г. Но сформировал ли в действительности этот фронтир почти за

столетие своего существования какой-либо особый регион (или регионы)? Ответ очевиден: нет, не сформировал. Все упомянутые территории принадлежат не только к разным регионам, но к регионам, основные очертания которых к тому времени уже вполне определились — Новой Англии, «Срединным колониям» или Югу. Следовательно, регионы уже сформировались прежде, а «Старый Запад» лишь расширял их пределы. Можно утверждать, что на том историческом отрезке движение «границы» на запад было вполне независимым расширением трех разных регионов, возникших на основе групп колоний в процессе существования и развития самого первого фронтира.

Дж. Грин отмечал, что срединные колонии «были, вероятно, самыми меняющимися социально и, конечно, более гетерогенными в религиозном и этническом составе их свободного населения и, возможно, обладали самой высокоразвитой социальной и коммерческой инфрастуктурой» среди всех британских колоний Америки»[8] Данное обстоятельство обеспечило им способность наиболее успешно «переваривать» иммигрантов и «делать из них американцев», а также обусловило роль срединных колоний как центра формирующейся цивилизации. Как здесь не вспомнить весьма симптоматичное высказывание Тёрнера: «Средний регион был менее английским, нежели другие секции. Он включал более широкий спектр национальностей, более разноликое общество, более смешанную систему местного самоуправления, более разнообразную хозяйственную жизнь, самые разные религиозные секты. Короче, это был регион, посредничающий между Новой Англией и Югом, Востоком и Западом. Он представлял собой *особую нацию, которую демонстрируют современные Соединенные Штаты* (выделено нами — А. Т.)»[9].

Таким образом, можно утверждать, что региональное развитие США начинается не в XVIII в., а с самого начала национальной истории — с XVII в. И особую роль в этом процессе сыграл «срединный» регион. Он сформировал парадигму, ту социокультурную модель, которая «задала параметры» североамериканской цивилизации, сформированной из многих довольно автономных и самобытных в социально-политическом и культурном отношениях, регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История США в 4 т. Т. 1. 1607—1877. М., 1983. С. 52.

[2] *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке: Образ жизни и мыслей в США сегодня. М., 1992. Т. 1. С. 226—227.

[3] Цит. по: *Turner F.* The Significance of the Section in American History // Электрон. ресурс [режим доступа: http://xroads.virginia.edu/%ehyper/turner].

[4] Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли / Под ред. Н. Н. Болховитинова. М, 2001. С. 9.

[5] *Jacobs W., Cughey J., Frantz J. Turner, Bolton and Webb.* Three Historians of the American Frontier. Seattle & L., 1965. P. 8.

[6] *Billington R. A.* Westward Expansion: A History of American Frontier. N. Y., 1967. P. 2.

[7] *Turner F.* Op. cit.

[8] *Greene J.* Pursuits of Happiness: The Social Development of Early Modern British Colonies and the Formation of American Culture. — Chapel Hill (N.C.). L., 1988. P. 56.

[9] Американская цивилизация как исторический феномен... С. 53.

Поступила 08.06.07.

В. П. САЛЬНИКОВА

ПСИХОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Каждая эпоха актуализирует свой подход к проблеме личности в культуре. Отказавшись от модели «советский человек — строитель коммунизма», в российском обществе начался активный поиск новых способов самоидентификации. Потребность в региональной идентичности стала одной из самых востребованных в постсоветском культурном пространстве. Эту тенденцию можно проследить на примере культурной жизни Самары, где с 2000 г. проводятся такие знаковые мероприятия, как съезды лиги Самарских землячеств и Самарские ассамблеи. Первоначальным импульсом послужила знаменательная дата — 150-летие Самарской губернии. С тех пор съезды и ассамблеи проводятся регулярно. Программа ассамблей включает фестивали искусств, научно-практические конференции, открытие выставок, творческие встречи, презентации проектов, вручение Губернских премий и т. д. Девизами этих мероприятий в разные годы были «Далекие и близкие шестидесятые», «Славянский мир: единство и многообразие», «Самара в контексте мировой культуры», «Личность в культуре: очевидное — невероятное».

Идея «Самарских ассамблей» обусловлена потребностью современного человека в культурной идентификации. Есть нечто такое, что отличает жителей Самары, самарчан от несамарчан. Мы говорим «самарский дух», «самарские красавицы», «самарские водохлебы» и понимаем, что отличие это касается не разреза глаз, формы носа или цвета кожи, а типа *ментальности*. Самарская диаспора существует в Москве и Санкт-Петербурге, Израиле, Германии, Франции,

---

САЛЬНИКОВА Вера Петровна, доцент кафедры истории и теории мировой культуры Самарского государственного педагогического университета, кандидат искусствоведения.

Заказ № 6759

США, Африке и Австралии. С другой стороны, люди приезжают в Самару из разных городов и стран, оседают здесь, ассимилируются, интегрируются в культуру и становятся самарцами, самарчанами, самаричами, самарянами ... На время ассамблей Самара как alma mater собирает своих «детей», окружая их вниманием и любовью, радуясь их успехам и воздавая должное достойным. Ученые, педагоги, артисты, писатели, художники, бизнесмены, нынешние и бывшие самарцы имеют возможность осознать себя «Homo samarus»'ами.

Культурная идентификация на регионально-ментальном уровне — знак нового времени. При советской власти в индустриальном Куйбышеве с его оборонной промышленностью и закрытыми предприятиями («почтовыми ящиками») все были «советским народом», «строителями коммунизма», «ударниками социалистического труда», «победителями соцсоревнования» — «Homo soveticus». В 90-е гг. XX в. в противовес унифицированному образу «Homo soveticus» стало актуальным понятие «мы — россияне». Предлагая дефиницию «Homo samarus», мы отдаем себе отчет в том, что нас можно заподозрить в научной провокативности и излишней публицистичности. Но в данном случае это оправдано желанием обозначить проблему и привлечь к ней внимание специалистов разного профиля — кабинетных ученых и практиков «культурного строительства». В своих рассуждениях о феномене «Homo samarus» мы исходим из двух положений: сущность культуры выражают *религия, этика и искусство*; вектор культурной идентичности следует исследовать при помощи культурологических идей.

Л. Н. Гумилев в своей этно-пассионарной концепции объяснял зависимость культуры и образа «Homo cultus» («человека культурного») от ландшафта, климата и т. д. Самарская Лука — красивейшее место в мире, вид на Волгу, открывающийся, например, с так называемой «вертолетной площадки», излучает столь сильную энергетику, что этот культурный ареал можно назвать «самарской Шамбалой». В совокупности с благоприятным климатом природный ландшафт Среднего Поволжья формирует *срединный тип ментальности*. «Homo samarus»'у присущи толерантность, доброжелательность, миролюбие. В самарской истории не было столкновений на национальной или религиозной поч-

ве, и даже смена власти в 1917 г. прошла здесь мирным путем, без восстаний и кровопролития. Однако не является ли оборотной стороной терпимости равнодушие, безразличие и социальная апатия? «Самара, которую мы потеряли» — так можно озаглавить экскурсионный маршрут по улицам старого города. Среди безвозвратных потерь — памятник Александру II, образцы деревянного зодчества, здание цирка-театра «Олимп», железнодорожный вокзал, Воскресенский кафедральный собор на центральной площади города.

Самарцы любят свой город, но «странною любовью»: умозрительно, созерцательно, отстраненно. Вот, например, топонимика. Она во многом определяет микроклимат в обществе, расставляет культурные акценты. Не странно ли, что ул. Больничная переходит в улицу Клиническую, а та — в Лунную, на которой располагается морг и городское кладбище? Улица Коммунистическая ведет к рынку, а ул. Демократическая — в лес... Разбитые дороги, горы мусора на улицах, в парках и на набережной, нищие, побирающиеся в общественном транспорте — приметы современной Самары. Не вызывают активного противодействия объекты городского ландшафта, не выдерживающие критики с эстетической точки зрения и явно находящиеся за пределами хорошего вкуса: мрачный монолит Дворца культуры им. Куйбышева, крошечная фигурка Ленина на чужом постаменте, типовые офисные и жилые здания, «убивающие» облик старой доброй Самары своей многоэтажностью и вульгарным глянцем.

Самарское Заволжье издавна имело славу разбойного места, прибежища беглых крестьян, обители народной вольницы. Достопримечательностью города были знаменитые самарские горчичники (местная шпана, хулиганы, которые мазали горчицей под носом своих жертв). С другой стороны, Самара — благословенный город, где, согласно пророчеству святителя Алексия, «процветет благочестие и который никогда не будет разрушен врагами». Что касается благочестия, то оно легко монтируется с понятием «срединная ментальность». С тезисом «не будет разрушен врагами», кажется, можно согласиться. Даже Великая Отечественная война в прямом смысле не принесла Самаре разрушений. А в переносном? С каким пафосом у нас говорится о Самаре — тыловой столице, мировой премьере Седьмой симфонии Шостаковича, эвакуированном бомонде, бурном росте

промышленности после войны, благодаря эвакуированным заводам! Вплоть до утверждения, что всему народу — горе, а Самаре — взлет исторических амбиций.

Самара — слово женского рода. «Самые красивые девушки — в Самаре»: этот тезис не нуждается в аргументации, но, тем не менее, сделаем некоторые уточнения. Раньше никому бы и в голову не пришло, что в Куйбышеве самые красивые девушки. Красота не была тогда в почете, в женщинах ценились совсем другие качества. Как только 15 лет назад городу было возвращено его исконное имя — девушки сразу «похорошели», появился бренд «самарские красавицы» и стал энергично раскручиваться в СМИ, бизнес-проектах и т. д. Теперь «Homo samarus» ассоциируется, прежде всего, с красивыми и вольнолюбивыми девушками. Их благородная, утонченная красота якобы ведет свою историю от придворных красавиц императрицы Екатерины II, которых она ссылала сюда во избежание конкуренции. На старинных картах территория Среднего Поволжья обозначалась как «Амазония». Считается, что здесь обитали амазонки, и поэтому самарские красавицы наследуют темперамент античных женщин-воительниц. Красота и свободолюбие «самарских амазонок» в сочетании с благочестием образуют «гремучую смесь» и мужчины-«Homo samarus»'ы робеют перед ними. Иначе как объяснить тот факт, что согласно данным статистики, за последние 10 лет население Самары сократилось на 100 тыс. человек.

Феномен «Homo samarus» можно рассмотреть как архетип, прафеномен, гештальт, образ. Эти конструкции сложно описать научными понятиями, структурировать, но можно приблизиться к их пониманию с помощью метода аналогий, ассоциаций, метафор. Для этого мы должны накопить культурные символы, идеи, осмыслить их в контексте мировых традиций и выразить в адекватной форме. Самару начала XX в. называли «русским Чикаго или Новым Орлеаном», «маленьким Парижем», Жигули — «Русской Швейцарией». Что может быть культурным символом Самары? Герб, гимн, слоган («Самара сильная и просвещенная» — на наш взгляд, противоречит «вечно женственному» образу города), знаковые персонажи культурной истории, артефакты искусства. Марк Шагал, например, говорил: «Париж — город с башней, почти Вавилон, Витебск — город с храмом, почти

Иерусалим». А что является архитектурным символом Самары? Наш город знаменит своим архитектурным модерном. Может быть, в этом направлении надо поискать ответ на вопрос: «Кто же ты, «Homo samarus?»

Итак, кто же ты, «Homo samarus»: милый, интеллигентный провинциал или бездушный маргинал? Кто мы, живущие и работающие в Самаре, учителя и ученики, родители и дети, пассажиры и пешеходы, покупатели, запросто перемещающиеся из «Колизея» в «Вавилон», из «Аквариума» в «Пирамиду»? Самоопределение в культуре важно как в плане личного самосовершенствования, так и политике, жизни общественных институтов, сфере искусства и т. д. Мы хотим запечатлеть себя в вечности, представить себя в контексте мировой культуры, не потеряв при этом «лица необщее выражение».

Поступила 23.10.06.

Л. В. КАЛАЧИНА

ФЕНОМЕН «ЖЕНСКОЙ МАСКИ» В РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

В последнее время гендерные исследования — одно из наиболее интересных явлений культурного развития России. Отечественных исследователей особенно привлекают вопросы места и роли женщины в социокультурном пространстве. Одним из новых направлений, зарождающихся в женской и гендерной истории сегодня, являются «регионально ориентированные локальные исследования»[1], в рамках культурного аспекта которых, на наш взгляд, большой интерес представляет феномен «женской маски», понимаемый нами как сложная культурно-значимая единица, имеющая в социокультурной сфере в зависимости от исторического содержания конкретной эпохи и ее идеологической потребности различные формы репрезентации, разыгрывающиеся через существующие культурные дискурсы женской идентичности в способах моделирования Другого.

Основная причина появления маски в культурной жизни женщины вызвана необходимостью доказывать в условиях патриархальной культуры право на независимое существование, неподвластное требованиям мужской сферы. По мнению Э. Гидденса, «хотя роли, которые играют в различных культурах мужчины и женщины, могут существенным образом различаться, до сих пор не обнаружено такое общество, в котором женщины обладали бы большей властью, чем мужчины»[2] Образ мужчины, примеренный на женское лицо, стал жизненной потребностью женщины и неотъемлемой частью ее культурного опыта, так как в нем женщина приобретала подлинную мужскую свободу. Показательно, что уже в архаических культурах существовали ритуалы, предполагавшие форму травестии — перемены статуса и «перехват» женщинами мужских ролей и власти[3]. В архаических обществах считалось, что «такие изменения в статусе — следствие каких-то природных бедствий, вызванных недовольством предков ключевым положением мужчин в социальной структуре»[4] Позже вследствие радикальных общественных преоб-

---

КАЛАЧИНА Лариса Викторовна, соискатель кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета.

разований выход женщины в качестве яркой карнавальной фигуры на авансцену мужского мира стал возможным не только в праздничной, но и повседневной жизни.

Переодевание женщины в мужскую одежду повлекло за собой и присвоение воинственного поведения. В связи с этим показательна личность Алены Арзамасской (Темниковской), сыгравшей с искусным мастерством роль мужчины-воина, соратника Степана Разина, русской Жанны д'Арк в период крестьянского восстания 1699 г., ставшего самым мощным движением «бунташного века». Ценный рассказ о ней сохранился в «Поучительных досугах» И. Фриша: «Через несколько дней после (казни Разина) была сожжена монахиня, которая, находясь с ним (заодно), подобно амазонке, превосходила мужчин своей необычной отвагой»[5] Однако героический пример Алены Арзамасской далеко не единичен. Первая мировая война явила миру в образе храброго солдата-фронтовика по прозвищу Яшка крестьянку из Новгородской губернии М. Л. Бочкареву, сформировавшую в июне 1917 г. в предреволюционном Петрограде «Первую женскую военную команду смерти», члены которой эпатировали мужские воинские формирования изображением черепа со скрещенными костями на фуражках[6] Следует добавить, что героические женские маски стали характерной приметой советской культуры, служившей инструментом воздействия на общество для решения идеологических задач. Культовый, визуальный образ героической женщины «Родина-Мать» был широко распространен в Великую Отечественную войну.

Другая модель женской маски, ставшая закономерным продолжением женской социокультурной практики игры в мужчину-воина, — фигура женщины-революционерки, появившаяся в конце XIX — начале XX в. и имевшая свой стиль поведения (от одежды, приближенной к мужскому типу, до партийных масок-псевдонимов), смысл которого состоял в конструировании модели личностного бытия, нацеленной на ощущение свободы. История региональной культуры этого времени знает немало примеров участия женщин в революционном движении. Так, в начале XX в. в г. Иваново-Вознесенске участницей революционных событий стала М. Ф. Икрянистова, носившая партийный псевдоним «Труба». Во время мятежа 1918 г. в с. Лада Саранского уезда жизнь за революцию отдала латышская коммунистка А. Я. Лусс.

Таким образом, женщина в образе мужчины представляет собой реализацию двоякой цели: с одной стороны, она доказывает равноправие полов в рамках социокультурного пространства, с другой — демонстрирует специфику женской сферы как определенной культурной традиции.

Однако женщина в качестве индивидуальной модели поведения избирала не только мужские, но и женский образы, примеряемые ею в различных жизненных ситуациях. Следует отметить, что долгое время стереотипы женского поведения регламентировались «Домостроем» — сводом житейских правил и наставлений, согласно которому женщина должна безукоризненно подчиняться мужу, предаваться молитве, молчанию, сторониться светских удовольствий. В итоге иноческий идеал стал для женщины «исключительным и самым высшим идеалом существования»[7], домашнее устройство, в пределах которого она находилась, во многом подражало монастырю, а ежедневные молитвы, поездки по церквам и монастырям стали своеобразным ритуалом. В связи с этим женщина была вынуждена сознательно носить маску монахини.

Однако идеал монахини, утвердившийся в сфере эстетического сознания женской культуры, активно воздействовал на образ жизни женщины, придавая ему карнавально-масочный характер. Говоря словами Ю. М. Лотмана, женщина, ориентируя свое поведение на роль монахини, приравнивала «жизнь некоему импровизированному спектаклю»[8] В связи с этим не удивляет и активное участие женщин в различных региональных мистико-религиозных сектах. К. Г. Юнг, анализируя роль тайных обществ, писал: «Нет лучшего средства защитить свое хрупкое и столь мнимое ощущение индивидуальности, нежели обладание некоей тайной... Там, где нет оснований хранить... тайны, изыскиваются „таинства", к которым затем допускаются лишь избранные и „посвященные"»[9] Так, в конце XVIII — начале XIX в. в Среднем Поволжье в деревенской среде возник феномен «беседничества», носивший характер мистико-религиозных собраний и ставший для женщин своеобразным «монашеством в миру». Происхождение «беседников» возводят к деятельности старца Василия Щеглова, ученика некогда известных «уренских барышень», сестер-помещиц Анны Андреевны и Дарьи Андреевны (их фамилия неизвестна). В 1854 г., после смерти старца, беседников воз-

главила «тетушка Кузминишна» — его ученица А. К. Керова (в монашестве Мария), благодаря которой «беседничество» распространилось по всему Поволжью. В начале «бесед-ки» А. К. Керовой посещались только женщинами: на них читались акафисты, святоотеческие творения и т. д. С распространением молвы о святости Керовой, которая «из святой великой подвижницы превратилась уже в „богородицу", а потом и в „Бога Господа"», число ее последователей увеличилось[10] Таким образом, А. К. Керова с определенной долей актерского мастерства носила маски Бога, Богородицы и человека, причисленного к лику святых. Следует отметить, что значение этих масок раскрывается в сакральном аспекте, так как они олицетворяют границу между естественным и сверхъестественным, указывая на связь реального мира с потусторонним. Маски, выполняя функции не личины, а лика, наделяют ее обладателя иллюзорной магической силой того или иного божества, выбранного в качестве второго «Я».

В истории региональной культуры случаи ношения женских масок, реализованных в сфере сакрального, далеко не единичны. В конце 40-х гг. XIX в. в с. Збурьевка Таврической губернии некая крестьянка Марьяна создала сектантскую общину благодаря случайно найденной в купленном ею доме доске с образом, о которой как чудесном сне она рассказала соседям-крестьянам, придавшим произошедшему характер мистико-религиозного события. Дело с иконой дошло до духовного начальства, распорядившегося доставить ее в Херсонский собор. Несмотря на то, что крестьянка лишилась святыни, ставшей популярной в народе, в среде сектантов женщина долго считалась святой, пока не была отдана под полицейский надзор. В 1895 г. в г. Ораниенбауме Петербургской губернии с участием М. И. Киселевой образовалась секта хлыстов-киселевцев, последователи которой почитали женщину за «госпожу не от мира сего», «Богородицу» Порфирию, «порфиру Царя царей», «непоколебимый столп Церкви» и признавали за «великую мученицу и праведницу»[11].

Истории региональной культуры известны и секты, отмеченные не столько религиозно-мистическим рвением, сколько стремлением к театрализованному представлению. Так, в 1817 г. в г. Петербурге возник сектантский кружок Е. Ф. Татариновой, известный в разное время под назва-

ниями «Братства во Христе», «Союза братьев и сестер», «Духовного союза» и т. д. В нем участвовало до 70 чел. разного возраста, пола и социального положения. Вера посетителей была скорее не религиозной, а догматической: здесь совершалось богослужение по придуманным ритуалам, произносились пророчества под склад народных прибауток, читались молитвы, сочиненные образованными членами кружка. В 1826 г. союз Татариновой распался, а ее последователей разослали по монастырям.

Другое следствие ношения женщиной маски монахини — феномен юродства, занимающий промежуточное положение между смеховым миром и миром церковной культуры. Маска юродивого позволяет женщине скрывать свое настоящее лицо с помощью игры, дающей возможность рассмотреть иной вариант собственной жизни, создать реальность по модели личностного мироощущения. Говоря словами М. М. Бахтина, отстранение от мира есть в то же время «особый и оправданный вид причастности» к нему[12] Своеобразный пример женского юродства, относящийся к XVIII в., — Ксения Петербургская. В 26 лет став вдовой, она раздала имущество бедным и в мужской одежде под именем своего покойного мужа странствовала по миру 45 лет. В это же время в с. Каменка Саратовской губернии была известна некая пророчица Устинья, жившая в огороде одного старообрядца и по местным слухам якобы имевшая дар предсказания, творившая чудеса и отгадывавшая воров. Ее действия походили одновременно на магические обряды и карнавальное действо: «пророчица являлась одетая вся в белом, подпоясанная розовою шелковою лентою и с распущенными волосами, перевязанными назади голубою лентою. Предсказывала она за столом с курящеюся ладоницею»[13] Позже юродивая была уличена полицией в соучастии в воровских проделках.

Маска как одна из женских ипостасей нашла выражение в культурно-историческом феномене самозванства, означающем не только выбор лица определенного исторического или государственного деятеля, которое становится идеализированным двойником человека, но и приравнивание собственной жизни некоему театрализованному представлению, разыгрываемому по определенному сюжету. Так, в XVIII в. в Орловской губернии маску «Великой государыни Елиза-

веты Петровны» носила скопческая «богородица» Акулина Ивановна (ее фамилия неизвестна). Кроме того, она имела приближенную, называвшую себя Е. Р. Дашковой. Однако то обстоятельство, что подлинная (несамозванная) Дашкова была приближенной не Елизаветы, а Екатерины II, лишь указывает на женскую маску. Другая «богородица» Анна Софоновна (ее фамилия неизвестна) именовала себя Великой княгиней Анной Феодоровной, супругой цесаревича Константина Павловича[14]. Следует отметить, что скопческие «богородицы» играли роль своеобразных приманок для вовлечения новых членов в секту, служили маскировкой самого факта существования скопческой общины в той или иной местности. В 20-е гг. XX в. на территории бывшей Российской империи после расстрела царской семьи ходили слухи о якобы спасенных ее членах. Например, в 1923 г. в Маровском женском монастыре Нижегородской губернии под видом молодой странницы появился некий Николай Бронников, вскоре объявивший себя цесаревичем Алексеем. Однако в 1925 г. после закрытия Маровской обители Бронникова, продолжавшего в целях безопасности рядиться в женское платье под именем сестры Акулины, взяли под арест органы ОГПУ. Освободившись в 1931 г., самозванец отправился в с. Лещ-Плота Курской области якобы навестить свою «бабушку» — монахиню Мавру Куликову, которую недовольные советской властью религиозные сельчане стали считать за императрицу Марию Федоровну, супругу Александра III. Через некоторое время в Прохоровском районе той же области некая Агриппина Гридасова, одна из знакомых Бронникова, предложила престарелой чернице С. К. Тишкавцевой войти в «царскую семью» под именем чудом оставшейся в живых жены Николая II — царицы Александры Федоровны. Маска «императрицы» дала возможность Тишкавцевой не только без разбора «щеголять» именами великих князей и «вспоминать», как ей жилось при дворе, но и жить без нужды в 30—40-е гг. XX в., пока самозванку не арестовали в 1945 г.[15]

Таким образом, женская маска, найдя свое место в региональной культуре, стала для женщины одним из элементов личностного мироощущения, своеобразным осознанием ею своего места в региональном историко-культурном процессе. Маска как особая форма бытия, отделяющая от реального

мира и погружающая в вымышленный мир, дает возможность женщине на время забыть жизненные противоречия. Кроме того, женская маска — одно из проявлений мужского сознания, при этом она отражается не только на лице мужчины, но и в жестах, походке, голосе, т. е. во всем, что может приблизить его к личности женщины. Однако модель поведения возвращается к нормам официального мира, если происходит процесс «снятия» или «срывания» маски с женского или мужского лица.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Оффен К.* Оглядываясь назад — размышляя о будущем: проблемы женской и гендерной истории после встречи в Белладжио (1989) // Гендерные истории Восточной Европы. Минск, 2002. С. 23.

[2] *Гидденс Э.* Социология. М., 1999. С. 164.

[3] См.: *Тернер В.* Символ и ритуал. М., 1983. С. 246.

[4] *Хренов Н. А.* «Человек играющий» в русской культуре. СПб., 2005. С. 255.

[5] Цит. по: Алена Арзамасская — Википедия // Электрон. ресурс [режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki].

[6] См.: *Дроков С.* Организатор Женского батальона смерти // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 164—173.

[7] См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVIII ст. // Домашний быт русского народа в XVI и XVIII ст. М., 2001. С. 184.

[8] *Лотман Ю. М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 245.

[9] *Юнг К. Г.* Проблемы души нашего времени. М., 1994. С. 337.

[10] См.: *Урбанский А.* Религиозный быт беседников // Изв. по Казанской епархии. 1903. № 14. С. 558.

[11] См.: *Булгаков С. В.* Справочник по ересям, сектам и расколам // Электрон. ресурс [режим доступа: http//lib.eparhia-saratov.ru/books/02b/bulgakov/handbook/120.html.htm].

[12] См.: *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 175.

[13] *Пыляев М. И.* Стародавние старчики, пустосвяты и юродцы // Электрон. ресурс [режим доступа: http//www.cotextualsm.ru/Art/Russian/MIF/nikulin_lev.htm].

[14] См.: *Успенский Б. А.* Царь и самозванец: самозванство в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык Средневековья. М., 1982. С. 203—207.

[15] См.: *Битюгин К., Рябков В.* Дело «Белгородских самозванцев» // Электрон. ресурс [режим доступа: http//mirbelogorya.ru/history.item.20/.-..html].

Поступила 12.10.07.

А. В. МАРТЫНЕНКО

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ФЭНТЕЗИ-ЛИТЕРАТУРЫ

В художественной культуре последних десятилетий наблюдается интенсивное развитие фэнтези. Этот феномен, выкристаллизовавшийся в лоне литературы и давно завоевавший пространство кинематографа, изобразительного искусства, музыки, компьютерной игровой индустрии, совсем недавно и достаточно робко обратил на себя внимание исследователей. Вероятно, это объясняется тем, что фэнтези не балует обилием художественных шедевров и практически целиком относится к области масскульта. Тем не менее, устойчивая популярность и распространение фэнтези наводят на мысль, что эта литература заняла прочную нишу в художественной культуре конца XX — начала XXI в. и отвечает неким духовным потребностям широкой аудитории.

До недавнего времени термин «фэнтези» не выделялся из широкого поля фантастической литературы и применялся для обозначения одной из форм научной фантастики (science fiction), основанной не на науке, а на мифе. Единого толкования фэнтези еще не сложилось, о чем говорит наличие множества определений[1] и представлений о месте фэнтези в художественном процессе[2] В качестве «рабочего» мы примем представление о фэнтези как о «жанрово-тематическом каноне»[3], в котором сочетаются элементы сказки, фантастики и приключенческого романа в единой художественной реальности «с тенденцией к воссозданию, переосмыслению мифического архетипа и формированию нового мифа в ее границах. В основе фэнтези всегда — либо переработанная каноническая система мифов, либо оригинальная авторская мифопоэтическая концепция, важнейший признак которой — создание целостного вторичного мира»[4] Такое понимание фэнтези представляется более адекватным, поскольку в нем отмечается принадлежность фэнтези к художественному процессу XX в., утверждается структурная

МАРТЫНЕНКО Алла Валентиновна, старший преподаватель кафедры культурологии Ульяновского государственного университета.

и содержательная зависимость фэнтези от мифа, приводящая к созданию целостного «вторичного» мира, указывается такая важная особенность фэнтези, как смешение жанров. Доказательством того, что фэнтези представляет собой «жанрово-тематический канон», служит сюжетный схематизм, стандартные амплуа героев, «формульный» язык, перечисление географических и исторических реалий какой-либо выдуманной страны (типичное место действия). Произведение, написанное по фэнтези-канону, может быть отнесено к какому-либо жанру (например, «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина — мифологическая эпопея, «Хроники Нарнии» К. С. Льюиса — авторская сказка).

Историко-культурная традиция, в рамках которой формировалась фэнтези, напрямую связана с глобальным процессом мифологизации в XX в. С одной стороны, фэнтези во взаимоотношениях с мифом продвинулась гораздо дальше всей мифологизирующей литературы, утвердив своим главным принципом «вторичное творчество», т. е. создание целостных, завершенных авторских мифологических систем, полноценных «вторичных» (альтернативных) миров, противостоящих реальному, постулировав тем самым полный отрыв от действительности. С другой стороны, фэнтези пошла по пути определенного упрощения, противопоставив изощренному интеллектуализму и утонченному психологизму модернистской неомифологической литературы сюжетно и структурно устойчивые формы повествования и архетипичные характеры.

Массовое же общественное признание к фэнтези пришло только в 50-е гг. XX в. в связи с выходом в свет мифологической эпопеи Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», породившей волну художественного поиска в аналогичном направлении. Не случайно лучшие представители современного фэнтези А. Нортон, У Ле Гуин, Р. Желязны, П. Андерсон, Ф. Херберт, М. Муркок, К. С. Льюис считают Дж. Р. Р. Толкина своим учителем и родоначальником фэнтези-литературы.

При своем очевидном эскапизме, стремлении к избеганию проблем действительности при помощи создания вымышленных миров, появление и развитие фэнтези видится вполне закономерным в современной социокультурной ситуации. Ценностное сознание индивида сегодня переживает острый кризис: идеологический и культурный плюрализм затруд-

няет иерархизацию и выбор ценностей (слишком широкий их спектр попадает в орбиту индивида); глобализационные процессы, нивелируя различия между национальными культурами, размывают рамки национальных ценностных систем, чему во многом способствует развитие высоких технологий и особенно распространение масскульта. Однако массовая культура амбивалентна: как «массовая» она может рассматриваться как один из механизмов глобализации (весь мир читает «Гарри Поттера», носит джинсы, слушает «Биттлз»), но как «культура» она внутренне сопротивляется ей (подлинная культура отличается уникальностью, неповторимостью, сложностью и многообразием, «гордится» своими корнями) и вырабатывает свои механизмы сопротивления.

Среди таких механизмов — повышенный интерес современности к этнонациональному видению мира (популярность этнической музыки, фестивалей национальных культур, народных промыслов, развитие регионального туризма с акцентом на местную этническую специфику и т. д.). «Современная цивилизация стирает национальные границы, ослабляются связи с культурно-исторической почвой. В этом причина обращения к национальным корням, к тому, что объединяет людей в конкретную общность и позволяет опереться на прочное основание, уходящее в толщу веков и тысячелетий»[5] Этнонациональное сознание представляет собой значительный противовес глобалистским тенденциям.

Фэнтези-литература в лучших своих образцах культивирует этнонациональную ориентацию с одновременной приверженностью к общечеловеческому (доступному для понимания всем, независимо от расы, возраста, пола, социального положения и уровня интеллекта).

Очевидно, что «этничность» в фэнтези скорее представляет собой «псевдоэтничность», так как во многом искусственно сконструирована: создатели фэнтези-миров придумывают (или заимствуют из фольклора) расы, народы и их культуры, комбинируют элементы культур существующих или древних этносов. Но любой, целиком вымышленный мир, каким бы невероятным он не представлялся читателю, зрителю, слушателю, всегда базируется на материале действительности. Кроме того, характерной особенностью художественного мира фэнтези и его восприятия является «вторичная вера», вера в его реальность в условиях пространства произведения, иными

словами — достоверность. Выбор материала действительности зависит от автора, его склонностей, предпочтений, эрудиции, кругозора и подспудно (или сознательно) — от его принадлежности к определенной культуре и эпохе. Достоверность же обеспечивается тем, что основные принципы формирования и составляющие этничности (общность языка, истории, территории, обычаев, традиций, верований, самоидентификация, деление на «своих» и «чужих») скрупулезно учитываются авторами при конструировании фэнтези-миров.

Фэнтези синтезирует универсальность мифа и этничность сказки в едином художественном пространстве, что проявляется в сюжетике, пространственно-временной организации, персонажах, атрибутике, философско-этической концептуализации содержания.

Фэнтези активно использует традиционные универсальные сказочно-мифологические сюжеты (недостача, поиск, инициация). Особенно распространенным является поиск/квест (опасное путешествие героя с определенной целью, часто на периферию), который обычно становится важным сюжетообразующим элементом, позволяющим максимально раскрыться нравственно-философской коллизии, характерам героев и продемонстрировать богатство и многообразие вымышленной вселенной, в том числе и с точки зрения обитающих в ней народов со своей «культурой» у каждого. Дж. Р Р. Толкин постулировал особую «техническую» важность фантастического повествования формы путешествия: «Для рассказчика путешествие — замечательный прием. Это — прочная нить, на которую возможно нанизать множество всего им задуманного, чтобы создать нечто новое, разнообразное, непредсказуемое и в то же время гармоничное»[6]

Фэнтези-миры, как правило, имеют мифологическую пространственно-временную структуру (сакральный центр, населенный «серединный» мир, периферия, мифическое и историческое время, «золотой век»). Эта структура может носить ярко выраженный характер и отражать некие национальные представления. Например, этическое значение стран света во «Властелине колец» Дж. Р. Р. Толкина соответствует представлению европейцев о сакральном центре (на Западе) и периферии (на Юго-Востоке, откуда чаще всего приходят враги). Мифологическая пространственная

организация может быть завуалированной и эпизодической (как в серии романов А. Сапковского о Ведьмаке).

Наряду с психологически сложными персонажами (Голлум во «Властелине колец» Дж. Р. Р. Толкина, Волкодав в одноименном романе М. Семеновой, Ястреб в цикле «Волшебник Земноморья» У. Ле Гуин) в произведениях фэнтези присутствуют узнаваемые архетипичные образы (мудрецы, принцессы, маги, герои-воины, спутники героев, трикстеры). При этом миры фэнтези принципиально неантропоцентричны, населены множеством разумных рас и существ, которые зачастую обладают нравственным превосходством над людьми. Существа фольклорного происхождения (гномы, эльфы, драконы, кентавры, фавны) действуют рядом с плодами авторской фантазии (хоббиты, марсиане, ведьмаки, джеддаи). Авторы, стремящиеся к максимальной достоверности своего вымышленного мира, уделяют особое внимание описаниям национального своеобразия каждого из народов (племена и народы, населяющие многочисленные острова Земноморья У Ле Гуин, имеют свои языки помимо общего наречия, особенности «национального» характера и т. д.). Населенность фэнтези-миров иными существами и расами противопоставляется западоцентризму в соответствии с актуальными представлениями культурного релятивизма о многополюсности и этническом многообразии современной цивилизации.

Миры фэнтези имеют обыкновенно явно или неявно выраженную этнонациональную атрибутику. В них непременно присутствуют мотивы самого разнообразного этнического происхождения: от фольклорных персонажей до элементов разных мифологических систем (мотивы монгольской мифологии в романе С. Логинова «Многорукий бог Далайна», ассирийско-персидского фольклора в «Саге о Плоской Земле» Т. Ли, античной и христианской мифологии в «Хрониках Нарнии» К. С. Льюиса), от бытовых реалий с подчеркнутым национальным колоритом (быт веннов в «Волкодаве» М. Семеновой основан на быте древних славян) до особенностей архитектуры, властной иерархии, коммуникаций. Авторы фэнтези обращаются к национальной мифологии, эпосу, сказкам, близким читателю, основывая на них свой выдуманный мир. Английская фэнтези часто базируется на кельтских, англосаксонских, скандинавских мифологии

Заказ № 6759

и фольклоре, славянская — скандинавских и славянских, американская — некоей смеси фольклорно-мифологических систем. Причем эта смесь часто обусловливает национальную неопределенность американской фэнтези (например, «Конан-варвар» Р. Говарда). Американские авторы более склонны к стилизации этничности в своих фэнтези-мирах, возможно в силу молодости их национального сознания и смешанности этнически разнородных культур.

Культивирование фэнтези языческого мироощущения (от одушевления предметов окружающего мира до многобожия) также обусловлено этнонациональной ориентацией. Поэтическая привлекательность язычества кроется в его тесной связи с национальной почвой. Мировые религии космополитичны, несмотря на присутствие в каждом регионе местного колорита, определяющегося опять же влиянием более архаичного коренного языческого слоя верований. Наивное языческое очеловечивание, непосредственность и одухотворенность мира, предельная значимость (символичность) окружающих предметов и явлений (оружие в мире фэнтези, например, имеет собственные имена и характер) — это то, что связывало человека с родной почвой, давало ощущение «корней», уверенность и чувство безопасности, чего не достает современному человеку, воспринимающему мир опосредованно, через вненациональные науку и теологию.

Философско-этическое содержание базируется в фэнтези на фундаментальном противостоянии Добра и Зла (как и в сказке), но в отличие от сказки победа здесь не всегда остается за Добром. Добро и Зло вполне узнаваемы и конкретны. Герой всегда знает своего врага, имеющего конкретный материальный облик. От действий фэнтезийного героя, его мужества, нравственного выбора часто зависят судьбы мира или отдельной страны. Именно в философско-этическом содержании, ценностном выборе героев часто лежит уже не псевдоэтничность, а подлинная этнонациональная специфика фэнтези-литературы, позволяющая говорить о «национальном варианте» фэнтези (славянской, американской, западноевропейской).

Так, философско-этической базой, обусловливающей ценностный выбор и действия героев «Властелина колец» Дж. Р Р. Толкина, является доктрина «северного мужества», пронизывавшая древнегерманские легенды и эпос,

но переосмысленная автором с христианской точки зрения. Герои «Властелина колец» борются со Злом в атмосфере грядущего поражения и рока, дамокловым мечом довлеющего над ними. Весь мир Средиземья окрашен печалью и пронизан ощущением хрупкости и недолговечности. «Следуя духу древнескандинавской мифологии, Дж. Р. Р. Толкин, по его собственному определению ставит монстра в центр мира и противопоставляет ему обнаженную волю и храбрость героя»[7] В борьбе со Злом положительные персонажи следуют высокому долгу, четко сознавая при этом, что они неминуемо должны погибнуть в этой войне, поскольку Зло сильнее. На стороне Темного Властелина черная магия Кольца и множество рабов, не скованных моральными законами, кроме страха перед могуществом своего Владыки, а на стороне Добра — только мужество и стойкость, ведомые долгом без надежды на победу. Именно долг заставляет хоббита Фродо нести Кольцо в центр мирового Зла, трижды отказываясь от предоставляемого судьбой выбора повернуть назад и перебросить миссию на чужие плечи. Долг велит магу Гэндальфу пожертвовать собой на морийском мосту. Долг же заставляет короля Арагорна сначала идти гибельной Стезей мертвецов, затем под стенами Мордора с маленьким войском храбрецов сделать вызов десятикратно превосходящему по силе Врагу.

Однако в толкиновском мире присутствует христианская подоплека, которая в первую очередь проявляется в понимании долга. Доктрина «северного мужества» включает в понятие долга лишь бесстрашие, безрассудную храбрость перед лицом неминуемой гибели. Беовульф, герой одноименной англо-саксонской эпической поэмы, став королем, выходит в одиночку против дракона, отказавшись от помощи дружины. Он побеждает чудовище, но сам гибнет, оставив «обезглавленным» свое королевство, которое рушится под натиском врагов. Такое поведение короля не осуждается современниками, поскольку свой «долг» он выполнил — стяжал славу. Толкиновский король принимает вместе с долгом и бремя ответственности: Арагорн знает, что от его решений зависит судьба его подданных, и оставляет в стороне свои личные амбиции. Герои Дж. Р Р Толкина жертвуют собой не ради посмертной славы, а ради долга перед ближними. Неминуемая же гибель оборачивается «эвкатастрофой» (тер-

мин Дж. Р. Р. Толкина) — чудесным спасением, сопоставимым с божественным провидением, в отличие от доктрины «северного мужества», где Добро гибнет вместе со Злом в мире без Надежды (Рагнарек германо-скандинавской мифологии). «Властелин колец» Дж. Р Р. Толкина — ярчайший образец западноевропейской фэнтези, в котором языческое ценностное сознание древних европейцев сочетается с христианскими представлениями о должном.

К сожалению, далеко не все авторы фэнтези обращаются к подлинной этничности, и, пренебрегая принципом достоверности, оставляют лишь искусственные намеки на нее, предпочитают довольствоваться внешней фантастической экзотикой, которая не столько привлекает яркой необычностью, сколько отвлекает от смысла, которого также может не быть. Но здесь мы говорим о действительно художественных образцах, оставляя в стороне эрзац-продукцию.

Таким образом, этнонациональная ориентация фэнтези-литературы, проявляющаяся как в форме псевдоэтничности атрибутики, характеров, так и в подлинных этнонациональных чертах философско-этической концептуализации содержания, демонстрирует современный интерес к этническому своеобразию как своеобразный механизм сопротивления глобализационным процессам. Универсальная пространственно-временная структура, ограниченный сказочный набор сюжетов, фундаментальная оппозиция Добра и Зла, лежащая в основе произведений фэнтези, делает их доступными для понимания широкими массами читателей и в этом смысле — продуктом глобализации. Тем самым фэнтези оказывается частью сложного противоречивого культурного процесса, амбивалентной по отношению к глобализации, яркий пример — сказка (выросшая в последних книгах в качественную фэнтези с сильным философско-этическим содержанием) «Гарри Поттер» Дж. Роулинг. При всем «глобализме» его популярности, достигнутой не только средствами масскульта (тиражирования, рекламы, экранизаций), но и отстаиванием общечеловеческих ценностей, отчетливо просматриваются черты английского национального быта и народных суеверий, позволяющим говорить, что это именно *английская* сказка.

Трагедия же фэнтези-культуры, возникшей с эффектом «контр», заключается в том, что коммерческие формы ее проявления, клишированность сюжетов и образов, обилие

эрзац-продукции порождают ее неприятие представителями интеллектуальной элиты и неспособность оценить несомый подлинной фэнтези положительный заряд обращения к общечеловеческим ценностям и национальным корням.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Ковтун Е. Н.* Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (на материале европейской литературы первой половины 20 века). М., 2001; *Уайт М.* Джон Р. Р. Толкиен: Биография. М., 2002; *Перумов Н.* Русская фантастика XX века в именах и лицах: справочник / Под ред. М. И. Мещеряковой. М., 1998; *Лем С.* Фантастика и футурология: В 2 кн. Кн. 1. М., 2004; *Мещерякова М. И.* Что есть фантастика? // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.rusf.ru/litved/fant/me1.htm].

[2] *Галина М. С.* Авторская интерпретация универсального мифа (жанр «фэнтези» и женщины-писательницы) // Обществ. науки и современность. 1998. № 6. С. 161—170; *Губайловский В.* О природе фэнтези и первооткрывателе жанра // Новый мир. 2002. № 3. С. 174—185; *Гончаров В., Мазова Н.* Толпа у открытых ворот // Если. 2002. № 3. С. 257—270; *Штейнман М. А.* Поэтика английской иносказательной прозы 20 века (Дж. Р. Р. Толкиен и К. С. Льюис). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000; *Олейник В. К.* Жанр фэнтези в литературе 20 века // Электрон. ресурс [режим доступа: www.kulichki.com/tolkien/archiv/manuscr/olein.shtml]; *Мельников Н. Г., Чернец Л. В., Хализев В. Е., Бройтман С. Н.* Введение в литературоведение. Литературные произведения· основные понятия и термины. М., 1999.

[3] См.: *Чернец Л. В., Хализев В. Е., Бройтман С. Н.* Введение в литературоведение. Литературные произведения: основные понятия и термины. М., 1999. С. 187.

[4] *Мещерякова М. И.* Что есть фантастика? // Русская фантастика XX века в именах и лицах: справочник / Под ред. М. И. Мещеряковой. М., 1998. С. 12.

[5] *Чернышева Т. Н.* Надоевшие сказки 20 века (О кризисе научной фантастики) // Вопросы литературы. 1990. № 5. С. 81.

[6] *Толкин Дж. Р. Р.* Письма. М., 2004. С. 272.

[7] См.: *Кабаков Р.И.* «Повелитель колец» Дж. Р. Р. Толкина и проблема современного литературного мифотворчества. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. С. 13.

Поступила 16.08.07.

Е. Б. НЕШИНА

ВЛИЯНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА НА МОДУ

Народный костюм представляет собой подвижное явление духовной жизни мордовского народа. Анализируя историю развития национального костюма мордвы, можно заметить перемены в его образе. Прежде всего необходимо обратиться к костюму провинциальной крестьянской среды, сложившемуся в глубокой древности, тогда же наделенного и знаковыми чертами. Необходимая для защиты тела, одежда была приспособлена к природным климатическим условиям и соответствовала образу жизни человека. География расселения, род занятий, хозяйственные возможности, контакты с соседними народами — все это находило отражение в составе костюма и оформлении.

Комплекс народного костюма испокон веков нес в себе особый духовный смысл, в котором проявлялась психология каждого народа. В коллективном творчестве формировались идеалы прекрасного. Наслаиваясь в ходе истории, они усложнили структуру ансамбля костюма, постепенно изменяя ее. Однако костюм, сохраняя характерную основательность, значительность, отражал эстетические воззрения народа, восходящие к понятиям жизни и смерти, молодости и старости, продолжения рода и единства с людьми, живущими рядом.

Жизнь мордовского народа связана с различными обрядами и ритуалами, и костюм играл в них огромную роль. Особенно она была значима в праздничных обрядах. Всей своей нарядностью, яркостью, цветовым разнообразием народный праздничный костюм являлся своего рода

НЕШИНА Елена Борисовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета.

компенсацией за монотонную обыденность повседневного бытия. Изготавливаемая вручную, праздничная женская одежда бережно хранилась и передавалась от матери к дочери, служила не одному поколению, и поэтому в ней так устойчивы традиционные черты. До наших дней женский костюм сохранил самобытность расцветки, покроя, своеобразие украшений, богатство орнаментации, терминологию отдельных частей.

По найденным в древних захоронениях фрагментам тканей судить о формах одежды можно лишь предположительно. Но обилие металлических украшений из богатых погребений дает представление о сложившемся в далеком прошлом народном идеале прекрасного. Мужчина — это воин, способный защитить свой род и племя, конь — верный спутник, знаки-символы, украшающие одежду, указывали на происхождение, трофеи — храбрость в военном деле, производные товары — состоятельность. Женщина — хранительница домашнего очага, ее пышный наряд включал разнообразные украшения с шумящими подвесками, гривны, разноцветные бусы, величественный головной убор, височные подвески, серьги. В народе говорят: «Мордовскую женщину сначала услышишь, потом увидишь».

Украшения в мордовской народной одежде — ее неотъемлемая часть. Они органично входят в традиционную цветовую гамму костюма. Орнаментальные и изобразительные мотивы декора в металле, бусах, бисере или стежках вышивки рождались не только в стремлении украсить отдельные элементы костюма. Нельзя отрицать и смысловое значение, превращавшее украшение в оберег, талисман, который должен был обеспечить магическое содействие духов, предохранить хозяина от грядущих бед. У мордвы понятия о добром божестве связаны с культом коня, водоплавающей птицы. Это нашло выражение в мотивах различных ювелирных украшений, обнаруженных в ходе археологических раскопок.

С изменением вкусов и представлений провинциального жителя иной стала и функция народного костюма. Как правило, сохраняются и обновляются национальная одежда и украшения там, где имеются фольклорные коллективы, участники которых стремятся возродить традиции изготовления народного костюма, обращаясь за помощью к своим

односельчанам, а не на фабрики и комбинаты (например, театр песни «Росичи», фольклорный ансамбль «Разгуляй», «Умарина» и др.). «Народная одежда на селе становится символом Праздника. И никакой самый лучший и дорогой модный городской костюм оказывается не способен с ней конкурировать»[1]

Изучение народных традиций в сочетании с тенденциями современной моды позволяет создать эксклюзивные костюмы, представляющие художественную ценность. Яркое свидетельство тому — коллекции Высокой моды национального мордовского костюма и их участие на Международных конкурсах.

Бытует мнение, что Высокая мода — это модели одежды, изготовленные лучшими модельерами для элиты общества. Мы утверждаем, что, во-первых, Высокая мода — «искусство для искусства». Многие модели предназначены для показа, даже не предполагается, что их будут носить в массовом количестве или вообще кто-то выйдет в таких платьях на улицу. Во-вторых, Высокая мода — это лабораторные экземпляры, которые при наличии благоприятных условий могут пойти с определенными коррективами в серию, это источники вдохновения и толчок к размышлению модельеров, работающих на поток.

Неотъемлемое качество моды — стремление к инновациям, оно носит постоянный, непредсказуемый характер. Одна из главных ценностей моды — ее современность. Она всегда современна, даже если возрождает что-то очень старое. Современность, сиюминутность — ее главные достоинства.

В Саранске разработаны коллекции костюмов «Связь времен и традиций», где глубокое изучение народных традиций органично сочетается с тенденциями современной моды[2] «Красный цветок», «Мордовская мозаика», «Сюлгамо», «Светлый сон» и другие коллекции, несомненно, произведения национального искусства. В них есть все: и монеты, являющиеся незаменимым элементом украшения мордовского костюма, и вышивка в народном стиле с элементами древних традиций народов эрзи и мокши, и величественные головные уборы с височными украшениями, которые сами по себе — шедевры национального искусства. Но если раньше национальный костюм имел свои возрастные категории, в современных коллекциях наблюдается влияние народных

мотивов на молодежную моду. Появление укороченных ансамблей облегающего силуэта в современном стиле, брючные костюмы с орнаментами мокшанской и эрзянской вышивки, расклешенные рукава и откровенно открытая линия талии. Особую декоративность ансамбли приобретают благодаря использованию разнообразного набора материалов. Знаки воды, земли, солнца, мифологических животных и птиц лежат в основе декора. В комплектах присутствуют многочисленные украшения из дерева, на которые нанесены символы древней мордвы.

Использование тканей современного качества (шелк, шифон, белый лен, бежевая рогожка), деталей духовной самобытности финно-угорских народов, их мифологии, символики и орнаментации придают моделям особое очарование. Национальная вышивка, выполненная вручную, органично вписывается в костюм, придавая ему нарядность и неповторимую индивидуальность. Комплекты «Мордовской мозаики» удачно дополнены аксессуарами (сумки, головные уборы, нагрудные украшения), придающими наряду композиционную завершенность.

Распространенные в мордовском регионе пояса сохранили свои формы, но в сочетании с воздушностью тканей и форм, они преображают костюм, стилизуют его по форме, трансформируя с позиции современной моды.

Представленные в коллекции костюмы выполняют двоякую функцию. С одной стороны, это Высокая мода в этническом мордовском костюме. Отсюда всплеск фантазии, который коснулся буквально всех его элементов: крой платья (разделение рубашки на части, присутствие кринолина, высота разреза); головной убор (сохранив лишь декоративные украшения, полностью изменил форму); обувь (расшитые гулки, которые одевают на ботинки (на каблуки), создают форму высоких сапог); много дополнительных деталей (сумки, фартучки, накидки). Все это взгляд в будущее, движение вперед.

С другой стороны, создается современный сценический костюм. Уходит в прошлое тяжеловесность: сапоги весом в 16 кг, старинные головные уборы становятся экспонатами для музеев. В настоящее время для танцев создают платья и рубахи из легких материалов, что придает танцу чувство полетности и нежности, вместо сапог и лаптей используются легкие тапочки и пуанты.

Несмотря на то, что научно-техническая революция и связанные с ней рост промышленности, унификация культуры в результате распространения радио и телевидения привели к снижению престижа этнических культур и нарушению механизма трансляции традиций, необходимо уделять этому больше внимания. Процесс деэтнизации культуры в мире вызывает протест в обществе, выражающийся в росте этнического самосознания и в некоторых элементах традиционных культур.

Особенно важно создать благоприятные условия развития провинциальной культуры, найти новые пути и формы взаимодействия ее этнокультур с целью взаимообогащения. Причем акцент необходимо сделать на интенсивном усвоении и развитии гуманитарной культуры, общечеловеческих ценностей. Понятно, что это непросто, но следует осознать, что высокий уровень культуры и образованности населения — важнейшее богатство, залог демократии, существенный фактор успешного развития экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мордовский народный костюм: Альбом / Сост. и авт. текста Т. П. Прокина, М. И. Сурина. Саранск, 1990. С. 33.

[2] См.: Связь времен и традиций: коллекция Саранского художественного училища им. Ф. В. Сычкова. Саранск, 2006.

Поступила 23.03.07.

М. Г ХРУЩЕВА

ЭСТЕТИКА ПРИРОДЫ В ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ УДМУРТОВ

Гармония окружающего человека мира, плавность линий пейзажа, одухотворенные поэтически, обусловили формирование в народном художественном сознании основных критериев прекрасного («красивого»). Соотнесение красоты внешнего мира (природы) и мира человека побуждало переносить знаки прекрасного на мир дома. При построении *модели* художественного сознания этноса мы соотносим изначальные факторы *природа — человек — его художественная деятельность*, возможно, оставшиеся в генетической художественной памяти, а также воспринятые и воспитанные традицией.

В песенной поэзии удмуртов, как и в песенной поэзии мордвы, мари, находим стереотипы, которые можно разделить на несколько категорий и групп: образы, сравнения, связанные с природой (флорой и фауной); образы, сравнения, связанные с человеком и его окружением, взаимоотношениями с родственниками, друзьями, соседями; любовная символика; философские и эмоциональные образы, выражаемые определенными символами (счастье и несчастье, встреча и разлука, неразделенная любовь); возраст (детство, отрочество, юность, старость), излюбленные числа (числовая символика) и др. Их довольно сложно дифференцировать по историческим слоям, в некоторых случаях можно наметить жанровые и региональные дефиниции, однако необходимо сначала выделить их в целом из текстов песенной поэзии вне жанров и функции.

Образ природы выступает в песенной поэзии удмуртов в двух категориях. Первая — «эстетически объективный» образ реального окружающего мира, вторая категория — единство

ХРУЩЕВА Маргарита Геннадиевна, профессор кафедры теории и истории музыки Астраханской государственной консерватории, кандидат искусствоведения.

природы и человека, его деятельности. В песенной поэзии содержится собирательная картина окружающего удмуртов мира, причем сочетаются и древние и более поздние образы окружающей природы. В природе все изначально красиво. В образе природы, растворенной в песенной поэзии, встречаем обе категории.

В песенной поэзии удмуртов не встречается описания неба, однако в легендах, мифах есть изначальный цвет неба при сотворении мира, когда были только небо, вода и солнце, хозяин неба Инмар, хозяин воды Вукузе[1]

Образ уральских таежных лесов явно идет от прапермской и даже от прафинно-угорской общности, когда праудмурты и их потомки жили на таежной хвойной территории, лес всегда густой, хвойный, высокий.

В песенной поэзии часто упоминаются животные. Это дикие животные, рыбы, промысловые пушные звери и птицы, характерные для хвойных, смешанных лесов; птицы связаны с лесами и водоемами Волго-Камья.

Если сопоставить образы природы в песенной поэзии родственных этносов — марийцев и мордвы (мокша и эрзя), а также чувашей, в этногенез которых влились финно-угорские племена, то оказывается, что картина природы несколько иная. «Пейзажные» образы минимальны у марийцев, достаточно скупы (по перечню) у мордвы. Они отражают суровую, но равнинную природу. Образ природы у мордвы более разнообразен и больше связан с горами. Необходимо отметить, что территория современного проживания мордвы горными ландшафтами не богата. Можно предположить, что образ «горы» — поэтическая историческая память о былой территории проживания. Однако с мифологической точки зрения «гора» — это образ «высшего мира», объекта поклонения.

В песенной (прежде всего обрядовой) поэзии удмуртов преимущественно главенствует образ густого, хвойного леса, у марийцев преобладают образы лиственных деревьев (береза, дуб, осина, клен, липа; также орешник и черемуха). Из хвойных деревьев фигурирует только *ель*, а марийские леса — хвойные (прекрасные сосновые боры, сосново-еловые леса) и смешанные (сосны, ели, березы, осины, причем часто встречаются сосново-березовые). Перечень деревьев характерен для природы Среднего Поволжья и ближе к Верхней Волге.

В мордовских песенных текстах находим весьма малый перечень деревьев (береза, ель, сосна). И это при том, что у мордвы, как и у марийцев и удмуртов, издавна существует культ священных деревьев — покровителей рода (возможно, что у мордвы существовало своего рода «табу» на упоминание священных деревьев в бытовой песенной поэзии). В песенных текстах чувашей преобладают образы деревьев лиственных пород (береза, дуб, вяз, ива, ольха, клен, калина, можжевельник, орешник), из хвойных — только ель. Встречается также образ «дремучая чаща». В перечне лиственных деревьев преобладают деревья Среднего Поволжья, однако встречаются деревья, характерные для южной полосы (вяз, ива). Это совпадает в какой-то степени и с «пейзажными» образами (Среднее Поволжье и южные степи, где когда-то расселялись кыпчаки Нижнего Поволжья, через эти степи прошли и булгары). В татарской песенной поэзии упоминаются лиственные деревья (верба; береза; вяз).

Итак, «общими» деревьями в песенной поэзии удмуртов, марийцев, мордвы, чуваш, татар являются береза, ель; дуб, клен, орешник — у марийцев и чувашей; верба упоминается в песнях татар.

Примечательно, что по представлениям удмуртов, дерево не только имеет душу, но и «кровнородственно» взаимосвязано с человеком. А. Измайлова пишет: «Человек мог превратиться в дерево. Или, наоборот, дерево принимало человеческий облик. У древних удмуртов существовал обычай „оглавления" ели, согласно которому, перед уходом на службу в армию мужчина рубил сучья на верхушке выбранной им ели, „оформлял" голову, лицо, шею, придавая таким образом дереву сходство с самим собой. Если он умирал, высыхало и дерево, им оглавленное»[2] Дерево в религиозной системе удмуртов, марийцев и мордвы было связано с определенным божеством.

Бережное отношение к природе характерно этике и эстетике удмуртов, оно регулировало обрядовое поведение и повседневный быт. Так, по свидетельству С. Н. Виноградова: «Были табу и по отношению к деревьям. В древности разрешалось использовать для своих нужд только валежник, бурелом. Впоследствии, когда приходилось спиливать живое дерево, совершался обряд: на пень спиленного дерева с

молитвами клали различные продукты, прося прощения у души спиленного дерева»[3] Из плодовых (ягодники, садовые растения) в песенной поэзии удмуртов наиболее распространены лесные ягоды (земляника/клубника, смородина). Также много образов связано с цветами, прежде всего луговыми, полевыми, и любимым цветком италмас, а также садовыми (шиповником, розой).

В текстах удмуртских песен (в метафорах и сравнениях) упоминаются звери (промысловые) и птицы лесов Волго-Камья (в обрядовых песнях — древние, охотничьи). У родственных этносов (марийцев, мордвы, соседствующих по территории — чувашей, татар) перечень птиц различается по составу. Совпадают по упоминаниям в песенной поэзии лесные птицы (кукушка, соловей) и домашние (курица, гусь). У марийцев и мордвы — иволга, голубок/голубка, лебедь. Наибольшее разнообразие перечня птиц находим в чувашской песенной поэзии. Минимум лесных птиц — у марийцев. У чувашей не упоминаются лебедь (священная птица финно-угров, в том числе и удмуртов), утка, зато есть образ орла (распространенный в древних песенных текстах тюрков и ойрат-монголов). Симптоматично, что в песенной поэзии соседних и родственных удмуртам этносов образы животных встречаются не столь часто. Из лесных промысловых — лиса (у мордвы). У низовых чувашей из образов диких животных в текстах песен сборника М. Кондратьева обнаружено только три: олень, лев, заяц[4] Из домашних животных только один общий образ — коня. У марийцев в песнях упоминаются также корова/телка, овца/ярочка.

Систематизация образов-символов песенной поэзии дает возможность реконструировать картину природы предков современных удмуртов: густые хвойные таежные леса с высокими старыми елями, высокими «корневыми» соснами; в лесах обитают промысловые пушные звери и птицы, издревле служившие товаром для торгового обмена. В заговорах и легендах упоминаются болота «на тысячу верст», что, возможно, относится к древней истории праудмуртов прапермской или прафинноугорской общности, вынужденным миграциям, связанным с вторжениями индоиранских или ираноязычных, угорских, тюрко-угорских, а затем тюркских племен. Более поздними наслоениями в образе природы

являются лиственные или смешанные леса, а также одиноко стоящее дерево; птицы, характерные для смешанных и лиственных лесов; луга и луговые цветы, речки с местными названиями. Лесные ягоды также характерны для лиственных и смешанных лесов. Лесные цветы в песенной поэзии не упоминаются. Флора и фауна природы второго слоя образов в песенной поэзии типична для Волго-Камья и, вероятно, эти образы-символы сложились уже в период устойчивого обитания удмуртов на данной территории.

Вторая категория образов природы отражает мир человека: это дом, подворье, поле, луг, речка с ивами. У дома растут яблони, черемуха, шиповник-роза. Устойчивы образы поля: оно светится пшеницей с серебряным стеблем золотыми колосьями или с золотым стеблем, серебряными зернами. В песенных текстах упоминаются также пчелы, лошади, скот (без детализации).

Образы песенной поэзии корреспондируют с текстами удмуртских молитв/куриськонов, однако в них сложился особый поэтический круг, обращенный к божествам и покровителям рода. Доминируют в них образы, связанные с хлебом, скотом, охотой. В. Е. Владыкин считает, что в куриськонах (он называет их молитвами-заклинаниями) сконцентрирован идеальный образ благополучной жизни земледельца[5]

В песенной поэзии народов Волго-Камья видим разноэтничность, но в то же время и «переклички образов». Особо выделяется образ детства. Так, у марийцев детство ассоциируется с ядрышками ореха, у чувашей — белые цветочки земляники, но ореховые «ядрышки» — это родители, родня. У марийцев родители — яблоневый сад, яблоко, яблочки, так же как и у чувашей — яблоки, золотые яблочки. У чувашей родня также имеет образы кустов калины, кустов ивы. У марийцев образ родителей и образ отца — пчелиный улей, образ матери у марийцев и мордвы — пчелиная матка (отголоски древнего лесного бортничества). Также образ отца у марийцев — кукушка, мать — кукушка, крыло кукушки. У мордвы — вечерняя или утренняя заря.

У марийцев и чувашей дети, ребенок ассоциируются с «ядрышками ореха». У мордвы — только растительные образы: маковый цветочек, цветочек лазоревый, голубой, бело-розовый, красивый малиновый листочек, растущая березка. У чувашей образ ребенка ассоциируется также

с черной ласточкой с раздвоенным хвостом. У татар сыночек — «медовенький». В отношении дочерей и сыновей больше образов отдано дочерям: дочка — соловушка, сизый голубок, белый лебедь (марийцы); боярышня, красивый малиновый листочек, уточки с гладкими головками, ласточки с красивыми голосами (мордва).

Отдельные образы родственников имеются лишь в песенной поэзии марийцев. Старший брат у марийцев: боярин, ласточка, соответственно — его жена (сноха) — боярыня, крыло ласточки. Младший брат и младшая сестра имеют «парный образ»: летняя бабочка, крыло бабочки; также младшие брат и сестра у марийцев — «маков цвет». У чувашей сестра имеет образ зайца.

У марийцев друг: цветок клубники, желтое яблочко, дубовая роща, жемчужина; подруга — цветок, цветок земляники, березовая роща. Любимая девушка — цветок. Девушка, девушки: у марийцев — мак на грядке, у мордвы — голубка, стая гусей, стая уток; боярышня.

В удмуртской песенной поэзии идеальным образом красоты становится не только природа, но и *собирательный образ девушки,* девушки-невесты, причем ни в одном песенном тексте этот образ не дается в своем полном облике, он растворен во множестве песенных текстов и может быть лишь реконструирован.

Идеальный образ антропо-красоты девушки (невесты), создаваемый поэтическими средствами, связан с образами родной природы и скрыто — с древними культами деревьев, воды, птиц, животных, некоторых растений, часть которых имеет и воршудно-родовой смысл (выступая в качестве покровителя рода — воршуда), а также с обыденной жизнью в ее эстетическом переосмыслении. Интересно, что образ жениха явно проигрывает в яркости и разнообразии сравнений, метафор, в песенной поэзии он весьма блеклый. Жениха чаще всего сравнивают с ястребом, коршуном, одиноким журавлем (в паре с одинокой журавлихой — девушкой-невестой), с цветком италмас.

В песенной поэзии находим обобщенный образ девушки, включая и расцветку одежды. Сопоставляя цветовую гамму одежды по данным этнографов, обнаруживаются некоторые расхождения. Так, для одежды удмуртов XVIII — середины XX в. характерны следующие сочетания: северные

удмурты — белый фон (выбеленный холст) и красный узор; южные удмурты — пестрядинная ткань с преобладанием красного и синего цветов. Варежки и чулки пестрые, фон белый, коричневый, узор — цветной.

Белый цвет одежд издревле считался ритуальным, а красный — оберегом и против сглаза. Эти цвета, по мнению К. М. Климова, связаны с культурой земледельцев и культами солнца, луны, огня[6] В то же время удмуртской мифологии характерен «цветовой треугольник: белый — красный — черный, восходящий к общему финно-угорскому мироощущению, а точнее — к транснациональному цветовому архетипу»[7] В вышивке удмуртов, в том числе и одежды, основной цвет красный, в сочетании с синим, голубым, светло-зеленым, желтым и черным.

При всем разноцветии преимущество имеют белый (фоновый) цвет, красный — узорчатый, а также синий/голубой, зеленый, желтый, т. е. основные цвета окружающей природы. Необходимо учитывать и то, что удмурты издревле использовали природные красители из трав, цветов, плодов и веток деревьев, кустарников, что давало мягкие, теплые тона, естественно сочетающиеся. При описании удмуртов Сарапульского уезда Г. Е. Верещагин замечает: «В одежде завьяловского вотяка замечается особенная пестрота; преобладающий цвет в ней синий, как и у русских... любимые цвета женщин — красный и малиновый, а также голубой»[8].

Цветовой образ одежды девушки и девушки-невесты в песенной поэзии удмуртов отражает, вероятно, не только местные цветовые сочетания, но и некий колористический эстетический идеал с заложенной в нем символикой цвета, связанной не столько с одеждой, сколько с эмоционально-психологической сферой. Поэтому в цветовых образах песенной поэзии смыкаются эстетический идеал и эмоционально-психологическая символика. Каждый из цветов и оттенков в песенной поэзии удмуртов имеет свою образную шкалу: черный — опасный, потусторонний, водяной. Исключение — черная смородина (глаза девушки); белый — чистый, светлый, небесный, облака, снег, платок, цветы черемухи (весна, праздник); белая утренняя роса; родничок (белый = = чистый), лебедь (священная птица); синий — облака, цветы; голубой — глаза (красивые, счастливые) и т. д.

Заказ № 6759

В заговорах Т. Г. Владыкина выделяет следующие образы: недоступный, оберегающий (железный, медный, серебряный, золотой, огненный); священный, оберегающий (белый, небесный); потусторонний, опасный (черный, водяной); обереги (рябина, проросшая сквозь муравейник от колдовства)[9]

В удмуртской календарной и свадебной песенной поэзии цветовые символы несут в себе эмоциональные знаки, есть также бытовые аналоги, связанные с природой. Другие песенные жанры (гостевые, лирические) экстраполируют эстетическое восприятие природы на отношения людей и их обыденную жизнь.

Особая роль принадлежит числовой символике. Она имеет магические функции (в заговорах, куриськонах), и некоторые конкретные (чаще всего обрядовые) реалии, трансформирующиеся в обобщенные числовые символы. Наиболее часто повторяются числа 3; 7; 12; 77 (причем возникают пары чисел 7—8 и 77—88), 1000 (множество). Встречаются также «множество», «неисчислимое». В текстах песен, заговоров, куриськонов наиболее типичны сочетания чисел в последовательности: 7—8; 9—3; 3—3—1000 и 1000; 12—30—1000; 30—12—1000; 77—88/88—77.

Числовая символика осталась в заговорах, молитвах-куриськонах, свадебных песнях и редко — в других песенных текстах, в основном календарных обрядовых песнях. В рекрутских, девичьих, лирических песнях числа упоминаются в связи с возрастом, другими бытовыми реалиями. Отметим, что в опубликованных песнях северных районов Удмуртии в текстах нет ни чисел, ни определений цвета, тогда как в песнях южных удмуртов они присутствуют достаточно часто.

Таким образом, в обрядовой песенной поэзии удмуртов сложилась исторически многослойная гармоничная система художественных образов природы и цветовой символики, обусловленная жизненной средой. Ранний слой образов-символов природы сформирован в периоды прафинно-угорской общности и праудмуртской культуры. В традиционной обрядовой песенной поэзии и доныне прослеживается дифференциация, отражающая этногенез и культурные контакты этнических групп удмуртов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мифы, легенды и сказки удмуртского народа / Литературная обработка Н. Кралиной. Устинов, 1986. С. 13.

[2] *Измайлова А. С.* Мифопоэтическая образность в лирике Флора Васильева. Образ мирового дерева // Вестн. Удмуртского университета. 1992. № 6. С. 59.

[3] *Виноградов С. Н.* Элементы традиционного мировоззрения удмуртов // Вестн. Удмуртского университета. 1992. № 6. С. 37.

[4] См.: Песни низовых чувашей: Сб. песен: в 2-х кн. / Сост., предисл., коммент., указатели М. Г. Кондратьева. Чебоксары, 1981. Кн. 1. Чебоксары, 1982. Кн. 2.

[5] См.: *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 298—299.

[6] См.: *Климов К. М.* Удмуртское народное ткачество. Ижевск, 1979. С. 19.

[7] *Лебедева Т. Н., Шибанов В. Л.* Случайна ли смерть Лади? (Мифопоэтическое мышление М. Петрова в поэме «Италмас» // Вестн. Удмуртского университета. 1992. № 6. С. 55.

[8] *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сосновского края // Записки Императорского общества по отделению этнографии. Т. XIV. Вып. 2. СПб., 1886. С. 51.

[9] См.: *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор. Проблемы жанровой эволюции и систематизации. Ижевск, 1997. С. 82.

Поступила 22.03.07.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

5—7 октября 2007 г. на базе Белгородского государственного университета проходила Межрегиональная научно-практическая конференция «Социальная экология в изменяющейся России: проблемы и перспективы». Учредителем конференции выступили Российский гуманитарный научный фонд, Администрация Белгородской области и Белгородский государственный университет.

На участие в конференции поступило более 200 заявок ученых и специалистов из 26 регионов России (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Орел, Казань, Пенза, Ульяновск, Нижний Новгород, Смоленск, Саранск, Тюмень, Томск и т. д.). В конференции приняли участие ученые, преподаватели и сотрудники 39 вузов, 8 научно-исследовательских институтов и центров, школьные учителя, представители сферы производства, управления, охраны окружающей среды и др.

В приветственном слове заместителя губернатора Белгородской области, Секретаря Совета безопасности **С. А. Литвинова** отмечены актуальность и значимость конференции. Исследования ученых, проведенные во многих странах мира, показали, что социально-экономическое развитие общества XX в., ориентированное на быстрые темпы экономического роста, породило беспрецедентное причинение вреда окружающей природной среде. Человечество столкнулось с противоречиями между растущими потребностями мирового сообщества и невозможностью биосферы их обеспечить. При этом цивилизация, используя технологии, разрушающие экосистемы, не предложила, по сути, ничего, что могло бы заменить регулирующие механизмы биосферы. Устранение сложившихся противоречий возможно лишь в рамках устойчивого и безопасного социально-экономического развития общества, не разрушающего своей природной основы.

Открыл пленарное заседание профессор кафедры социальной работы БелГУ **В. В. Бахарев.** В докладе «Становление и развитие социальной экологии» он выделил этапы развития социальной экологии, отражающие рост экологических знаний, их проникновение в широкие слои общественности и повышение экологической активности социума, возрастание тревоги и озабоченности по поводу состояния мировой окружающей среды и будущих судеб человечества. Подробно были раскрыты особенности развития социальной экологии на каждом этапе, проведен сравнительный анализ взглядов российских и зарубежных ученых на предмет, структуру, функции, методы социальной экологии как науки и учебной дисциплины, обозначены основные проблемы и перспективы развития.

Большой интерес у участников конференции вызвал доклад профессора кафедры философии БелГУ **Е. А. Антонова** «Ценностно-мировоззренческие аспекты современных социально-экологических исследований». Докладчик подчеркнул необходимость разработки новой парадигмы отношения человека к природе с учетом достижений освоения исторического опыта в области экологии. По его мнению, на смену парадигме переходного общества, являющейся,

прежде всего, «ресурсной», истощительной, а не воспроизводственной, накопительной, должна прийти интеллектуально центрированная парадигма общественного развития, путеводной звездой которой является социально-экологический идеал.

Доклад доцента кафедры социальной работы БелГУ **М. Е. Поленовой** «Социоприродное пространство экологической культуры» раскрыл содержание социоприродного пространства как особой формы объективной реальности социогенного и технологического характера, обладающего свойствами саморегуляции, самоподдержания, и оказывающего на людей различные виды воздействия, стимулирующие их активность, детерминирующие экокультурные поведенческие реакции и даже образ мысли.

Особое внимание и наибольшее количество вопросов из зала вызвал доклад эксперта Советы Европы по проблемам социальной экологии и устойчивого развития профессора **Н. М. Мамедова** «Социальная экология и образование для устойчивого развития». Докладчик подчеркнул, что социальная экология становится методологической основой согласования различных областей человеческой деятельности с возможностями природы. Именно поэтому социально-экологические знания приобретают особый смысл и значение в решении проблем перехода современного общества к устойчивому развитию. Н. М. Мамедов отметил, что объединяющий фактор цивилизации — экологическая культура, отражающая новый способ адаптации и форму общения людей, не имеющая пространственно-временного ограничения. Экологическая культура становится мерой цивилизованности общества. Она становится не чем-то желательным, а обязательным требованием жизни мирового сообщества.

Завершала первое пленарное заседание профессор кафедры педагогики БелГУ **В. С. Шилова** «Социально-экологическое образование студентов: сущность, принципы осуществления, содержание», отметившая, что опора на выявленную сущность социально-экологического образования студенческой молодежи, основные компоненты его содержания, принципы организации и управления этим процессом позволят в рамках подготовки к профессиональной деятельности решать не только задачи формирования готовности к избранной профессии, но и задачи становления гармоничных социально-экологических отношений в настоящем и будущем.

На втором пленарном заседании заслушаны доклады профессора БГТУ **И. А. Ильяевой** «Природно-техногенный компонент городской среды обитания», директора Московского центра «Видеоэкология» **В. А. Филина** «Видеоэкология города», заведующего кафедрой философии БелГУ профессора **В. П. Римского** «Экология терроризма и проблемы региональной безопасности». Эти доклады, иллюстрированные электронными слайдами, переросли в конструктивную дискуссию между докладчиками и участниками конференции.

Дальнейшая работа конференции проходила в форме «круглых столов» (секций). Была организована «студенческая секция». Тематика секций включала теоретические и прикладные проблемы социальной экологии, сохранение биологического и социального здоровья, социально-экологические проблемы природопользования и оптимизации

жизненного пространства человека и общества, проблемы формирования экологической личности.

В целом, представленные участниками конференции доклады по различным направлениям социально-экологических исследований, проводимых в регионах России, отразили широту их проблематики и содержания, новые научные результаты, свидетельствовали о тесной взаимосвязи социально-экологической науки, природопользовательской и природоохранной практики и образования.

На итоговом пленарном заседании было отмечено, что конференция продемонстрировала необходимость регулярных и более тесных контактов между учеными регионов России. Заметно оживившиеся научные исследования в сфере социальной экологии наблюдаются не во всех регионах России, их сотрудничество с РГНФ при проведении и финансировании региональных конкурсов не столь активно. Одобряя деятельность РГНФ по поддержке отечественной социально-экологической науки, конференция предложила поддержать проводимую РГНФ политику, направленную на максимальное привлечение финансовых ресурсов регионов для развития социально-экологических научных исследований в рамках региональных конкурсов.

Подводя итоги конференции, член оргкомитета профессор Н. М. Мамедов отметил высокий уровень ее организации на базе БелГУ, качество изданного сборника материалов конференции. Он подчеркнул, что положительный опыт БелГУ по организации научных исследований должен быть востребован, а университет мог бы стать площадкой обобщения опыта научных социально-экологических изысканий Центрального региона для придания им большего динамизма.

В резолюции конференции отмечается необходимость раз в два года проводить на базе БелГУ научно-практические конференции по проблемам социальной экологии в контексте устойчивого и безопасного развития, создания координационного совета по выработке решений в области социальной экологии, охватывающего различные сферы и структуры. С целью привлечения общественности следует шире освещать проблемы социальной экологии в СМИ в контексте идей устойчивого развития, активизировать исследования в области видео-экологии, способствовать созданию в регионах специальных служб. На базе БелГУ организовать издание журнала «Социально-экологические исследования». Внедрять социально-экологические установки в систему общего и высшего образования. Обратиться в Министерство образования и науки РФ с предложением о введении учебного предмета «Экология России и устойчивое развитие».

В. В. БАХАРЕВ,
профессор кафедры социальной работы Белгородского государственного университета, доктор социологических наук

М. С. ГНЕЗДОВА,
ассистент кафедры социальной работы Белгородского государственного университета

О. В. КОЗИНА,
ассистент кафедры педагогики Мордовского государственного университета

ANNOTATIONS

G. Davis, S. A. Erofeev. The Regional and the Global in the Contents of Cultural Production under Change.

The problems of regional responses towards globalisation challengers from the point of view of cultural institutes and processes' role are treated in the article. Changes in the character of the cultural production are conceptualised in the contents of liberalisation and diversification. Current tasks of inter-discipline researches of the regionalisation phenomenon on the basis of the peculiar role of regional cultural agents are discussed.

R. V. Tikhonov. Philosophical and Anthropological Measurement of Socio and Cultural Human Being's Models in the Contents of the Regional and the Peripheral.

Philosophical and anthropological aspects of the regional and the peripheral (in the framework of socio and cultural integrity) after the example of the methodology of comparative analysis of socio and cultural human being's models are treated in the article.

A. Yu. Zavalishin. Territorial Interest as Factor for Territorial Behaviour.

Basic methodological approaches to the analysis of territorial interest as factor for territorial behaviour of different individuals are presented.

S. V. Elizarov. Historical Component of Region's Image Formation Mechanism.

The article contains the description of the mechanism for the formation of positive image of Russian regions with the application of historical component as active instrument in the course of the positive image of the territory creation which is impressed in different practical forms of image activities.

L. V. Gulyaeva. Role of Political Advertising in the Electoral Process.

Expert evaluation of the role and the place of the political advertising in the present day electoral process both on the federal and on the regional levels, positive perspectives for its development, problems of legal regulation of political advertising, estimated trends in the electoral technologies are treated in the article.

M. I. Zagidullin. Electoral Process Administration in the Federal Republic of Germany.

The contents of electoral process administration in the Federal Republic of Germany are treated in the article. Evaluation of inter-political struggle, German state power bodies activities efficiency in the course of holding the election is given.

A. V. Blikanov. Problems of Legal Regulation of Budget Control in the Region.

The activity of state power bodies responsible for financial control is highlighted in the article. Offers aimed at modernisation of their activity after the example of the Kabardino-Balkar Republic are formulated.

V. M. Pashin. Certain Peculiarities of Legal Bodies Administration in the Conditions of Outer-Regional and Inter-Regional Factors Influence.

Definition of outer-regional and inter-regional factors influencing on legal bodies administration in the Russian Federation constituent entities is given in the article; their index is presented.

L. F. Petrozhitskaya. Certain Inter-Regional Relations of the Russian Federation Constituent Entities with Commonwealth of Independent States.

Classification of the Russian Federation constituent entities based on their relations with Commonwealth of Independent States is offered in the article. There are regions which lack such relations; regions with low rating of international activity, with stable international relations and the group of regions with high rating activity. Each group of regions is briefly characterised.

E. V. Sibirskaya, O. A. Startseva, N. V. Pyanova. System Administration of Regional Economy.

Basic principles of the system approach towards regional economy administration as well as conceptual provisions and criteria for state regional economic policy implementation are presented in the article.

S. B. Badmaev, V. M. Erdneeva. Priorities in Regional Industrial Police Formation.

Main problems, goals and targets in regional industrial police formation, factors hampering its optimisation are analysed in the article.

S. A. Gavryushin. Marketing Strategies of Regional Commercial Banks.

Definition of regional commercial banks marketing strategies is given in the article. Their classification as well as approaches to banks' competitiveness provision are presented in the article.

O. A. Semenova. Administration of Active Part of Basic Production Assets of Machine-Building Productions Renovation.

Basic approaches to renovation of basic production assets of machine-building productions, degree of their amortisation and utilisation structure as well as structure of investments into fixed capital of the Republic of Mordovia are presented in the article.

M. M. Geraskin. Territory of Experimental Agri-Cultural Enterprises in the Region on the Basis of Agri-Landscape Microzonation Organization.

The idea that microzonation of the territory of agricultural enterprises and farms promotes taking better grounded prior to project and project land use decisions in the course of foundation of the basis for further agricultural production development, increase of agri-sphere sustainability in the course of natural and anthropological pressures, economic efficiency and ecological security of land utilisation is substantiated.

N. N. Melkina, I. N. Zhuravlev. Present State and Perspectives for Agricultural Machine Building in the Region.

Present day state of agricultural machine building both in Russia and in the Republic of Mordovia are analysed in the article. Implementation of the number of strategic tasks in the development of domestic agricultural machine building aimed at its competitiveness increase is offered.

E. A. Echmaev. Present State of Regional Dairy Market.

Analysis of the present day state in the market of dairy products of the Republic of Mordovia is presented. Reasons hampering its development are highlighted; offers for its optimisation are made.

Yu. A. Shukshina. Alcohol Products Consumption Structure in the Region.

The article is devoted to the analysis of the market of alcohol products in the Republic of Mordovia and to the research of tendencies in the demand and consumption structure of alcohol drinks changes in the Privolzhsky Federal District.

G. I. Gumerova, E. Sh. Shaimieva. Technological Competitiveness in Chemical and Petrochemical Complexes on the Threshold of Russia's WTO Entering.

An attempt to analyse technological competitiveness in chemical and petrochemical complexes in Russia, the level of innovation elaborations at the enterprises and the perspectives for their functioning in the WTO conditions is made.

S. F. Ostapyuk. Peculiarities and Mechanism for Development Programmes Elaboration in Science and Technical and Innovation Spheres.

A number of conceptual problems of development programmes elaboration in the course of their design and implementation are treated in the article; stages in its formation are presented.

V. T. Volov. Higher Professional Education Development Administration and Information and Communication Educational Technologies in the Region.

The possibilities of application of innovation methods of analysis and administration of regional educational system are considered in the article. Perspectives for regional education scheming with telecommunication education technologies application are analysed.

L. Z. Baiguzina. Innovation and Investment Attractiveness of Regional Universities in Market Conditions.

Economic essence of the notions of «innovations» and «investments» in higher education is viewed in the article. Factors and indices influencing investment attractiveness of a university are brought to light. Methods for investment attractiveness are presented.

A. L. Kuzevanova. Regional Aspect in Modern Business Education.

The article is devoted to the analysis of the experience of business education implementation in the Volgograd Region. Arguments proving the objective necessity of business education are presented. Specificity of business education and its principal differences from the traditional education system are analysed; the perspectives for its development in the Volgograd Region are defined.

T. V. Kirillova. Social and Psychological Climate of a University as Factor for Corporative Culture Formation.

Social and psychological climate in the Ulyanovsk State University and its influence on the formation of professors', readers' and students' corporative culture formation are analysed in the article.

O. I. Klyuchko. Gender Integration into Higher Pedagogic Education of the Region.

The process of gender approach integration into higher pedagogic education of Mordovia is analysed in the article.

M. S. Grishina. Problem of Personnel Procurement in Children Additional Education System.

Problems in the system of children additional education in general and personnel procurement of the system in particular as well as social status of teachers are analysed. Ways for further development of personnel procurement in the system of children additional education are offered.

E. V. Sekotova. Formation of Musical Education in Mordovia.

History of musical education formation in the Republic of Mordovia, activities of music teachers who laid the basis for it are analysed in the article.

D. Yu. Matveev. Social and Sociological Resources of the Region.

On the basis of the results of sociological inquiry an attempt to measure the level of social and psychological resource of the Belgorod Region is made. The inquiry included social health and level of social protection of population.

A. A. Sychev, L. V. Starodubtseva, K. V. Fofanova. Communication Practices of Representations and Formation of Teacher's Status in the Region.

The process of the teacher's status formation in the Republic of Mordovia is analysed in the article. Significant role of regional mass media in this process, news-papers, in particular, is stressed.

N. Kh. Muginova. Family Life as Factor for City Teacher Labour Activity Quality.

On the basis of the inquiry of teachers from Naberezhnye Chelny the author analyses household conditions of a city teacher and their influence on the development of teachers' labour activity development.

M. N. Reut. Social Orientations of Young People with Limited Abilities.

Comparative analysis of social orientations of young people with limited abilities and healthy young people is carried out in the article. The specificity of social orientations and life strategies of the disabled is brought to light.

G. B. Moiseeva. Sociological Aspect of Tourism Development in the Region.

Possibilities and perspectives of different kinds o tourism in the Penza Region are analysed in the article.

O. V. Izhbulatova. Personnel Potential of Regional Industrial Enterprise.

Personnel potential of OJSC «Ruzkhimmash» (town of Ruzaevka) is analysed in the article. The conclusion that the enterprise possesses a significant personnel potential is made. Personnel motivation system aimed at qualification increase is presented.

S. M. Kuleshov. Professional Career of Russian Military Air Force Officers.

On the basis of the results of sociological research the analysis of basic indices of the success of Russian military air force officers is carried out; categories of its success as well as types of career orientations are determined.

A. P. Tsybusov, O. A. Zueva, Yu. A. Borodkina. Problem of Necessity to Form Health Caring Behaviour among Russians.

The analysis of day schedule, regime of nutrition, rest, bad habits and relations with medical service of people being cured in hospitals of Saransk is made. The necessity to form health caring behaviour among Russians is stressed.

E. G. Kudaeva. Structure and Dynamics of Disability in the Region.

Reasons and factors influencing the level of disability in the society are considered in the article. Statistics data and the dynamics of the disabled number in the period of 1966—2005 are analysed in the article. Comparative analysis of the number of the disabled both in the region and in Russia is presented.

V. K. Susin, A. V. Susina. Legal Aspects of Accumulative Life Insurance Programmes.

Legal aspects of accumulative life insurance programmes are considered in the article. Advantages and disadvantages of such programmes which are offered by foreign and domestic insurance companies are presented.

N. G. Beltyukova. Young Specialists' Staying in the Village.

The reasons for young specialists' leaving villages for cities in Mordovia are analysed. Further plans for job placing of students of agricultural educational institutions of different levels are considered. Ways for motivating young people to work in the village are offered.

E. A. Petrova. Complex Methods of Monitoring and Estimation of Information Development of the Region.

Original methods of monitoring and estimation of information development of the region are presented in the article. Stages of information development and their contents are brought to light.

M. S. Ulanov. Social and Philosophical Aspects of Buddhism Expansion in Kalmykia.

The analysis of social reasons and social and philosophical grounds in the formation and expansion of Buddhism in Kalmykia is carried out in the article. Different aspects of interrelations between Buddhism, Russian Orthodox Church and official Russian state power bodies in the territory of the region are considered.

E. N. Moiseeva. Socially Orientated Activities of Russian Orthodox Church in the Region.

Traditions of social service of Russian Orthodox Church in the territory of the Republic of Mordovia as well as the process of its reconstruction and development in the post-Soviet time are analysed in the article.

A. B. Tanaseichuk. Regional Factor in Formation and Development of North American Civilisation.

The determining role in the development of the North American Civilisation on the early stage of its formation is shown in the article. The specificity of formation of the USA as the united state is analysed.

V. P. Salnikova. Psycho-Culturological Perspective of Regional Mentality Research.

Regional aspects of the phenomenon of the mentality are considered in the article. Requirements of the present day human being in the adequate self-identification are analysed after the example of the Samara Region culture. The idea of the regional mentality is specialised by the notion «Homo Sapience».

L. V. Kalachina. Phenomenon of «Women's Mask» in Regional Culture.

Basic expressions of the «Women's Mask» as complicated cultural unit, functioning in the regional cultural space, are considered in the article.

A. V. Martynenko. Ethno-National Orientation of Fantasy-Literature.

Fantasy-literature, cultivating ethno-national orientation with the simultaneous adherence to the universal, comprehensible for understanding of broad circles of readers irrespectively of age, sex, nationality, intellectual level, is analysed in the article.

E. B. Neshina. Influence of Provincial Culture and National Costume on Fashion.

Min peculiar influences of provincial culture and national costume on fashion are presented in the article. Combination of national traditions with the tendencies of modern fashion, influence of folk motives on the fashion for the young is shown.

M. G. Khrushcheva. Nature Ethics in Song Poetry of the Udmurts.

The concealed, dispersed in national poetry, ideal aesthetic images and models of poetic song arts of the Udmurt people are considered in the article.

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-публицистический журнал

Учредители — Министерство образования и науки Российской Федерации, Правительство Республики Мордовия, НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н П. Огарева».

Темы журнала — процессы, происходящие в регионах в области экономической, социальной, политической и духовной жизни, проблемы федеративного устройства нашего государства, взаимоотношения федеральных и региональных структур власти, региональная политика в научно-технической сфере, образовании и культуре.

Мы выходим **ежеквартально**.

Подписка на журнал принимается во всех отделениях связи без ограничения по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» «Газеты и журналы».

Подписная цена на 1-е полугодие 2008 г. — **400 руб.**

Индекс журнала **73335**

АВТОРАМ

Статья, представляемая в редакцию, должна соответствовать профилю журнала. Объем статей — до 12 м. с., рецензий — до 6 м. с. Все материалы должны быть помещены на электронном носителе, а также представлены в распечатанном виде. Примечания приводятся в конце. При цитировании и ссылке на те или иные источники необходимо указывать фамилию автора, название книги, место, год издания и конкретные страницы.

В аннотации (8—10 строк) просим кратко изложить содержание статьи.

Рукописи рецензируются. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий и редакторской правкой, а только сообщает о своем решении относительно публикации. Рукописи не возвращаются.

В авторской справке необходимо указать фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень и звание, должность, место работы, домашний адрес, телефон. Просим выслать черно-белую фотографию без уголка (не на электронном носителе), размер 3 х 4 см.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Т. И. Голубчик, Л. В. Калачина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций *С. И. Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Сдано в набор 01.11.07. Подписано в печать 21.12.07. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура JournalCTT. Усл. печ. л. 20,46. Уч.-изд. л. 19,54. Тираж 1 000 экз. I завод — 700 экз. Заказ № 6759.

Адрес редакции: 430000 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95.
E-mail: redreg@mail.ru, rri@moris.ru.
Сайт в Интернете: http://regionologiya.org.ru.

Набрано в НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева».
430000 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ Республиканская типография «Красный Октябрь».
430000 РМ г. Саранск, ул. Советская, 55а.